

О.Генри

Рассказы

Комната на чердаке

Перевод В. Маянц

Сначала миссис Паркер показывает вам квартиру с кабинетом и приемной. Не смея прервать ее, вы долго слушаете описание преимуществ этой квартиры и достоинств джентльмена, который жил в ней целых восемь лет. Наконец, вы набираетесь мужества и, запинаясь, признаетесь миссис Паркер, что вы не доктор и не зубной врач. Ваше признание она воспринимает так, что в душе у вас остается горькая обида на своих родителей, которые не позаботились дать вам в руки профессию, соответствующую кабинету и приемной миссис Паркер.

Затем вы поднимаетесь на один пролет выше, чтобы во втором этаже взглянуть на квартиру за восемь долларов, окнами во двор. Тон, каким миссис Паркер беседует на втором этаже, убеждает вас, что комнатки по-настоящему стоят все двенадцать долларов, как и платил мистер Тузенберри, пока не уехал во Флориду управлять апельсиновой плантацией своего брата где-то около Палм Бич, где, между прочим, проводит каждую зиму миссис Мак-Интайр, та, что живет в комнатах окнами на улицу и с отдельной ванной, - и вы в конце концов набираетесь духу пробормотать, что хотелось бы что-нибудь еще подешевле.

Если вам удастся пережить презрение, которое выражает миссис Паркер всем своим существом, то вас ведут на третий этаж посмотреть на большую комнату мистера Скиддера. Комната мистера Скиддера не сдается. Сам он сидит в ней целыми днями, пишет пьесы и курит папиросы. Однако сюда приводят каждого нового кандидата в съемщики, чтобы полюбоваться ламбрекенами. После каждого такого посещения на мистера Скиддера находит страх, что ему грозит изгнание, и он отдает еще часть долга за комнату.

И тогда - о, тогда! - Если вы еще держитесь на ногах, потной рукой зажимая в кармане слипшиеся три доллара, и хриплым голосом объявляете о своей отвратительной, достойной всяческого порицания бедности, миссис Паркер больше не водит, вас по этажам. Она громко возглашает: "Клара!", она поворачивается к вам спиной и демонстративно уходит вниз. И вот когда, чернокожая служанка, провожает вас вверх по устланной половичком узенькой крутой лестнице, ведущей на четвертый этаж, и показывает вам Комнату на Чердаке. Комната занимает пространство величиной семь на восемь футов посередине дома. По обе стороны ее располагаются темный дощатый чулан и кладовка.

В комнате стоит узкая железная кровать, умывальник и стул. Столом и шкафом служит полка. Четыре голые стены словно смыкаются над вами, как крышка гроба. Рука ваша тянется к горлу, вы чувствуете, что задыхаетесь, взгляд устремляется вверх, как из колодца - и вы с облегчением вздыхаете: через маленькое окошко в потолке виднеется квадратик бездонного синего неба.

- Два доллара, сэр, - говорит Клара полупрезрительно, полуприветливо.

Однажды в поисках комнаты здесь появилась мисс Лисон. Она тащила пишущую машинку, произведенную на свет, чтобы ее таскала особа более

массивная. Мисс Лисон была совсем крошечная девушка, с такими глазами и волосами, что казалось, будто они все росли, когда она сама уже перестала, и будто они так и хотели сказать: "Ну что же ты отстаешь от нас!"

Миссис Паркер показала ей кабинет с приемной.

- В этом стенном шкафу, - сказала она, - можно держать скелет, или лекарства, или уголь...

- Но я не доктор и не зубной врач, - сказала, поеживаясь, мисс Лисон.

Миссис Паркер окинула ее скептическим, полным жалости и насмешки, ледяным взглядом, который всегда был у нее в запасе для тех, кто оказывался не доктором и не зубным врачом, и повела ее на второй этаж.

- Восемь долларов? - переспросила мисс Лисон. - Что вы! Я не миллионерша. Я всего-навсего машинистка в конторе. Покажите мне что-нибудь этажом повыше, а ценою пониже.

Услышав стук в дверь, мистер Скиддер вскочил и рассыпал окурки по всему полу.

- Простите, мистер Скиддер, - с демонической улыбкой сказала миссис Паркер, увидев его смущение. - Я не знала, что вы дома. Я пригласила эту даму взглянуть на ламбрекены.

- Они на редкость хороши, - сказала мисс Лисон, улыбаясь точь-в-точь, как улыбаются ангелы.

Не успели они уйти, как мистер Скиддер спешно начал стирать резинкой высокую черноволосую героиню своей последней (неизданной) пьесы и вписывать вместо нее маленькую и задорную, с тяжелыми блестящими волосами и оживленным лицом.

- Анна Хелд ухватится за эту роль, - сказал мистер Скиддер, задрав ноги к ламбрекенам и исчезая в облаке дыма, как какая-нибудь воздушная каракатица.

Вскоре набатный призыв "Клара!" возвестил миру о состоянии кошелька мисс Лисон. Темный призрак схватил ее, поднял по адской лестнице, втолкнул в склеп с тусклым светом где-то под потолком и пробормотал грозные таинственные слова: "Два доллара!"

- Я согласна, - вздохнула мисс Лисон, опускаясь на скрипящую железную кровать.

Ежедневно мисс Лисон уходила на работу. Вечером она приносила пачки исписанных бумаг и перепечатывала их на машинке. Иногда у нее не было работы по вечерам, и тогда она вместе с другими обитателями дома сидела на ступеньках крыльца. По замыслу природы мисс Лисон не была предназначена для чердака. Это была веселая девушка, и в голове у нее всегда роились всякие причудливые фантазии. Однажды она разрешила мистеру Скиддеру прочитать ей три акта из своей великой (не опубликованной) комедии под названием "Он не Ребенок, или Наследник Подземки".

Мужское население дома всегда радостно оживлялось, когда мисс Лисон находила свободное время и часок-другой сидела на крыльце. Но миссис Лонгнекер, высокая блондинка, которая была учительницей в городской школе и возражала: "Ну уж, действительно!" на все, что ей говорили, садилась на верхнюю ступеньку и презрительно фыркала. А мисс Дорн, догорая по воскресеньям ездила на Кони-Айленд стрелять в тире по движущимся уткам и работала в универсальном магазине, садилась на нижнюю ступеньку и тоже презрительно фыркала. Мисс Лисон садилась на среднюю ступеньку, и мужчины быстро собирались вокруг нее.

Особенно мистер Скиддер, который отводил ей главную роль в

романтической (никому еще не поведанной) личной драме из действительной жизни. И особенно мистер Гувер, сорока пяти лет, толстый, богатый и глупый. И особенно очень молоденький мистер Ивэнс, который нарочно глухо кашлял, чтобы она упрашивала его бросить курение. Мужчины признали в ней "забавнейшее и приятнейшее существо", но фыркание на верхней и нижней ступеньках было неумолимо.

Прошу вас, подождем, пока Хор подступит к рампе и прольет траурную слезу на комплекцию мистера Гувера. Трубы, возвестите о пагубности ожирения, о проклятье полноты, о трагедии тучности. Если вытопить романтику из толстяка Фальстафа, то ее, возможно, окажется гораздо больше, чем в худосочном Ромео. Любовнику разрешается вздохнуть, но ни в коем случае не пыхтеть. Удел жирных людей - плясать в свите Момуса. Напрасно самое верное сердце в мире бьется над пятидесятидвухдюймовой талией. Удались, Гувер! Гувер, сорока пяти лет, богатый и глупый, мог бы покорить Елену Прекрасную; Гувер, сорока пяти лет, богатый, глупый и жирный - обречен на вечные муки. Тебе, Гувер, никогда ни на что нельзя было рассчитывать.

Как-то раз летним вечером, когда жильцы миссис Паркер сидели на крыльце, мисс Лисон взглянула на небеса и с милым веселым смешком воскликнула:

- А, вон он, Уилли Джексон! Отсюда его тоже видно. Все насмотрели наверх - кто на окна небоскребов, кто - на небо, высматривая какой-нибудь воздушный корабль, ведомый упомянутым Джексоном.

- Это вон та звезда, - объяснила мисс Лисон, показывая тоненьким пальцем, - не та большая, которая мерцает, а рядом с ней, та, что светит ровным голубым светом. Она каждую ночь видна из моего окна в потолке. Я назвала ее Уилли Джексон.

- Ну уж действительно! - сказала мисс Лонгнекер. - Я не знала, что вы астроном, мисс Лисон.

- О да! - сказала маленькая звездочетша. - Я знаю ничуть не хуже любого астронома, какой покрой рукава будет осенью в моде на Марсе.

- Ну уж действительно! - сказала мисс Лонгнекер. - Звезда, о которой вы упомянули, называется Гамма из созвездия Кассиопеи. Она относится к звездам второй величины и проходит через меридиан в...

- О, - сказал очень молоденький мистер Ивэнс, - мне кажется, для нее больше подходит имя Уилли Джексон.

- Ясное дело, - сказал мистер Гувер, громко и презрительно засопев в адрес мисс Лонгнекер, - мне кажется, мисс Лисон имеет право называть звезды, как ей хочется, ничуть не меньше, чем все эти старинные астрологи.

- Ну уж действительно, - сказала мисс Лонгнекер.

- Интересно, упадет эта звезда или нет, - заметила мисс Дорн. - В воскресенье в тире от моих выстрелов упали девять уток и один кролик из десяти.

- Отсюда, снизу, он не такой красивый, - сказала мисс Лисон. - Вот вы бы посмотрели на него из моей комнаты. Знаете, из колодца звезды видны даже днем. А моя комната ночью прямо как ствол угольной шахты, и Уилли Джексон похож на большую бриллиантовую булавку, которой Ночь украсила свое кимоно.

Потом пришло время, когда мисс Лисон не приносила больше домой неразборчивые рукописи для перепечатки. И по утрам, вместо того, чтобы идти на работу, она ходила из одной конторы в другую, и сердце ее стыло от постоянных холодных отказов, которые ей передавали через наглых молодых конторщиков. Так продолжалось долго.

Однажды вечером, в час, когда она обычно приходила после обеда из закусочной, она устало поднялась на крыльцо дома миссис Паркер. Но на этот раз она возвращалась не пообедав.

В вестибюле она встретила мистера Гувера, и тот сразу воспользовался случаем. Он предложил ей руку и сердце, возвышаясь над ней, как громадный утес. Она отступила и прислонилась к стене. Он попытался взять ее за руку, но она подняла руку и слабо ударила его по щеке. Шаг за шагом она медленно переступала по лестнице хватаясь за перила. Она прошла мимо комнаты мистера Скиддера, где он красными чернилами вписывал в свою (непринятую) комедию ремарки для Мэртл Делорм (мисс Лисон), которая должна была "пируэтом пройти от левого края сцены до места, где стоит Граф". По устланной половиком крутой лестничке она, наконец, доползла до чердака и открыла дверь в свою комнату.

У нее не было сил, чтобы зажечь лампу или раздеться. Она упала на железную кровать, и старые пружины даже не прогнулись под ее хрупким телом. Погребенная в этой преисподней, она подняла тяжелые веки и улыбнулась.

Потому что через окно в потолке светил ей спокойным ярким светом верный Уилли Джексон. Она была отрезана от всего мира. Она погрузилась в черную мглу, и только маленький холодный квадрат обрамлял звезду, которую она назвала так причудливо и, увы, так бесплодно. Мисс Лонгнекер, должно быть, права: наверно, это Гамма из созвездия Кассиопеи, а совсем не Уилли Джексон. И все же так не хочется, чтобы это была Гамма.

Она лежала на спине и дважды пыталась поднять руку. В третий раз она с трудом поднесла два исхудалых пальца к губам и из своей темной ямы послала Уилли Джексону воздушный поцелуй. Рука ее бессильно упала.

- Прощай, Уилли, - едва слышно прошептала она. - Ты за тысячи тысяч миль отсюда и ни разу даже не мигнул. Но ты мне светил оттуда почти все время, когда здесь была сплошная тьма, ведь правда? Тысячи тысяч миль... Прощай, Уилли Джексон.

В десять часов утра на следующий день чернокожая служанка Клара обнаружила, что дверь мисс Лисон заперта, дверь взломали. Не помогли ни укус, ни растирания, ни жженные перья, кто-то побежал вызывать скорую помощь.

Не позже чем полагается, со страшным звоном, карета развернулась у крыльца, и из нее выпрыгнул ловкий молодой медик в белом халате, готовый к действию, энергичный, уверенный, со спокойным лицом, чуть жизнерадостным, чуть мрачным.

- Карета в дом сорок девять, - коротко сказал он. - Что случилось?

- Ах да, доктор, - надулась миссис Паркер, как будто самым важным делом было ее собственное беспокойство оттого, что в доме беспокойство. - Я просто не понимаю, что с ней такое. Чего мы только не перепробовали, она все не приходит в себя. Это молодая женщина, некая мисс Элси, да, - некая мисс Элси Лисон. Никогда раньше в моем доме...

- Какая комната! - закричал доктор таким страшным голосом, какого миссис Паркер никогда в жизни не слышала.

- На чердаке. Это...

По-видимому, доктор из скорой помощи был знаком с расположением чердачных комнат. Он помчался вверх, прыгая через четыре ступеньки Миссис Паркер медленно последовала за ним, как того требовало ее чувство собственного достоинства.

На первой площадке она встретила доктора, когда он уже возвращался,

неся на руках астронома. Он остановился и своим острым, как скальпель, языком отрезал несколько слов, не очень громко Миссис Паркер застыла в неловкой позе, как платье из негнувшейся материи, соскользнувшее с гвоздя. С тех пор чувство неловкости в душе и теле осталось у нее навсегда. Время от времени любопытные жильцы спрашивали, что же это ей сказал тогда доктор.

- Лучше не спрашивайте, - отвечала она. - Если я вымолю себе прощение за то, что выслушала подобные слова, я умру спокойно.

Доктор со своей ношей шагнул мимо своры зевак, которые всегда охотятся за всякими любопытными зрелищами, и даже они, ошеломленные, расступились, потому что вид у него был такой, словно он хоронит самого близкого человека.

Они заметили, что он не положил безжизненное тело на носилки, приготовленные в карете, а только сказал шоферу: "Гони что есть духу, Уилсон!"

Вот и все. Ну как, получился рассказ? На следующий день в утренней газете я прочел в отделе происшествий маленькую заметку, и последние слова ее, быть может, помогут вам (как они помогли мне) расставить все случившееся по местам.

В заметке сообщалось, что накануне с Восточной улицы, дом 49, в больницу Бельвю доставлена молодая женщина, страдающая истощением на почве голода. Заметка кончалась словами

"Доктор Уильям Джексон, оказавший первую помощь, утверждает, что больная выздоровеет".

Фараон и хорал

Перевод А. Горлина

Сопи заерзал на своей скамейке в Мэдисон-сквере. Когда стаи диких гусей тянутся по ночам высоко в небе, когда женщины, не имеющие котиковых манто, становятся ласковыми к своим мужьям, когда Сони начинает ерзать на своей скамейке в парке, это значит, что зима на носу.

Желтый лист упал на колени Сопи. То была визитная карточка Деда Мороза; этот старик добр к постоянным обитателям Мэдисон-сквера и честно предупреждает их о своем близком приходе. На перекрестке четырех улиц он вручает свои карточки Северному ветру, швейцару гостиницы "Под открытым небом", чтобы постояльцы ее приготовились.

Сопи понял, что для него настал час учредить в собственном лице комитет для изыскания средств и путей к защите своей особы от надвигавшегося холода. Поэтому он заерзал на своей скамейке.

Зимние планы Сопи не были особенно честолюбивы. Он не мечтал ни о небе юга, ни о поездке на яхте по Средиземному морю со стоянкой в Неаполитанском заливе. Трех месяцев заключения на Острове - вот чего жаждала его душа. Три месяца верного крова и обеспеченной еды, в приятной компании, вдали от посягательства Борея и фараонов - для Сопи это был поистине предел желаний.

Уже несколько лет гостеприимная тюрьма на Острове служила ему зимней квартирой. Как его более счастливые сограждане покупали себе билеты во

Флориду или на Ривьеру, так и Сопи делал несложные приготовления к ежегодному паломничеству на Остров. И теперь время для этого наступило.

Прошлой ночью три воскресных газеты, которые он умело распределил - одну под пиджак, другой обернул ноги, третьей закутал колени, не защитили его от холода: он провел на своей скамейке у фонтана очень беспокойную ночь, так что Остров рисовался ему желанным и вполне своевременным, приютом. Сопи презирал заботы, расточаемые городской бедноте во имя милосердия. По его мнению, закон был милостивее, чем филантропия. В городе имелаь тьма общественных и частных благотворительных заведений, где он мог бы получить кров и пищу, соответствовавшие его скромным запросам. Но для гордого духа Сопи дары благотворительности были тягостны. За всякое благодеяние, полученное из рук филантропов, надо было платить если не деньгами, то унижением. Как у Цезаря был Брут, так и здесь каждая благотворительная койка была сопряжена с обязательной ванной, а каждый ломоть хлеба отравлен бесцеремонным залезанием в душу. Не лучше ли быть постояльцем тюрьмы? Там, конечно, все делается по строго установленным правилам, но зато никто не суется в личные дела джентльмена.

Решив, таким образом, отбыть на зимний сезон на Остров, Сопи немедленно приступил к осуществлению своего плана. В тюрьму вело много легких путей. Самая приятная дорога туда пролегла через ресторан. Вы заказываете себе в хорошем ресторане роскошный обед, наедаетесь до отвала и затем объявляете себя несостоятельным. Вас без всякого скандала передают в руки полисмена. Сговорчивый судья довершает доброе дело.

Сопи встал и, выйдя из парка, пошел по асфальтовому морю, которое образует слияние Бродвея и Пятой авеню. Здесь он остановился у залитого огнями кафе, где по вечерам сосредоточивается все лучшее, что может дать виноградная лоза, шелковичный червь и протоплазма.

Сопи верил в себя - от нижней пуговицы жилета и дальше вверх. Он был чисто выбрит, пиджак на нем был приличный, а красивый черный галстук бабочкой ему подарила в День Благодарения (1) дама-миссионерша. Если бы ему удалось незаметно добраться до столика, успех был бы обеспечен. Та часть его существа, которая будет возвышаться над столом, не вызовет у официанта никаких подозрений. Жареная утка, думал Сопи, и к ней бутылка шабли. Затем сыр, чашечка черного кофе и сигара. Сигара за доллар будет в самый раз. Счет будет не так велик, чтобы побудить администрацию кафе к особо жестоким актам мщения, а он, закусив таким манером, с приятностью начнет путешествие в свое зимнее убежище.

Но как только Сопи переступил порог ресторана, наметанный глаз метрдотеля сразу же приметил его потертые штаны и стоптанные ботинки. Сильные, ловкие руки быстро повернули его и бесшумно выставили на тротуар, избавив, таким образом, утку от уготованной ей печальной судьбы.

Сопи свернул с Бродвея. По-видимому, его путь на Остров не будет усеян розами. Что делать! Надо придумать другой способ проникнуть в рай.

На углу Шестой авеню внимание прохожих привлекали яркие огни витрины с искусно разложенными товарами. Сопи схватил булыжник и бросил его в стекло. Из-за угла начал сбегаться народ, впереди всех мчался полисмен. Сопи стоял, заложив руки в карманы, и улыбался навстречу блестящим медным пуговицам.

- Кто это сделал? - живо осведомился полисмен.

- А вы не думаете, что тут замешан я? - спросил Сопи, не без сарказма, но дружелюбно, как человек, приветствующий великую удачу.

Полисмен не пожелал принять Сопи даже как гипотезу. Люди, разбивающие

камнями витрины магазинов, не ведут переговоров с представителями закона. Они берут ноги в руки. Полисмен увидел за полквартала человека, бежавшего вдогонку за трамваем. Он поднял свою дубинку и помчался за ним. Сопи с омерзением в душе побрел дальше... Вторая неудача.

На противоположной стороне улицы находился ресторан без особых претензий. Он был рассчитан на большие аппетиты и тощие кошельки. Посуда и воздух в нем были тяжелые, скатерти и супы - жиденькие. В этот храм желудка Сопи беспрепятственно провел свои предосудительные сапоги и красноречивые брюки. Он сел за столик и проглотил бифштекс, порцию оладий, несколько пончиков и кусок пирога. А затем поведал ресторанному слуге, что он, Сопи, и самая мелкая никелевая монета не имеют между собой ничего общего.

- Ну, а теперь, - сказал Сопи, - живее! Позовите фараона. Будьте любезны, пошевеливайтесь: не заставляйте джентльмена ждать.

- Обойдешься без фараонов! - сказал официант голосом мягким, как сдобная булочка, и весело сверкнул глазами, похожими на вишенки в коктейле.
- Эй, Кон, подсоби!

Два официанта аккуратно уложили Сопи левым ухом на бесчувственный тротуар. Он поднялся, сустав за суставом, как складная плотничья линейка, и счистил пыль с платья. Арест стал казаться ему радужной мечтой, Остров - далеким миражем. Полисмен, стоявший за два дома, у аптеки, засмеялся и дошел дальше.

Пять кварталов миновал Сопи, прежде чем набрался мужества, чтобы снова попытать счастья. На сей раз ему представился случай прямо-таки великолепный. Молодая женщина, скромно и мило одетая, стояла перед окном магазина и с живым интересом рассматривала тазики для бритья и чернильницы, а в двух шагах от нее, опершись о пожарный кран, красовался здоровенный, сурового вида полисмен.

Сопи решил сыграть роль презренного и всеми ненавидимого уличного ловеласа. Приличная внешность намеченной жертвы и близость внушительного фараона давали ему твердое основание надеяться, что скоро он ощутит увесистую руку полиции на своем плече и зима на уютном острове будет ему обеспечена.

Сопи поправил галстук - подарок дамы-миссионерши, вытащил на свет божий свои непослушные манжеты, лихо сдвинул шляпу набекрень и направился прямо к молодой женщине. Он игриво подмигнул ей, крикнул, улыбнулся, откашлялся, словом - нагло пустил в ход все классические приемы уличного пристава. Уголкем глаза Сопи видел, что полисмен пристально наблюдает за ним. Молодая женщина отошла на несколько шагов и опять предалась созерцанию тазиков для бритья. Сопи пошел за ней следом, нахально стал рядом с ней, приподнял шляпу и сказал:

- Ах, какая вы милашечка! Прогуляемся?

Полисмен продолжал наблюдать. Стоило оскорбленной молодой особе поднять пальчик, и Сопи был бы уже на пути к тихой пристани. Ему уже казалось, что он ощущает тепло и уют полицейского участка. Молодая женщина повернулась к Сопи и, протянув руку, схватила его за рукав.

- С удовольствием, Майк! - сказала она весело. - Пивком угостишь? Я бы я раньше с тобой заговорила, да фараон подсматривает.

Молодая женщина обвилась вокруг Сопи, как плющ вокруг дуба, и под руку с ней он мрачно проследовал мимо блюстителя порядка. Положительно, Сопи был осужден наслаждаться свободой.

На ближайшей улице он стряхнул свою спутницу и пустился наутек. Он

остановился в квартале, залитом огнями реклам, в квартале, где одинаково легки сердца, победы и музыка. Женщины в мехах и мужчины в теплых пальто весело переговаривались на холодном ветру. Внезапный страх охватил Сопи. Может, какие-то злые чары сделали его неуязвимым для полиции? Он чуть было не впал в панику и дойдя до полисмента, величественно стоявшего перед освещенным подъездом театра, решил ухватиться за соломинку "хулиганства в публичном месте".

Во всю мочь своего охрипшего голоса Сопи заорал какую-то пьяную песню. Он пустился в пляс на тротуаре, вопил, кривлялся - всяческими способами возмущал спокойствие.

Полисмен покрутил свою дубинку, повернулся к скандалисту спиной и заметил прохожему:

- Это йэльский студент. Они сегодня празднуют свою победу над футбольной командой Хартфордского колледжа. Шумят, конечно, но это не опасно. Нам дали инструкцию не трогать их.

Безутешный Сопи прекратил свой никчемный фейерверк. Неужели ни один полисмен так и не схватит его за шиворот? Тюрьма на Острове стала казаться ему недоступной Аркадией. Он плотнее застегнул свой легкий пиджачок: ветер пронизывал его насквозь.

В табачной лавке он увидел господина, закуривавшего сигару от газового рожка. Свои шелковый зонтик он оставил у входа. Сопи перешагнул порог, схватил зонтик и медленно двинулся прочь. Человек с сигарой быстро последовал за ним.

- Это мой зонтик, - сказал он строго.

- Неужели? - нагло ухмыльнулся Сопи, прибавив к мелкой краже оскорбление. - Почему же вы не позовете полисмента? Да, я взял ваш зонтик. Так позовите фараона! Вот он стоит на углу.

Хозяин зонтика замедлил шаг. Сопи тоже. Он уже предчувствовал, что судьба опять сыграет с ним скверную шутку. Полисмен смотрел на них с любопытством.

- Разумеется, - сказал человек с сигарой, - конечно... вы... словом, бывают такие ошибки... я... если это ваш зонтик... надеюсь, вы извините меня... я захватил его сегодня утром в ресторане... если вы признали его за свой... что же... я надеюсь, вы...

- Конечно, это мой зонтик, - сердито сказал Сопи.

Бывший владелец зонтика отступил. А полисмен бросился на помощь высокой блондинке в пышном манто: нужно было перевести ее через улицу, потому что за два квартала показался трамвай.

Сопи свернул на восток по улице, изуродованной ремонтом. Он со злобой швырнул зонтик в яму, осыпая проклятиями людей в шлемах и с дубинками. Он так хочет попасться к ним в лапы, а они смотрят на него, как на непогрешимого папу римского.

Наконец, Сопи добрался до одной из отдаленных авеню, куда суета и шум почти не долетали, и взял курс на Мэдисон-сквер. Ибо инстинкт, влекущий человека к родному дому, не умирает даже тогда, когда этим домом является скамейка в парке.

Но на одном особенно тихом углу Сопи вдруг остановился. Здесь стояла старая церковь с остроконечной крышей. Сквозь фиолетовые стекла одного из ее окон струился мягкий свет. Очевидно, органист остался у своего инструмента, чтобы проиграть воскресный хорал, ибо до ушей Сопи донеслись сладкие звуки музыки, и он застыл, прижавшись к завиткам чугунной решетки.

Взошла луна, безмятежная, светлая; экипажей и прохожих было немного; под карнизами сонно чирикали воробьи - можно было подумать, что вы на сельском кладбище. И хорал, который играл органист, приковал Сопи к чугунной решетке, потому что он много раз слышал его раньше - в те дни, когда в его жизни были такие вещи, как матери, розы, смелые планы, друзья, и чистые мысли, и чистые воротнички.

Под влиянием музыки, лившейся из окна старой церкви, в душе Сопи произошла внезапная и чудесная перемена. Он с ужасом увидел бездну, в которую упал, увидел позорные дни, недостойные желания, умершие надежды, загубленные способности и низменные побуждения, из которых слагалась его жизнь.

И сердце его забилося в унисон с этим новым настроением. Он внезапно ощутил в себе силы для борьбы со злодейкой-судьбой. Он выкарабкается из грязи, он опять станет человеком, он победит зло, которое сделало его своим пленником. Время еще не ушло, он сравнительно молод. Он воскресит в себе прежние честолюбивые мечты и энергично возьмется за их осуществление. Торжественные, но сладостные звуки органа произвели в нем переворот. Завтра утром он отправится в деловую часть города и найдет себе работу. Один меховщик предлагал ему как-то место возчика. Он завтра же разыщет его и попросит у него эту службу. Он хочет быть человеком. Он...

Сопи почувствовал, как чья-то рука опустилась на его плечо. Он быстро оглянулся и увидел перед собою широкое лицо полисмена.

- Что вы тут делаете? - спросил полисмен.
- Ничего, - ответил Сопи.
- Тогда пойдем, - сказал полисмен.
- На Остров, три месяца, - постановил на следующее утро судья.

1) - День Благодарения - официальный американский праздник, введенный ранними колонистами Новой Англии в ознаменование первого урожая, собранного и Новом Свете (в последний четверг ноября).

Сестры золотого кольца

Перевод В. Маянц

Экскурсионный автобус вот-вот отправится в путь. Учтивый кондуктор уже рассадил по местам веселых пассажиров империи. Тротуар запружен зеваками, которые собрались сюда поглазеть на других зевак, тем самым подтверждая закон природы, гласящий, что всякому существу на земле суждено стать добычей другого существа.

Человек с рупором поднял свое орудие пытки, внутренности огромного автобуса начали бухать и биться, словно сердце у любителя кофе. Пассажиры

империала нервно уцепились за сиденья, пожилая дама из Вальпараисо, штат Индиана, завизжала, что хочет высадиться на сушу. Однако, прежде чем завертятся колеса автобуса, послушайте краткое предисловие к нашему рассказу, которое откроет вам глаза на нечто, достойное внимания в той экскурсии по жизни, которую совершаем мы с вами.

Быстро и легко белый узнает белого в джунглях Африки, мгновенно и безошибочно возникает духовная близость у матери и ребенка, без труда общается хозяин со своей собакой через едва заметную пропасть, которая отделяет человека от животного, с поразительной скоростью обмениваются короткими мудрыми восточками двое влюбленных. Однако во всех этих случаях взаимное понимание устанавливается медленно и как бы на ощупь по сравнению с тем, что вам доведется наблюдать на нашем автобусе с туристами. Вы узнаете (если не узнали еще до сих пор), какие именно два существа из тех, что населяют землю, при встрече быстрее всего проникают в сердце и душу друг друга.

Зазвенел гонг, и автобус, битком набитый Желаящими Просветиться, торжественно отправился в свое поучительное турне.

Заднюю, самую высокую скамью империала занимал Джеймс Уильямс из Кloverдейла, штат Миссури, со своей Новобрачной.

Наборщик, друг, с заглавной буквы напери это слово - лучшее из слов в великом празднике жизни и любви. Аромат цветов, нектар, собранный пчелой, первая весенняя капля, ранняя песнь жаворонка, лимонная корочка в коктейле мироздания - вот что такое Новобрачная. Мы свято чтим жену, уважаем мать, не прочь пройтись летним вечерком с девушкой, но Новобрачная - это банковский чек, который среди других свадебных подарков боги посылают на землю, когда Человек венчается с Жизнью.

Автобус катился по Золотому пути. На мостике громадного крейсера стоял капитан, через рупор вещая о достопримечательностях большого города. Широко раскрыв глаза и развесив уши, пассажиры слушали громовую команду - любоваться разными знаменитыми видами. Все вызывало интерес у млевших от восторга провинциалов, и они терялись, не зная, куда смотреть, когда труба призывала их к новым зрелищам. Широко раскинувшиеся соборы с торжественными шпилями они принимали за дворец Вандербильтов; они удивились, но решили, что кишашее людьми здание Центрального вокзала и есть смиренная хижина Расселя Сейджа (1). Когда им предложили взглянуть на холмистые берега Гудзона, они замерли от восхищения перед горами земли, навороченными при прокладке новой канализации.

Многим подземная железная дорога казалась торговыми рядами Риальто: на станциях сидят люди в форме и делают отбивную из ваших билетов. Провинциалы по сей день уверены, что Чак Коннорс, прижав руку к сердцу, проводит в жизнь реформы и что, не будь некоего окружного прокурора Паркхерста и его самоотверженной деятельности на благо города, знаменитая банда "Епископа" Поттера перевернула бы вверх дном закон и порядок от Бауэри до реки Гарлем.

Однако вас я прошу взглянуть на миссис Джеймс Уильямс - совсем недавно она была Хэтти Чалмерс, первая красавица в Кloverдейле. Новобрачная должна носить нежно-голубой цвет, если только это будет угодно, и именно этот цвет почтила наша Новобрачная. Розовый бутон с удовольствием уступил ее щекам часть своего румянца, а что касается фиалок! - ее глаза прекрасно обойдутся и без них, спасибо. Беспольное облако белого газа... - ах, нет! облако газа стлалось за автобусом, - белого шифона - или, может, то была кисея или тюль - подвязано у нее под подбородком якобы для того, чтобы удержать шляпу на

месте, Но вы не хуже меня знаете, что на самом деле шляпа держалась на булавах.

На лице миссис Джеймс Уильямс была изложена маленькая библиотечка избранных мыслей человечества в трех томах. Том I содержал в себе мнение, что Джеймс Уильямс - лучше всех в мире. Том II был трактатом о вселенной, из коего явствовало, что это есть восхитительнейшее место. Том III выдвигал тезис, что они с мужем заняли самые высокие места в автобусе для туристов и путешествуют со скоростью, превышающей всякое понимание...

Джеймсу Уильямсу вы бывали года двадцать четыре. Вам будет приятно узнать, насколько эта оценка оказалась точной. Ему было ровно двадцать три года, одиннадцать месяцев и двадцать девять дней. Он был стройный, энергичный, живой, добродушный, имел надежды на будущее. Он совершал свадебное путешествие.

Милая добрая фея, тебе присылают заказы на деньги, на шикарные лимузины в сорок лошадиных сил, на громкую славу, на новые волосы для лысины, на президентство в яхт-клубе, - отложи эти дела в сторону и оглянись вместе с нами, ах, оглянись назад и дай нам пережить вновь хоть малюсенький кусочек нашего свадебного путешествия! Хоть на часок, душечка фея, чтобы вспомнить, какими были лужайки, и тополя, и облако лент, подвязанное под ее подбородком, даже если на самом деле шляпа держалась на булавах. Не можешь? Жаль. Ну что ж, тогда поторопись с лимузином и с нефтяными акциями.

Впереди миссис Уильямс сидела девушка в свободном оранжевом жакете и в соломенной шляпке, украшенной виноградом и розами. Виноград и розы на одной ветке. - Увы! это можно увидеть только во сне да в лавке шляпницы Большими доверчивыми голубыми глазами девушка глядела на человека с рупором, когда он убежденно трубил о том, что миллионеры достойны занимать наше воображение. В перерывах между его отчаянными воплями она прибегала к философии Эпиктета, воплощенной в жевательной резинке.

Справа от этой девушки сидел молодой человек лет двадцати четырех. Он был стройный, энергичный, живой и добродушный. Если вам кажется, что по нашему описанию получился вылитый Джеймс Уильямс, то отнимите у него все клевердейлское, что так характерно для Джеймса. Наш герой э 2 вырос среди жестких улиц и острых углов Он зорко поглядывал по сторонам, и, казалось, завидовал асфальту под ногами тех, на кого он взирал сверху вниз со своего наместа.

Пока рупор твякает у какой-то знаменитой гостиницы, я тихонько попрошу вас усестся покрепче, потому что сейчас произойдет кое-что новенькое, а потом огромный город опять сомкнется над нашими героями, как над обрывком телеграфной ленты, выброшенной из окна конторы биржевого спекулянта.

Девушка в оранжевом жакете обернулась, чтобы рассмотреть паломников на задней скамье. Всех прочих пассажиров она уже обозрела, а места позади все еще оставались для нее комнатой Синей Бороды.

Она встретилась взглядом с миссис Джеймс Уильямс. Не успели часы тикнуть, как они обменялись жизненным опытом, биографиями, надеждами и мечтами. И все это, заметьте, при помощи одного взгляда, быстрее, чем двое мужчин решили бы, схватиться ли им за оружие, или попросить прикурить.

Новобрачная низко наклонилась вперед. Между ней и девушкой в жакете завязалась оживленная беседа, языки их работали быстро, точно змеиные - сравнение, в котором не следует идти дальше сказанного. Две улыбки, десяток кивков - и конференция закрылась.

И вдруг посредине широкой спокойной улицы перед самым автобусом встал

человек в темном пальто и поднял руку. С тротуара спешил к нему другой.

Девушка в плодородной шляпке быстро схватила своего спутника за руку и шепнула ему что-то на ухо.

Оказалось, что сей молодой человек умеет действовать проворно. Низко пригнувшись, он скользнул через борт империала, на секунду повис в воздухе и затем исчез. Несколько верхних пассажиров с удивлением наблюдали за столь ловким трюком, но от замечаний воздержались, полагая, что в этом поразительном городе благоразумней всего ничему не удивляться вслух, тем более что ловкий прыжок может оказаться обычным способом высаживаться из автобуса. Нерадивый экскурсант увернулся от экипажа и, точно листок в потоке, проплыл куда-то мимо между мебельным фургоном и повозкой с цветами.

Девушка в оранжевом жакете опять обернулась и посмотрела в глаза миссис Джеймс Уильямс. Потом она стала спокойно глядеть вперед, - в этот момент под темным пальто сверкнул полицейский значок, и автобус с туристами остановился.

- Что у вас, мозги заело? - осведомился человек с трубой, прервав свою профессиональную речь и переходя на чистый английский язык.

- Бросьте-ка якорь на минуту, - распорядился полицейский. - У вас на борту человек, которого мы ищем, - взломщик из Филадельфии, по прозвищу Мак-Гайр - "Гвоздика". Вон он сидит на заднем сиденье. Ну-ка, зайди с той стороны, Донован.

Донован подошел к заднему колесу и взглянул вверх на Джеймса Уильямса.

- Слезай, дружок, - сказал он задушевно. - Поймали мы тебя. Теперь опять отдохнешь за решеткой. А здорово ты придумал спрятаться на Глазелке. Надо будет запомнить.

Через рупор кондуктор негромко посоветовал:

- Лучше слезьте, сэр, выясните, в чем там дело. Нельзя задерживать автобус.

Джеймс Уильямс принадлежал к людям уравновешенным. Как ни в чем не бывало, он не спеша пробрался вперед между пассажирами и спустился по лесенке вниз. За ним последовала его жена, однако, прежде чем спуститься, она поискала глазами исчезнувшего туриста и увидела, как он вынырнул из-за мебельного фургона и спрятался за одним из деревьев сквера, в пятидесяти футах от автобуса.

Оказавшись на земле, Джеймс Уильямс с улыбкой посмотрел на блюстителей закона. Он уже предвкушал какую веселенькую историю можно будет рассказать в Кloverдейле о том, как его было приняли за грабителя. Автобус задержался из почтения к своим клиентам. Ну что может быть интересней такого зрелища?

- Меня зовут Джеймс Уильямс из Кloverдейла, штат Миссури, - сказал он мягко, стараясь не слишком огорчить полицейских. - Вот здесь у меня письма, из которых видно...

- Следуй за нами, - объявил сыщик. - Описание Мак-Гайра - "Гвоздики" подходит тебе точь-в-точь, как фланелевое белье после горячей стирки. Один из наших заметил тебя на верху Глазелки около Центрального парка. Он позвонил, мы тебя и сцапали. Объясняться будешь в участке.

Жена Джеймса Уильямса - а она была его женой всего две недели - посмотрела ему в лицо странным, мягким, лучистым взглядом; порозовев, посмотрела ему в лицо и сказала:

- Пойди с ними, не буянь, "Гвоздика", может быть, все к лучшему.

И потом, когда автобус, набитый Желаящими Просветиться, отправился дальше, она обернулась и послала воздушный поцелуй - его жена послала

воздушный поцелуй! - кому-то из пассажиров, сидевших на империале.

- Твоя девчонка дала тебе хороший совет, - сказал Донован. - Пошли.

Тут на Джеймса Уильямса нашло умопомрачение. Он сдвинул шляпу на затылок.

- Моя жена, кажется, думает, что я взломщик, - сказал он беззаботно. - Я никогда раньше не слышал, чтобы она была помешана, следовательно, помешан я. А раз я помешан, то мне ничего не сделают, если я в состоянии помешательства убью вас, двух дураков.

После чего он стал сопротивляться аресту так весело и ловко, что потребовалось свистнуть полицейским, а потом вызвать еще резервы, чтобы разогнать тысячную толпу восхищенных зрителей.

В участке дежурный сержант спросил, как его зовут.

- Не то Мак-Дудл - "Гвоздика", не то "Гвоздика" - Скотина, не помню точно, - отвечал Джеймс Уильямс. - Можете не сомневаться, я взломщик, смотрите, не забудьте это записать. Добавьте, что сорвать "Гвоздику" удалось только вмятером. Я настаиваю, чтобы эта особо отметили в акте.

Через час миссис Джеймс Уильямс привезла с Мэдисон-авеню дядю Томаса и доказательства невиновности нашего героя; привезла во внушающем уважение автомобиле, точь-в-точь как в третьем акте драмы, постановку которой финансирует автомобильная компания.

После того как полиция сделала Джеймсу Уильямсу строгое внушение за плагиат и отпустила его со всем почетом, на какой была способна, миссис Джеймс Уильямс вновь наложила на него арест и загнала в угол полицейского участка. Джеймс Уильямс взглянул на нее одним глазом. Он потом рассказывал, что второй глаз ему закрыл Донован, пока кто-то удерживал его за правую руку. До этой минуты он ни разу не упрекнул и не укорил жену.

- Может быть, вы потрудитесь объяснить, - начал он довольно сухо, - почему вы...

- Милый, - прервала она его, - послушай. Тебе пришлось пострадать всего час. Я сделала это для нее... Для этой девушки, которая заговорила со мной в автобусе. Я была так счастлива, Джим... так счастлива с тобой, ну разве я могла кому-нибудь отказать в таком же счастье? Джим, они поженились только сегодня утром... И мне хотелось, чтобы он успел скрыться. Пока вы дрались, я видела, как он вышел из-за дерева и побежал через парк. Вот как было дело, милый... Я не могла Иначе.

Так одна сестра незамысловатого золотого колечка узнает другую, стоящую в волшебном луче, который светит каждому всего один раз в жизни, да и то недолго. Мужчина догадывается о свадьбе по рису да по атласным бантам. Новобрачная узнает новобрачную по одному лишь взгляду. И они быстро находят общий язык, неведомый мужчинам и вдовам.

1) - Рассель Сейдж - Нью-йоркский миллионер.

Мишурный блеск

Перевод М. Урнова

Мистер Тауэрс Чендлер гладил у себя в комнатухе свой выходной костюм. Один уютг грелся на газовой плитке, а другим он - энергично водил взад и вперед, добиваясь желаемой складки; спустя некоторое время можно будет видеть, как она протянется, прямая, словно стрела от его лакированных ботинок до края жилета с низким вырезом. Вот и все о туалете нашего героя, что можно довести до всеобщего сведения. Об остальном пусть догадываются те, кого благородная нищета толкает на жалкие уловки. Мы снова увидим мистера Чендлера, когда он будет спускаться по лестнице дешевых меблированных комнат; безупречно одетый, самоуверенный, элегантный, по внешности - типичный нью-йоркский клубмен, прожигатель жизни, отправляющийся с несколько скучающим видом в погоню за вечерними удовольствиями.

Чендлер получал восемнадцать долларов в неделю. Он служил в конторе у одного архитектора. Ему было двадцать два года. Он считал архитектуру настоящим искусством и был искренне убежден, - хотя не рискнул бы заявить об этом в Нью-Йорке, - что небоскреб "Утыг" по своим архитектурным формам уступает Миланскому собору.

Каждую неделю Чендлер откладывал из своей получки один доллар. В конце каждой десятой недели на добытый таким способом сверхкапитал он покупал в лавочке скарденго Папаши Времени один-единственный вечер, который мог провести, как джентльмен. Украсив себя регалиями миллионеров и президентов, он отправлялся в ту часть города, что ярче всего сверкает огнями реклам и витрин, и обедал со вкусом и шиком. Имея в кармане десять долларов, можно в течение нескольких часов мастерски разыгрывать богатого бездельника. Этой суммы достаточно на хорошую еду, бутылку вина с приличной этикеткой, соответствующие чаевые, сигару, извозчика и обычные и т. п.

Этот один усладительный вечер, выкроенный из семидесяти нудных вечеров, являлся для него источником периодически возрождающегося блаженства. У девушки первый выезд в свет бывает только раз в жизни; и когда волосы ее поседеют, он по-прежнему будет всплывать в ее памяти, как нечто радостное и неповторимое. Чендлер же каждые десять недель испытывал удовольствие столь же острое и сильное, как в первый раз. Сидеть под пальмами в кругу бонвиванов, в вихре звуков невидимого оркестра, смотреть на завсегдатаев этого рая и чувствовать на себе их взгляды - что в сравнении с этим первый вальс и газовое платье юной дебютантки?

Чендлер шел по Бродвею, как полноправный участник его передвижной выставки вечерних нарядов. В этот вечер он был не только зрителем, но и экспонатом. Последующие шестьдесят девять дней он будет ходить в плохоньком костюме и питаться за сомнительными табльдотами, у стойки случайного бара, бутербродами и пивом у себя в комнатухе. Но это его не смущало, ибо он был подлинным сыном великого города мишурного блеска, и один вечер, освещенный огнями Бродвея, возмещал ему множество вечеров, проведенных во мраке.

Он все шел и шел, и вот уже сороковые улицы начали пересекать сверкающий огнями путь наслаждений; было еще рано, а когда человек приобщается к избранному обществу всего раз в семьдесят дней, ему хочется продлить это удовольствие. Взгляды - сияющие, угрюмые, любопытные, восхищенные, вызывающие, манящие - были обращены на него, ибо его наряд и вид выдавали в нем поклонника часа веселья и удовольствий.

На одном углу он остановился, подумывая о том, не пора ли ему повернуть обратно и направиться в роскошный модный ресторан, где он обычно обедал в дни своего расточительства. Как раз в эту минуту какая-то девушка, стремительно огибая угол, поскользнулась на кусочке льда и шлепнулась на тротуар,

Чендлер помог ей подняться с отменной и безотлагательной вежливостью. Прихрамывая, девушка отошла к стене, прислонилась к ней и застенчиво поблагодарила его.

- Кажется, я растянула ногу, - сказала она. - Я почувствовала, как она подвернулась.

- Очень больно? - спросил Чендлер.

- Только когда наступаю на всю ступню. Думаю, что через несколько минут я уже буду в состоянии двигаться.

- Не могу ли я быть вам чем-нибудь полезен? - предложил молодой человек. - Хотите, я позову извозчика или...

- Благодарю вас, - негромко, но с чувством сказала девушка. - Право, не стоит беспокоиться. Как это меня угораздило? И каблуки у меня самые банальные. Их винить не приходится.

Чендлер посмотрел на девушку и убедился, что его интерес к ней быстро возрастает. Она была хорошенькая и изящная, глядела весело и радушно. На ней было простенькое черное платье, похожее на те, в какие одевают продавщиц. Из-под дешевой соломенной шляпки, единственным украшением которой была бархатная лента с бантом, выбивались колечки блестящих темно-каштановых волос. С нее можно было писать портрет хорошей, полной собственного достоинства трудящейся девушки.

Вдруг молодого архитектора осенило. Он пригласит эту девушку пообедать с ним. Вот чего недоставало его роскошным, но одиноким пиршествам. Краткий час его изысканных наслаждений был бы приятнее вдвойне, если бы он мог провести его в женском обществе. Он не сомневался, что перед ним вполне порядочная девушка, - ее речь и манеры подтверждали это. И, несмотря на ее простенький наряд, он почувствовал, что ему будет приятно сидеть с ней за столом.

Эти мысли быстро пронесли в его голове, и он решился. Разумеется, он нарушал правила приличия, но девушки, живущие на собственный заработок, нередко в таких делах пренебрегают формальностями. Как правило, они отлично разбираются в мужчинах и скорее будут полагаться на свое личное суждение, чем соблюдать никчемные условности. Если его десять долларов истратить с толком, они вдвоем смогут отлично пообедать.

Можно себе представить, каким ярким событием явится этот обед в бесцветной жизни девушки; а от ее искреннего восхищения его триумф и удовольствие станут еще хладостней.

- По моему, - сказал он серьезно, - вашей ноге требуется более длительный отдых, чем вы полагаете. И я хочу подсказать вам, как можно помочь ей и, вместе с тем, сделать мне одолжение. Когда вы появились из-за угла, я как раз собирался пообедать в печальном одиночестве. Пойдемте со мной, посидим в уютной обстановке, пообедаем, поболтаем, а за это время боль в ноге утихнет и вы, я уверен, легко дойдете до дому.

Девушка сбросила быстрый взгляд на открытое и приятное лицо Чендлера. В глазах у нее сверкнул огонек, затем она мило улыбнулась.

- Но мы не знакомы а так ведь, кажется, не полагается, - в нерешительности проговорила она.

- В этом нет ничего плохого, - сказал он простодушно. - Я сам вам

представляюсь... разрешите... Мистер Тауэрс Чендлер. После обеда, который я постараюсь сделать для вас как можно приятнее, я распрощаюсь с вами или провожу вас до вашего дома, - как вам будет угодно.

- Да, но в таком платье и в этой шляпке! - проговорила девушка, взглянув на безупречный костюм Чендлера.

- Это не важно, - радостно сказал Чендлер. - Право, вы более очаровательны в вашем народе, чем любая из дам, которые там будут в самых изысканных вечерних туалетах.

- Нога еще побаливает, - призналась девушка, сделав неуверенный шаг. - По-видимому, мне придется принять ваше приглашение. Вы можете называть меня... мисс Мэриан.

- Идемте же, мисс Мэриан, - весело, но с изысканной вежливостью сказал молодой архитектор. - Вам не придется идти далеко. Тут поблизости есть вполне приличный и очень хороший ресторан. Обопритесь на мою руку, вот так... и пошли, не торопясь. Скучно обедать одному. Я даже немножко рад, что вы поскользнулись.

Когда их усадили за хорошо сервированный столик и услужливый официант склонился к ним в вопросительной позе, Чендлер почувствовал блаженное состояние, какое испытывал всякий раз во время своих вылазок в светскую жизнь.

Ресторан этот был не так роскошен, как тот, дальше по Бродвею, который он облюбовал себе, но мало в чем уступал ему. За столиками сидели состоятельного вида посетители, оркестр играл хорошо и не мешал приятной беседе, а кухня и обслуживание были вне всякой критики. Его спутница, несмотря на простенькое платье и дешевую шляпку, держалась с достоинством, что придавало особую прелесть природной красоте ее лица и фигуры. И видно было по ее очаровательному личику, что она смотрит на Чендлера, который был оживлен, но сдержан, смотрит в его веселые и честные синие глаза почти с восхищением.

И вот тут в Тауэрса Чендлера вселилось безумие Манхэттена, бешенство суеты и тщеславия, бацилла хвастовства, чума дешевенького позерства. Он - на Бродвее, всюду блеск и шик, и зрителей полным-полно. Он почувствовал себя на сцене и решил в комедии-однодневке сыграть роль богатого светского повесы и гурмана. Его костюм соответствовал роли, и никакие ангелы-хранители не могли помешать ему исполнить ее.

И он пошел врать мисс Мэриан о клубах и банкетах, гольфе и верховой езде, псарнях и котильонах и поездках за границу и даже намекнул на яхту, которая стоит будто бы у него в Ларчмонте. Заметив, что его болтовня производит на девушку впечатление, он поддал жару, наплел ей что-то о миллионах и упомянул запросто несколько фамилий, которые обыватель произносит с почтительным вздохом. Этот час принадлежал ему, и он выжимал из него все, что, по его мнению, было самым лучшим. И все же раз или два чистое золото ее сердца засияло перед ним сквозь туман самомнения, заставшего его глаза.

- Образ жизни, о котором вы говорите, - сказала она, - кажется мне таким пустым и бесцельным. Неужели в целом свете вы не можете найти для себя работы, которая заинтересовала бы вас?

- Работа?! - воскликнул он. - Дорогая моя мисс Мэриан! Попробуйте представить себе, что вам каждый день надо переодеваться к обеду, делать в день по десяти визитов, а на каждом углу полицейские только и ждут, чтобы прыгнуть к вам в машину и потащить вас в участок, если вы чуточку превысите

скорость ослиного шага!

Мы, бездельники, и есть самые работающие люди на земле.

Обед был окончен, официант щедро вознагражден, они вышли из ресторана и дошли до того угла, где состоялось их знакомство. Мисс Мэриан шла теперь совсем хорошо, ее хромота почти не была заметна.

- Благодарю вас за приятно проведенный вечер, - искренне проговорила она. - Ну, мне надо бежать домой. Обед мне очень понравился, мистер Чендлер.

Сердечно улыбаясь, он пожал ей руку и сказал что-то насчет своего клуба и партии в бридж. С минуту он смотрел, как она быстро шла в восточном направлении, затем нанял извозчика и не спеша покатыл домой.

У себя, в сырой комнатухе, он сложил свой выходной костюм, предоставив ему отлеживаться шестьдесят девять дней. Потом сел и задумался.

- Вот это девушка! - проговорил он вслух. - А что она порядочная, головой ручаюсь, хоть ей и приходится работать из-за куска хлеба. Как знать, не нагородил я всей этой идиотской чепухи, а скажи ей правду, мы могли бы... А, черт бы все побрал! Костюм обязывал.

Так рассуждал дикарь наших дней, рожденный и воспитанный в вигвамах племени манхэттенцев.

Расставшись со своим кавалером, девушка быстро пошла прямо на восток и, пройдя два квартала, поровнялась с красивым большим особняком, выходящим на авеню, которая является главной магистралью Маммоны и вспомогательного отряда богов. Она поспешно вошла в дом и поднялась в комнату, где красивая молодая девушка в изящном домашнем платье беспокойно смотрела в окно.

- Ах ты, сорви-голова! - воскликнула она, увидев младшую сестру. - Когда ты перестанешь пугать нас своими выходками? Вот уже два часа, как ты убежала в этих лохмотьях и в шляпке Мэри. Мама страшно встревожена. Она послала Луи искать тебя на машине по всему городу. Ты скверная и глупая девчонка!

Она нажала кнопку, и в ту же минуту вошла горничная.

- Мэри, скажите маме, что мисс Мэриан вернулась.

- Не ворчи, сестричка. Я бегала к мадам Тео, надо было сказать, чтобы она вместо розовой прошивки поставила лиловую. А это платье и шляпка Мэри очень мнегодились. Все меня принимали за продавщицу из магазина.

- Обед уже кончился, милая, ты опоздала.

- Я знаю. Понимаешь, я поскользнулась на тротуаре и растянула ногу. Нельзя было ступить на нее. Кое-как я доковыляла до ресторана и сидела там, пока мне не стало лучше. Потому я и задержалась.

Девушки сидели у окна и смотрели на яркие фонари и поток мелькающих экипажей. Младшая сестра прикорнула возле старшей, положив голову ей на колени.

- Когда-нибудь мы выйдем замуж, - мечтательно проговорила она, - и ты выйдешь и я. Денег у нас так много, что нам не позволят обмануть ожидания публики. Хочешь, сестрица, я скажу тебе, какого человека я могла бы полюбить?

- Ну, говори, болтушка, - улыбнулась старшая сестра.

- Я хочу, чтобы у моего любимого были ласковые синие глаза, чтобы он честно и почтительно относился к бедным девушкам, чтобы он был красив и добр и не превращал любовь в забаву. Но я смогу полюбить его, только если у него будет ясное стремление, цель в жизни, полезная работа. Пусть он будет самым последним бедняком; я не посмотрю на это, я все сделаю, чтобы помочь ему добиться своего. Но, сестрица, милая, нас окружают люди праздные,

бездельники, вся жизнь которых проходит между гостиной и клубом, - а такого человека я не смогу полюбить, даже если у него синие глаза и он почтительно относится к бедным девушкам, с которыми знакомится на улице.

Дебют Тильди

Перевод под ред. М. Лорие

Если вы не знаете "Закусочной и семейного ресторана" Богля, вы много потеряли. Потому что если вы - один из тех счастливых, которым по карману дорогие обеды, вам должно быть интересно узнать, как уничтожает съестные припасы другая половина человечества. Если же вы принадлежите к той половине, для которой счет, поданный лакеем, - событие, вы должны узнать Богля, ибо там вы получите за свои деньги то, что вам полагается (по крайней мере по количеству).

Ресторан Богля расположен в самом центре буржуазного квартала, на бульваре Брауна-Джонса-Робинсона - на Восьмой авеню; В зале два ряда столиков, по шести в каждом ряду. На каждом столике стоит судок с приправами. Из перечницы вы можете встряхнуть облачко чего-то меланхоличного и безвкусного, как вулканическая пыль. Из солонки не сыплется ничего. Даже человек, способный выдавить красный сок из белой репы, потерпел бы поражение, вздумай он добыть хоть крошку соли из боглевской солонки. Кроме того, на каждом столе имеется баночка подделки под сверхострый соус, изготавливаемый "по рецепту одного индийского раджи".

За кассой сидит Богль, холодный, суровый, медлительный, грозный, и принимает от вас деньги. Выглядывая из-за горы зубочисток, он дает вам сдачу, накалывает ваш счет, отрывисто, как жаба, бросает вам замечание насчет погоды. Но мой вам совет - ограничьтесь подтверждением его метеорологических пророчеств. Ведь вы - не знакомый Богля; вы случайный, кормящийся у него посетитель; вы можете больше не встретиться с ним до того дня, когда труба Гавриила призовет вас на последний обед. Поэтому берите вашу сдачу и катитесь куда хотите, хоть к черту. Такова теория Богля.

Посетителей Богля обслуживали две официантки и Голос. Одну из девушек звали Эйлин. Она была высокого роста, красивая, живая, приветливая и мастерица позубоскалить. Ее фамилия? Фамилии у Богля считались такой же излишней роскошью, как полоскательницы для рук.

Вторую официантку звали Тильди. Почему обязательно Матильда? Слушайте внимательно: Тильди, Тильди. Тильди была маленькая, толстенькая, некрасивая и прилагала слишком много усилий, чтобы всем угодить, чтобы всем угодить. Перечитайте последнюю фразу раза три, и вы увидите, что в ней есть смысл.

Голос был невидимкой. Он исходил из кухни и не блистал оригинальностью. Это был непросвещенный Голос, который довольствовался простым повторением кулинарных восклицаний, издаваемых официантками.

Вы позволите мне еще раз повторить, что Эйлин была красива? Если бы она

надела двухсотдолларовое платье, и прошла бы в нем на пасхальной выставке нарядов, и вы увидели бы ее, вы сами поторопились бы сказать это.

Клиенты Богля были ее рабами. Она умела обслуживать сразу шесть столов. Торопившиеся сдерживали свое нетерпение, радуясь случаю полюбоваться ее быстрой походкой и грациозной фигурой. Насытившиеся заказывали еще что-нибудь, чтобы подольше побыть в сиянии ее улыбки. Каждый мужчина, - а женщины заглядывали к Бogleю редко, - старался произвести на нее впечатление.

Эйлин умела перебрасываться шутками с десятью клиентами одновременно. Каждая ее улыбка, как дробинки из дробовика, попадала сразу в несколько сердец. И в это же самое время она умудрялась проявлять чудеса ловкости и проворства, доставляя на столы свинину с фасолью, рагу, яичницы, колбасу с пшеничным соусом и всякие прочие яства в сотейниках и на сковородках, в стоячем и лежащем положении. Все эти пиршества, флирт и блеск остроумия превращали ресторан Богля в своего рода салон, в котором Эйлин играла роль мадам Рекамье.

Если даже случайные посетители бывали очарованы восхитительной Эйлин, то что же делалось с завсегдатаями Богля? Они обожали ее. Они соперничали между собою. Эйлин могла бы весело проводить время хоть каждый вечер. По крайней мере два раза в неделю кто-нибудь водил ее в театр или на танцы. Один толстый джентльмен, которого они с Тильди прозвали между собой "боровом", подарил ей колечко с бирюзой. Другой, получивший кличку "нахал" и служивший в ремонтной мастерской, хотел подарить ей пуделя, как только его брат-возчик получит подряд на Девятой улице. А тот, который всегда заказывал свиную грудинку со шпинатом и говорил, что он биржевой маклер, пригласил ее на "Парсифаль".

- Я не знаю, где это "Парсифаль" и сколько туда езды, - заметила Эйлин, рассказывая об этом Тильди, - но я не сделаю ни стежка на моем дорожном костюме до тех пор, пока обручальное кольцо не будет у меня на пальце. Права я или нет?

А Тильди...

В пропитанном парами, болтовней и запахом капусты заведении Богля разыгрывалась настоящая трагедия. За кубышкой Тильди, с ее носом-пуговкой, волосами цвета соломы и веснушчатым лицом, никогда никто не ухаживал. Ни один мужчина не провожал ее глазами, когда она бегала по ресторану, - разве что голод заставит их жадно высматривать заказанное блюдо. Никто не заигрывал с нею, не вызывал ее на веселый турнир остроумия. Никто не подтрунивал над ней по утрам, как над Эйлин, не говорил ей, скрывая под насмешкой зависть к неведомому счастливцу, что она, видно, поздненько пришла вчера домой, что так медленно подает сегодня. Никто никогда не дарил ей колец с бирюзой и не приглашал ее на таинственный, далекий "Парсифаль".

Тильди была хорошей работницей, и мужчины терпели ее. Те, что сидели за ее столиками, изъяснялись с ней короткими цитатами из меню, а затем уже другим, медовым голосом заговаривали с красавицей Эйлин. Они ерзали на стульях и старались из-за приближающейся фигуры Тильди увидеть Эйлин, чтобы красота ее превратила их яичницу с ветчиной в амброзию.

И Тильди довольствовалась своей ролью серенькой труженицы, лишь бы на долю Эйлин доставались поклонение и комплименты. Нос пуговкой питал верноподданнические чувства к короткому греческому носику. Она была другом Эйлин, и она радовалась, видя, как Эйлин властвует над сердцами и отвлекает внимание мужчин от дымящегося пирога и лимонных пирожных. Но глубоко под веснушчатой кожей и соломенными волосами у самых некрасивых из нас таится

мечта о принце или принцессе, которые придут только для нас одних.

Однажды утром Эйлин пришла на работу с подбитым глазом, и Тильди излила на нее потоки сочувствия, способные вылечить даже трахому.

- Нахал какой-то, - объяснила Эйлин. - Вчера вечером, когда я возвращалась домой. Пристал ко мне на Двадцать третьей. Лезет, да и только. Ну, я его отшила и он отстал. Но оказалось, что он все время шел за мной. На Восемнадцатой он опять начал приставать. Я как размахнулась да как ахну его по щеке! Тут он мне этот фонарь и наставил. Правда, Тиль, у меня ужасный вид? Мне так неприятно, что мистер Никольсон увидит, когда придет в десять часов пить чай с гренками.

Тильди слушала, и сердце у нее замирало от восторга. Ни один мужчина никогда не пытался приставать к ней. Она была в безопасности на улице в любой час дня и Ночи. Какое это, должно быть, блаженство, когда мужчина преследует тебя и из любви ставит тебе фонарь под глазом!

Среди посетителей Богля был молодой человек по имени Сидерс, сработавший в прачечной. Мистер Сидерс был худ и белобрыс, и казалось, что его только что хорошенько высушили и накрахмалили. Он был слишком застенчив, чтобы добиваться внимания Эйлин; поэтому он обычно садился за один из столиков Тильди и обрекал себя на молчание и вареную рыбу.

Однажды, когда мистер Сидерс пришел обедать, от него пахло пивом. В ресторане было только два-три посетителя. Покончив с вареной рыбой, мистер Сидерс встал, обнял Тильди за талию, громко и бесцеремонно поцеловал ее, вышел на улицу, показал кукиш своей прачечной и отправился в пассаж опускать монетки в щели автоматов.

Несколько секунд Тильди стояла окаменев. Потом до сознания ее дошло, что Эйлин грозит ей пальцем и говорит:

- Ай да Тиль, ай да хитрюга! На что это похоже! Этак ты отобьешь у меня всех моих поклонников. Придется мне следить за тобой, моя милая.

И еще одна мысль забрезжила в сознании Тильди. В мгновение ока из безнадежной, смиренной поклонницы она превратилась в такую же дочь Евы, сестру всемогущей Эйлин. Она сама стала теперь Цирцеей, целью для стрел Купидона, сабинянкой, которая должна остерегаться, когда римляне пируют. Мужчина обнял ее талию привлекательной и ее губы желанными. Этот стремительный, опаленный любовью Сидерс, казалось, совершил над ней то чудо, которое совершается в прачечной за особую плату. Сняв грубую дерюгу ее непривлекательности, он в один миг выстирал ее, просушил, накрахмалил, выгладил и вернул ей в виде тончайшего батиста - облачения, достойного самой Венеры.

Веснушки Тильди потонули в огне румянца. Цирцея и Психея вместе выглянули из ее загоревшихся глаз. Ведь даже Эйлин никто не обнимал и не целовал в ресторане у всех на глазах.

Тильди была не в силах хранить эту восхитительную тайну. Воспользовавшись коротким затишьем, она как бы случайно остановилась возле конторки Богля. Глаза ее сияли; она очень старалась; чтобы в словах ее не прозвучала гордость и похвальба.

- Один джентльмен оскорбил меня сегодня, - сказала она. - Он обхватил меня за талию и поцеловал.

- Вот как, - сказал Бogle, приподняв забрало своей деловитости. - С будущей недели вы будете получать на доллар больше.

Во время обеда Тильди, подавая знакомым посетителям, объявляла каждому из них со скромностью человека, достоинства которого не нуждаются в

преувеличении:

- Один джентльмен оскорбил меня сегодня в ресторане. Он обнял меня за талию и поцеловал.

Обедающие принимали эту новость различно - одни выражали недоверие; другие поздравляли ее, третьи забросали ее шуточками, которые до сих пор предназначались только для Эйлин. И сердце Тильди ширилось от счастья - наконец- то на краю однообразной серой равнины, по которой она так долго блуждала, показались башни романтики.

Два дня мистер Сидерс не появлялся. За это время Тильди прочно укрепилась на позиции интересной женщины. Она накупила лент, сделала себе такую же прическу, как у Эйлин, и затянула талию. На два дюйма туже. Ей становилось и страшно и сладко от мысли, что мистер Сидерс может ворваться в ресторан и застрелить ее из пистолета. Вероятно, он любит ее безумно, а эти страстные влюбленные всегда бешено ревнивы. Даже в Эйлин не стреляли из пистолета. И Тильди решила, что лучше ему не стрелять; она ведь всегда была верным другом Эйлин и не хотела затмить ее славу.

На третий день в четыре часа мистер Сидерс пришел. За столиками не было ни души. В глубине ресторана Тильди накладывала в баночки горчицу, а Эйлин резала пирог. Мистер Сидерс подошел к девушкам.

Тильди подняла глаза и увидела его. У нее захватило дыхание, и она прижала к груди ложку, которой накладывала горчицу. В волосах у нее был красный бант; на шее - эмблема Венеры с Восьмой авеню - ожерелье из голубых бус с символическим серебряным сердечком.

Мистер Сидерс был красен и смущен. Он опустил одну руку в карман брюк, а другую - в свежий пирог с тыквой.

- Мисс Тильди, - сказал он, - я должен извиниться за то, что позволил себе в тот вечер. Правду сказать, я тогда здорово выпил, а то никогда не сделал бы этого. Я бы никогда ни с одной женщиной не поступил так, если бы был трезвый. Я надеюсь, мисс Тильди что вы примете мое извинение и поверите, что я не сделал бы этого, если бы понимал, что делаю, и не был бы пьян.

Выразив столь деликатно свое раскаяние, мистер Сидерс дал задний ход и вышел из ресторана, чувствуя, что вина его заглажена.

Но за спасительной ширмой Тильди упала головой на стол, среди кусочков масла и кофейных чашек, и плакала навзрыд - плакала и возвращалась на однообразную серую равнину, по которой блуждают такие, как она, - с носом-пуговкой и волосами цвета соломы. Она сорвала свой красный бант и бросила его на пол. Сидерса она глубоко презирала; она приняла его поцелуй за поцелуй принца, который нашел дорогу в заколдованное царство сна и привел в движение уснувшие часы и заставил суетиться сонных пажей. Но поцелуй был пьяный и неумышленный; сонное царство не шелохнулось, услышав ложную тревогу; ей суждено навеки остаться спящей красавицей.

Однако не все было потеряно. Рука Эйлин обняла ее, и красная рука Тильди шарилась по столу среди объедков, пока не почувствовала теплого пожатия друга.

- Не огорчайся, Тиль, - сказала Эйлин, не вполне понявшая, в чем дело.
- Не стоит того этот Сидерс. Не джентльмен, а белокрылая защипка для белья, вот он что такое. Будь он джентльменом, разве он стал бы просить извинения?

Сердце и крест

Перевод М. Урнова

Бэлди Вудз потянулся за бутылкой и достал ее. За чем бы на тянулся Бэлди, он обычно... но здесь речь не о Бэлди. Он налил себе в третий раз, на палец выше, чем в первый и во второй. Бэлди выступал консультантом, а консультанта стоит оплатить.

- На твоём месте я был бы королем, - сказал Бэлди так уверенно, что кобура его скрипнула и шпоры зазвенели.

Уэб Игер сдвинул на затылок свой широкополый стэтсон и растрепал светлые волосы. Но парикмахерский прием ему не помог, и он последовал примеру более изобретательного Бэлди.

- Когда человек женится на королеве, это не значит, что он должен стать двойкой, - объявил Уэб, подытоживая свои горести.

- Ну, разумеется, - сказал Бэлди, полный сочувствия, все еще томимый жаждой и искренно увлеченный проблемой сравнительного достоинства игральные карт. - По праву ты король. На твоём месте я потребовал бы пересдачи. Тебе всучили не те карты... Я скажу тебе, кто ты такой, Уэб Игер.

- Кто? - спросил Уэб, и в его бледно-голубых глазах блеснула надежда.

- Ты принц-консорт.

- Полегче, - сказал Уэб, - я тебя никогда не ругал.

- Это титул, - объяснил Бэлди, - который в ходу среди карточных чинов; но он не берет-взятки. Пойми, Уэб, это клеймо, которым в Европе отмечают некоторых животных. Представь, что ты, или я, или какой-нибудь голландский герцог женится на персоне королевской фамилии. Ну, со временем наши жены становятся королевами. А мы - королями? Черта с два! На коронации наше место где-то между первым конюхом малых королевских конюшен и девятым великим хранителем королевской опочивальни. От нас только и пользы, что мы снимаемся на фотографиях и несем ответственность за появление наследника. Это игра с подвохом. Да, Уэб, ты принц-консорт. И будь я на твоём месте, я бы устроил междоусобицу, или habeas corpus, или что-нибудь в этом роде. Я стал бы королем, если бы, даже мне пришлось смешать к черту все карты.

И Бэлди опорожнил стакан в подтверждение своих слов, достойных Варвика, делателя королей.

- Бэлди, - сказал Уэб торжественно, - мы много лет пасли коров в одном лагере. Еще мальчишками мы бегали по одному и тому же пастбищу и топтали, одни и те же тропинки. Только тебя я посвящаю в свои семейные дела. Ты был просто объездчиком на ранчо Нопалито, когда я женился на Санте Мак-Аллистер. Тогда я был старшим; а что я теперь? Я значу меньше, чем пряжка на уздечке.

- Когда старик Мак-Аллистер был королем скота в Западном Техасе, - подхватил Бэлди с сатанинской вкрадчивостью, - и ты был козырем. Ты был на ранчо таким же хозяином.

- Так было, - согласился Уэб, - пока он не догадался, что я пытаюсь заарканить Санту. Тогда он отправил меня на пастбище, как можно дальше от дома. Когда старик умер, Санту стали звать "королевой скота". А я только заведую скотом. Она присматривает за всем делом; она распоряжается всеми деньгами. А я не могу продать даже бычка на обед туристам. Санта - "королева", а я - мистер "Никто".

- На твоём месте я был бы королем, - повторил закоренелый Монархист Бэлди Вудз. - Когда человек женится на королеве, он должен идти с ней по одной цене в любом виде - соленом и вяленом, у повсюду - от пастбища до прилавка. Многие, Уэб, считают странным, что не тебе принадлежит решающее слово на Нопалито. Я не хочу сказать ничего худого про миссис Игер - она самая замечательная дамочка между Рио Гранде и будущим рождеством, - но мужчина должен быть хозяином в своём доме.

Бритое смуглое лицо Игера вытянулось в маску уязвленной меланхолии. Выражение его лица, растрепанные желтые волосы и простодушные голубые глаза - все это напоминало школьника, у которого место коновода перехватил кто-то посильнее. Но его энергичная мускулистая семидесятидвухдюймовая фигура и револьверы у пояса не допускали такого сравнения.

- Как это ты меня назвал, Бэлди? - спросил он. - Что это за концерт такой?

- "Консорт", - поправил Вэлди, - "принц-консорт". Это псевдоним для неважной карты. Ты по достоинству где-то между козырным валетом и тройкой.

Уэб Игер вздохнул и поднял с пола ремень от чехла своего винчестера.

- Я возвращаюсь сегодня на ранчо, - сказал он безучастно. - Утром мне надо отправить гурт быков в Сан-Антонио.

- До Сухого озера я тебе попутчик, - сообщил Бэлди. - В моем лагере в Сан-Маркос согнали скот и отбирают двухлеток.

Оба *companeros* (1) сели на лошадей и зарысили прочь от маленького железнодорожного поселка, где в это утро утоляли жажду.

У Сухого озера, где их пути расходились, они остановили лошадей, чтобы выкурить по прощальной папиросе. Много миль они проехали молча, и тишину нарушали лишь дробь копыт о примятую мескитовую траву и потрескивание кустарника, задевавшего за деревянные стремяна. Но в Техасе разговоры редко бывают связными. Между двумя фразами можно проехать милью, пообедать, совершить убийство, и все это без ущерба для развиваемого тезиса. Поэтому Уэб без всяких предисловий добавил кое-что к разговору, который завязался десять миль назад.

- Ты сам помнишь, Бэлди, что Санта не всегда была такая самостоятельная. Ты помнишь дни, когда старик Мак-Аллистер держал нас на расстоянии и как она давала мне знать, что хочет видеть меня. Старик Мак-Аллистер обещал сделать из меня дуршлаг, если я подойду к ферме на ружейный выстрел. Ты помнишь знак, который, бывало, она посылала мне... сердце и в нем крест.

- Я-то? - вскричал Бэлди с хмельной обидчивостью. - Ах ты, старый койот! Помню ли? Да знаешь ли ты, проклятая длинноногая горлица, что все ребята в лагере знали эти ваши иероглифы? "Желудок с костями крест-накрест" - вот как мы называли их. Мы всегда примечали их на поклаже, которую нам привозили с ранчо. Они были выведены углем на мешках с мукой и карандашом на газетах... А как-то я видел такую штуку, нарисованную мелом на спине нового повара, которого прислал с ранчо старик Мак-Аллистер. Честное слово! - Отец Санты, - кротко объяснил Уэб, - взял с нее обещание, что она не будет писать мне и передавать поручений. Вот она и придумала этот знак "сердце и крест". Когда ей не терпелось меня увидеть, она ухитрялась отмечать этим знаком что придется, лишь бы попало мне на глаза. И не было случая, чтобы, приметив этот знак, я не мчался в ту же ночь на ранчо. Я встречался с нею в той рощице, что позади маленького конского корраля.

- Мы знали это, - протянул Бэлди, - только виду не подавали. Все мы

были за вас. Мы знали, почему ты в лагере держишь коня всегда наготове. И когда мы видели "желудок с костями", расписанные на повозке, мы знали, что старику Пинто придется в эту ночь глотать мили вместо травы. Ты помнишь Скэрри... этого ученого объездчика? Ну, парня из колледжа, который приехал на пастбище лечиться от пьянства. Как завидит Скэрри на чем-нибудь это клеймо "приезжай к своей милке", махнет, бывало, рукой вот таким манером и скажет:

"Ну, нынче ночью наш приятель Леандр опять доплывет через Геллиспункт".

- В последний раз, - сказал Уэб, - Санта послала мне знак, когда была больна. Я заметил его сразу, как только вернулся в лагерь, и в ту ночь сорок миль прогнал Пинто галопом. В рощице ее не было. Я пошел к дому, и в дверях меня встретил старик Мак-Аллистер.

- Ты приехал, чтобы быть убитым? - говорил он. - Сегодня не выйдет. Я только что послал за тобой мексиканца. Санта хочет тебя видеть. Ступай в эту комнату и поговори с ней. А потом выходи и поговоришь со мной.

Санта лежала в постели сильно больная. Но она вроде как улыбнулась, и наши руки сцепились, и я сел возле кровати как был - грязный, при шпорах, в кожаных штанах и тому подобном.

- Несколько часов мне чудился топот копыт твоей лошади, Уэб, - говорит она. - Я была уверена, что ты прискачешь. Ты увидел знак? - Шепчет она:

- Как только вернулся в лагерь, - говорю я. - Он был нарисован на мешке с картошкой и луком.

- Они всегда вместе, - говорит она нежно, - всегда вместе в жизни.

- Вместе они замечательны, - говорю я, - с тушеным мясом.

- Я имею в виду сердце и крест, - говорит она. - Наш знак. Любовь и страдание - вот что он обозначает.

Тут же был старый Док Мэсгров, забавлявшийся виски и веером из пальмового листа. Ну, вскоре Санта засыпает. Док трогает ее лоб и говорит мне: "Вы не плохое жаропонижающее. Но сейчас вам лучше уйти, потому что, согласно диагнозу, вы не требуетесь в больших дозах. Девушка будет в полном порядке, когда проснется".

Я вышел и встретил старика Мак-Аллистера.

- Она спит, - сказал я. - Теперь вы можете делать из меня дуршлаг. Пользуйтесь случаем; я оставил свое ружье на седле.

Старик смеется и говорят мне:

- Какой мне расчет накачать свинцом лучшего управляющего в Западном Техасе? Где я найду такого? Я почему говорю, что ты хорошая мишень? Потому что ты хочешь стать моим зятем. В члены семейства ты, Уэб, мне не годишься. Но использовать тебя на Нопалито я могу, если ты не будешь совать нос в усадьбу. Отправляйся-ка наверх и ложись на койку, а когда выплывешься, мы с тобой это обсудим.

Бэлди Вудз надвинул шляпу и скинул ногу с седельной луки. Уэб натянул поводья, и его застоявшаяся лошадь заплясала. Церемонно, как принято на Западе, мужчины пожали друг другу руки.

- Adios, Бэлди, - сказал Уэб, - очень рад, что повидал тебя и побеседовал.

Лошади рванули с таким шумом, будто вспорхнула стая перепелов, и всадники понеслись к разным точкам горизонта. Отъехав ярдов сто, Бэлди остановил, лошадь на вершине голого холмика и испустил вопль. Он качался в седле. Иди он пешком, земля бы завертелась под ним и свалила его. Но в седле он всегда сохранял равновесие, смеялся над виски и презирал центр тяжести.

- Услышав сигнал, Уэб повернулся в седле.

- На твоём месте, - донесся с пронзительной издевкой голос Бэди, - я был бы королем.

На следующее утро, в восемь часов, Бэд Тэрнер скатился с седла перед домом в Нопалито и зашагал, звякая шпорами, к галерее. Бэд должен был в это утро гнать гурт рогатого скота в Сан-Антонио. Миссис Игер была на галерее и поливала цветок гиацинта в красном глиняном горшке.

"Король" Мак-Аллистер завещал своей дочери много положительных качеств: свою решительность, свое веселое мужество, свою упрямую самоуверенность, свою гордость царствующего монарха копыт и рогов. Темпом Мак-Аллистера всегда было *allegro*, а манерой - *fortissimo*. Санта унаследовала их, но в женском ключе. Во многом она напоминала свою мать, которую призывали на иные, беспредельные зеленые пастбища задолго до того, как растущие стада коров придали дому королевское величие. У нее была стройная крепкая фигура матери и ее степенная нежная красота, смягчавшая суровость властных глаз и королевски-независимый вид Мак-Аллистера.

Уэб стоял в конце галереи с несколькими управляющими, которые приехали из различных лагерей за распоряжениями.

- Привет! - сказал Бэд кратко. - Кому в городе сдать скот? Барберу, как всегда?

Отвечать на такие вопросы было прерогативой королевы. Все бразды хозяйства - покупку, продажу и расчеты - она держала в своих ловких пальчиках. Управление скотом целиком было доверено ее мужу. - В дни "короля" Мак-Аллистера Санта была его секретарем и помощником. И она продолжала свою работу разумно и с выгодой. Но до того, как она успела ответить, принц-консорт заговорил со спокойной решимостью:

- Сдай этот гурт в загоны Циммермана и Несбита. Я говорил, об этом недавно с Циммерманом.

- Бэд повернулся на своих высоких каблуках.

- Подождите, - поспешно позвала его Санта. Она взглянула на мужа, удивление было в ее упрямых серых глазах.

- Что это значит, Уэб? - спросила она, и небольшая морщинка появилась у нее между бровей. - Я не торгую с Циммерманом и Несбитом. Вот уже пять лет Барбер забирает весь скот, который идет от нас на продажу. Я не собираюсь отказываться от его услуг. - Она повернулась к Бэду Тэрнеру. - Сдайте этот скот Барберу, - заключала она решительно.

Бэд безучастно посмотрел на кувшин с водой, висевший на галерее, переступил с ноги на ногу и пожевал лист меокита.

- Я хочу, чтобы этот гурт был отправлен Циммерману и Несбиту, - сказал Уэб, и в его голубых глазах сверкнул холодный огонек.

- Глупости! - сказала нетерпеливо Санта. - Вам лучше отправляться сейчас, Бэд, чтобы отполдничать на водопое "Маленького вяза". Скажите Барберу, что через месяц у нас будет новая партия бракованных телят.

Бэд посмотрел украдкой на Уэба, и взгляды их встретились. Уэб заметил в глазах Бэда просьбу извинить его, но вообразил, что видит соболезнавание.

- Сдай скот, - сказал он сурово, - фирме...

- Барбера, - резко dokonчила Санта. - И поставим точку. Вы ждете еще чего-нибудь, Бэд?

- Нет, мэм, - сказал Бэд. Но прежде чем уйти, он замешкался ровно на столько времени, сколько нужно корове, чтобы трижды махнуть хвостом; ведь мужчина - всегда союзник мужчине; и даже филистимляне, должно быть,

покраснели, овладев Самсоном так как они это сделали.

- Слушайся своего хозяина! - сардонически крикнул Уэб. Он снял шляпу и так низко поклонился жене, что шляпа коснулась пола.

- Уэб, - сказала Санта с упрёком, - ты сегодня ведешь себя страшно глупо.

- Придворный шут, ваше величество, - сказал Уэб медленно, изменившимся голосом. - Чего же еще и ждать? Позвольте высказаться. Я был мужчиной до того, как женился на "королеве" скота. А что я теперь? Посмешище для всех лагерей. Но я стану снова мужчиной.

Санта пристально взглянула на него.

- Брось глупости, Уэб, - сказала она спокойно. - Я тебя ничем не обидела. Разве я вмешиваюсь в твоё управление скотом? А коммерческую сторону дела я знаю лучше тебя. Я научилась у папы. Будь благоразумен.

- Короля и королевы, - сказал Уэб, - не по вкусу мне, если я сам не фигура. Я пасу скот, а ты носишь корону. Прекрасно! Я лучше буду лорд-канцлером коровьего лагеря, чем восьмеркой в чужой игре, Это твоё ранчо, и скот получает Барбер.

Лошадь Уэба была привязана к коновязи. - Он вошел в дом и вынес сверток одеял, которые брал только в дальние поездки, и свой плащ, и своё самое длинное лассо, плетеное из сыромятной кожи. Все это он не спеша приторочил к седлу, Санта с побледневшим лицом следила за ним.

Уэб вскочил в седло. Его серьёзное, бритое лицо было спокойно, лишь в глазах тлел упрямый огонек.

- В близи водопоя Хондо в долине Фрио, - сказал он, - пасется стадо коров и телят. Его надо отогнать подальше от леса. Волки задрали трех телят. Я забыл распорядиться. Скажи, пожалуйста, Симмсу, чтобы он позаботился.

Санта взялась за уздечку и посмотрела мужу в глаза.

- Ты хочешь бросить меня, Уэб? - спросила она спокойно.

- Я хочу снова стать мужчиной, - ответил он.

- Желаю успеха в похвальном начинании, - сказала она с неожиданной холодностью. Потом повернулась и ушла в дом.

Уэб Игер поехал на юго-восток по прямой, насколько это позволяла топография Западного Техаса. А достигнув горизонта, он, видно, растворился а голубой дали, так как на ранчо Нопалито о нем с тех пор не было ни слуху, ни духу. Дни с воскресеньями во главе строились в недельные эскадроны, и неделя под командою полнолуний вступали рядами в месячные полки, несущие на своих знаменах "Tempos fugit" (2), и месяцы маршировали в необъятный лагерь годов. Но Уэб Игер не являлся больше во владения своей королевы.

Однажды некий Бартоломью с низовьев Рио-Гранде, овчар, а посему, человек незначительный, показался в виду ранчо Нопалито и почувствовал приступ голода. Ex consuetudine (3) его, вскоре усадили за обеденный стол в этом гостеприимном королевстве. И он заговорил: будто из него извергалась вода, словно его стукнули аароновым жезлом... Таков бывает тихий, овчар, когда слушатели, чьи уши не заросли шерстью, удостоят его внимания.

- Миссис Игер, - тараторил он, - на днях я видел человека на ранчо Сэко, в округе Гидальго, так его тоже звали Игер, Уэб Игер. Его как раз наняли туда в управляющие. Высокий такой, белокрысы и все молчит. Может, кто из вашей родни?

- Муж, - приветливо сказала Санта. - На Сэко хорошо сделали, что наняли его. Мистер Игер один из лучших скотоводов на Западе.

Исчезновение принца-консорта редко дезорганизует монархию. Королева

Санта назначила старшим объездчиком надежного подданного по имени Рэмси, - одного из верных вассалов ее отца. И на ранчо Нопалито все шло гладко и без волнений, только трава на обширных лугах волновалась от бриза, налетавшего с залива.

Уже несколько лет в Нопалито производились опыты с английской породой скота, который с аристократическим презрением смотрел на техасских длиннорогих. Опыты были признаны удовлетворительными, и для голубокровок отведено отдельное пастбище. Слава о них разнеслась по прерии, по всем оврагам и зарослям, куда только мог проникнуть верховой. На другие ранчо проснулись, протерли глаза и с неудовольствием поглядели на длиннорогих.

И в результате однажды загорелый, ловкий, франтоватый юноша с шелковым платком на шее, украшенный револьверами и сопровождаемый тремя мексиканскими уакегос (4) спешил на ранчо Нопалито и вручил "королеве" следующее деловое письмо:

"Миссис Игер. - Ранчо Нопалито. Милостивая государыня!

Мне поручено владельцами ранчо Сэко закупить 100 голов телок, двух- и трехлеток, сэсекской породы, имеющейся у Вас. Если Вы можете выполнить заказ, не откажите передать скот подателю сего. - Чек будет выслан Вам немедленно.

С почтением Уэбстер Игер,
Управляющий ранчо Сэко".

Дело всегда дело, - даже я чуть-чуть не написал: "особенно" - в королевстве.

В этот вечер сто голов скота пригнали с пастбища и заперли в корраль возле дома, чтобы сдать его утром.

Когда спустилась ночь и дом затих, бросилась ли Санта Игер лицом в подушу, прижимая это деловое письмо к груди, рыдая и произнося то имя, которому гордость (ее или его) не позволяла сорваться с ее губ многие дни? Или же, со свойственной ей деловитостью, она подколола его к другим бумагам, сохраняя спокойствие и выдержку, достойные королевы скота? Догадывайтесь, если хотите, но королевское достоинство священно. И все сокрыто завесой. Однако кое-что вы все-таки узнаете.

В полночь Санта накинув темное, простое платье, тихо выскользнула из дома. Она задержалась на минуту под дубами. Прерия была словно в тумане, и лунный свет, мерцающий сквозь неосязаемые частицы дрожащей дымки, казался бледно-оранжевым. Но дрозды-пересмешники свистели на каждом удобном суку, мили цветов насыщали ароматом воздух, а на полянке резвился целый детский сад - маленькие призрачные кролики. Санта повернулась лицом на юго-восток и послала три воздушных поцелуя в этом направлении. Все равно подглядывать было некому.

Затем она бесшумно направилась к кузнице, находившейся в пятидесяти ярдах. О том, что она там делала, можно только догадываться. Но горн накалился и раздавалось легкое постукивание молотка, какое, верно, можно услышать, когда купидон оттачивает свои стрелы.

Вскоре она вышла, держа в одной руке какой-то странной формы предмет с рукояткой, а в другой - переносную жаровню, какие можно видеть в лагерях у клеймовщиков. Освещенная лунным светом, она быстро подбежала к корралю, куда был загнан сэсекский скот.

Она отворяла ворота и проскользнула в корраль. Сэсекский скот был большей частью темно-рыжий. Но в этом гурте была одна молочно-белая телка, заметная среди других.

И вот Санта стряхнула с плеч нечто, чего мы раньше не заметили, - лассо. Она взяла петлю в правую руку, а смотанный конец в левую и протиснулась в гущу скота.

Ее мишенью была белая телка. Она метнула лассо, оно задело за один рог и соскользнуло. Санта метнула еще раз - лассо обвило передние ноги телки, и она грузно упала. Санта кинулась к ней, как пантера, но телка поднялась, толкнула ее и свалила, как былинку.

Санта сделала новую попытку. Встревоженный скот плотной массой толкался у стен корраля. Бросок был удачен; белая телка снова припала к земле, и, прежде чем она смогла подняться, Санта быстро закрутила лассо вокруг столба, завязала его простым, но крепким узлом и кинулась к телке с путами из сыромятной кожи.

В минуту (не такое уж рекордное время) ноги животного были спутаны, и Санта, усталая и запыхавшаяся, на такой же срок прислонилась к стене корраля.

Потом она быстро побежала к жаровне, оставленной у ворот, и притащила странной формы клеймо, раскаленное добела.

Рев оскорбленной белой телки, когда клеймо коснулось ее, должен был бы разбудить слуховые нервы и совесть находившихся поблизости подданных Нопалито, но этого не случилось. И среди глубочайшей ночной тишины Санта, как птица, полетела домой, упала на кровать и зарыдала... Зарыдала так, будто у королев такие же сердца, как и у жен обыкновенных ранчменов, и будто королевы охотно сделают принцев- консORTов королями, если они прискачут из-за холмов, из голубой дали.

Поутру ловкий, украшенный револьверами юноша и его vaqueros погнали гурт эссекского скота через прерии к ранчо Сэко. Впереди девяносто миль пути. Шесть дней с остановками для пастбы и водопоя.

Скот прибыл на ранчо Сэко в сумерки и был принят и пересчитан старшим по ранчо.

На следующее утро, в восемь часов, какой-то всадник вынырнул из кустарника на усадьбе Нопалито. Он с трудом спешился и зашагал, звеня шпорами, к дому. Его взмыленная лошадь испустила тяжелый вздох и закачалась, понуря голову и закрыв глаза.

Но не расточайте своего сострадания на гнедого, в мелких пежинах, Бельсхазара. Сейчас на конских пастбищах Нопалито он процветает в любви и в холе, неседлаемый, лелеемый держатель рекорда на дальние дистанции.

Всадник, пошатываясь, вошел в дом. Две руки обвилились вокруг его шеи, и кто-то крикнул голосом женщины и королевы: "Уэб... О Уэб!"

- Я был мерзавцем, - сказал Уэб Игер.

- Тс-с, - сказала Санта, - ты видел?

- Видел, - сказал Уэб.

Один бог знает, что они имели в виду. Впрочем, и вы узнаете, если внимательно прочли о предшествующих событиях.

- Будь королевой скота, - сказал Уэб, - и забудь обо всем, если можешь. Я был паршивым койотом.

- Тс-с! - снова сказала, Санта, положив пальчик на его губы. - Здесь больше нет королевы. Ты знаешь, кто я? Я - Санта Игер, первая леди королевской опочивальни. Иди сюда.

Она потащила его с галереи в комнату направо. Здесь стояла колыбель, и в ней лежал инфант-красный, буйный, лепечущий, замечательный инфант, нахально плюющий на весь мир.

- На этом ранчо нет королевы, - повторила Санта. - Взгляни на короля. У него твои глаза, Уэб. На колени и смотри на его высочество.

Но на галерее послышалось звяканье шпор, и опять появился Бэд Тэрнер с тем же самым вопросом, с каким приходил он без малого год назад.

- Привет! Скот уже на дороге. Гнать его к Барберу или...

Он увидел Уэба и замолк с открытым ртом.

- Ба-ба-ба-ба-ба-ба, - закричал король в своей люльке, колотя кулачками воздух.

- Слушайся своего хозяина, Бэд, - сказал Уэб Игер с широкой усмешкой, как сказал это год назад.

Вот и все. Остается упомянуть, что когда старик Куин, владелец ранчо Сэко, вышел осмотреть стадо сэссекского скота, который он купил на ранчо Нопалито, он спросил своего нового управляющего:

- Какое клеймо на ранчо Нопалито, Уилсон?

- Х-черта-У, - сказал Уилсон.

- И мне так казалось, - заметил Куин. - Но взгляни на эту белую телку. У ней другое клеймо сердце и в нем - крест. Что это за клеймо?

1) - Приятели (испан.).

2) - Время бежит (лат.).

3) - По установленному обычаю (лат.).

4) - Ковбой (испан.).

Выкуп

Перевод М. Урнова

Я и старикашка Мак Лонсбери, мы вышли из этой игры в прятки с маленькой золотиносной жилой, заработав по сорок тысяч долларов на брата. Я говорю "старикашка" Мак, но он не был старым. Сорок один, не больше. Однако он всегда казался стариком.

- Энди, - говорит мне Мак, - я устал от суеты. Мы с тобой здорово поработали эти три года. Давай отдохнем малость и спустим лишние деньжонки.

- Предложение мне по вкусу, - говорю я. - Давай станем на время набобами и попробуем, что это за штука. Но что мы будем делать проедемся к Ниагарскому водопаду или будем резаться в "фараон"?

- Много лет, - говорит Мак, - я мечтал, что если у меня будут лишние деньги, я сниму где-нибудь хибарку из двух комнат, найму повара-китайца и буду себе сидеть в одних носках и читать "Историю цивилизации" Бокля.

- Ну что ж, - говорю я, - приятно, полезно и без вульгарной помпы. Пожалуй, лучшего помещения денег не придумаешь. Дай мне часы с кукушкой и "Самоучитель для игры на банджо" Сэпа Уиннера, и я тебе компаньон.

Через неделю мы с Маком попадаем в городок Пинья, милях в тридцати от Денвера, и находим элегантный домишко из двух комнат, как раз то, что нам нужно. Мы вложили в городской банк вагон денег и перезнакомились со всеми

тремястами сорока жителями города. Китайца, часы с кукушкой, Бокля и "Самоучитель" мы привезли с собой из Денвера, и в нашей хибарке сразу стало уютно, как дома.

Не верьте, когда говорят, будто богатство не приносит счастья. Посмотрели бы вы, как старикашка Мак сидит в своей качалке, задрав ноги в голубых нитяных носках на подоконник, и сквозь очки поглощает снадобье Бокля, - это была картина довольства, которой позавидовал бы сам Рокфеллер. А я учился наигрывать на банджо "Старичина-молодчина Зип", и кукушка вовремя вставляла свои замечания, и А-Син насыщал атмосферу прекраснейшим ароматом яичницы с ветчиной, перед которым спасовал бы даже запах жимолости. Когда становилось слишком темно, чтобы разбирать чепуху Бокля и закорючки "Самоучителя", мы с Максом закуривали трубки и толковали о науке, о добывании жемчуга, об ишиасе, о Египте, об орфографии, о рыбах, о пассатах, о выделке кожи, о благодарности, об орлах и о всяких других предметах, относительно которых у нас прежде никогда не хватало времени высказывать свое мнение.

Как-то вечером Мак возьми да спроси меня, хорошо ли я разбираюсь в нравах и политике женского сословия.

- Кого ты спрашиваешь! - говорю я самонадеянным тоном. - Я знаю их от Альфреда до Омахи (1). Женскую природу и тому подобное, - говорю я, - я распознаю так же быстро, как зоркий осел - Скалистые горы. Я собаку съел на их увертках и вывертах...

- Понимаешь, Энди, - говорит Мак, вроде как вздохнув, - мне совсем не пришлось иметь дело с их предрасположением. Возможно, и во мне разыгралась бы склонность обыграть их соседство, да времени не было. С четырнадцати лет я зарабатывал себе на жизнь, и мои размышления не были обогащены теми чувствами, какие, судя по описаниям, обычно вызывают создания этого пола. Иногда я жалею об этом, - говорит Мак.

- Женщины - неблагоприятный предмет для изучения, - говорю я, - и все это зависит от точки зрения. И хотя они отличаются друг от друга в существенном, но я часто замечал, что они как нельзя более несходны в мелочах.

- Кажется мне, - продолжает Мак, - что гораздо лучше проявлять к ним интерес и вдохновляться ими, когда молод и к этому предназначен. Я прозевал свой случай. И, пожалуй, я слишком стар, чтобы включить их в свою программу.

- Ну, не знаю, - говорю я ему, - может, ты отдаешь предпочтение бочонку с деньгами и полному освобождению от всяких забот и хлопот. Но я не жалею, что изучил их, - говорю я. - Тот не даст себя в обиду в этом мире, кто умеет разбираться в женских фокусах и увертках.

Мы продолжали жить в Пинье, нам нравилось это местечко. Некоторые люди предпочитают тратить свои деньги с шумом, треском и всякими передвижениями, но мне и Маку надоели суматоха и гостиничные полотенца. Народ в Пинье относился к нам хорошо. А-Син стряпал кормежку по нашему вкусу. Мак и Бокль были неразлучны, как два кладбищенских вора, а я почти в точности извлекал на банджо сердцепипательное "Девочки из Буффало, выходите вечером".

Однажды мне вручили телеграмму от Спейта, из Нью-Мексико, где этот парень разрабатывал жилу, с которой я получал проценты. Пришлось туда выехать, и я проторчал там два месяца. Мне не терпелось вернуться в Пинью и опять зажить в свое удовольствие.

Подойдя к хибарке, я чуть не упал в обморок. Мак стоял в дверях, и если ангелы плачут, то, клянусь, в эту минуту они не стали бы улыбаться.

Это был не человек - зрелище! Честное слово! На него стоило посмотреть

в лорнет, в бинокль, да что там, в подзорную трубу, в большой телескоп Ликской обсерватории!

На нем был сюртук, шикарные ботинки, и белый жилет и цилиндр, и герань, величиной с пучок шпината, была приклепана на фасаде. И он ухмылялся и коробился, как торгаш в преисподней или мальчишка, у которого схватило живот.

- Алло, Энди, - говорит Мак, цедя сквозь зубы, - рад, что ты вернулся. Тут без тебя произошли кое-какие перемены.

- Вижу, - говорю я, - и, сознаюсь, это кошунственное явление. Не таким тебя создал всевышний, Мак Лонсбери. Зачем же ты надругался над его творением, явив собой столь дерзкое непотребство!

- Понимаешь, Энди, - говорит он, - меня выбрали мировым судьей.

Я внимательно посмотрел на Мака. Он был беспокоен и возбужден. Мировой судья должен быть скорбящим и кротким.

Как раз в этот момент по тротуару проходила какая-то девушка, и я заметил, что Мак словно бы захихикал и покраснел, а потом снял цилиндр, улыбнулся и поклонился, и она улыбнулась, поклонилась и пошла дальше.

- Ты пропал, - говорю я, - если в твои годы заболеваешь любовной корью. А я-то думал, что она к тебе не пристанет. И лакированные ботинки! И все это за какие-нибудь два месяца!

- Вечером у меня свадьба... вот эта самая юная девица, - говорит Мак явно с подъемом.

- Я забыл кое-что на почте, - сказал я и быстро зашагал прочь.

Я нагнал эту девушку ярдов через сто. Я снял шляпу и представился. Ей было этак лет девятнадцать, а выглядела она моложе своих лет. Она вспыхнула и посмотрела на меня холодно, словно я был метелью из "Двух сироток".

- Я слышал, что сегодня вечером у вас свадьба? - сказал я.

- Правильно, - говорит она, - вам это почему-нибудь не нравится?

- Послушай, сестренка, - начинаю я.

- Меня зовут мисс Ребоза Рид, - говорит она обиженно.

- Знаю, - говорю я, - так вот, Ребоза, я уже не молод, гожусь в должники твоему папаше, а эта старая, расфранченная, подремонтированная, страдающая морской болезнью развалина, которая носится, распустив хвост и кулдыкая, в своих лакированных ботинках, как наскипидаренный индюк, приходится мне лучшим другом. Ну на кой черт ты связалась с ним и втянула его в это брачное предприятие?

- Да ведь другого-то нету, - ответила мисс Ребоза.

- Глупости! - говорю я, бросив тошнотворный взгляд восхищения на цвет ее лица и общую композицию. - С твоей красотой ты подцепишь кого угодно. Послушай, Ребоза, старикашка Мак тебе не пара. Ему было двадцать два, когда ты стала - урожденная Рид, как пишут в газетах. Этот расцвет у него долго не протянется. Он весь пропитан старостью, целомудрием и трухой. У него приступ бабьего лета - только и всего. Он прозевал свою получку, когда был молод, а теперь вымаливает у природы проценты по векселю, который ему достался от амура вместо наличных... Ребоза, тебе непременно нужно, чтобы этот брак состоялся?

- Ну ясно, - говорит она, покачивая анютины глазки на своей шляпе. - И думаю, что не мне одной.

- В котором часу должно это свершиться? - спрашиваю я.

- В шесть, - говорит она.

Я сразу решил, как поступить. Я должен сделать все, чтобы спасти Мака.

Позволить такому хорошему, пожилому не подходящему для супружества человеку погибнуть из-за девчонки, которая не отвыкла еще грызть карандаш и застегивать платице на спине, - нет, это превышало меру моего равнодушия.

- Ребоза, - сказал я серьезно пустив в ход весь свой запас знаний, первопричин женских резонов, - неужели нет в Пинье молодого человека... приличного молодого человека, который бы тебе нравился?

- Есть, - говорит Ребоза, кивая своими анютиными глазками, - конечно, есть. Спрашивает тоже!

- Ты ему нравишься? - спрашиваю я. - Как он к тебе относится?

- С ума сходит, - Отвечает Ребоза. - Маме приходится поливать крыльцо водою, чтобы он не сидел на нем целый день. Но завтра, думается мне, с этим будет покончено, - заключила она со вздохом.

- Ребоза, - говорю я, - ты ведь не питаешь к старичку Маку этого сильного обожания, которое называют любовью, не правда ли?

- Еще недоставало! - говорит девушка, покачивая головой. - По-моему, он весь иссох, как дырявый бочонок. Вот тоже выдумали!

- Кто этот молодой человек, Ребоза, который тебе нравится? - осведомился я.

- Эдди Бэйлз, - говорит она, - Он служит в колониальной лавочке у Кросби. Но он зарабатывает только тридцать пять долларов в месяц. Элла Ноукс была раньше от него без ума.

- Старикашка Мак сообщил Мне, - говорю я, - что сегодня в шесть у вас свадьба.

- Совершенно верно, - говорит она, - в шесть часов, у нас в доме.

- Ребоза, - говорю я. - Выслушай меня! Если бы Эдди Бэйлз имел тысячу долларов наличными... На тысячу долларов, имей в виду, он может приобрести собственную лавочку... Так вот, если бы вам с Эдди попалась такая разрешающая сомнения сумма, согласилась бы ты повенчаться с ним сегодня в пять вечера?

Девушка смотрит на меня с минуту, и я чувствую, как ее организм охватывают непередаваемые размышления, обычные для женщин при таких обстоятельствах.

- Тысячу долларов? - говорит она. - Конечно, согласилась бы.

- Пойдем, - говорю я. - Пойдем к Эдди!

Мы пошли в лавочку Кросби и вызвали Эдди на улицу. Вид у него был почтенный и веснушчатый, и его бросило в жар и в холод, когда я изложил ему свое предложение.

- В пять часов? - говорит он. - За тысячу долларов? Ой, не будите меня.

Понял! Вы богатый дядюшка, наживший состояние на торговле пряностями в Индии. А я покупаю лавочку старика Кросби - и сам себе хозяин.

Мы вошли в лавочку, отозвали Кросби в сторону и объяснили все дело. Я выписал чек на тысячу долларов и отдал его старику. Он должен был передать его Эдди и Ребозе, если они повенчаются в пять.

А потом я благословил их и пошел побродить по лесу. Я уселся на пень и размышлял о жизни, о старости, о зодиаке, о женской логике и о том, сколько треволнений выпадает на долю человека.

Я поздравил себя с тем, что я, очевидно, спас моего старого приятеля Мака от приступа второй молодости. Я знал, что, когда он очнется и бросит свое сумасбродство и свои лакированные ботинки, он будет мне благодарен. "Удержаться Мака от подобных рецидивов, - думал я, - на это не жалко и больше тысячи долларов". Но особенно я был рад тому, что я изучил женщин и что ни

одна меня не обманет своими причудами и подвохами. Когда я вернулся домой, было, наверно, половина шестого, Я вошел и вижу - старикашка Мак сидит развалившись в качалке, в старом своем костюме, ноги в голубых носках задраны на подоконник, а на коленях - "История цивилизации".

- Не очень-то похоже, что ты к шести отправляешься на свадьбу, - говорю я с невинным видом.

- А-а, - говорит Мак и тянется за табаком, - ее передвинули на пять часов. Известили запиской, что переменили час. Все уже кончено. А ты чего пропадал так долго, Энди?

- Ты слышал о свадьбе? - спрашиваю я.

- Сам венчал, - говорит он. - Я же говорил тебе, что меня избрали мировым судьей. Священник где-то на Востоке гостит у родных, а я единственный в городе, кто имеет право совершать брачные церемонии. Месяц назад я пообещал Эдди и Ребозе, что обвенчаю их. Он парень толковый и как-нибудь обзаведется собственной лавочкой.

- Обзаведется, - говорю.

- Уйма женщин была на свадьбе, - говорит Мак, - но ничего нового я в них как-то не приметил. А хотелось бы знать структуру их вывертов так же хорошо, как ты... Ведь ты говорил...

- Говорил два месяца назад, - сказал я и потянулся за банджо.

1) - От альфы до омеги. Омаха - город в штате Небраска.

Друг - Телемак

Перевод М. Урнова

Вернувшись с охоты, я поджидал в маленьком городке Лос-Пиньос, в Нью-Мексико, поезд, идущий на юг. Поезд запаздывал на час. Я сидел на крыльце ресторанчика "Вершина" и беседовал о смысле жизни с Телемаком Хиксом, его владельцем.

Заметив, что вопросы личного характера не исключаются, я спросил его, какое, животное, очевидно давным-давно, скрутило и обезобразило его левое ухо. Как охотника меня интересовали злоключения, которые могут постигнуть человека, преследующего дичь.

- Это ухо, - сказал Хикс, - реликвия верной дружбы.

- Несчастный случай? - не унимался я.

- Никакая дружба не может быть несчастным случаем, - сказал Телемак, и я умолк,

- Я знаю один-единственный случай истинной дружбы, - продолжал мой хозяин, - это случай любовного соглашения между человеком из Коннектикута и обезьяной. Обезьяна взбиралась на пальмы в Барранквилле и сбрасывала человеку кокосовые орехи. Человек распиливал их пополам, делал из них чашки,

продавал их по два реала за штуку и покупал ром. Обезьяна выпивала кокосовое молоко. Поскольку каждый был доволен своей долей в добыче, они жили, как братья. Но у человеческих существ дружба - занятие преходящее: побалуется ею и забросят.

Был у меня как-то друг, по имени Пейсли Фиш, и я воображал, что он привязан ко мне на веки вечные. Семь лет мы бок о бок добывали руду, разводили скот, продавали патентованные маслобойки, пасли овец, щелкали фотографии и все, что попадалось под руку, ставили проволочные изгороди и собирали СЛЕИВЫ. И думалось мне что ни человекоубийство, ни лезть, ни богатство, ни пьянство, никакие ухищрения не посеют раздора между мной и Пейсли Фишем. Вы и представить себе не можете, как мы были дружны. Мы были друзьями в деле, но наши дружеские чувства не оставляли нас в часы досуга и забав. Поистине у нас были дни Дамона и ночи Пифиаса (1).

Как-то летом мы с Пейсли, нарядившись как полагается, скачем в эти самые горы Сан-Андрес, чтобы на месяц окунуться в безделье и легкомыслие. Мы попадаем сюда, в Лос-Пиньос, в этот Сад на крыше мира, где текут реки сгущенного молока и меда. В нем несколько улиц и воздух, и куры, и ресторан. Чего еще человеку надо!

Приезжаем мы вечером, после ужина, и решаем обследовать, какие съестные припасы имеются в ресторане у железной дороги. Только мы уселись и отодрали ножами тарелки от красной клеенки, как вдруг влетает вдова Джессап с горячими пирожками и жареной печенкой.

Это была такая женщина, что даже пескаря ввела бы в грех. Она была не столько маленькая, сколько крупная и, казалось, дух гостеприимства пронизывал все ее существо. Румянец ее лица говорил о кулинарных склонностях и пылком темпераменте, а от ее улыбки чертополох мог бы зацвести в декабре месяце. Вдова Джессап наболтала нам всякую всячину: о климате, об истории, о Теннисоне, о черносливе, о нехватке баранины и, в конце концов, пожелала узнать, откуда мы явились.

- Спринг-Вэлли, - говорю я.

- Биг-Спринг-Вэлли, - прожевывает Пейсли вместе с картошкой и ветчиной.

Это был первый замеченный мною признак того, что старая дружба *fidus Diogenes* между мной и Пейсли окончилась навсегда. Он знал, что я терпеть не могу болтунов, и все-таки влез в разговор со своими вставками и синтаксическими добавлениями. На карте значилось Биг-Спринг-Вэлли, но я сам слышал, как Пейсли тысячу раз говорил просто Спринг-Вэлли.

Больше мы не сказали ни слова и, поужинав, вышли и уселись на рельсах. Мы слишком долго были знакомы, чтобы не знать, какие мысли бродили в голове у соседа.

- Надеюсь, ты понимаешь, - говорит Пейсли, - что я решил присовокупить эту вдову, как органическую часть, к моему наследству в его домашней, социальной, юридической и других формах отныне и навеки, пока смерть не разлучит нас.

- Все ясно, понятно, - отвечаю я. - Я прочел это между строк, хотя ты обмолвился только одной. Надеюсь, тебе также известно, - говорю я, - что я предпринял шаг к перемене фамилии вдовы на фамилию Хикс и советую тебе написать в газету, в отдел светской хроники, я запросить точную информацию, полагается ли шаферу камелия в петлицу и носки без шва.

- В твоей программе пройдут не все номера, - говорит Пейсли, пожевывая кусок железнодорожной шпалы. - Будь это дело мирское, я уступил бы тебе в чем хочешь, но здесь - шалишь! Улыбки женщин, - продолжает Пейсли, - это

водоворот Сциллы и Харибды, в пучину которого часто попадает, разбиваясь в щепки, крепкий корабль "Дружба". Как и прежде, я готов отбить тебя у медведя, - говорит Пейсли, - поручиться по твоему векселю или растереть тебе лопатки оподельдаком. Но на этом мое чувство этикета иссякает. В азартной игре на миссис Джессап мы играем порознь. Я честно предупредил тебя.

Тогда я совещаюсь сам с собой и предлагаю следующую резолюцию и поправки:

- Дружба между мужчинами, - говорю я, - есть древняя историческая добродетель, рожденная в те дни, когда люди должны были защищать друг друга от летающих черепах и ящерице восьмидесятифутовыми хвостами. Люди сохраняют эту привычку по сей день и стоят друг за друга до тех пор, пока не приходит коридорный и не говорит, что все эти звери им только померещились. Я часто слышал, - говорю я, - что с появлением женщины исчезает дружба между мужчинами. Разве это необходимо? Видишь ли, Пейсли, первый взгляд и горячий пирожок миссис Джессап, очевидно, вызвали в наших сердцах вибрацию. Пусть она достанется лучшему из нас. С тобой я буду играть в открытую, без всяких закулисных проделок, Я буду за ней ухаживать в твоём присутствии, так что у тебя будут равные возможности. При таком условии я не вижу оснований, почему наш пароход "Дружба" должен перевернуться в указании тобой водовороте, кто бы из нас ни вышел победителем.

- Вот это друг! - говорит Пейсли, пожимая мне руку. - Я сделаю то же самое, - говорит он. - Мы будем за ней ухаживать, как близнецы, без всяких церемоний и кровопролитий, обычных в таких случаях. И победа или поражение - все равно мы будем друзьями.

У ресторана миссис Джессап стояла под деревьями скамейка, где вдова имела обыкновение посиживать в холодке, накормив и отправив поезд, идущий на юг. Там мы с Пейсли обычно и собирались после ужина и производили частичные выплаты дани уважения даме нашего сердца. И мы были так честны и щепетильны, что если кто-нибудь приходил первым, он поджидал другого, не предпринимая никаких действий.

В первый вечер, когда миссис Джессап узнала о нашем условии, я пришел к скамейке раньше Пейсли. Ужин только что окончился, и миссис Джессап сидела там в свежем розовом платье, остывшая после кухни уже настолько, что ее можно было держать в руках.

Я сел с ней рядом и сделал несколько замечаний относительно одухотворенной внешности природы, расположенной в виде ландшафта и примыкающей к нему перспективы. Вечер, как говорят, настраивал. Луна занималась своим делом в отведенном ей участка небосвода, деревья расстилали по земле свои тени, согласуясь с наукой и природой, а в кустах шла громкая переключка между козодоями, иволгами, кроликами и другими пернатыми насекомыми. А горный ветер распевал, как губная гармошка, в куче жестянок из-под томата, сложенной у железнодорожного полотна.

Я почувствовал в левом боку какое-то странное ощущение, будто тесто подымалось в квашне. Это миссис Джессап придвинулась ко мне поближе.

- Ах, мистер Хикс, - говорит она, - когда человек одинок, разве он не чувствует себя еще более одиноким в такой замечательный вечер?

Я моментально поднялся со скамейки.

- Извините меня, сударыня, - говорю я, - но, пока не придет Пейсли, я не могу вам дать вразумительный ответ на подобный наводящий вопрос.

И тут я объяснил ей, что мы - друзья, спаянные годами лишений, скитаний и соучастия, и что, попав в цветник жизни, мы условились не пользоваться

друг перед другом никаким преимуществом, какое может возникнуть от пылких чувств и приятного соседства. На минуту миссис Джессап серьезно задумалась, а потом разразилась таким смехом, что даже лес засмеялся ей в ответ.

Через несколько минут подходит Пейсли, волосы его облиты бергамотовым маслом, и он садится по другую сторону миссис Джессап и начинает печальную историю о том, как в девяносто пятом году в долине Санта-Рита во время девятимесячной засухи, он и Ламли Мякинное рыло заключили пари на седло с серебряной отделкой, кто больше обдерет издохших коров.

Итак, с самого начала ухаживания я стреножил Пейсли Фиша и привязал к столбу. У каждого из нас была своя система, как коснуться слабых мест женского сердца. Пейсли, тот стремился парализовать их рассказами о необыкновенных событиях, пережитых им лично или известных ему из газет.

Мне кажется, что он заимствовал этот метод покорения сердец из одной шекспировской пьесы под названием "Отелло", которую я как-то видел. Там один чернокожий пичкает герцогскую дочку разговорным винегретом из Райдера Хаггарда, Лью Докстейдера и доктора Паркхерста и таким образом получает то, что надо. Но подобный способ ухаживания хорош только на сцене.

А вот вам мой собственный рецепт, как довести женщину до такого состояния, когда про нее можно сказать: "урожденная такая-то". Научитесь брать и держать ее руку - и она ваша. Это не так легко. Некоторые мужчины хватают женскую руку таким образом, словно собираются отодрать ее от плеча, так что чуешь запах арники и слышишь, как разрывают рубашка на бинты. Некоторые берут руку, как раскаленную подкову, и держат ее далеко перед собой, как аптекарь, когда наливает в пузырек серную кислоту. А большинство хватается руку и сует ее прямо под нос даме, как мальчишка бейсбольный мяч, найденный в траве, все время напоминая ей, что рука у нее торчит из плеча. Все эти приемы никуда не годятся.

Я укажу вам верный способ.

Видали вы когда-нибудь, как человек крадется на задний двор и поднимает камень, чтобы запустить им в кота, который сидит на заборе и смотрит на него? Человек делает вид, что в руках у него ничего нет, и что он не видит кота, и что кот не видит его. В этом вся суть. Следите, чтобы эта самая рука не попадалась женщине на глаза. Не давайте ей понять, что вы думаете, что она знает, будто вы имеете хоть малейшее представление о том, что ей известно, что вы держите ее за руку. Таково было правило моей тактики. А что касается пейслевских серенад насчет военных действий и несчастных случаев, так он с таким же успехом мог читать ей расписание поездов, останавливающихся в Оушен-Гроув, штат Нью-Джерси.

Однажды вечером, когда я появился у скамейки раньше Пейсли на целую перекурку, дружба моя на минуту ослабла, и я спрашиваю миссис Джессап, не думает ли она, что букву Х легче писать, чем букву Д. Через секунду ее голова раздробила цветок олеандра у меня в петлице, и я наклонился и... и ничего.

- Если вы не против, - говорю я вставая, - то мы подождем Пейсли и закончим при нем. Я не сделал еще ничего бесчестного по отношению к нашей дружбе, а это было бы не совсем добросовестно.

- Мистер Хикс, - говорит миссис Джессап, как-то странно поглядывая на меня в темноте. - Если бы не одно обстоятельство, я попросила бы вас отчалить и не делать больше визитов в мой дом.

- А что это за обстоятельство, сударыня?

- Вы слишком хороший друг, чтобы стать плохим мужем, - говорят она.

Через пять минут Пейсли уже сидел с положенной ему стороны от миссис Джессап.

- В Силвер-Сити летом девяносто восьмого года, - начинает он, - мне привелось видеть в кабаке "Голубой свет", как Джим Бартоломью откусил китайцу ухо по той причине, что клетчатая сатиновая рубаша, которая... Что это за шум?

Я возобновил свои занятия с миссис Джессап как раз с того на чем мы остановились.

- Миссис Джессап, - говорю я, - обещала стать миссис Хикс. Вот еще одно тому подтверждение.

Пейсли обвил свои ноги вокруг ножки скамейки и вроде как застонал.

- Лем, - говорит он, - семь лет мы были друзьями. Не можешь ли ты целовать миссис Джессап потише? Я бы сделал это для тебя.

- Ладно, - говорю я, - можно и потише.

- Этот китаец, - продолжает Пейсли, - был тем самым, что убил человека по фамилии Маллинз весной девяносто седьмого года, и это был...

Пейсли снова прервал себя.

- Лем, - говорит он, - если бы ты был настоящим другом, ты бы не обнимал миссис Джессап так крепко. Ведь прямо скамья дрожит. Помнишь, ты говорил, что предоставишь мне равные шансы, пока у меня останется хоть один.

- Послушайте, мистер, - говорит миссис Джессап, повертываясь к Пейсли, - если бы вы через двадцать пять лет попали на нашу с мистером Хиксом серебряную свадьбу, как вы думаете, сварили бы вы в своем котелке, который вы называете головой, что вы в этом деле с боку припека? Я вас долго терпела, потому что вы друг мистера Хикса, но, по-моему, пора бы вам надеть траур и убраться подальше.

- Миссис Джессап, - говорю я, не ослабляя своей жениховской хватки, - мистер Пейсли - мой друг, и я предложил ему играть в открытую и на равных основаниях, пока останется хоть один шанс.

- Шанс! - говорит она. - Неужели он думает, что у него есть шанс? Надеюсь, после того, что он видел сегодня, он поймет, что у него есть шиш, а не, шанс.

Короче говоря, через месяц мы с миссис Джессап сочетались законным браком в методистской, церкви в Лос-Пиньос, и весь город сбежался поглядеть на это зрелище.

Когда мы стали плечом к плечу перед проповедником и он начал было гнусавить свои ритуалы и пожелания, я оглядываюсь и не нахожу Пейсли.

- Стой! - говорю я проповеднику. - Пейсли нет. Надо подождать Пейсли. Раз дружба, так дружба навсегда, таков Телемак Хикс, - говорю я.

Миссис Джессап так и стрельнула глазами, но проповедник, - согласно инструкции, прекратил свои заклинания.

Через несколько минут галопом влетает Пейсли, на ходу пристегивая манжету. Он объясняет, что единственная в городе галантерейная лавочка была закрыта по случаю свадьбы, и он не мог достать крахмальную сорочку себе по вкусу, пока не выставил заднее окно лавочки и не обслужил себя сам. Затем он становится по другую сторону невесты, и венчание продолжается. Мне кажется, что Пейсли рассчитывал, как на последний шанс, на проповедника - возьмет да и обвенчает его по ошибке с вдовой.

Окончив все процедуры, мы принялись за чай, вяленую антилопу и абрикосовые консервы, а затем народишка убрался с миром. Пейсли пожал мне руку последним и сказал, что я действовал честно и благородно и он гордится,

что может называть меня своим другом.

У проповедника был небольшой домишко фасадом на улицу, оборудованный для сдачи внаем, и он разрешил нам занять его до утреннего поезда в десять сорок, с которым мы отбывали в наше свадебное путешествие в Эль-Пасо. Жена проповедника украсила комнаты мальвами и плющом, и дом стал похож на беседку и выглядел празднично.

Часов около десяти в тот вечер я сажусь на крыльцо и стаскиваю на сквознячке сапоги; миссис Хикс прибирает в комнате. Скоро свет в доме погас, а я все сижу и вспоминаю былые времена и события. И вдруг я слышу, миссис Хикс кричит:

- Лем, ты скоро?

- Иду, иду, - говорю я, очнувшись. - Ей-же-ей, я дожидался старикашку Пейсли, чтобы...

Но не успел я договорить, - заключил Телемак Хикс, - как мне показалось, что кто-то отстрелил мое левое ухо из сорокапятикалиберного. Выяснилось, что по уху меня съездила половая щетка, а за нее держалась миссис Хикс.

1) - Легендарные жители древних Сиракуз, прославившиеся своею дружбой.

Справочник Гиmeneя

Перевод М. Урнова

Я, Сандерсон Пратт, пишу эти строки, полагаю, что системе образования в Соединенных Штатах следовало бы находиться в ведении бюро погоды. В пользу этого я могу привести веские доводы. Ну, скажите, почему бы наших профессоров не передать метеорологическому департаменту? Их учили читать, и они легко могли бы пробегать утренние газеты и потом телеграфировать в главную контору, какой ожидать погоды. Но этот вопрос интересен и с другой стороны. Сейчас я собираюсь вам рассказать, как погода снабдила меня и Айдахо Грина светским образованием.

Мы находились и горах Биттер-Рут, за хребтом Монтана, искали золота. В местечке Уолла-Уолла один бородатый малый, надеясь неизвестно на что, выдал нам аванс. И вот мы торчали в горах, ковыряя их понемножку и располагая запасом еды, которого хватило бы на прокорм целой армии на все время мирной конференции.

В один прекрасный день приезжает из Карлоса почтальон, делает у нас привал, съедает три банки сливовых консервов и оставляет нам свежую газету. Эта газета печатала сводки предчувствий погоды, и карта, которую она сдала горам Биттер-Рут с самого низа колоды, означала: "Тепло и ясно, ветер западный, слабый".

В тот же день вечером пошел снег и подул сильный восточный ветер. Мы с

Айдахо перенесли свою стоянку повыше, в старую заброшенную хижину, думая, что это всего-навсего налетела ноябрьская метелица. Но когда на ровных местах снегу выпало на три фута, непогода разыгралась всерьез, и мы поняли, что нас занесло. Груды топлива мы натаскали еще до того, как его засыпало, кормежки у нас должно было хватить на два месяца, так что мы предоставили стихиям бушевать и злиться, как им заблагорассудится.

Если вы хотите поощрять ремесло человекоубийства, заприте на месяц двух человек в хижине восемнадцать на двадцать футов. Человеческая натура этого не выдержит.

Когда упали первые снежные хлопья, мы хохотали над своими остротами да похваливали бурду, которую извлекали из котелка и называли хлебом. К концу третьей недели Айдахо опубликовывает такого рода эдикт.

- Я не знаю, какой звук издавало бы кислое молоко, падая с воздушного шара на дно жестяной кастрюльки, но, мне кажется, это было бы небесной музыкой по сравнению с бульканьем жиденькой струйки дохлых мыслишек, истекающих из ваших разговорных органов. Полупрожеванные звуки, которые вы ежедневно издаете, напоминают мне коровью жвачку с той только разницей, что корова - особа воспитанная и оставляет свое при себе, а вы нет.

- Мистер Грин, - говорю я, - вы когда-то были моим приятелем, и это мешает мне сказать вам со всей откровенностью, что если бы мне пришлось выбирать между вашим обществом и обществом обыкновенной кудлатой, колченогой дворняжки, то один из обитателей этой хибарки вилял бы сейчас хвостом.

В таком духе мы беседуем несколько дней, а потом и вовсе перестаем разговаривать. Мы делим кухонные принадлежности, и Айдахо стряпает на одном конце очага, а я - на другом. Снега навалило по самые окна, и огонь приходилось поддерживать целый день.

Мы с Айдахо, надо вам доложить, не имели никакого образования, разве что умели читать да вычислять на грифельной доске "Если у Джона три яблока, а у Джеймса пять..." Мы никогда не ощущали особой необходимости в университетском дипломе, так как, болтаясь по свету, приобрели кое-какие истинные познание и могли ими пользоваться в критических обстоятельствах. Но загнанные снегом в хижину на Биттер-Рут, мы впервые почувствовали, что если бы изучали Гомера или греческий язык, дробы и высшие отрасли, знания, у нас были бы кое-какие запасы для размышлений и дум в одиночестве. Я видел, как молодчики из восточных колледжей работают в ковбойских лагерях по всему Западу, и у меня создалось впечатление, что образование было для них меньшей помехой, чем могло показаться с первого взгляда. Вот, к примеру, на Снейк-Ривер у Андру Мак-Уильямса верховая лошадь подцепила чесотку, так он за десять миль погнал тележку за одним из этих чудаков, который величал себя ботаником. Но лошадь все-таки околела.

Однажды утром Айдахо шарил поленом на небольшой полке, - до нее нельзя было дотянуться рукой. На пол упали две книги. Я шагнул к ним, но встретился взглядом с Айдахо. Он заговорил в первый раз за неделю.

- Не обожгите ваших пальчиков, - говорит он. - Вы годитесь в товарищи только спящей черепахе, но, невзирая на это, я поступлю с вами по-честному. И это больше того, что сделали ваши родители, пустив вас по свету с общительностью гремучей змеи и отзывчивостью мороженой репы. Мы сыграем с вами до туза, и выигравший выберет себе книгу, а проигравший возьмет оставшуюся.

Мы сыграли, и Айдахо выиграл. Он взял свою книгу, а я свою. Потом мы разошлись по разным углам хижины и занялись чтением.

Я никогда так не радовался самородку в десять унций, как обрадовался этой книге. И Айдахо смотрел на свою, как ребенок на леденец.

Моя книжонка была небольшая, размером пять на шесть дюймов, с заглавием: "Херкимеров справочник необходимых познаний". Может быть, я ошибаюсь, но, по- моему, - это величайшая из всех написанных книг. Она сохранилась у меня до сих пор, и, пользуясь ее сведениями, я кого хочешь могу обыграть пятьдесят раз в пять минут. Куда до нее Соломону или "Нью-Йорк трибюн"! Херкимер обоих заткнет за пояс. Этот малый, должно быть, потратил пятьдесят лет и пропутешествовал миллион миль, чтобы набраться такой премудрости. Тут тебе и статистика населения всех городов, и способ, как узнать возраст девушки, и сведения о количестве зубов у верблюда. Тут можно узнать, какой самый длинный в мире туннель, сколько звезд на небе, через сколько дней высыпает ветряная оспа, каких размеров должна быть женская шея, какие права "вето" у губернаторов, даты постройки римских акведуков, сколько фунтов риса можно купить, если не выпивать три кружки пива в день, среднюю ежегодную температуру города Огэсты, штат Мен, сколько нужно семян моркови, чтобы засеять один акр рядовой сеялкой, какие бывают противоядия, количество волос на голове у блондинки, как сохранять яйца, высоту, всех гор в мире, даты всех войн и сражений, и как приводить в чувство утопленников и очумевших от солнечного удара, и сколько гвоздей идет на фунт, и как делать динамит, поливать цветы и стлать постель, и что предпринять до прихода доктора - и еще пропасть всяких сведений. Может, Херкимер и не знает чего-нибудь, но по книжке я этого не заметил.

Я сидел и читал эту книгу четыре часа. В ней были спрессованы все чудеса просвещения. Я забыл про снег и про наш разлад с Айдахо. Он тихо сидел на табуретке, и какое-то нежное и загадочное выражение просвечивало сквозь его рыже-бурую бороду.

- Айдахо, - говорю я, - тебе какая книга. Досталась?

Айдахо, очевидно, тоже забыл старые счеты, потому что ответил умеренным тоном, без всякой брани и злости,

- Мне-то? - говорит он, - По всей видимости, это Омар Ха-Эм (1).

- Омар Х. М., а дальше? - спросил я.

- Ничего дальше. Омар Ха-Эм, и все, - говорит он.

- Врешь, - говорю я, немного задетый тем, что Айдахо хочет втереть мне очки. - Какой дурак станет подписывать книжку инициалами. Если это Омар Х. М. Спупендайк, или Омар Х. М. Мак-Суини, или Омар Х. М. Джонс, так и скажи по- человечески, а не жуй конец фразы, как теленок подол рубахи, вывешенной на просушку.

- Я сказал тебе все как есть, Санди, - говорит Айдахо спокойно. - Это стихотворная книга, автор - Омар Ха-Эм. Сначала я не мог понять, в чем тут, соль, но покопался и вижу, что жила есть. Я не променял бы эту книгу на пару красных одеял.

- Ну и читай ее себе на здоровье, - говорю я. - Лично я предпочитаю беспристрастное изложение фактов, чтобы было над чем поработать мозгам, и, кажется, такого сорта книжонка мне и досталась.

- Тебе, - говорит Айдахо, - досталась статистика - самая низкопробная из всех существующих наук. Она отравит твой мозг. Нет, мне приятней система намеков старикашки Ха-Эм. Он, похоже, что-то вроде агента по продаже вин. Его дежурный тост: "Все трын-трава". По-видимому, он страдает избытком желчи, но в таких дозах разбавляет ее спиртом, что самая беспардонная его брань звучит как "приглашение раздавить бутылочку. Да, это поэзия, - говорит

Айдахо, - и я презираю твою кредитную лавочку, где мудрость меряют на футы и дюймы. А если понадобится объяснить философическую первопричину тайн естества, то старикашка Ха-Эм забьет твоего парня по всем статьям - вплоть до объема груди и средней годовой нормы дождевых осадков.

Вот так и шло у нас с Айдахо. Днем и ночью мы только тем и развлекались, что изучали наши книги. И, несомненно, снежная буря снабдила каждого из нас уймой всяких познаний. Если бы в то время, когда снег начал таять, вы вдруг подошли ко мне испросили: "Сандерсон Пратт, сколько стоит покрыть квадратный фут крыши железом двадцать на двадцать восемь, ценою девять долларов пятьдесят центов за ящик?" - я ответил бы вам с такой же быстротой, с какой свет пробегает по ручке лопаты со скоростью в сто девяносто две тысячи миль в секунду. Многие могут это сделать? Разбудите-ка в полночь любого из ваших знакомых и попросите его сразу ответить, сколько костей в человеческом скелете, не считая зубов, или какой процент голосов требуется в парламенте штата Небраска, чтобы отменить "вето". Ответит он вам? Попробуйте и убедитесь.

Какую пользу извлекал Айдахо из своей стихотворной книги, я точно не знаю. Стоило ему открыть рот, и он уже прославлял своего винного агента, но меня это мало в чем убеждало:

Этот Омар Х. М., судя по тому, что просачивалось из его книжонки через посредство Айдахо, представлялся мне чем-то вроде собаки, которая смотрит на жизнь, как на консервную банку, привязанную к ее хвосту. Набегается до полусмерти, усядется, высунет язык, посмотрит на банку и скажет:

"Ну, раз мы не можем от нее освободиться, пойдем в кабачок на углу и наполним ее за мой счет".

К тому же он, кажется, был персом. А я ни разу не слышал, чтобы Персия производила что-нибудь достойное упоминания, кроме турецких ковров и мальтийских кошек.

В ту весну мы с Айдахо наткнулись на богатую жилу. У нас было правило распродавать все в два счета и двигаться дальше. Мы сдали нашему подрядчику золота на восемь тысяч долларов каждый, а потом направились в этот маленький городок Розу, на реке Салмон, чтобы отдохнуть, поесть по-человечески и соскоблить наши бороды.

Роза не была приисковым поселком. Она расположилась в долине и отсутствием шума и распутства напоминала любой городок сельской местности. В Розе была трехмильная трамвайная линия, и мы с Айдахо целую неделю катались в одном вагончике, вылезая только на ночь у отеля "Вечерняя заря". Так как мы и много поездили, и были теперь здорово начитаны, мы вскоре стали вхожи в лучшее общество Розы, и нас приглашали на самые шикарные и бонтонные вечера. Вот на одном таком благотворительном вечере-конкурсе на лучшую мелодекламацию и на большее количество съеденных перепелов, устроенном в здании муниципалитета в пользу пожарной команды, мы с Айдахо и встретились впервые с миссис Д. Ормонд Сэмпсон; королевой общества Розы.

Миссис Сэмпсон была вдовой и владелицей единственного в городе двухэтажного дома. Он был выкрашен в желтую краску, и, откуда бы на него ни смотреть, он был виден так же ясно, как остатки желтка в постный день в бороде ирландца. Двадцать два человека, кроме меня и Айдахо, заявляли претензии на этот желтый домишко.

Когда ноты и перепелиные кости были выметены из залы, начались танцы. Двадцать три поклонника галопом подлетели к миссис Сэмпсон и пригласили ее танцевать. Я отступился от тустепа и попросил разрешения сопровождать ее

домой. Вот здесь-то я и показал себя.

По дороге она говорит:

- Ах, какие сегодня прелестные и яркие звезды, Мистер Пратт!

- При их возможностях, - говорю я, - они выглядят довольно симпатично.

Вот эта, большая, находится от нас на расстоянии шестидесяти шести миллиардов миль. Потребовалось тридцать шесть лет, чтобы ее свет достиг до нас. В восемнадцатифутовый телескоп можно увидеть сорок три миллиона звезд, включая и звезды тринадцатой величины, а если какая-нибудь из этих последних сейчас закатилась бы, вы продолжали бы видеть ее две тысячи семьсот лет.

- Ой! - говорит миссис Сэмпсон. - А я ничего об этом не знала. Как жарко... Я вся вспотела от этих танцев.

- Не удивительно, - говорю я, - если принять во внимание, что у вас два миллиона потовых желез и все они действуют одновременно. Если бы все ваши потопроводные трубки длиной в четверть дюйма каждая присоединить друг к другу концами, они вытянулись бы на семь миль.

- Царица небесная! - говорит миссис Сэмпсон. - Можно подумать, что вы описываете оросительную канаву, мистер Пратт. Откуда у вас все эти ученые познания?

- Из наблюдений, - говорю я ей. - Странствуя по свету, я не закрываю глаз.

- Мистер Пратт, - говорит она, - я всегда обожала культуру. Среди тупоголовых идиотов нашего города так мало образованных людей, что истинное наслаждение побеседовать с культурным джентльменом. Пожалуйста, заходите ко мне в гости, когда только вздумается.

Вот каким образом я завоевал расположение хозяйки двухэтажного дома. Каждый вторник и каждую пятницу, по вечерам, я навещал ее и рассказывал ей о чудесах вселенной, открытых, классифицированных и воспроизведенных с натуры Херкимером. Айдахо и другие донжуаны города пользовались каждой минутой остальных дней недели, предоставленных в их распоряжение.

Мне было невдомек, что Айдахо пытается воздействовать на миссис Сэмпсон приемами ухаживания старикашки Х. М., пока я не узнал об этом как-то вечером, когда шел обычным своим путем, неся ей корзиночку дикой сливы. Я встретил миссис Сэмпсон в переулке, ведущем к ее дому. Она сверкала глазами, а ее шляпа угрожающе накрыла одну бровь.

- Мистер Пратт, - начинает она, - этот мистер Грин, кажется, ваш приятель?

- Вот уже девять лет, - говорю я.

- Порвите с ним, - говорит она, - он не джентльмен.

- Поймите, сударыня, - говорю я, - он обыкновенный житель гор, которому присуще хамство и обычные недостатки расточителя и лгуна, но никогда, даже в самых критических обстоятельствах, у меня не хватало духа отрицать его джентльменство. Вполне возможно, что своим мануфактурным снаряжением, наглостью и всей своей экспозицией он противен глазу, но по своему нутру, сударыня, он так же не склонен к низкопробному преступлению, как и к тучности. После девяти лет, проведенных в обществе Айдахо, - говорю я, - мне было бы неприятно порицать его и слышать, как его порицают другие.

- Очень похвально, мистер Пратт, что вы вступаетесь за своего друга, - говорит миссис Сэмпсон, - но это не меняет того обстоятельства, что он сделал мне предложение, достаточно оскорбительное, чтобы возмутить скромность всякой женщины.

- Да не может быть! - говорю я. - Старикашка Айдахо выкинул такую

штуку? Скорее этого можно было ожидать от меня. За ним водится лишь один грех, и в нем повинна метель. Однажды, когда снег задержал нас в горах, мой друг стал жертвой фальшивых и непристойных стихов, и, возможно, они развратили его манеры.

- Вот именно, - говорит миссис Сэмпсон. - С тех пор, как я его знаю, он не переставая декламирует мне безбожные стихи какой-то особы, которую он называет Рубай Ате, и если судить по ее стихам, это негодница, каких свет не видал.

- Значит, Айдахо наткнулся на новую книгу, - говорю я, - автор той, что у него была, пишет под пот de plume (2) Х. М.

- Уж лучше бы он и держался за нее, - говорит миссис Сэмпсон, - какой бы она ни была. А сегодня он перешел все границы. Сегодня я получаю от него букет цветов, и к ним приколоты записка. Вы, мистер Пратт, вы знаете, что такое воспитанная женщина, и вы знаете, какое и занимаю положение в обществе Розы. Допускаете вы на минуту, чтобы я побежала в лес с мужчиной, прихватив кувшин вина и каравай хлеба, и стала бы петь и скакать с ним под деревьями? Я выпиваю немного красного за обедом, но не имею привычки таскать его кувшинами в кусты и тешить там дьявола на такой манер. И уж, конечно, он принес бы с собой эту книгу стихов, он так и написал. Нет, пусть уж он один ходит на свои скандальные пикники. Или пусть берет с собой свою Рубай Ате. Уж она-то не будет брыкаться, разве что ей не понравится, что ой захватит больше хлеба, чем вина. Ну, мистер Пратт, что вы теперь скажете про вашего приятеля-джентльмена?

- Видите ли, сударыня, - говорю я, - весьма вероятно, что приглашение Айдахо было своего рода поэзией и не имело в виду обидеть вас. Возможно, что оно принадлежало к разряду стихов, называемых фигуральными. Подобные стихи оскорбляют закон и порядок, но почта их пропускает на том основании, что в них пишут не то, что думают. Я был бы рад за Айдахо, если бы вы посмотрели на это сквозь пальцы, - говорю я. - И пусть наши мысли взлетят с низменных областей поэзии в высшие сферы расчета и факта Наши мысли, - говорю я, - должны быть созвучны такому чудесному дню. Неправда ли, здесь тепло, но мы не должны забывать, что на экваторе линия вечного холода находится на высоте пятнадцати тысяч футов А между сороковым и сорок девятым градусом широты она находится на высоте от четырех до девяти тысяч футов.

- Ах, мистер Пратт, - говорит миссис Сэмпсон, - какое утешение слышать от вас чудесные факты после того, как вся изнервничаешься из-за стихов этой негодной Рубай.

- Сядем на это бревно у дороги, - говорю я, - и забудем о бесчеловечности и развращенности поэтов. В длинных столбцах удостоверенных фактов и общепринятых мер и весов - вот где надо искать красоту. Вот мы сидим на бревне, и в нем, миссис Сэмпсон, - говорю я, - заключена статистика - более изумительная, чем любая поэма. Кольца на срезе показывают, что дерево прожило шестьдесят лет. На глубине двух тысяч футов, через три тысячи лет оно превратилось бы в уголь. Самая глубокая угольная шахта в мире находится в Киллингворте близ Ньюкастля. Ящик в четыре фута длиной, три фута шириной и два фута восемь дюймов вышиной вмещает тонну угля. Если порезана артерия, стяните ее выше раны. В ноге человека тридцать костей. Лондонский Тауэр сгорел в тысяча восемьсот сорок первом году.

- Продолжайте, мистер Пратт, продолжайте, - говорит миссис Сэмпсон, - ваши идеи так оригинальны и успокоительны. По моему, нет ничего прелестнее статистики.

Но только две недели спустя я до конца оценил Херкимера.

Однажды ночью я проснулся от криков: "Пожар!" Я вскочил, оделся и вышел из отеля полюбоваться зрелищем. Увидев, что горит дом миссис Сэмпсон, я испустил оглушительный вопль и через две минуты был на месте.

Весь нижний этаж был объят пламенем, и тут же столпилось все мужское, женское и собачье население Розы и орало, и лаяло, и мешало пожарным. Айдахо держали шестеро пожарных, а он пытался вырваться из их рук. Они говорили ему, что весь низ пылает и кто туда войдет, обратно живым не выйдет.

- Где миссис Сэмпсон? - спрашиваю я.

- Ее никто не видел, - говорит один из пожарных. - Она спит наверху. Мы пытались туда пробраться, но не могли, а лестниц у нашей команды еще нет.

Я выбегаю на место, освещенное пламенем пожара, и вытаскиваю из внутреннего кармана справочник. Я засмеялся, почувствовав его в своих руках, - мне кажется, что я немного обалдел от возбуждения.

- Херки, друг, - говорю я ему, перелистывая страницы, - ты никогда не лгал мне и никогда не оставлял меня в беде. Выручай, дружище, выручай! - говорю я.

Я сунулся на страницу 117: "Что делать при несчастном случае", - пробежал пальцем вниз по листу и попал в точку Молодчина Херкимер, он ничего не забыл!

На странице 117 было написано:

"Удушье от вдыхания дыма или газа. - Нет ничего лучше льняного семени. Вложите несколько семян в наружный угол глаза".

Я сунул справочник обратно в карман я схватил пробежавшего мимо мальчишку.

- Вот, - говорю я, давая ему деньги, - беги в аптеку и принеси на доллар льняного семени. Живо, и получишь доллар за работу. - Теперь, - кричу я, - мы добудем миссис Сэмпсон! - И сбрасываю пиджак и шляпу.

Четверо пожарных и граждан хватают меня,

- Идти в дом - идти на верную смерть, - говорят они. - Пол уже начал проваливаться.

- Да как же, черт побери! - кричу я и все еще смеюсь, хотя мне не до смеха. - Как же я вложу льняное семя в глаз, не имея глаза?

Я двинул локтями пожарников по лицу, лягнул одного гражданина и свалил боковым ударом другого. А затем я ворвался в дом. Если я умру раньше вас, я напишу вам письмо и сообщу, на много ли хуже в чертовом, пекле, чем было в стенах этого дома; но пока не делайте выводов. Я прожарился куда больше тех цыплят, что подают в ресторане по срочным заказам. От дыма и огня я дважды кидался на пол и чуть-чуть не посрамил Херкимера, но пожарные помогли мне, пустив небольшую струйку воды, и я добрался до комнаты миссис Сэмпсон. Она от дыма лишилась чувств, так что я завернул ее в одеяло и взвалил на плечо. Ну ясно, пол не был так уж поврежден, как мне говорили, а то разве бы он выдержал? И думать нечего!

Я оттащил ее на пятьдесят ярдов от дома и уложил на траву. Тогда, конечно, все остальные двадцать два претендента на руку миссис Сэмпсон столпились вокруг с ковшиками воды, готовые спасти ее. Тут прибежал и мальчишка с льняным семенем.

Я раскутал голову миссис Сэмпсон. Она открыла глаза и говорит:

- Это вы, мистер Пратт?

- Т-с-с, - говорю я. - Не говорите, пока не примете лекарство.

Я обвиваю ее шею рукой и тихонько поднимаю ей голову, а другой рукой

разрываю пакет с льняным семенем; потом со всей возможной осторожностью я склоняюсь над ней и пускаю несколько семян в наружный уголок ее глаза.

В этот момент галопом прилетает деревенский доктор, фыркает во все стороны, хватает миссис Сэмпсон за пульс и интересуется, что собственно значат мои идиотские выходки.

- Видите ли, клистирная трубка, - говорю я, - я не занимаюсь постоянной врачебной практикой, но тем не менее могу сослаться на авторитет.

Принесли мой пиджак, и я вытащил справочник.

- Посмотрите страницу сто семнадцать, - говорю я. - Удушье от вдыхания дыма или газа. Льняное семя в наружный угол глаза, не так ли? Я не сумею сказать, действует ли оно как поглотитель дыма, или побуждает к действию сложный гастрогиппопотамический нерв, но Херкимер его рекомендует, а он был первым приглашен к пациентке. Если хотите устроить консилиум, я ничего не имею против.

Старый доктор берет книгу и рассматривает ее с помощью очков и пожарного фонаря.

- Послушайте, мистер Пратт, - говорит он, - вы, очевидно, попали не на ту строчку, когда ставили свой диагноз. Рецепт от удушья гласит: "Вынесите больного как можно скорее на свежий воздух и положите его на спину, приподняв голову", а льняное семя - это средство против "пыли и золы, попавших в глаз", строчкой выше. Но в конце концов...

- Послушайте, - перебивает миссис Сэмпсон, - мне кажется, я могу высказать свое мнение на этом консилиуме. Так знайте, это льняное семя принесло мне больше пользы, чем все лекарства в моей жизни.

А потом она поднимает голову, снова опускает ее мне на плечо и говорит: "Положите мне немножко и в другой глаз, Санди, дорогой".

Так вот, если вам придется завтра или когда-нибудь в другой раз остановиться в Розе, то вы увидите замечательный новенький ярко-желтый дом, который украшает собою миссис Пратт, бывшая миссис Сэмпсон. И если вам придется ступить за его порог, вы увидите на мраморном столе посреди гостиной "Херкимеров справочник необходимых познаний", заново переплетенный в красный сафьян и готовый дать совет по любому вопросу, касающемуся человеческого счастья и мудрости".

1) - Речь идет о стихотворениях старинного персидского поэта XI в. Омара Хайама.

2) - Псевдоним (франц.).

Пиментские блинчики

Перевод М. Урнова

Когда мы сгоняли гурт скота с тавром "Треугольник-О" в долине Фрио, торчащий сук сухого мескита зацепился за мое деревянное стремя, я вывихнул

себе ногу и неделю провалялся в лагере.

На третий день моего вынужденного безделья я выполз к фургону с провизией и беспомощно растянулся под разговорным обстрелом Джедсона Одома, лагерного повара Джед был рожден для монологов, но судьба, как всегда, ошиблась, навязав ему профессию, в которой он большую часть времени был лишен аудитории.

Таким образом, я был манной небесной в пустыне вынужденного молчания Джеда.

Своевременно во мне заговорило естественное для больного желание поесть чего-нибудь такого, что не входило в опись нашего пайка. Меня посетили видения матушкиного буфета, "что сладостны, как первая любовь, источник горьких сожалений", и я спросил.

- Джед, ты умеешь печь блинчики?

Джед отложил свой шестизарядный револьвер, которым собирался постучать антилопью отбивную, и встал надо мною, как мне показалось, в угрожающей позе. Впечатление его враждебности еще более усилилось, когда он устремил на меня холодный и подозрительный взгляд своих блестящих голубых глаз.

- Слушай, ты, - сказал он с явным, хотя и сдержанным гневом. - Ты издеваешься или серьезно? Кто-нибудь из ребят рассказывал тебе про этот подвох с блинчиками?

- Что ты, Джед, я серьезно, я бы, кажется, променял свою лошадь и седло на горку масляных поджаристых блинчиков с горшочком свежей новоорлеанской патоки. А разве была какая-нибудь история и блинчиками?

Джед сразу смягчился, увидев, что я говорю без намеков. Он притащил из фургона какие-то таинственные мешочки и жестяные баночки и сложил их в тени куста, под которым я примостился. Я следил, как он начал не спеша расставлять их и развязывать многочисленные веревочки.

- Нет, не история, - сказал Джед, продолжав свое дело, - просто логическое несоответствие между мной, красноглазым овчаром из лощины Шелудивого Осла и мисс Уиллелой Лирифт. Что ж, я, пожалуй, расскажу тебе.

Я пас тогда скот у старика Билла Туми на Сан-Мигуэле. Однажды мне страсть как захотелось пожевать какой-нибудь такой консервированной кормежки, которая никогда не мычала, не бляла, не хрюкала и не отмеривалась гарнцами. Ну я вскакиваю на свою малышку и лечу в лавку дядюшки Эмсли Телфэра у Пимиентской переправы через Нуэсес.

Около трех пополудни я накинул поводья на сук мескита и пешком прошел последние двадцать шагов до лавки дядюшки Эмсли. Я вскочил на прилавок и объявил ему, что, по всем приметам, мировому урожаю фруктов грозит гибель. Через минуту я имел мешок сухарей, ложку с длинной ручкой и по открытой банке абрикосов, ананасов, вишен и сливы, а рядом трудился дядюшка Эмсли, вырубая топориком желтые крышки. Я чувствовал себя, как Адам до скандала с яблоком, вонзал шпоры в прилавок и орудовал своей двадцатичетырехдюймовой ложкой, как вдруг посмотрел случайно в окно на двор дома дядюшки Эмсли находившегося рядом с лавкой.

Там стояла девушка, неизвестная девушка в полном снаряжении; она вертела в руках крокетный молоток и изучала мой способ поощрения фруктово-консервной промышленности.

Я скатился с прилавка и сунул лопату дядюшке Эмсли.

- Это моя племянница, - сказал он. - Мисс Уиллела Лирифт, приехала погостить из Палестины. - Хочешь, я тебя познакомлю?

"Из святой земли, - сказал я себе, и мои мысли сбились в кучу, как овцы, когда их загоняешь в корраль. А почему нет? Ведь были же ангелы в Палес..." - Конечно, дядюшка Эмсли, - сказал я вслух, - мне было бы страшно приятно познакомиться с мисс Лирайт.

Тогда дядюшка Эмсли вывел меня во двор и представил нас друг другу.

Я никогда не был робок с женщинами. Я никогда не мог понять, почему это некоторые мужчины, способные в два счета укротить мустанга и побриться в темноте, становятся вдруг паралитиками и черт знает как потеют и заикаются, завидев кусок миткаля, обернутый вокруг того, вокруг чего ему полагается быть обернутым. Через восемь минут я и мисс Уиллела дружно гоняли крокетные шары, будто двоюродные брат и сестра. Она съязвила насчет количества уничтоженных мною фруктовых консервов, а я, не очень смущаясь, дал сдачи, напомнив как некая особа, по имени Ева, устроила сцену из-за фруктов на первом свободном пастбище... "кажется, в Палестине, не правда ли?" - говорю я этак легко и спокойно, словно заарканиваю однолетку.

Таким вот манером я сразу расположил к себе мисс Уиллелу Лирайт, и чем дальше, тем наша дружба становилась крепче. Она проживала на Пимиентской переправе ради поправления здоровья, очень хорошего, и ради климата, который был здесь жарче на сорок процентов, чем в Палестине.

Сначала я наезжал повидать ее раз в неделю, а потом рассчитал, что если я удвою число поездок, то буду видеться с ней вдвое чаще.

Как-то на одной неделе я выкроил время для третьей поездки. Вот тут-то и втесались в игру блинчики и красноглазый овчар.

Сидя в тот вечер на прилавке, с персиком и двумя сливами во рту, я спросил дядюшку Эмсли, что поделявает мисс Уиллела.

- А она, - говорит дядюшка Эмсли, - поехала покататься с Джексонном Птицей, овцеводом из лощины Шелудивого Осла.

Я проглотил персиковую косточку и две сливовых. Наверное, кто-нибудь держал прилавок под уздцы, когда я слезал. А потом я вышел и направился по прямой пока не упрусь в мескит, где был привязан мой чалый.

- Она поехала кататься, - прошептал я в ухо своей малышке, - с Птицсоном Джеком, Шелудивым Ослом из Овцеводной лощины, понимаешь ты это, друг с копытами?

Мой чалый заплакал на свой манер. Это был ковбойский конь, и он не любил овцеводов.

Я вернулся и спросил дядюшку Эмсли: "Так ты сказал - с овцеводом?"

- Я сказал - с овцеводом, - повторил дядюшка Эмсли. - Ты, верно, слышал о Джексоне Птице. У него восемь участков пастбища и четыре тысячи голов лучших мериносов к югу от северного полюса.

Я вышел, сел на землю в тени лавки и прислонился к кактусу. Безрассудными руками я сыпал за голенища песок и произносил монологи по поводу птицы из породы Джексонсов.

За свою жизнь я не изувечил ни одного овцевода я не считал это необходимым. Как-то я повстречал одного, он ехал верхом и читал латинскую грамматику, - так я его пальцем не тронул. Овцеводы никогда особенно не раздражали меня, не то что других ковбоев. Очень мне нужно уродовать и калечить плюгавцев, которые едят за столом, носят штиблеты и говорят с тобою на всякие темы. Пройдешь, бывало, мимо и поглядишь, как на кролика, еще скажешь что-нибудь приятное и потолкуешь насчет погоды, но, конечно, никаких распивочных и навынос не было. Вообще я не считал нужным с ними связываться. Так вот потому, что по доброте своей я давал им дышать, один такой

разъезжает теперь с мисс Уиллелой Лирайт.

За час до заката они прискакали обратно и остановились у ворот дядюшки Эмсли. Овечья особа, помогла Уиллеле слезть, и некоторое время они постояли, перебрасываясь игривыми и хитроумными фразами. А потом окрыленный Джексон взлетает в седло, приподнимает шляпу-кастрюльку и трусят в направлении своего бараньего ранчо. К тому времени я вытряхнул песок из сапог и отщепился от кактуса. Он не отъехал и полмили от Пимиенты, когда я поравнялся с ним на моем чалом.

Я назвал этого овчара красноглазым, но это не верно. - Его зрительное приспособление было довольно серым, но ресницы были красные, а волосы рыжие, оттого он и казался красноглазым. Овцевод?.. Куда к черту, в лучшем случае ягнятник, козявка какая-то, с желтым шелковым платком вокруг шеи и в башмаках с бантиками.

- Привет! - сказал я ему. - Вы сейчас едете с всадником, которого называют Джедсон Верная Смерть за приемы его стрельбы. Когда я хочу представиться незнакомому человеку, я всегда представляюсь ему до выстрела, потому что терпеть не могу пожимать руку покойнику.

- Вот как! - говорит он совершенно спокойно. - Рад познакомиться с вами, мистер Джедсон. Я Джексон Птица с ранчо Шелудивого Осла.

Как раз в эту минуту один мой глаз увидел куропатку, скачущую по холму с молодым тарантулом в клюве, а другой глаз заметил ястреба, сидевшего на сухом суку вяза. Я хлопнул их для пущей важности одну за другим из своего сорокапятикалиберного.

- Две из трех, - говорю я. - Птицы, должен вам заявить, так и садятся на мои пули.

- Чистая стрельба, - говорит овцевод, не моргнув глазом. - Скажите, а вам не случилось промахнуться на третьем выстреле? Хороший дождик выпал на прошлой неделе, мистер Джедсон, теперь трава так и пойдет.

- Чижик, - говорю я, подъезжая вплотную к его фасонной лошади, - ваши ослепленные родители наделили вас именем Джексон, но вы определенно выродились в чирикающую птицу. Давайте бросим эти самые анализы дождичка и стихий и поговорим о том, что не входит в словарь попугаев. Вы завели дурную привычку кататься с молодыми девицами из Пимиенты. Я знавал пташек, - говорю я, - которых поджаривали за меньшие проступки. Мисс Уиллела, - говорю я, - совсем не нуждается в гнезде, свитом из овечьей шерсти пичужкой из породы Джексон. Так вот, намерены ли вы прекратить эти штучки, или желаете галопом наскочить на мою кличку "Верная Смерть", в которой два слова и указание по меньшей мере на одну похоронную процессию?

Джексон Птица слегка покраснел, а потом засмеялся.

- Ах, мистер Джедсон, - говорит он, - вы заблуждаетесь. Я заезжал несколько раз к мисс Лирайт, но не с той целью, как вы думаете. Мой объект чисто гастрономического свойства.

Я потянулся за револьвером.

- Всякий койот, - говорю я, - который осмелится непочтительно...

- Подождите минутку, - говорит эта пташка, - дайте объяснить. К чему мне жена? Посмотрели бы вы на мое ранчо. Я сам себе стряпаю и штопаю. Еда - вот единственное удовольствие, извлекаемое мной из разведения овец. Мистер Джедсон, вы пробовали когда-нибудь блинчики, которые печет мисс Лирайт?

- Я? Нет, - говорю, - я и не знал, что она занимается кулинарными манипуляциями.

- Это же золотые созвездия, - говорит он, - подрумяненные на

амброзийном огне Эпикура. Я бы отдал два года жизни за рецепт приготовления этих блинчиков. Вот зачем я ездил к мисс Лирайт, - говорит Джексон Птица, - но мне не удалось узнать его. Это старинный рецепт, он сохраняется в семье уже семьдесят пять лет. Он передается из поколения в поколение, и посторонним его не сообщают. Если бы я мог достать этот рецепт, я пек бы сам себе блинчики на ранчо и был бы счастливым человеком, - говорит Птица.

- Вы уверены, - говорю я ему, - что вы гоняетесь не за ручкой, которая месит блинчики?

- Уверен, - говорит Джексон, - Мисс Лирайт совершенно очаровательная девушка, но, повторяю, мои намерения не выходят за пределы гастро..." - Тут он увидел, что моя рука скользнула к кобуре, и изменил выражение: - За пределы желания достать этот рецепт, заключил он.

- Не такой уж вы плохой человечешко, - говорю я стараясь быть вежливым. - Я задумал было сделать, ваших овец сиротами, но на этот раз позволю вам улететь. Но помните: приставайте к блинчикам, да покрепче. Как средний блин к горке, и не вздумайте смешать подливку с сентиментами, не то у вас на ранчо будет пение, а вы его не услышите.

- Чтобы убедить вас в своей искренности, - говорит овцевод, - я прошу вас, помочь мне. Мисс Лирайт и вы большие друзья, и, может быть, она сделает для вас то чего не сделала для меня. Если - вы достанете мне этот рецепт, то даю вам слово, я никогда к ней больше не поеду.

- Вот это по-честному, - сказал я и пожал руку Джексона Птицы. - Я рад услужить и сделаю, все, что смогу.

Он повернул к большой заросли кактусов на Пьедре, в направлении Шелудивого Осла, а я взял курс на северо-запад, к ранчо старика Билла Туми.

Только пять дней спустя мне удалось снова заехать на Пимиенту. Мы с мисс Уиллелой очень мило провели вечерок у дядюшки Эмсли. Она спела кое-что, порядочно потерзала пианино цитатами из опер, А я изображал гремучую змею и рассказал ей о новом способе обдирать коров, придуманном Снэки Мак-Фи, и о том, как я однажды ездил в Сент-Луис. Наше взаимное расположение крепло вовсю. И вот, я думаю, если теперь мне удастся убедить Джексона Птицу совершить перелет, дело в шляпе. Тут я вспоминаю его обещание насчет рецепта блинчиков и решаю выведать его у мисс Уиллелы и сообщить ему. И уж тогда, если я снова поймаю здесь птичку из Шелудивого Осла, я ей подрежу крылышки.

И вот часов около десяти я набрасываю на лицо лъстивую улыбку и говорю мисс Уиллеле: "Знаете, сели мне что-нибудь и нравится больше вида рыжего быка на зеленой траве, так это вкус хорошего горячего блинника с паточной смазкой".

Мисс Уиллела слегка подпрыгнула на фортепианной табуретке и странно на меня посмотрела.

- Да, - говорит она, - это действительно вкусно. Как вы сказали, называется эта улица в Сент-Луисе, мистер Одом, где вы потеряли шляпу?

- Блинчиковая улица, - говорю я, подмигнув, чтобы показать, что мне, мол, известно о фамильном рецепте и меня не проведешь. - Чего уж там, мисс Уиллела, - говорю, - рассказывайте, как вы их делаете. Блинчики так и вертятся у меня в голове, как фургонные колеса. Да ну же... фунт крупчатки, восемь дюжин яиц и так далее. Что там значится в каталоге ингредиентов?

- Извините меня, я на минуточку, - говорит мисс Уиллела, окидывает меня боковым взглядом и соскальзывает с табуретки. Она рысью выбежала в другую комнату, и вслед за тем оттуда выходят ко мне дядюшка Эмсли в своей жилетке и с кувшином воды. Он поворачивается к столу за стаканом и я вижу в его

заднем кармане многозарядку.

"Ну и ну! - думаю я. - Эта семейка, видно, здорово дорожит своими кулинарными рецептами, коли защищает их с оружием. Я знавал семьи, так они не стали бы к нему прибегать даже при семейной вражде".

- Выпей-ка вот это, - говорит дядюшка Эмсли, протягивая мне стакан воды. - Ты слишком много ездил сегодня верхом. Джек, и все по солнцу. Попробай думать о чем-нибудь другом.

- Ты знаешь, как печь блинчики, дядя Эмсли? - спросил я.

- Ну, я не ахти как осведомлен в их анатомии, - говорит дядюшка Эмсли, - но мне кажется, надо взять побольше сковородок, немного теста, соды и кукурузной муки и смешать все это, как водится, с яйцами и сывороткой. А что, Джек, старик Билл опять собирается по весне гнать скот в Канзас-Сити?

Только эту блинчиковую спецификацию мне и удалось получить в тот вечер. Не удивительно, что Джексон Птица осекся на этом деле. Одним словом, я бросил эту тему и немного поговорил с дядюшкой Эмсли о скоте и циклонах. А потом вошла мисс Уиллела и сказала: "Спокойной ночи", и я помчался к себе на ранчо.

Неделю спустя я встретил Джексона Птицу, когда он уезжал от дядюшки Эмсли, а я направлялся к нему. Мы остановились на дороге и перекинулись пустяковыми замечаниями.

- Что, еще не достали список деталей для ваших румянчиков? - спросил я его.

- Представьте, нет, - говорит Джексон, - и, по всей видимости, у меня ничего не выйдет. А вы пытались?

- Пытался, - говорю я, - да это все равно, что выманывать из норы луговую собачку ореховой скорлупой. Этот блинчиковый рецепт - талисман какой-то, судя по тому, как они за него держатся.

- Я почти готов отступить, - говорит Джексон с таким отчаянием в голосе, что я почувствовал к нему жалость. - Но мне страшно хочется знать, как печь эти блинчики, чтобы лакомиться ими на моем одиноком ранчо. Я не сплю по ночам, все думаю, какие они замечательные.

- Продолжайте добиваться, - говорю я ему, - и я тоже буду. В конце концов кто-нибудь из нас да накинёт аркан ему на рога. Ну, до свидания, Джексы.

Сам видишь, что в это время мы были в наимирнейших отношениях. Когда я убедился, что он не гоняется за мисс Уиллелой, я с большим терпением созерцал этого рыжего заморыша. Желая удовлетворить запросы его аппетита, я по-прежнему пытался выманить у мисс Уиллелы заветный рецепт. Но стояло мне сказать слово "блинчики", как в ее глазах появлялся оттенок туманности и беспокойства и она старалась переменить тему. Если же я на нее наседаю, она выскальзывала из комнаты и высыпала ко мне дядюшку Эмсли с кувшином воды и карманной гаубицей.

Однажды я прискакал, к лавочке с большущим букетом голубой вербены, - я набрал его в стаде диких цветов, которое паслось на дугу Отравленной Собаки. Дядюшка Эмсли посмотрел на букет прищурясь и говорит:

- Не слыхал новость?

- Скот вздорожал?

- Уиллела и Джексон Птица повенчались вчера в Палестине, - говорит он.

- Сегодня утром получил письмо.

Я уронил цветы в бочонок с сухарями и выждал, пока новость, отзвенев в моих ушах и скользнув к верхнему левому карману рубашки, не ударила мне,

наконец, в ноги.

- Не можешь ли ты повторить еще раз, дядюшка Эмсли, - говорю я, - может быть, слух изменил мне и ты лишь сказал, что первоклассные телки идут по четыре восемьдесят за голову или что-нибудь в этом роде?

- Повенчались вчера, - говорит дядюшка Эмсли, - и отправились в свадебное путешествие в Вако и на Ниагарский водопад. Неужели ты все время ничего не замечал? Джексон Птица ухаживал за Уиллелой с того самого дня, как он пригласил ее покататься.

- С того самого дня! - завопил я. - Какого же черта он болтал мне про блинчики? Объясни ты мне...

Когда я сказал "блинчики", дядюшка Эмсли подскочил и попятился.

- Кто-то меня разыграл с этими блинчиками, - говорю я, - и я дознаюсь. Тебе-то все наверное все известно. Выкладывай, или я, не сходя, с места, замешу, из тебя оладьи.

Я перемахнул через прилавок к дядюшке Эмсли. Он схватился за кобуру, но его пулемет был в ящике и он не дотянулся до него на два дюйма. Я, ухватил его за Ворот рубахи втолкнул в угол.

- Рассказывай про блинчики, - говорю я, - или сам превратишься в блинчик. Мисс Уиллела печет их?

- В жизни ни одного не испекла, а так их вовсе не видел, - убедительно говорит дядюшка Эмсли. - Ну успокойся, Джед, успокойся. Ты разволновался, и рана в голове затемняет твой рассудок, старайся не думать о блинчиках.

- Дядюшка Эмсли, - говорю я, - я не ранен; в голову, но я, видно, растерял свои природные мыслительные способности. Джексон Птица сказал мне, что он навешает мисс Уиллелу, чтобы выведать ее способ приготовления блинчиков, и просил меня помочь ему достать список ингредиентов. Я помог и результат налицо. Что он сделал этот красноглазый овчар, накормил меня беленой, что ли?

- Отпусти-ка мой воротник, - говорят дядюшка Эмсли. - и я расскажу тебе. Да, похоже на то, что Джексон Птица малость тебя одурачил. На следующий день после катания с Уиллелой он снова приехал и сказал нам, чтобы мы остерегались тебя, если ты вдруг заговоришь о блинчиках. Он сказал, что однажды у вас в лагере пекли блинчики и кто-то из ребят треснул тебя по башке сковородкой. И после этого стоит тебе разгорячиться или взволноваться, рана начинает тебя беспокоить и ты становишься вроде как сумасшедшим и бредишь блинчиками. Он сказал, что нужно только отвлечь твои мысли и успокоить тебя, и ты не опасен. Ну вот, мы с Уиллелой и старались как могли. Н-да, говорит дядюшка Эмсли, - таких овцеводов, как этот Джексон Птица, не часто встретишь.

Рассказывай свою историю, Джед не спеша, но бойко смешивал соответствующие порции из своих мешочков и баночек. К концу рассказа он поставил передо мной готовый продукт - пару румяных и пышных блинчиков на оловянной тарелке. Из какого-то секретного хранилища он извлек в придачу кусок превосходного масла и бутылку золотистого сиропа.

- А давно это было? - спросил я его.

- Три года прошло, - сказал Джед. - Они живут теперь на ранчо Шелудивого Осла. Но я ни его, ни ее с тех пор не видал. Говорят, что Джексон Птица украшал свою ферму качалками и гардинами все время пока морочил мне голову этими блинчиками. Ну, я погоревал да и бросил. Но ребята до сих пор надо мной смеются.

- А эти блинчики ты делал по знаменитому рецепту? - спросил я.

- Я же тебе говорю, что никакого рецепта не было, - сказал Джед. - Ребята все кричали о блинчиках, пока сами на них не помешались, и я вырезал этот рецепт из газеты. Как на вкус?

- Чудесно, - ответил я. - Отчего ты сам не попробуешь, Джед?

Мне послышался вздох.

- Я? - спросил Джед. - Я их в рот не беру.

Яблоко сфинкса

Перевод М. Урнова

Отъехав двадцать миль от Парадайза и не доезжая пятнадцати миль до Санрайз-Сити, Билдед Роз, кучер дилижанса, остановил свою упряжку. Снег валил весь день. Сейчас на ровных местах он достигал восьми дюймов. Остаток дороги, ползущей по выступам рваной цепи зубчатых тор, был небезопасен и днем. Теперь же, когда снег и ночь скрыли все ловушки, ехать дальше и думать было нечего, - так заявил Билдед Роз. Он остановил четверку здоровенных лошадей и высказал пятерке пассажиров выводы своей мудрости.

Судья Менефи, которому мужчины, как на подносе, преподнесли руководство и инициативу, выпрыгнул из кареты первым. Трое его попутчиков, вдохновленные его примером, последовали за ним, готовые разведывать, ругаться, сопротивляться, подчиняться, вести наступление - в зависимости от того, что вздумается их предводителю. Пятый пассажир - молодая женщина - осталась в дилижансе.

Билдед остановил лошадей на плече первого горного выступа. Две поломанные изгороди окаймляли дорогу. В пятидесяти шагах от верхней изгороди, как черное пятно в белом сугробе, виднелся небольшой домик. К этому домику устремились судья Менефи и его когорта с детским гиканьем, порожденным возбуждением и снегом. Они звали, они барабанили в дверь и окно. Встретив негостеприимное молчание, они вошли в раж, - атаковали и взяли штурмом преодолимые преграды и вторглись в чужое владение.

До наблюдателей в дилижансе доносились из захваченного дома топот и крики. Вскоре там замерцал огонь, заблестел, разгорелся ярко и весело. Потом ликующие исследователи бегом вернулись к дилижансу, пробиваясь сквозь крутящиеся хлопья. Голос Менефи, настроенный ниже, чем рожок, - даже оркестровый по диапазону, - возвестил о победах, достигнутых их тяжкими трудами. Единственная комната дома необитаема, сказал он, и мебели никакой нет, но имеется большой камин, а в сарайчике за домом они обнаружили солидный запас топлива. Кров и тепло на всю ночь были, таким образом, обеспечены. Билдеда Роза ублажили известием о конюшине с сеном на чердаке, не настолько развалившейся, чтобы ею нельзя было пользоваться.

- Джентльмены, - заорал с козел Билдед Роз, укутанный до бровей, - отдерите мне два пролета в загородке, чтобы можно было проехать. Ведь это ж

хибарка старика Редрута. Так и знал, что мы где-нибудь поблизости. Самого-то в августе упрятали в желтый дом.

Четыре пассажира бодро набросились на покрытые снегом перекладыны. Понукаемые кони втащили дилижанс на гору, к двери дома, откуда в летнюю пору безумие похитило его владельца. Кучер и двое пассажиров начали распрягать. Судья Менефи открыл дверцу кареты и снял шляпу.

- Я вынужден объявить, мисс Гарлевд, - сказал он, - что силою обстоятельств наше путешествие прервано. Кучер утверждает, что ехать ночью по горной дороге настолько рискованно, что об этом не приходится и мечтать. Придется пробыть до утра под кровлей этого дома. Я заверяю вас, что вы вне всякой опасности и испытаете лишь временное неудобство. Я самолично исследовал дом и убедился, что имеется полная возможность хотя бы охранить вас от суровости непогоды. Вы будете устроены со всем комфортом, какой позволят обстоятельства. Разрешите помочь вам выйти.

К судье подошел пассажир, жизненным принципом которого было размещение ветряных мельниц "Маленький Голиаф". Его фамилия была Денвури, но это не имеет большого значения. На перегоне от Парадайза до Санрайз-Сити можно почти или совсем обойтись без фамилии. И все же тому, кто захотел бы разделить почет с судьей Мэдисоном Л. Менефи, требуется фамилия, как некая зацепка, на которую слава могла бы повесить свой венок. Громко и непринужденно ветренный мельник заговорил:

- Вам видно, придется вытряхнуться из ковчега, Миссис Макфарленд. Наш вигвам не совсем "Пяльмер хаус" (1), но снегу там нет и при отъезде не будут шарить в вашем чемодане, сколько ложек вы взяли на память. Огонек мы уже развели и усадим вас на сухие шляпы, и будем отгонять мышей, и все будет очень, очень мило.

Один из двух пассажиров, которые суежились в мешанине из лошадей, упряжи, снега, и саркастических наставлений Билдеда Роза, крикнул в перерыве между своими добровольческими обязанностями:

- Эй, молодцы! А ну, кто-нибудь, доставьте мисс Соломон в дом! Слышите? Тпрру, дьявол! Стой, скотина проклятая!

Снова приходится вежливо объяснить; что на перегоне от Парадайза до Санрайз-Сити точная фамилия - излишняя роскошь. Когда судья Менефи, пользуясь правом, которое давали ему его седины и широко известная репутация, представился пассажирке, она в ответ нежно выдохнула свою фамилию, которую уши пассажиров мужского пола восприняли по-разному. В возникшей атмосфере соперничества, не лишенной примеси ревности, каждый упорно держался своей теории. Со, стороны пассажирки уточнение или поправка могла бы показаться недопустимым нравоучением или, еще того хуже, непозволительным желанием завязать интимное знакомство. Поэтому она откликалась на мисс Гарленд, миссис Макфарленд и мисс Соломон с одинаковой скромной снисходительностью... От Парадайза до Санрайз-Сити тридцать пять миль. Клянусь котомкой Агасфера, для такого краткого путешествия достаточно называться *compagnon de voyage*! (2)

Вскоре маленькая компания путников расселась веселым полукругом перед полыхающим огнем. Пледы, подушки и отделимые части кареты втащили в дом и употребили в дело. Пассажирка выбрала себе место вблизи камина на одном конце полукруга. Там она украшала собою своего рода трон, воздвигнутый ее подданными. Она восседала на принесенных из кареты подушках, прислонившись к пустому ящику и бочонку, устланном пледами и защищавшими ее от порывов сквозного ветра. Она протянула прелестно обутые ножки к ласковому огню. Она

сняла перчатки, но оставила на шее длинное меховое боа. Колеблющееся пламя слабо освещало ее лицо, полускрытое защитным боа, - юное лицо, очень женственное, ясно очерченное и спокойное, в непоколебимой уверенности своей красоты. Рыцарство и мужественность соперничали здесь, угождая ей и утешая ее. Она принимала их преклонение не игриво, как женщина, за которой ухаживают; не кокетливо, как многие представительницы ее пола, недостойные этих почестей; не с тупым равнодушием, как бык, получающий охапку сена, но согласно указаниям самой природы: как лилия впитывает капельку росы, предназначенную для того, чтобы освежить ее.

Вокруг дома яростно завывал ветер, мелкий снег со свистом врывался в щели, холод пронизывал спины принесших себя в жертву мужчин, но в ту ночь стихия не была лишена защитника. Менефи взялся быть адвокатом снежной бури. Погода являлась его клиентом, и в односторонне аргументированной речи он старался убедить своих компаньонов по холодной скамье присяжных, что они восседают в беседке из роз, овеваемые лишь нежными зефирами. Он обнаружил запас веселости, остроумия и анекдотов, не совсем приличных, но встреченных с одобрением. Невозможно было противостоять его заразительной бодрости, и каждый поспешил внести свою лепту в общий фонд оптимизма. Даже пассажирка решила заговорить.

- Все это, по-моему, очаровательно, - сказала она тихим, кристально чистым голосом.

Время от времени кто-нибудь вставал и шутки ради обследовал комнату. Мало осталось следов от ее прежнего обитателя, старика Редрута.

К Билдеду Роз настойчиво пристали, чтобы он рассказал историю экс-отшельника. Поскольку лошади были устроены с комфортом и пассажиры, по-видимому тоже, к вознице вернулись спокойствие и любезность.

- Старый хрыч, - начал Билдед Роз не совсем почтительно, - торчал в этой хибарке лет двадцать. Он никого не подпускал к себе на близкую дистанцию. Как, бывало, почует карету, шмыгнет в дом и дверь на крючок. У него, ясно, винтика в голове не хватало. Он закупал бакалею и табак в лавке Сэма Гилли на Литтл-Мадди.

В августе он явился туда, завернутый в красное одеяло, и сказал Сэму, что он царь Соломон и что царица Савская едет к нему в гости. Он приволок с собой весь свой капитал - небольшой мешочек, полный серебра, - и бросил его в колодез Сэма. "Она не приедет, - говорит старик Редрут Сэму, - если узнает, что у меня есть, деньги".

Как только люди услышали такие рассуждения насчет, женщин и денег, им сразу стало ясно, что старик спятил. Его забрали и упрятали в сумасшедший дом.

- Может, в его жизни был какой-нибудь неудачный роман, который заставил его искать отшельничества? - спросил один из пассажиров, молодой человек, имевший агентство.

- Нет, - сказал Билдед, - на этот счет ничего не слыхал. Просто обыкновенные неприятности. Говорят, что в молодости ему не повезло в любовном предприятии с одной девицей; это задолго до того, как он закутался в красное одеяло и произвел свои финансовые расчеты. А о романе ничего не слышал.

- Ах! - воскликнул судья Менефи с важностью, - это, несомненно, случай любви без взаимности.

- Нет, сэр, - заявил Билдед, - ничего подобного. Она за него не пошла. Мармадюк Маллиген встретил как-то в Парадайзе человека из родного городка

старика Редрута. Он говорил, что Редрут был парень что надо, но вот, когда хлопали его по карману, звякали только запонки да связка ключей. Он был помолвлен с этой молодой особой, мисс Алиса ее звали, а фамилию забыл. Этот человек рассказывал, что она была такого сорта девочка, для которой приятно купить трамвайный билет. Но вот в городишко прикатил молодчик, богатый и с доходами. У него свои экипажи, пай в рудниках и сколько хочешь свободного времени. И мисс Алиса, хоть на нее уже была заявка, видно, столкнулась с этим приезжим. Начались у них совпадения и случайные встречи по дороге на почту, и такие штучки, которые иногда заставляют девушку вернуть обручальное кольцо и прочие подарки. Одним словом, появилась "трещинка в лютне", - как выражаются в стихах.

Как-то люди видели: стоит у калитки Редрут с мисс Алисой и разговаривает. Потом он снимает шляпу - и ходу. И с тех пор никто его в городе больше не видел. Во всяком случае так передавал этот человек.

- А что стало с девушкой? - спросил молодой человек, имевший агентство.

- Не слыхал, - ответил Билдед. - Вот здесь то место на дороге, где экипаж сломал колесо и багаж моих сведений упал в канаву. Все выкачал, до дна.

- Очень печаль... - начал судья Менефи, но его реплика была оборвана более высоким авторитетом.

- Какая очаровательная история, - сказала пассажирка голосом нежным, как флейта.

Воцарилась тишина, нарушаемая только завыванием ветра и потрескиванием горящих дров.

Мужчины сидели на полу, слегка смягчив его негостеприимную поверхность пледами и стружками. Человек, который размещал ветряные мельницы "Маленький Голиаф", поднялся и начал ходить, чтобы поразмять онемевшие ноги.

Вдруг послышался его торжествующий возглас. Он поспешил назад из темного угла комнаты, неся что-то в высоко поднятой руке. Это было яблоко, большое, румяное, свежее: приятно было смотреть на него. Он нашел его в бумажном пакете на полке, в темном углу. Оно не могло принадлежать сраженному любовью Редруту, его великолепный вид доказывал, что не с августа лежало оно на затхлой полке. Очевидно, какие-то путешественники завтракали недавно в этом необитаемом доме и забыли его.

Денвуди - его подвиги опять требуют почтить его наименованием - победоносно подбрасывал яблоко перед носом своих попутчиков.

- Поглядите-ка, что я нашел, миссис Макфарленд! - закричал он хвастливо. Он высоко поднял яблоко и, освещенное огнем, оно стало еще румянее. Пассажирка улыбнулась спокойно... неизменно спокойно.

- Какое очаровательное яблоко, - тихо, но отчетливо сказала она.

Некоторое время судья Менефи чувствовал себя раздавленным, униженным, разжалованным. Его отбросили на второе место, и это злило его. Почему не ему, а вот этому горлану, деревенщине, назойливому мельнику, вручила судьба это произведшее сенсацию яблоко? Попади оно к нему, и он разыграл бы с ним целое действо, оно послужило бы темой для какого-нибудь экспромта, для речи, полной блестящей выдумки, для комедийной сцены и он остался бы в центре внимания. Пассажирка уже смотрела на этого нелепого Денбодди или Вудбенди с восхищенной улыбкой, словно парень совершил подвиг! А мельник шумел и вертелся, как образчик своего товара - от ветра, который всегда дует из страны хористов в область звезды подмостков.

Пока восторженный Денвуди со своим аладиновым яблоком был окружен

вниманием капризной толпы, изобретательный судья обдумал план, как вернуть свои лавры.

С любезнейшей улыбкой на обрюзгшем, но классически правильном лице судья Менефи встал и взял из рук Денвуди яблоко, как бы собираясь его исследовать. В его руках оно превратилось в вещественное доказательство э 1.

- Превосходное яблоко, - сказал он одобрительно. - Должен признаться, дорогой мой мистер Денвинди, что вы затмили всех нас своими способностями фуражира. Но у меня возникла идея. Пусть это яблоко станет эмблемой, символом, призом, который разум и сердце красавицы вручат достойнейшему.

Все присутствующие, за исключением одного человека, зааплодировали.

- Здорово загнул! - пояснил пассажир, который не был ничем особенным, молодому человеку, имевшему агентство.

Воздержавшимся от аплодисментов был мельник. Он почувствовал себя разжалованным в рядовые. Ему бы и в голову никогда не пришло объявить яблоко эмблемой. Он собирался, после того как яблоко разделить и съедят, приклеить его семечки ко лбу и назвать их именами знакомых дам. Одно семечко он хотел назвать миссис Макфарленд. Семечко, упавшее первым, было бы... но теперь уже поздно.

- Яблоко, - продолжал судья Менефи, атакуя присяжных, - занимает в нашу эпоху, надо сказать, совершенно незаслуженно-ничтожное место в диапазоне нашего внимания. В самом деле, оно так часто ассоциируется с кулинарией и коммерцией, что едва ли его можно причислить к разряду благородных фруктов; Но в древние времена это было не так. Библейские, исторические и мифологические предания изобилуют доказательствами того, что яблоко было королем в государстве фруктов. Мы и сейчас говорим "зеница ока", когда хотим определить что-нибудь чрезвычайно ценное. А что такое зеница ока, как не составная часть яблока, глазного яблока? В Притчах Соломоновых мы находим сравнение с "серебряными яблоками". Никакой иной плод дерева или лозы не упоминается так часто в фигуральной речи. Кто не слышал и не мечтал о "яблоках Гесперид?" не нет необходимости привлекать ваше внимание к величайшему по значению и трагизму примеру, подтверждающему престиж яблока в прошлом, когда потребление его нашими прародителями повлекло за собой падение человека с его пьедестала добродетели и совершенства.

- Такие яблоки, - сказал мельник, затрагивая материальную сторону вопроса, - стоят на чикагском рынке три доллара пятьдесят центов бочонок.

- Так вот, - сказал судья Менефи, удостоив мельника снисходительной улыбки, - то, что я хочу предложить, сводится к следующему: в силу обстоятельств, мы, должны оставаться здесь до утра. Топлива у нас достаточно, мы не замерзнем. Наша следующая задача - развлечь себя наилучшим образом, чтобы время шло не слишком медленно. Я предлагаю вложить это яблоко в ручки мисс Гарленд. Оно больше не фрукт, но, как я уже сказал, приз, награда, символизирующая великую человеческую идею. Сама мисс Гарленд перестает быть индивидуумом... только на время, я счастлив добавить (низкий поклон, полный старомодной грации), - она будет представлять свой пол, она будет квинтэссенцией женского, племени, сердцем и разумом, я бы сказал, венца творения. И в этом качестве она будет судить, и решать по следующему вопросу.

Всего несколько минут назад наш друг, мистер Роз, почтил нас увлекательным, но фрагментарным очерком романтической истории из жизни бывшего владельца этого обиталища. Скучные факты, сообщенные нам, открывают, мне кажется, необъятное поле для всевозможных догадок, для анализа

человеческих сердец, для упражнения нашей фантазии, словом - для импровизации. Не упустим же эту возможность. Пусть каждый из нас расскажет свою версию истории отшельника Редрута и его дамы сердца, начиная, с того, на чем обрывается рассказ мистера Роза, - с того, как влюбленные расстались у калитки. Прежде всего условимся: вовсе не обязательно предполагать, будто Редрут сошел сума возненавидел мир и стал отшельником исключительно по вине юной леди. Когда мы кончим, мисс Гарленд вынесет приговор женщины. Являясь духовным символом своего пола, она должна будет решить, какая версия наиболее правдиво отражает коллизию сердца и разума и наиболее верно оценивает характер и поступки невесты Редрута с точки зрения женщины. Яблоко будет вручено тому, кто удостоится этой награды. Если все вы согласны, то мы будем иметь удовольствие услышать первой историю мистера Динвиди.

Последняя фраза пленила мельника. Он был не из тех, кто способен долго унывать.

- Проект первый сорт, судья, - сказал он искренно, - Сочинить, значит, рассказик посмешней? Что же, я как-то работал репортером в одной спрингфилдской газете, и когда новостей не было, я их выдумывал. Надеюсь, что не ударю лицом в грязь.

- По-моему, идея очаровательная, - сказала пассажирка просияв. - Это будет совсем как игра.

Судья Менефи выступил вперед и торжественно вложил яблоко в ее ручку.

- В древности, - сказал он с подъемом, - Парис присудил золотое яблоко красивейшей.

- Я был в Париже на выставке, - заметил снова развеселившийся мельник, - но ничего об этом не слышал. А я все время болтался на площадке аттракционов, если не торчал в машинном павильоне.

- А теперь, - продолжал судья, - этот плод должен истолковать нам тайну и мудрость женского сердца. Возьмите яблоко, мисс Гарленд. Выслушайте наши нехитрые романтические истории и присудите приз по справедливости.

Пассажирка мило улыбнулась. Яблоко лежало у нее на коленях под плащами и пледами. Она приткнулась к своему защитному укреплению, и ей было тепло и уютно. Если бы не шум голосов и ветра, наверное можно было бы услышать ее мурлыканье.

Кто-то подбросил в огонь дров. Судья Менефи учтиво кивнул головой мельнику.

- Вы почтите нас первым рассказом? - сказал он.

Мельник уселся по-турецки, сдвинув шляпу на самый затылок, чтобы предохранить его от сквозняка.

- Ну, - начал он без всякого смущения, - я разрешаю это затруднение примерно таким манером. Конечно, Редрута здорово поддел этот гусь, у которого хватало денег на всякие игрушки и который пытался отбить у него девушку. Ну, ясно, он идет прямо к ней и спрашивает, фальшивит она или нет. Кому охота, чтобы какой-то хлюст подъезжал с экипажами и золотыми приисками к девушке, на которую вы нацелились? Ну, значит, он идет к ней. Ну, возможно, что он горячится и разговаривает с ней, как с собственной женой, забыв, что чек еще не наличные. Ну, надо думать, что Алисе становится жарко под кофточкой. Ну, она кроет ему в ответ. Ну, он...

- Слушайте, - перебил его пассажир, который не был ничем особенным. - Если бы вы столько размещали ветряных мельниц, сколько раз повторяете "ну", вы бы нажили себе капиталец, верно?

Мельник добродушно усмехнулся.

- Ну, я вам не Гюй де Мопассам, - сказал он весело. - Я выражаюсь просто, по- американски. Ну, она говорит что-нибудь вроде этого: "Мистер Прииск мне только друг, - говорит она, - но он катает меня и покупает билеты в театр, а от тебя этого не дождешься. Что же, мне и удовольствия в жизни иметь нельзя? Так ты думаешь?" - "Брось эти штучки, - говорит Редрут. - Дай этому щеголю отставку, а то не ставить тебе комнатных туфель под мою тумбочку".

Ну, такое расписание не годится девушке, которая развела пары; если девушка была с характером, такие слова, конечно, пришлись ей не по вкусу. А бьюсь об заклад, что она только его и любила. Может, ей просто хотелось, как это бывает с девушками, повертихвостить немножко, прежде чем засесть штопать Джорджу носки и стать хорошей женой. Но ему попала вожжа под хвост и он ни тпру ни ну. А она, ясно, понятно, возвращает ему кольцо. Джордж, значит, смывается и начинает закладывать. Да-с! Вот она штука-то какая. А держу пари, что девочка выставила этот рог изобилия в модной жилетке ровно через два дня, как исчез ее суженый. Джордж погружается на товарный поезд и направляет мешок со своими пожитками в края неизвестные. Несколько лет он пьет горькую. А потом анилин и водка подсказывают решение. "Мне остается келья отшельника, - говорит Джордж, - да борода по пояс, да зарытая кубышка с деньгами, которых нет".

Но Алиса, по моему мнению, вела себя вполне порядочно. Она не вышла замуж и, как только начали показываться морщинки, взялась за пишущую машинку и завела себе кошку, которая бежала со всех ног, когда ее звали: "Кис, кис, кис!" Я слишком верю в хороших женщин и не могу допустить, что они бросают парней, с которыми хороводятся всякий раз как им подвернется мешок с деньгами. - Мельник умолк.

- По-моему, - сказала пассажирка, слегка потянувшись на своем низком троне, - это очаро...

- О мисс Гарленд! - вмешался судья Менефи, подняв руку. - Прошу вас, не надо комментариев! Это было бы несправедливо по отношению к другим соревнующимся. Мистер... э-э... ваша очередь, - обратился судья Менефи к молодому человеку, имевшему агентство.

- Моя версия этой романтической истории такова, - начал молодой человек, робко потирая руки: - они не ссорились, расставаясь. Мистер Редрут простился с нею и пошел по свету искать счастья. Он знал, что его любимая останется верна ему. Он не допускал мысли, что его соперник может тронуть сердце, такое любящее и верное. Я бы сказал, что мистер Редрут направился в Скалистые горы Вайеминга в поисках золота. Однажды шайка пиратов высадилась там и захватила его за работой и...

- Эй! Что за черт? - резко крикнул пассажир, который не был ничем особенным. - Шайка пиратов высадилась в Скалистых горах? Может, вы скажете, как ониплыли...

- Высадилась с поезда, - сказал рассказчик спокойно и не без находчивости. - Они долго держали его пленником в пещере, а потом отвезли за сотни миль в леса Аляски. Там красивая индианка влюбилась в него, но он остался верен Алисе. Проблуждав еще год в лесах он отправился с брильянтами...

- Какими брильянтами? - спросил незначительный пассажир почти что грубо.

- С теми, которые шорник показал ему в Перуанском храме, - ответил рассказчик несколько туманно. - Когда он вернулся домой, мать Алисы, вся в

слезах отвела его к зеленому могильному холмику под ивой. "Ее сердце разбилось, когда вы уехали", - сказала мать. "А что стало с моим соперником Честером Макинтош?" - спросил мистер Редрут, печально склонив колени у могилы Алисы. "Когда он узнал, - ответила она, - что ее сердце принадлежало вам, - он чахнул и чахнул, пока, наконец, не открыл мебельный магазин, в Гранд-Рapidз. Позже мы слышали, что его до смерти искушал бешеный лось около Саус-Бенд, штат Иидиана, куда он отправился, чтобы забыть цивилизованый мир". Выслушав это, мистер Редрут отвернулся от Людей и, как мы уже знаем, стал отшельником.

- Мой рассказ, - заключил молодой человек, имевший; агентство, - может быть, лишен литературных достоинств, но я хочу в нем показать, что девушка осталась верной. В сравнении с истинной любовью она ни во, что не ставила богатство. Я так восхищаюсь прекрасным; полом, и верю ему, что иначе думать не могу.

Рассказчик умолк, искоса взглянув в угол, где сидела пассажирка.

Затем судья Менефи попросил Билдеда Роза выступить со своим рассказом в соревновании на символическое яблоко. Сообщение кучера было кратким:

- Я не из тех живодеров, - сказал он, - которые все несчастья сваливают на баб. Мое показание, судья, насчет рассказа, который вы спрашиваете, будет примерно такое: Редрута сгубила лень. Если бы он сгреб за холку этого Пегаса, который пытался его объехать, я дал бы ему до морде, да держал бы Алису в стойле, и надел бы ей узду с наглазниками, все было бы в порядке. Раз тебе приглянулась бабенка, так ради нее стоит постараться. "Пошли за мной, когда опять понадобится", - говорит Редрут, надевает свой стетсон и сматывается. Он, может быть, думал, что это гордость, а по-нашему - лень. Такая женщина станет бегать за мужчиной? "Пускай сам придет", - говорит себе девочка; и я ручаюсь, что она, велит парню с мощной попятиться, а потом с утра до ночи выглядывает из окошка, не идет ли ее разлюбезный с пустым бумажником и пушистыми усами.

Редрут ждет, наверно, лет девять, не прийдет ли, она негра с записочкой, с просьбой простить ее. Но она не шлет. "Штука не выгорела, - говорит Редрут, - а я прогорел". И он берется за работенку отшельника и отращивает бороду. Да, лень и борода - вот в чем зарыта собака. Лень и борода друг без друга никуда. Слышала вы когда-нибудь, чтобы человек с длинными волосами и бородой наткнулся на золотые россыпи? Нет. Возьмите хоть герцога Молборо или этого жулика из "Стандард Ойл". Есть у них что-нибудь подобное?

Ну, а эта Алиса так и не вышла замуж, клянусь дохлым мерином. Женись Редрут на другой - может, и она вышла бы. Но он так и не вернулся. У ней хранятся как сокровища все эти штучки, которые они называют любовными памятками. Может быть, клочок волос и стальная пластинка от корсета, которую он ломал. Такого сорта товарец для некоторых женщин все равно что муж. Верно, она так и засиделась в девках. И ни одну женщину я не виню в том, что Редрут расстался с парикмахерскими и чистыми рубашками.

Следующим по порядку выступил пассажир, который не был ничем особенным. Безымянный для нас, он совершает путь от Парадайза до Санрайз-Сити.

Но вы его увидите, если только огонь в камине не погаснет, когда он откликнется на призыв судьи.

Худой, в рыжевatom костюме, сидит, как лягушка, обхватил руками ноги, а подбородком уперся в колени. Гладкие, пенькового цвета волосы, длинный нос, рот, как у сатира, с вздернутыми, запачканными табаком углами губ. Глаза,

как у рыбы; красный галстук с булавкой в форме подковы. Он начал дребезжащим хихиканьем, которое постепенно оформилось в слова.

- Все заврались. Что? Роман без флердоранжа? Го, го! Ставлю кошелек на парня с галстуком бабочкой и с чековой книжкой в кармане.

С расставанья у калитки? Ладно! "Ты никогда меня не любила, - говорит Редрут яростно, - иначе ты бы не стала разговаривать с человеком, который угощает тебя мороженым". - "Я ненавижу его, - говорит она, - я проклинаю его таратайку. Меня тошнит от его первосортных конфет, которые он присылает мне в золоченых коробках, обернутых в настоящие кружева; я чувствую, что могу пронзить его копьем, если он поднесет мне массивный медальон, украшенный бирюзой и жемчугом. Пропади он пропадом! Одного тебя люблю я". - "Полегче на поворотах! - говорит Редрут. - Что я, какой-нибудь распутник из Восточных штатов? Не лезь ко мне, пожалуйста. Делить тебя я ни с кем не собираюсь. Ступай и продолжай ненавидеть твоего приятеля. Я обойдусь девочкой Никерсон с авеню Б., жевательной резиной и поездкой в трамвае".

В тот же вечер заявляется Джон Уильям Крез, "Что? Слезы?" - говорит он, поправляя свою жемчужную булавку. "Вы отпугнули моего возлюбленного, - говорит Алиса рыдая. - Мне противен ваш вид". - "Тогда выходите за меня замуж", - говорит Джон Уильям, зажигая сигару "Генри Клей". "Что! - кричит она, негодуя, - выйти за вас? Ни за что на свете, - говорит она, - пока я не успокоюсь и не смогу кое-что закупить, а вы не выправите разрешения на брак. Тут рядом есть телефон: можно позвонить в канцелярию мэра".

Рассказчик сделал паузу, и опять раздался его циничный смешок.

- Поженились они? - продолжал он. - Проглотила утка жука? А теперь поговорим о старике Редруте. Вот здесь, я считаю, вы тоже все ошиблись. Что превратило его в отшельника? Один говорит: лень, другой говорит: угрызения совести, третий говорит: пьянство. А я говорю: женщины. Сколько сейчас лет старику? - спросил рассказчик, обращаясь к Билдеду Розу.

- Лет шестьдесят пять.

- Очень хорошо. Он хозяйничал здесь в своей отшельнической лавочке двадцать лет. Допустим, что ему, было двадцать пять, когда он раскланялся у калитки. Таким образом, от него требуется отчет за двадцать лет его жизни, иначе ему крышка. На что же он потратил эту десятку и две пятерки? Я сообщу вам свою мысль. Сидел в тюрьме за двоеженство. Допустим, что у него была толстая блондинка в Сен-Джо и худощавая брюнетка в Скиллет-Ридж и еще одна, с золотым зубом, в долине Ко. Редрут запутался и угодил в тюрьму. Отсидел свое, вышел и говорит: "Будь что будет, но юбок с меня хватит. В отшельнической отрасли нет перепроизводства, и стенографистки не обращаются к отшельникам за работой. Веселая жизнь отшельника - вот это мне по душе. Хватит с меня длинных волос в гребенке и шпилек в сигарном ящике". Вы говорите, что старика Редрута упрятали в желтый дом потому, что он назвал себя царем Соломоном? Дудки. Он и был Соломоном. Я кончил. Полагаю, яблок это не стоит. Марки на ответ приложены. Что-то не похоже, что я победил.

Уважая предписание судьи Менефи - воздерживаться от комментариев к рассказам, никто ничего не сказал, когда пассажир, который не был ничем особенным, умолк. И тогда изобретательный зачинщик конкурса прочистил горло, чтобы начать последний рассказ на приз. Хотя судья Менефи восседал на полу без особого комфорта, это отнюдь не умалило его достоинства. Отблески угасавшего пламени освещали его лицо, такое же чеканное, как лицо римского императора на какой-нибудь старой монете, и густые пряди его почтенных седых волос.

- Женское сердце! - начал он ровным, но взволнованным голосом, - кто разгадает его? Пути и желания мужчин разнообразны. Но сердца всех женщин, думается мне, бьются в одном ритме и настроены на старую мелодию любви. Любовь для женщины означает жертву. Если она достойна этого имени, то ни деньги, ни положение не перевесят для нее истинного чувства.

Господа присяж... я хочу сказать: друзья мои! Здесь разбирается дело Редрута против любви и привязанности. Но кто же подсудимый? Не Редрут, ибо он уже понес наказание. И не эти бессмертные страсти, которые украшают нашу жизнь радостью ангелов. Так кто же? Сегодня каждый из нас сидит на скамье подсудимых и должен ответить, благородные или темные силы обитают внутри нас. И судит нас изящная половина человечества в образе одного из ее прекраснейших цветков. В руке она держит приз, сам по себе незначительный, но достойный наших благородных усилий как символ признания одной из достойнейших представительниц женского суждения и вкуса.

Переходя к воображаемой истории Редрута и прелестного создания, которому он отдал свое сердце, я должен прежде всего возвысить свой голос против недостойной инсинуации, что якобы эгоизм, или вероломство, или любовь к роскоши какой бы то ни было женщины привели его к отречению от мира. Я не встречал женщины столь бездушной или столь продажной. Мы должны искать причину в другом - в более низменной природе и недостойных намерениях мужчины.

По всей вероятности, в тот достопамятный день, когда влюбленные стояли у калитки, между ними произошла ссора. Терзаемый ревностью, юный Редрут покинул родные края. Но имел ли он достаточно оснований поступить таким образом? Нет доказательств ни за, ни против. Но есть нечто высшее, чем доказательство; есть великая, вечная вера в доброту женщины, в ее стойкость перед соблазном, в ее верность даже при наличии предлагаемых сокровищ.

Я рисую себе безрассудного, юношу, который, терзаясь, блуждает по свету. Я вижу его постепенное падение и, наконец, его совершенное отчаяние, когда он осознает, что потерял самый драгоценный дар из тех, что жизнь могла ему предложить. При таких обстоятельствах становится понятным и почему он бежал от мира печали и последующее расстройство его умственной деятельности.

Перейдем ко второй части разбираемого дела. Что мы здесь видим? Одинокую женщину, увядающую с течением времени, все еще ждущую с тайной надеждой, что вот он появится, вот раздадутся его шаги. Но они никогда не раздадутся. Теперь она уже старушка. Ее волосы поседели и гладко причесаны. Каждый день она сидит у калитки и тоскливо смотрит на пыльную дорогу. Ей мнится, что она ждет его не здесь, в бренном мире, а там, у райских врат, и она - его навеки. Да, - моя вера, в женщину рисует эту картину в моем сознании. Разлученные навек на земле, но ожидающие: она - предвкушая встречу в Элизиуме, он - в геенне огненной.

- А я думал, что он в желтом доме, - сказал пассажир, который не был ничем особенным.

Судья Менефи раздраженно поежился. Мужчины сидели, опустив головы в причудливых позах. Ветер умерил свою ярость и налетал теперь редкими, злобными порывами. Дрова в камине превратились в груды красных углей, которые отбрасывали в комнату тусклый свет. Пассажирка в своем уютном уголке казалась бесформенным свертком, увенчанным короной блестящих кудрявых волос. Кусочек ее белоснежного лба виднелся над мягким мехом боа.

Судья Менефи с усилием поднялся.

- Итак, мисс Гарленд, - объявил он, - мы кончили. Вам надлежит

присудить приз тому из нас, чей взгляд, - особенно, я подчеркиваю, это касается оценки непорочной женственности, - ближе всего подходит к вашим собственным убеждениям.

Пассажира не отвечала. Судья Менефи озабоченно склонился над нею. Пассажир, который не был ничем особенным, хрипло и противно засмеялся. Пассажирка сладко спала. Судья Менефи попробовал взять ее за руку, чтобы разбудить ее. При этом он коснулся чего-то маленького, холодного, влажного, лежавшего у нее на коленях.

- Она съела яблоко! - возвестил судья Менефи с благоговейным ужасом и, подняв огрызок, показал его всем.

- 1) - Фешенебельная гостиница в Нью-Йорке.
- 2) - Попутчик (франц.).

Пианино

Перевод М. Урнова

Я заночевал на овечьей ферме Раша Кинни у Песчаной излучины реки Нуэсес. Мистер Кинни и я в глаза не видали друг друга до той минуты, когда я крикнул "алло" у его коновязи; но с этого момента и до моего отъезда на следующее утро мы, согласно кодексу Техаса, были закадычными друзьями.

После ужина мы с хозяином фермы вытащили наши стулья из двухкомнатного дома на галерею с земляным полом, крытую чапарралем и саквистой. Задние ножки стульев глубоко ушли в утрамбованную глину, и мы, прислонившись к вязовым подпоркам галереи, покуривали эльторовский табачок и дружелюбно обсуждали дела остальной вселенной.

Передать словами чарующую прелесть вечера в прерии - безнадежная затея. Дерзок будет тот повествователь, который попытается описать техасскую ночь ранней весной. Ограничимся простым перечнем.

Ферма расположилась на вершине отлогого косогора. Безбрежная прерия, оживляемая оврагами и темными пятнами кустарника и кактусов, окружала нас, словно стенки чаши, на дне которой мы покоились, как осадок. Небо прихлопнуло нас бирюзовой крышкой. Чудный воздух, насыщенный озоном и сладкий от аромата диких цветов, оставлял приятный вкус во рту. В небе светил большой, круглый ласковый луч прожектора, и мы знали, что это не луна, а тусклый фонарь лета, которое явилось, чтобы прогнать на север присмирившую весну. В ближайшем коррале смирно лежало стадо овец, - лишь изредка они с шумом подымались в беспричинной панике и сбивались в кучу. Слышались и другие звуки: визгявая семейка койотов заливалась за загонами для стрижки овец, и козодой кричали в высокой траве. Но даже эти диссонансы не заглушали звонкого потока нот дроздов-пересмешников, стекавшего с десятка соседних кустов и деревьев. Хотелось подняться на цыпочки и потрогать рукою

звезды, такие они висели яркие и ощутимые.

Жену мистера Кинни, молодую и расторопную женщину, мы оставили в доме. Ее задержали домашние обязанности, которые, как я заметил, она исполняла с веселой и спокойной гордостью.

В одной комнате мы ужинали. Вскоре из другой к нам на галерею ворвалась волна неожиданной и блестящей музыки. Насколько я могу судить об искусстве игры на пианино, толкователь этой шумной фантазии с честью владел всеми тайнами клавиатуры. Пианино и тем более такая замечательная игра не вязались в моем представлении с этой маленькой и невзрачной фермой. Должно быть, недоумение было написано у меня на лице, потому что Раш Кинни тихо рассмеялся, как смеются южане, и кивнул мне сквозь освещенный луною дым от наших папирос.

- Не часто приходится слышать такой приятный шум на овечьей ферме, - заметил он. - Но я не вижу причин, почему бы не заниматься искусством и подобными фиоритурами, если вдруг очутился в глуши. Здесь скучная жизнь для женщины, и если немного музыки может ее приукрасить, почему не иметь ее? Я так смотрю на дело.

- Мудрая и благородная теория, - согласился я. - А миссис Кинни хорошо играет. Я не обучен музыкальной науке, но все же могу сказать, что она прекрасный исполнитель. У нее есть техника и незаурядная сила.

Луна, понимаете ли, светила очень ярко, и я увидел на лице Кинни какое-то довольное и сосредоточенное выражение, словно его что-то волновало, чем он хотел поделиться.

- Вы проезжали перекресток "Два Вяза", - сказал он многообещающе. - Там вы, должно быть, заметили по левую руку заброшенный дом под деревом.

- Заметил, - сказал я. - Вокруг копалась стада кабанов. По сломанным изгородям было видно, что там, никто не живет,

- Вот там-то и началась эта музыкальная история, - сказал Кинни. - Что ж, пока мы курим, я не прочь рассказать вам ее. Как раз там жил старый Кэл Адамс. У него было около восьмисот мериносов улучшенной породы и дочка - чистый шелк и красива, как новая уздечка на тридцатидолларовой лошади. И само собой разумеется, я был виновен, хотя и заслуживал снисхождения, в том, что торчал у ранчо старого Кэла все время, какое удавалось урвать от стрижки Овец и ухода за ягнятами. Звали ее мисс Марилла. И я высчитал по двойному правилу арифметики, что ей суждено стать хозяйкой и владычицей ранчо Ломито, принадлежащего Р. Кинни, эсквайру, где вы сейчас находитесь как желанный и почетный гость.

Надо вам сказать, что старый Кэл ничем не выделялся как овцевод. Это был маленький, сутуловатый *hombre* (1), ростом с ружейный футляр, с жидкой седой бородашкой и страшно болтливый.

Старый Кэл был до того незначителен в выбранной им профессии, что даже скотопромышленники не питали к нему ненависти. А уж если овцевод не способен выдвинуться настолько, чтобы заслужить враждебность скотоводов, он имеет все шансы умереть неоплаканным и почти что неотпетым.

Но его Марилла была сущей отрадой для глаз, и хозяйка она была хоть куда. Я был их ближайшим соседом и наезжал, бывало, в "Два Вяза" от девяти до шестнадцати раз в неделю то со свежим маслом, то с оленьим окороком, то с новым раствором для мытья овец, лишь бы был хоть пустяковый предлог повидать Мариллу. Мы с ней крепко увлеклись друг другом, и я был совершенно уверен, что заарканю ее и приведу в Ломито. Только она была так пропитана дочерними чувствами к старому Кэлу, что мне никак не удавалось заставить ее поговорить

о серьезных вещах.

Вы в жизни не встречали человека, у которого было бы столько познаний и так мало мозгов, как у старого Кэла. Он был осведомлен во всех отраслях знаний, составляющих ученость, и владел основами всех доктрин и теорий. Его нельзя было удивить никакими идеями насчет частей речи или направлений мысли. Можно было подумать, что он профессор погоды, и политики, и химии, в естественной истории, и происхождения видов. О чем бы вы с ним ни заговорили, старый Кэл мог дать вам детальное описание любого предмета, от греческого его корня и до момента его упаковки и продажи на рынке.

Однажды, как раз после осенней стрижки, я заезжаю в "Два Вяза" с журналом дамских мод для Мариллы и научной газетой для старого Кэла.

Привязываю я коня к мескитовому кусту, вдруг вылетает Марилла, до смерти обрадованная какими-то новостями, которые ей не терпится рассказать.

- Ах, Раш! - говорит она, так и пылая от уважения и благодарности. - Подумай только! Папа собирается купить мне пианино. Ну не чудесно ли! Я и не мечтала никогда, что буду иметь пианино.

- Определенно замечательно, - говорю я. - Меня всегда восхищал приятный рев пианино. А тебе оно будет вместо компании. Молодчина дядюшка Кэл, здорово придумал.

- Я не знаю, что выбрать, - говорит Марилла, - пианино или орган. Комнатный орган тоже неплохо.

- И то и другое, - говорю я, - первоклассная штука для смягчения тишины на овечьем ранчо. Что до меня - говорю я, - так я не желал бы ничего лучшего, как приехать вечером домой и послушать немного вальсов и джиг, и чтобы на табуретке у пианино сидел кто-нибудь твоей комплекции и обрабатывал ноты.

- Ах, помолчи об этом, - говорит Марилла, - и иди в дом. Папа не выезжал сегодня. Ему нездоровится.

Старый Кэл был в своей комнате, лежал на койке. Он сильно простудился и кашлял. Я остался ужинать.

- Я слышал, что вы собираетесь купить Марилле пианино, - говорю я ему.

- Да, Раш, что-нибудь в этом роде, говорит он. - Она давно изнывает по музыке, а сейчас я как раз могу, устроить для нее что-нибудь по этой части. Нынче осенью овцы дали по шесть фунтов шерсти с головы на круг, и я решил добыть Марилле инструмент, если даже на него уйдет вся выручка от стрижки.

- Правильно, - говорю я. - Девочка этого заслуживает.

- Я собираюсь в Сан-Антонио с последней подводой шерсти, - говорит дядюшка Кэл, - и сам выберу для нее инструмент.

- А не лучше ли, - предлагаю я, - взять с собой Мариллу, и пусть бы она выбрала по своему вкусу?

Мне следовало бы знать, что после подобного предложения дядюшку Кэла не остановишь. Такой человек, как он, знавший все обо всем, воспринял это как умаление своих познаний.

- Нет, сэр, это не пойдет, - говорит он, теребя свою седую бороденку. - Во всем мире нет лучшего знатока музыкальных инструментов, чем я. У меня был дядя, - говорит он, - который состоял компаньоном фабрики роялей, и я видел, как их собирали тысячами. Я знаю все музыкальные инструменты от органа до свистульки. На свете нет такого человека, сэр, который мог бы сообщить мне что-нибудь новое по части любого инструмента, дуют ли в него, колотят ли, царапают, вертят, щиплют или заводят ключом...

- Купи, что хочешь, па, - говорит Марилла, а сама так и юлит от

радости. - Уж ты-то сумеешь выбрать. Пусть будет пианино, или орган, или еще что-нибудь.

- Я как-то видел в Сент-Луисе так называемый оркестрион, - говорит дядюшка Кэл, - самое, по-моему, замечательное изобретение в области музыки. Но для него в доме нет места. Да и стоит он, надо думать, тысячу долларов. Я полагаю, что Марилле лучше всего подойдет что-нибудь по части пианино. Она два года брала уроки в Бэрдстейле. Нет, только себе я могу доверить покупку инструмента и никому больше. Я так полагаю, что не возьмись я за разведение овец, я был бы одним из лучших в мире композиторов или фабрикантов роялей и органов.

Таков был дядюшка Кэл. Но я терпел его, потому что он очень уж заботился о Марилле. И она заботилась о нем не меньше. Он посылал ее на два года в пансион в Бэрдстейл, хотя на покрытие расходов уходил чуть ли не последний фунт шерсти.

Помнится, во вторник дядюшка Кэл отправился в Сан-Антонио с последней подводой шерсти. Пока он был в отъезде, из Бэрдстейла приехал дядя Мариллы, Бен, и поселился на ранчо. До Сан-Антонио было девяносто миль, а до ближайшей железнодорожной станция сорок, так что дядюшка Кэл отсутствовал дня четыре. Я был в "Двух Вязах", когда он прикатил домой как-то вечером, перед закатом. На возу определенно что-то торчало - пианино или орган, мы не могли разобрать, - все было укутано в мешки из-под шерсти и поверх натянута брезент на случай дождя. Марилла выскакивает и кричит: "Ах, ах!" Глаза у нее блестят и волосы развеваются. "Папочка... Папочка, - поет она, - ты привез его... Привез?" А оно у нее прямо перед глазами. Но женщины иначе не могут.

- Лучшее пианино во всем Сан-Антонио, - говорит дядюшка Кэл, гордо помахивая рукой. - Настоящее розовое дерево, и самый лучший, самый громкий тон, какой только может быть. Я слышал, как на нем играл хозяин магазина; забрал его, не торгуясь, и расплатился наличными.

Мы с Беном, дядя Кэл да еще один мексиканец сняли его с подводы, втащили в дом и поставили в угол. Это был такой стоячий инструмент - не очень тяжелый и не очень большой.

А потом ни с того ни с сего дядюшка Кэл шлепается на пол и говорит, что захворал. У него сильный жар, и он жалуется на легкие. Он укладывается в постель, мы с Беном тем временем распрягаем, и отводим на пастбище лошадей, а Марилла суетится, готовя горячее питье дядюшке Кэлу. Но прежде всего она кладет обе руки на пианино и обнимает его с нежной улыбкой, ну, знаете, совсем как ребенок с рождественскими игрушками.

Когда я вернулся с пастбища, Марилла была в комнате, где стояло пианино. По веревкам и мешкам на полу было видно, что она его распаковала. Но теперь она снова натягивала на него брезент, и на ее побледневшем лице было какое-то торжественное выражение.

- Что это ты, Марилла, никак снова завертываешь музыку? - спрашиваю я. - А ну-ка парочку мелодий, чтобы поглядеть, как оно ходит под седлом.

- Не сегодня, Раш, - говорит она, - я не могу сегодня играть. Папа очень болен. Только подумай, Раш, он заплатил за него триста долларов - почти треть того, что выручил за шерсть.

- Что ж такого, ты стоишь больше любой трети чего бы то ни было, - сказал я. - А потом, я думаю, дядюшка Кэл уж не настолько болен, что не может послушать легкое сотрясение клавишей. Надо же окрестить машину.

- Не сегодня, Раш, - говорит Марилла таким тоном, что сразу видно - спорить с ней бесполезно.

Но что ни говори, а дядюшку Кэла, видно, крепко скрутило. Ему стало так плохо, что Бен, оседлал лошадь и поехал в Бэрдстейл за доктором Симпсоном. Я остался на ферме на случай, если что понадобится.

Когда дядюшке Кэлу немного полегчало, он позвал Мариллу и говорит ей:

- Ты видела инструмент, милая? Ну, как тебе нравится?

- Он чудесный, папочка, - говорит она, склоняясь к его подушке. - Я никогда не видала такого замечательного инструмента. Ты такой милый и заботливый, что купил мне его!

- Я не слышал, чтобы ты на нем играла, - говорит дядюшка Кэл. - А я прислушивался. Бок сейчас меня не очень тревожит. Может, сыграешь какую-нибудь вещицу, Марилла?

Но нет, она заговаривает зубы дядюшке Кэлу и успокаивает его, как ребенка. По-видимому, она твердо решила не прикасаться пока к пианино.

Приезжает доктор Симпсон и говорит, что у дядюшки Кэла воспаление легких в самой тяжелой форме; старику было за шестьдесят, и он давно уж начал сдавать, так что шансы были за то, что ему не придется больше гулять по травке.

На четвертый день болезни он снова зовет Мариллу и заводит речь о пианино. Тут же находятся и доктор Симпсон и Бен, и миссис Бен, и все ухаживают за ним, кто как может.

- У меня бы здорово пошло по части музыки, - говорит дядюшка Кэл. - Я выбрал лучший инструмент, какой можно достать за деньги в Сан-Антонио. Ведь, верно, Марилла, что пианино хорошее во всех отношениях?

- Оно просто совершенство, папочка, - говорит она. - Я в жизни не слышала такого прекрасного тона. А не лучше ли тебе соснуть, папочка?

- Нет, нет, - говорит дядюшка Кэл. - Я хочу послушать пианино. Мне кажется, что ты даже не прикасалась к клавишам. Я сам поехал в Сан-Антонио и сам выбрал его для тебя. На него ушла треть всей выручки от осенней стрижки. Но мне не жаль денег, лишь бы было удовольствие для моей милой девочки. Поиграй мне немножко, Марилла.

Доктор Симпсон поманил Мариллу в сторону и посоветовал ей исполнить желание дядюшки Кэла, чтобы он успокоился. И дядя Бен и его жена просили ее о том же.

- Почему бы тебе не отстукать одну-две песенки с глухой педалью? - спрашиваю я Мариллу. - Дядюшка Кэл столько раз тебя просил. Ему будет здорово приятно послушать, как ты пересчитываешь клавиши на пианино, которое он купил для тебя. Почему бы не сыграть, в самом деле?

Но Марилла стоит и молчит, только слезы из глаз катятся. Потом она подсовывает руки под шею дядюшки Кэла и крепко его обнимает.

- Ну как же, папочка, - услышали мы ее голос, - вчера вечером я очень много играла. Честное слово... я играла. Такой это замечательный инструмент, что ты даже представить не можешь, как он мне нравится. Вчера вечером я играла "Бонни Дэнди", польку "Наковальня", "Голубой Дунай" и еще массу всяких вещиц. Хоть немножко, но ты, наверное, слышал, как я играла, ведь слышал, папочка? Мне не хотелось играть громко, пока ты болен.

- Возможно, возможно, - говорит дядюшка Кэл, - может быть, я и слышал. Может быть, слышал и забыл. Голова у меня какая-то дурная стала. Я слышал, хозяин магазина прекрасно играл на нем. Я очень рад, что тебе оно, нравится, Марилла. Да, пожалуй, я сосну немного, если ты побудешь со мною.

Ну, и задала же мне Марилла загадку. Так носилась она со своим стариком и вдруг не хочет выстукать ни одной нотки на пианино, которое он ей купил. Я

не мог понять, зачем она сказала отцу, что играла, когда даже; брезент не стаскивала с пианино с тех самых пор, как накрыла его в первый день. Я знал, что она хоть немножко да умеет играть, потому что слышал однажды, как она откалывала какую-то довольно приятную танцевальную музыку на старом пианино на ранчо Чарко Ларго.

Ну-с, примерно в неделю воспаление легких уходило дядюшку Кэла. Хоронили его в Бэрдстейле, и все мы отправились туда. Я привез Мариллу домой в своей тележке. Ее дядя Бен и его жена собирались побыть с ней несколько дней.

В тот вечер, когда все были на галерее, Марилла отвела меня в комнату, где стояло пианино.

- Поди сюда, Раш, - говорит она. - Я хочу тебе что-то показать.

Она развязывает веревку, и сбрасывает брезент.

Если вы когда-нибудь ездили на седле без лошади или стреляли из незаряженного ружья, или напивались из пустой бутылки, тогда, возможно, вам удалось бы извлечь оперу из инструмента, купленного дядюшкой Кэлом. Это было не пианино, а одна из тех машин, которые изобрели, чтобы при помощи их играть на пианино. Сама по себе она была так же музыкальна, как дырки флейты без флейты.

Вот какое пианино выбрал дядюшка Кэл. И возле него стояла добрая, чистая, как первосортная шерсть, девушка, которая так и не сказала ему об этом.

- А то, что вы сейчас слушали, - заключил мистер Кинни, - было исполнено этой самой подставной музыкальной машиной; только теперь она приткнута к пианино в шестьсот долларов, которое я купил Марилле, как только мы поженились.

1) - Человек (испан.)

По первому требованию

Перевод О. Холмской

В те дни скотоводы были помазанниками. Они были самодержцами стад, повелителями пастбищ, лордами лугов, грандами говядины. Они могли бы разъезжать в золотых каретах, если бы имели к этому склонность. Доллары сыпались на них дождем. Им даже казалось, что денег у них гораздо больше, чем прилично иметь человеку. Ибо после того, как скотовод покупал себе золотые часы с вделанными в крышку драгоценными камнями такой величины, что они натирали ему мозоли на ребрах, обзаводился калифорнийским седлом с серебряными гвоздиками и стремянами из ангорской кожи и ставил даровую выпивку в неограниченном количестве всем встречным и поперечным - куда ему еще было тратить деньги?

Те герцоги лассо, у которых имелись жены, были не столь ограничены в своих возможностях по части освобождения от излишков капитала. Созданный из адамова ребра пол на этот счет более изобретателен, и в груди его представительниц гений облегчения кошельков может дремать годами, не проявляясь за отсутствием случая, но никогда, о мои братья, никогда он не угасает совсем!

Вот как случилось, что Длинный Билл Лонгли, гонимый женой человек, покинул заросли чапарраля возле Бар Серкл Бранч на Фрио и прибыл в город, дабы вкушать от более утонченных радостей успеха. У него имелся капитал этак в полмиллиона долларов, и доходы его непрерывно возрастали.

Все свои ученые степени Длинный Билл получил в скотоводческом лагере и на, степной тропе. Удача и бережливость, ясная голова и зоркий глаз на таящиеся в телке достоинства помогли ему подняться от простого ковбоя до хозяина стад. Потом начался бум в скотопромышленности, и Фортуна, осторожно пробираясь среди колючих кактусов, опорожнила рог изобилия, на пороге его ранчо.

Лонгли построил себе роскошную виллу в маленьком западном городке Чаппарозе. И здесь он обратился в пленника, прикованного к колеснице светских обязанностей. Он обречен был стать столпом общества. Вначале он брыкался, как мустанг, впервые загнанный в корраль, потом со вздохом повесил на стену шпоры и арапник. Праздность тяготила его, время девать было некуда. Он организовал в Чаппарозе Первый Национальный банк и был избран его президентом.

Однажды в банке появился невзрачный человечек, с геморроидальным цветом лица, в очках с толстыми стеклами, и просунул в окошечко главного бухгалтера служебного вида карточку. Через пять минут весь штат банка бегал и суетился, выполняя распоряжения ревизора, прибывшего для очередной ревизии.

- Этот ревизор, мистер Дж. Эдгар Тодд, оказался весьма дотошным.

Закончив свои труды, ревизор-надел шляпу и зашел в личный кабинет президента банка, мистера Уильяма Р. Лонгли.

- Ну, как делишки? - лениво протянул Билл, умеряя свой низкий, раскатыстый голос. - Высмотрели какое-нибудь тавро, которое вам не по вкусу?

- Отчетность банка в полном порядке, мистер Лонгли, - ответил ревизор.

- И ссуды все оформлены согласно правилам, за одним исключением. Тут есть одна очень неприятная бумажка - настолько неприятная, что я думаю, вы просто не представляли себе, в какое тяжелое положение она вас ставит. Я имею в виду ссуду, в десять тысяч долларов с уплатой по первому требованию, выданную вами некоему Томасу Мервину. Она не только превышает ту максимальную сумму, какую вы по закону имеете право выдавать частным лицам, но при ней нет ни поручительства, ни обеспечения. Таким образом, вы вдвойне нарушили правила о национальных банках и подлежите уголовной ответственности. Если я доложу об этом Главному контролеру, что я обязан сделать, он, без сомнения, передаст дело в департамент юстиции, и вас привлекут к суду. Положение, как видите, весьма серьезное.

Билл Лонгли сидел, откинувшись в своем вращающемся кресле, вытянув длинные ноги и сцепив руки на затылке. Не меняя позы, он слегка повернул кресло и поглядел ревизору в лицо. Тот с изумлением увидел, что жесткий рот банкира сложился в добродушную улыбку и в его голубых глазах блеснула насмешливая искорка. Если он и сознавал серьезность своего положения, по его виду это не было заметно.

- Ну да, конечно, - промолвил он, с несколько даже снисходительным

выражением, - вы ведь не знаете Томаса Мервина. Про эту ссуду мне все известно. Обеспечения при ней нет, только слово Тома Мервина. Но я уже давно заметил, что если на слово человека можно положиться, так это и есть самое верное обеспечение. Ну да, я знаю. Правительство думает иначе. Придется мне, значит, повидать Тома Мервина насчет этой ссуды.

У ревизора стал такой вид, как будто его геморрой внезапно разыгрался. Он с изумлением воззрился на степного банкира сквозь свои толстые стекла.

- Видите ли, - благодушно продолжал Лонгли, не испытывая, видимо, и тени сомнения в убедительности своих аргументов, - Том прослышал, что на Рио-Гранде у Каменного брода продается стадо двухлеток, две тысячи голов по восемь долларов за каждую. Я так думаю, что это старый Леандро Гарсиа перегнал их контрабандой через границу, ну и торопился сбыть с рук. А в Канзас-Сити этих коровок можно продать самое меньшее по пятнадцать долларов. Том это знал, и я тоже. У него наличных было шесть тысяч, ну я и дал ему еще десять, чтобы он мог обстригать это дельце. Его брат Эд погнал все стадо на рынок еще три недели тому назад. Теперь уж вот-вот должен вернуться. Привезет деньги, и Том сейчас же заплатит.

Ревизор с трудом мог поверить, своим ушам. По-настоящему, он должен был бы, услышав все это, немедленно пойти на почту и телеграфировать Главному контролеру. Но он этого не сделал. Вместо того он произнес прочувствованную и язвительную речь. Он говорил целых три минуты, и ему удалось довести банкира до сознания, что он стоит на краю гибели. А затем ревизор открыл перед ним узкую спасительную лазейку.

- Сегодня вечером я отправляюсь в Хиллсдэл, - сказал он Биллу, - ревизовать тамошний банк. На обратном пути заеду в Чаппарозу. Завтра, ровно в двенадцать, буду у вас в банке. Если ссуда к тому времени будет уплачена, я не упомяну о ней в отчете. Если нет, я вынужден буду исполнить свой долг.

Засим ревизор раскланялся и удалился.

Президент Первого Национального банка еще с полчаса посидел, развалившись, в своем кресле, потом закурил легкую сигару и направился в контору Томаса Мервина. Мервин, по внешности скотовод в парусиновых штанах, а по выражению глаз склонный к созерцательности философ, сидел, положив ноги на стол, и плел кнут из сыромятных ремней.

- Том, - сказал Лонгли, наваливаясь на стол, - есть какие-нибудь вести об Эде?

- Пока нету, - ответил Мервин, продолжая переплетать ремешки. - Денька через два-три, наверно, сам приедет.

- Сегодня у нас в банке был ревизор, - продолжал Билл. - Лазил по всем углам, как увидал твою расписку, так и встал на дыбы. Мы-то с тобой знаем, что тут все в порядке, но, черт его дери, все-таки это против банковских правил. Я рассчитывал, что ты успеешь заплатить до очередной ревизии, но этот сукин сын нагрязнул, когда его никто не ждал. У меня-то сейчас наличных, как на грех, ни цента, а то бы я сам за тебя заплатил. Он мне дал срок до завтра; завтра, ровно в полдень, я должен либо выложить на стол деньги вместо этой расписки, либо...

- Либо что? - спросил Мервин, так как Билл запнулся.

- Да похоже, что тогда дядя Сэм лягнет меня обоими каблуками.

- Я постараюсь вовремя доставить тебе деньги, - ответил Мервин, не поднимая глаз от своих ремешков.

- Спасибо, Том, - сказал Лонгли, поворачиваясь к двери. - Я знал, что ты сделаешь все, что возможно.

Мервин швырнул на пол свой кнут и пошел в другой банк, имевшийся в городе. Это был частный банк Купера и Крэга.

- Купер, - сказал Мерлин тому из компаньонов, который носил это имя, - мне нужно десять тысяч долларов. Сегодня или, самое позднее, завтра утром. У меня здесь есть дом и участок земли, стоимостью в шесть тысяч долларов. Вот пока что все мои обеспечения. Но у меня на мази одно дельце, которое через несколько дней принесет вдвое больше.

Купер начал покашливать.

- Только, ради бога, не отказывайте, - сказал Мервин. - Я, понимаете ли, взял ссуду на десять тысяч. С уплатой по первому требованию. Ну, и вот ее потребовали. А с этим человеком, что ее потребовал, я десять лет спал под одним одеялом у костра в лагерях и на степных дорогах. Он может потребовать все, что у меня есть, и я отдам. Скажет - дай всю кровь, что есть у тебя в жилах, и ему не будет отказа. Ему до зарезу нужны эти деньги. Он попал в чертовский... Ну, одним словом, ему нужны деньги, и я должен их достать. Вы же знаете, Купер, что на мое слово можно положиться.

- Безусловно, - с изысканной любезностью ответил Купер. - Но у меня есть компаньон. Я не волен сам распоряжаться ссудами. А кроме того, будь у вас даже самые верные обеспечения, мы все равно не могли бы предоставить вам ссуду раньше чем через неделю. Как раз сегодня мы отправляем пятнадцать тысяч долларов братьям Майерс в Рокделл для закупки хлопка. Посыльный с деньгами выезжает сегодня вечером по узкоколейке. Так что временно наша касса пуста. Очень сожалею, что ничем не можем вам служить.

Мервин вернулся к себе, в маленькую, спартански обставленную контору, и снова принялся плести свой кнут. В четыре часа дня он зашел в Первый Национальный банк и оперся о барьер перед столом Билла Лонгли.

- Постараюсь, Билл, достать тебе эти деньги сегодня вечером, то есть я хочу сказать, завтра утром.

- Хорошо, Том, - спокойно ответил Лонгли. В девять часов вечера Том Мервин крадучись вышел из своего бревенчатого домика. Дом стоял на окраине города, и в такой час здесь редко кого можно было встретить. На голове у Мервина была шляпа с опущенными полями, за поясом два шестизарядных револьвера. Он быстро прошел по пустынной улице и двинулся дальше по песчаной дороге, тянувшейся вдоль полотна узкоколейки. В двух милях от города, у большой цистерны, где поезда брали воду, он остановился, обвязал нижнюю часть лица черным шелковым платком и надвинул шляпу на лоб.

Через десять минут вечерний поезд из Чаппарозы на Рокделл замедлил ход возле цистерны.

Держа в каждой руке по револьверу, Мервин выбежал из-за кустов и устремился к паровозу. Но в ту же минуту две длинных могучих руки обхватили его сзади, приподняли над землей и кинули ничком в траву. В спину ему уперлось тяжелое колено, железные пальцы стиснули его запястья. Так его держала словно малого ребенка, пока машинист не набрал воду и поезд, все убыстряя ход, не исчез вдали. Тогда его отпустили, и, поднявшись на ноги, он увидел перед собой Билла Лонгли.

- Это уж, Том, больше, чем требуется, - сказал Лонгли. - Я вечером встретил Купера, и он рассказал мне, о чем вы с ним говорили. Тогда я пошел к тебе и вдруг вижу, ты куда-то катишь, с пистолетами. Ну, я тебя и выследил. Идем-ка домой.

Они повернулись и рядышком пошли к городу.

- Я ничего другого не мог придумать, - помолчав, сказал Том. - Ты

потребовал свою ссуду - и я старался выполнить обязательство. Но как же теперь, Билл? Что ты станешь делать, если тебя завтра цапнут?

- А что бы ты стал делать, если бы тебя сегодня цапнули? - осведомился Лонгли.

- Вот уж не думал, что буду когда-нибудь лежать в кустах и подкарауливать поезд, - задумчиво промолвил Мервин. - Но ссуда с возвратом по первому требованию - это дело совсем особое. Дал слово - значит, свято. Слушай, Билл, у нас еще двенадцать часов впереди, пока этот шпик на тебя насядет. Надо во что бы то ни стало раздобыть деньги. Не попробовать ли... Батюшки! Голубчики! Том! Слышишь?..

Мервин пустился бежать со всех ног, и Лонгли за ним, хотя ничего как будто не произошло - только откуда-то из темноты доносился не лишенный приятности свист: кто-то старательно насвистывал меланхолическую песенку "Жалоба ковбоя".

- Он только ее одну и знает, - крикнул на бегу Мервин. - Держу пари...

Они уже были у крыльца. Том ударом ноги распахнул дверь и споткнулся о старый чемодан, валявшийся посреди комнаты. На кровати лежал загорелый молодой человек с квадратным подбородком, весь в дорожной пыли, и попыхивал коричневой сигаретой.

- Ну как, Эд? - задыхаясь, воскликнул Мервин.

- Да так, ничего себе, - лениво отвечивал этот деловитый юноша. - Только сейчас приехал, в девять тридцать. Сбыл всех подчистую. По пятнадцать долларов. Э, да перестаньте же пинать ногами мой чемодан! В нем зелененьких на двадцать девять тысяч, можно было, кажется, обращаться с ним поделикатнее!

Принцесса и пума

Перевод М. Урнова

Разумеется, не обошлось без короля и королевы. Король был страшным стариком; он носил шестизарядные револьверы и шпоры и орал таким зычным голосом, что гремучие змеи прерий спешили спрятаться в свои норы под кактусами. До коронации его звали Бен Шептун. Когда же он обзавелся пятьюдесятью тысячами, акров земли и таким количеством скота, что сам потерял ему счет, его стали звать О'Доннел, король скота.

Королева была мексиканка из Ларедо. Из нее вышла хорошая, кроткая жена, и ей даже удалось научить Бена настолько умерять голос в стенах своего дома, что от звука его не разбивалась посуда. Когда Бен стал королем, она полюбила сидеть на галерее ранчо Эспиноза и плести тростниковые циновки. А когда богатство стало настолько непреодолимым и угнетающим, что из Сан-Антоне в фургонах привезли мягкие кресла и круглый стол, она склонила темноволосую голову и разделила судьбу Данаи.

Во избежание *tese majeste* (1) вас сначала представили королю и королеве. Но они не играют никакой роли в этом рассказе, который можно

назвать "Повестью о том, как принцесса не растерялась и как лев свалил дурака",

Принцессой была здравствующая королевская дочь Жозефа О'Доннел. От матери она унаследовала доброе сердце и смуглую субтропическую красоту. От его величества Бена О'Доннела она получила запас бесстрашия, здравый смысл и способность управлять людьми. Стоило приехать из далека, что бы посмотреть на такое сочетание. На всем скаку Жозефа могла всадить пять пуль из шести в жестянку из-под помидоров, вертящуюся на конце веревки. Она могла часами играть со своим белым, котенком, наряжая его в самые нелепые костюмы. Презирая карандаш; она могла высчитать в уме, сколько барыша принесут тысяча пятьсот сорок пять двухлеток, если продать их по восемь долларов пятьдесят центов за голову. Ранчо Эспиноза имеет около сорока миль в длину и тридцать в ширину - правда, большей частью арендованной земли. Жозефа обследовала каждую ее милю верхом на своей лошади. Все ковбои на этом пространстве знали ее в лицо и были ее верными вассалами. Рипли Гивнс, старший одной из ковбойских партии Эспинозы, увидел ее однажды и тут же решил породниться с королевской фамилией. Самонадеянность? О нет. В те времена на землях Нуэсес человек был человеком. И в конце концов титул "короля скота" вовсе не предполагает королевской крови. Часто он означает только, что его обладатель носит корону в знак своих блестящих способностей по части кражи скота.

Однажды Рипли Гивнс поехал верхом на ранчо "Два Вяза" справиться о пропавших однолетках. В обратный путь он тронулся поздно, и солнце уже садилось, когда он достиг переправы Белой Лошади на реке Нуэсес. От переправы до его лагеря было шестнадцать миль. До усадьбы ранчо Эспиноза - двенадцать. Гивнс утомился. Он решил заночевать у переправы.

Река в этом месте образовала красивую заводь. Берега густо поросли большими деревьями и кустарником. В пятидесяти ярдах от заводи поляну покрывала курчавая мескитовая трава - ужин для коня и постель для всадника. Гивнс привязал лошадь и разложил потники для просушки. Он сел, прислонившись к дереву, и свернул папиросу. Из зарослей, окаймлявших реку, вдруг донесся яростный, раскатистый рев. Лошадь заплясала на привязи и зафыркала, почуяв опасность. Гивнс, продолжая попыхивать папироской, не спеша поднял с земли свой пояс и на всякий случай повернул барабан револьвера. Большая щука громко плеснула в заводи. Маленький бурый кролик обскакал куст "кошачьей лапки" и сел, поводя усами и насмешливо поглядывая на, Гивнса. Лошадь снова принялась щипать траву.

Меры предосторожности не лишни когда на закате солнца мексиканский лев поет сопрано у реки. Может быть, его песня говорит о том, что молодые телята и жирные барашки попадают редко и что он горит плотоядным желанием познакомиться с вами.

В траве валялась пустая жестянка из-под фруктовых консервов, брошенная здесь каким-нибудь путником. Увидев ее, Гивнс крикнул от удовольствия. В кармане его куртки, привязанной к седлу, было немного молотого кофе. Черный кофе и папиросы! Чего еще надо ковбою?

В две минуты Гивнс развел небольшой веселый костер. Он взял жестянку и пошел к заводи. Не доходя пятнадцати шагов до берега, он увидел слева от себя лошадь под дамским седлом, щипавшую траву. А у самой воды поднималась с колен Жозефа О'Доннел. Она только что напилась и теперь отряхивала с ладоней песок. В десяти ярдах справа от нее Гивнс увидел мексиканского льва, полускрытого ветвями саквисты. Его янтарные глаза сверкали голодным огнем; в шести футах от них виднелся кончик хвоста, вытянутого прямо, как пойнтера.

Зверь чуть раскачивался на задних лапах, как все представители кошачьей породы перед прыжком.

Гивнс сделал, что мог. Его револьвер валялся в траве, до него было тридцать пять ярдов. С громким воплем Гивнс кинулся между львом и принцессой.

Схватка, как впоследствии рассказывал Гивнс, вышла короткая и несколько беспорядочная. Прибыв на место атаки, Гивнс увидел в воздухе дымную полосу и услышал два слабых выстрела. Затем сто фунтов мексиканского льва шлепнулись ему на голову и тяжелым ударом придавили его к земле. Он помнит, как закричал: "Отпусти, это не по правилам!", потом выполз из-под льва, как червяк, с набитым травой и грязью ртом и большой шишкой на затылке в том месте, которым он стукнулся о корень вяза. Лев лежал неподвижно. Раздосадованный. Гивнс, подозревая подвох, погрозил льву кулаком и крикнул: "Подожди, я с тобой еще..." - и тут пришел в себя.

Жозефа стояла на прежнем месте, спокойно перезаряжая тридцативосьмикалиберный револьвер, оправленный серебром. Особенной меткости ей на этот раз не потребовалось: голова зверя представляла собою более легкую мишень, чем жестянка из-под томатов, вертящаяся на конце веревки. На губах девушки и в темных глазах играла вызывающая улыбка. Незадачливый рыцарь-избавитель почувствовал, как фиаско огнем жжет его сердце. Вот где ему представился случай, о котором он так мечтал, но все произошло под знаком Момуса, а не Купидона. Сатиры в лесу уж, наверно, держались за бока, заливаясь озорным беззвучным смехом. Разыгралось нечто вроде водевиля "Сеньор Гивнс и его забавный поединок с чучелом льва".

- Это вы, мистер Гивнс? - сказала Жозефа своим медлительным томным контральто. - Вы чуть не испортили мне выстрела своим криком. Вы не ушибли себе голову, когда упали?

- О нет, - спокойно ответил Гивнс. - Это-то было совсем не больно.

Он нагнулся, придавленный стыдом, и вытащил из-под зверя свою прекрасную шляпу. Она была так смята и истерзана, словно ее специально готовили для комического номера. Потом он стал на колени и нежно погладил свирепую, с открытой пастью голову мертвого льва.

- Бедный старый Билл! - горестно воскликнул он.

- Что такое? - резко спросила Жозефа.

- Вы, конечно, не знали, мисс Жозефа, - сказал Гивнс с видом человека, в сердце которого великодушие берет верх над горем. - Вы не виноваты. Я пытался спасти его, но не успел предупредить вас.

- Кого спасти?

- Да Билла. Я весь день искал его. Ведь он два года был общим любимцем у нас в лагере. Бедный старик! Он бы и кролика не обидел. Ребята просто с ума сойдут, когда услышат. Но вы-то не знали, что он хотел просто поиграть с вами.

Черные глаза Жозефы упорно жгли его. Рипли Гивнс выдержал испытание. Он стоял и задумчиво ерошил свои темно-русые кудри. В глазах его была скорбь, но без примеси нежного укора. Приятные черты его лица явно выражали печаль. Жозефа дрогнула.

- Что же делал здесь ваш любимец? - спросила она, пуская в ход последний довод. - У переправы Белой Лошади нет никакого лагеря.

- Этот разбойник еще вчера удрал из лагеря, - без запинки ответил Гивнс. - Удивляться приходится, как его до смерти не напугали койоты. Понимаете, на прошлой неделе Джим Уэбстер, наш конюх, привез в лагерь

маленького щенка терьера. Этот щенок буквально отравил Биллу жизнь: он гонял его по всему лагерю, часами жевал его задние лапы. Каждую ночь, когда ложились спать, Билл забирался под одеяло к кому-нибудь из ребят и спал там, скрываясь от щенка. Видно, его довели до отчаяния, а то бы он не сбежал. Он всегда боялся отходить далеко от лагеря.

Жозефа посмотрела на труп свирепого зверя. Гивнс ласково похлопал его по страшной лапе, одного удара которой хватило бы, чтобы убить годовалого теленка. По оливковому лицу девушки разлился яркий румянец. Был ли то признак стыда, какой испытывает настоящий охотник, убив недостойную дичь? Взгляд ее смягчился, а опущенные ресницы смахнули с глаз веселую насмешку.

- Мне очень жаль, - сказала она, - но он был такой большой и прыгнул так высоко, что...

- Бедняга Билл проголодался, - перебил ее Гивнс, спеша заступиться за покойника. - Мы в лагере всегда заставляли его прыгать, когда кормили. Чтобы получить кусок мяса, он ложился и катался по земле. Увидев вас, он подумал, что вы ему дадите поесть.

Вдруг глаза Жозефы широко раскрылись.

- Ведь я могла застрелить вас! - воскликнула она. - Вы бросились как раз между нами. Вы рисковали жизнью, чтобы спасти своего любимца! Это замечательно, мистер Гивнс. Мне нравятся люди, которые любят животных.

Да, сейчас в ее взгляде было даже восхищение. В конце концов из руин позорной развязки рождался герой. Выражение лица Гивнса обеспечило бы ему высокое положение в "Обществе покровительства животным".

- Я их всегда любил, - сказал он: - лошадей, собак, мексиканских львов, коров, аллигаторов...

- Ненавижу аллигаторов! - быстро возразила Жозефа. - Ползучие, грязные твари!

- Разве я сказал "аллигаторов"? - поправился Гивнс. - Я, конечно, имел в виду антилоп.

Совість Жозефы заставила ее пойти еще дальше. Она с видом раскаяния протянула руку. В глазах ее блестели непролитые слезинки.

- Пожалуйста, простите меня, мистер Гивнс. Ведь я женщина я сначала, естественно, испугалась. Мне очень, очень жаль, что я застрелила Билла. Вы представить себе не можете, как мне стыдно. Я ни за что не сделала бы этого, если бы знала.

Гивнс взял протянутую руку. Он держал ее до тех пор, пока его великодушие не победило скорбь об утраченном Билле. Наконец, стало ясно, что он простил ее.

- Прошу вас, не говорите больше об этом, мисс Жозефа. Билл своим видом мог напугать любую девушку. Я уж как-нибудь объясню все ребятам.

- Правда? И вы не будете меня ненавидеть? - Жозефа доверчиво придвинулась ближе к нему. Глаза ее глядели ласково, очень ласково, и в них была пленительная мольба. - Я возненавидела бы всякого, кто убил бы моего котенка. И как смело и благородно с вашей стороны, что вы пытались спасти его с риском для жизни! Очень, очень немногие поступили бы так.

Победа, вырванная из поражения! Водевиль, обернувшийся драмой! Браво, Рипли Гивнс!

Спустились сумерки. Конечно, нельзя было допустить, чтобы мисс Жозефа ехала в усадьбу одна. Гивнс опять оседлал своего коня, несмотря на его укоризненные взгляды, и поехал с нею. Они скакали рядом по мягкой траве - принцесса и человек, который любил животных. Запахи прерии - запахи

плодородной земли и прекрасных цветов - окутывали их сладкими волнами. Вдали на холме затаивались койоты. Бояться нечего! И все же...

Жозефа подъехала ближе. Маленькая ручка, по-видимому, что-то искала. Гивнс накрыл ее своей. Лошади шли нога в ногу. Руки медленно сомкнулись, и обладательница одной из них заговорила:

- Я никогда раньше не пугалась, - сказала Жозефа, - но вы подумайте, как страшно было бы встретиться с настоящим диким львом! Бедный Билл! Я так рада, что вы поехали со мной...

О'Доннел сидел на галерее.

- Алло, Рип! - гаркнул он. - Это ты?

- Он провожал меня, - сказала Жозефа. - Я сбилась с дороги и запоздала.

- Премного обязан, - возгласил король скота. - Заночуй, Рип, а в лагерь введешь завтра.

Но Гивнс не захотел остаться. Он решил ехать дальше, в лагерь. На рассвете нужно было отправить гурт быков. Он простился и поскакал.

Час спустя, когда погасли огни, Жозефа в ночной сорочке подошла к своей двери и крикнула королю через выложенный кирпичом коридор:

- Слушай, пап, ты помнишь этого мексиканского льва, которого прозвали "Карноухий дьявол?" Того, что задрал Гонсалеса, овечьего пастуха мистера Мартина, и полсотни телят на ранчо Салада? Так вот, я разделалась с ним сегодня у переправы Белой Лошади. Он прыгнул, а я всадила ему две пули из моего тридцативосмикалиберного. Я узнала его по левому уху, которое старик Гонсалес изуродовал ему своим мачете (2). Ты сам не сделал бы лучшего выстрела, папа.

- Ты у меня молодчина! - прогремел Бен Шептун из мрака королевской опочивальни.

1) - Оскорбление величества (франц.).

2) - Большой мексиканский нож.

Бабье лето Джонсона Сухого Лога

Перевод О. Холмской

Джонсон Сухой Лог встряхнул бутылку. Полагалось перед употреблением взбалтывать, так как сера не растворяется. Затем Сухой Лог смочил маленькую губку и принялся втирать жидкость в кожу на голове у корней волос. Кроме серы, в состав входил еще уксуснокислый свинец, настойка стрихнина и лавровишневая вода. Сухой Лог вычитал этот рецепт из воскресной газеты. А теперь надо объяснить, как случилось, что сильный мужчина пал жертвой косметики.

В недавнем прошлом Сухой Лог был овцеводом. При рождении он получил имя Гектор, но впоследствии его переименовали по его ранчо, в отличие от другого

Джонсона, который разводил овец ниже по течению Фрио и назывался Джонсон Ильмовый Ручей.

Жизнь в обществе овец и по их обычаям под конец прискучила Джонсону Сухому Логу. Тогда он продал свое ранчо за восемнадцать тысяч долларов, перебрался в Санта-Розу и стал вести праздный образ жизни, как подобает человеку со средствами. Ему было лет тридцать пять или тридцать восемь, он был молчалив и склонен к меланхолии, и очень скоро из него выработался законченный тип самой скучной и удручающей человеческой породы - пожилой холостяк с любимым коньком. Кто-то угостил его клубникой, которой он до тех пор никогда не пробовал, - и Сухой Лог погиб.

Он купил в Санта-Розе домишко из четырех комнат и набил шкафы руководствами по выращиванию клубники. Позади дома был сад; Сухой Лог пустил его весь под клубничные грядки. Там он и проводил свои дни одетый в старую серую шерстяную рубашку, штаны из коричневой парусины и сапоги с высокими каблуками, он с утра до ночи валялся на раскладной койке под виргинским дубом возле кухонного крыльца и штудировал историю полонившей его сердце пурпуровой ягоды.

Учительница в тамошней школе, мисс Де Витт, находила, что Джонсон, "хотя и не молод, однако еще весьма представительный мужчина". Но женщины не привлекали взоров Сухого Лога. Для него они были существа в юбках - не больше; и, завидев развешивающийся подол, он неуклюже приподнимал над головой тяжелую, широкополую поярковую шляпу и проходил мимо, спеша вернуться к своей возлюбленной клубнике.

Все это вступление, подобно хорам в древнегреческих трагедиях, имеет единственной целью подвести вас к тому моменту, когда уже можно будет сказать, почему Сухой Лог встряхивал бутылку с нерастворяющейся серой. Такое уж неторопливое и не прямое дело-история: изломанная тень от верстового столба, лежащая на дороге, по которой мы стремимся к закату.

Когда клубника начала поспевать, Сухой Лог купил самый тяжелый кучерский кнут, какой нашелся в деревенской лавке. Не один час провел он под виргинским дубом, сплетая в жгут тонкие ремешки и приращивал к своему кнуту конец, пока в руках у него не оказался бич такой длины, что им можно было сбить листок с дерева на расстоянии двадцати футов. Ибо сверкающие глаза юных обитателей Санта-Розы давно уже следили за созреванием клубники, и Сухой Лог вооружался против ожидаемых набегов. Не так он лелеял новорожденных ягнят в свои овцеводческие дни, как теперь свои драгоценные ягоды, охраняя их от голодных волков, которые свистали, орали, играли в шарики и запускали хищные взгляды сквозь изгородь, окружавшую владения Сухого Лога.

В соседнем доме проживала вдова с многочисленным потомством - его-то главным образом и опасался наш садовод. В жилах вдовы текла испанская кровь, а замуж она вышла за человека по фамилии О'Брайн. Сухой Лог был знатоком по части скрещивания пород и предвидел большие неприятности от отпрысков этого союза.

Сады разделяла шаткая изгородь, увитая вьюнком и плетями дикой тыквы. И часто Сухой Лог видел, как в просветы между кольями просовывалась то одна, то другая маленькая голова с копной черных волос и горящими черными глазами, ведя счет краснеющим ягодам.

Однажды под вечер Сухой Лог отправился на почту. Вернувшись, он увидел, что сбылись худшие его опасения - потомки испанских бандитов и ирландских угонщиков скота всей шайкой учинили налет на клубничные плантации.

Оскорбленному взору Сухого Лога представилось, что их там полным-полно, как овец в загоне; на самом деле их было пятеро или шестеро. Они сидели на корточках между грядками, перепрыгивали с места на место, как жабы, и молча и торопливо пожирали отборные ягоды.

Сухой Лог неслышно отступил в дом, захватил свой кнут и ринулся в атаку на мародеров. Они и оглянуться не успели, как ременный бич обвился вокруг ног десятилетнего грабителя, орудовавшего ближе всех к дому. Его пронзительный визг послужил сигналом тревоги - все кинулись к изгороди, как вспугнутый в чапарале выводок кабанов. Бич Сухого Лога исторг у них на пути еще несколько демонских воплей, а затем они нырнули под обвитые зеленые жерди и исчезли.

Сухой Лог, не столь легкий на ногу, преследовал их до самой изгороди, но где же их поймать. Прекратив бесцельную погоню, он вышел из-за кустов - и вдруг выронил кнут и застыл на месте, утратив дар слова и движения, ибо все наличные силы его организма ушли в этот миг на то, чтобы кое-как дышать и сохранять равновесие.

За кустом стояла Панчита О'Брайан, старшая из грабителей, не удостоившая обратиться в бегство. Ей было девятнадцать лет, черные как ночь кудри спутанным ворохом спадали ей на спину, перехваченные алой лентой. Она ступила уже на грань, отделяющую ребенка от женщины, но медлила ее перешагнуть; детство еще обнимало ее и не хотело выпустить из своих объятий.

Секунду она с невозмутимой дерзостью смотрела на Сухого Лога, затем у него на глазах прикусила белыми зубами сочную ягоду и не спеша разжевала. Затем повернулась и медленной, плавной походкой величественно направилась к изгороди, словно вышедшая на прогулку, герцогиня. Тут она опять повернулась, обожгла еще раз Сухого Лога темным пламенем своих нахальных глаз, хихикнула, как школьница, и гибким движением, словно пантера, проскользнула между жердями на ту сторону цветущей изгороди.

Сухой Лог поднял с земли свой кнут и побрел к дому. На кухонном крыльце он споткнулся, хотя ступенек было всего две. Старуха мексиканка, приходившая убирать и стряпать, позвала его ужинать. Не отвечая, он прошел через кухню, потом через комнаты, споткнулся на ступеньках парадного крыльца, вышел на улицу и побрел к мескитовой рощице на краю деревни. Там он сел на землю и принялся аккуратно ощипывать колючки с куста опунции. Так он всегда делал в минуты раздумья, усвоив эту привычку еще в те дни, когда единственным предметом его размышлений был ветер, вода и шерсть.

С Сухим Логом стряслась беда - такая беда, что я советую вам, если вы хоть сколько-нибудь годитесь еще в женихи, помолиться богу, чтобы она вас миновала. На него накатило бабье лето.

Сухой Лог не знал молодости. Даже в детстве он был на редкость серьезным и степенным. Шести лет он с молчаливым неодобрением взирал на легкомысленные прыжки ягнят, резвившихся на лугах отцовского ранчо. Годы юности он потратил зря. Божественное пламя, сжигающее сердце, ликующая радость и бездонное отчаяние, все порывы, восторги, муки и блаженства юности прошли мимо него. Страсти Ромео никогда не волновали его грудь; он был меланхолическим Жаком - но с более суровой философией, ибо ее не смягчала горькая сладость воспоминаний, скрашивавших одинокие дни арденнского отшельника. А теперь, когда на Сухого Лога уже дышала осень, один-единственный презрительный взгляд черных очей Панчиты О'Брайан овеял его вдруг запоздалым и обманчивым летним теплом.

Но овцевод - упрямое животное. Сухой Лог столько перенес зимних бурь,

что не согласен был теперь отвернуться от погожего летнего дня, мнимого или настоящего. Слишком стар? Ну, это еще посмотрим.

Со следующей почтой в Сан-Антонио был послан заказ на мужской костюм по последней моде со всеми принадлежностями: цвет и покрой по усмотрению моды, цена безразлична. На другой день туда же отправился рецепт восстановителя для волос, вырезанный из воскресной газеты, ибо выгоревшая на солнце рыжевато-каштановая шевелюра Сухого Лога начинала уже серебриться на висках.

- Целую неделю Сухой Лог просидел дома, не считая частых вылазок против юных расхитителей клубники. А затем, по прошествии еще нескольких дней, он внезапно предстал изумленным взглядам обитателей Санта-Розы во всем горячем блеске своего осеннего безумия.

Ярко-синий фланелевый костюм облекал его с головы до пят. Из-под него выглядывала рубашка цвета бычьей крови и высокий воротничок с отворотами; пестрый галстук развевался как знамя. Ядовито желтые ботинки с острыми носами сжимали, как в тисках, его ноги. Крошечное канотье с полосатой лентой оскверняло закаленную в бурях голову. Лимонного цвета лайковые перчатки защищали жесткие как древесина руки от кротких лучей майского солнца. Эта поражающая взор и возмущающая разум фигура, прихрамывая и разглаживая перчатки, выползла из своего логова и остановилась посреди улицы с идиотической улыбкой на устах, пугая людей и заставляя ангелов отвращать лицо свое. Вот до чего довел Сухого Лога Амур, который, когда случается ему стрелять свою дичь вне сезона, всегда заимствует для этого стрелу из колчана Момуса. Выворачивая мифологию наизнанку, он восстал, как отливающий всеми цветами радуги попугай, из пепла серо-коричневого феникса, сложившего усталые крылья на своем насесте под деревьями Санта-Розы.

Сухой Лог постоял на улице, давая время соседям вдоволь на себя налюбоваться, затем, бережно ступая, как того требовали его ботинки, торжественно прошествовал в калитку миссис О'Брайан.

Об ухаживании Сухого Лога за Панчитой О'Брайан в Санта-Розе судачили, не покладая языков, до тех пор, пока одиннадцатимесячная засуха не вытеснила эту тему. Да и как было о нем не говорить; это было никем дотоле невиданное и не поддающееся никакой классификации явление - нечто среднее между кек-уоком, красноречием глухонемых, флиртом с помощью почтовых марок живыми картинами. Оно продолжалось две недели, затем неожиданно кончилось.

Миссис О'Брайан, само собой разумеется, благосклонно отнеслась к сватовству Сухого Лога, когда он открыл ей свои намерения. Будучи матерью ребенка женского пола, а стало быть, одним из членов учредителей Древнего Ордена Мышеловки, она с восторгом принялась убирать Панчиту для жертвоприношения. Ей удлиннили платье, а непокорные кудри уложили в прическу. Панчите даже стало казаться, что она и в самом деле взрослая. К тому же приятно было думать, что вот за ней ухаживает настоящий мужчина, человек с положением и завидный жених, и чувствовать, что, когда они вместе идут по улице, все остальные девушки провожают их взглядом, прячась за занавесками.

Сухой Лог купил в Сан-Антонио кабриолет с желтыми колесами и отличного рысака. Каждый день он возил Панчиту кататься, но ни разу никто не видал, чтобы Сухой Лог при этом разговаривал со своей спутницей. Столь же молчалив бывал он и во время пешеходных прогулок. Мысль о своем костюме повергала его в смущение; уверенность, что он не может сказать ничего интересного, замыкала ему уста; близость Панчиты наполняла его немым блаженством.

Он водил ее на вечеринки, на танцы и в церковь. Он старался быть

молодым - от сотворения мира никто, наверно, не тратил на это столько усилий. Танцевать он не умел, но он сочинил себе улыбку и надевал ее на лицо во всех случаях, когда полагалось веселиться, и это было для него таким проявлением резвости, как для другого - пройтись колесом. Он стал искать общества молодых людей, даже мальчиков - и действовал на них как ушат холодной воды; от его потуг на игривость им становилось не по себе, как будто им предлагали играть в чехарду в соборе. Насколько он преуспел в своих стараниях завоевать сердце Панчиты, этого ни он сам и никто другой не мог бы сказать.

Конец наступил внезапно - как разом меркнет призрачный отблеск вечерней зари, когда дохнет ноябрьский ветер, несущий дождь и холод.

В шесть часов вечера Сухой Лог должен был зайти за Панчитой и повести ее на прогулку. Вечерняя прогулка в Санта-Розе - это такое событие, что являться на нее надо в полном параде. И Сухой Лог загодя начал облачаться в свой ослепительный костюм. Начав рано, он рано и кончил и не спеша направился в дом О'Брайанов. Дорожка шла к крыльцу не прямо, а делала поворот и, пока Сухой Лог огибал куст жимолости, до его ушей донеслись звуки буйного веселья. Он остановился и заглянул сквозь листву в распахнутую дверь дома.

Панчита потешала своих младших братьев и сестер. На ней был пиджак и брюки, должно быть некогда принадлежавшие покойному мистеру О'Брайану. На голове торчком сидела соломенная шляпа самого маленького из братьев, с бумажной лентой в чернильных полосках. На руках болтались желтые коленкоровые перчатки, специально скроенные и сшитые для этого случая. Туфли были обернуты той же материей, так что могли, пожалуй, сойти за ботинки из желтой кожи. Высокий воротничок и развевающийся галстук тоже не были забыты.

Панчита была прирожденной актрисой. Сухой Лог узнал свою нарочито юношескую походку с прихрамыванием на правую ногу, натертую тесным башмаком, свою принужденную улыбку, свои неуклюжие попытки играть роль галантного кавалера - все было передано с поразительной верностью. Впервые Сухой Лог увидел себя со стороны, словно ему поднесли вдруг зеркало. И совсем не нужно было подтверждение, которое не замедлило последовать. "Мама, иди посмотри, как Панчита представляет мистера Джонсона", - закричал один из малышей.

Так тихо, как только позволяли осмеянные желтые ботинки, Сухой Лог повернулся и на цыпочках пошел обратно к калитке, а затем к себе домой.

Через двадцать минут после назначенного для прогулки часа Панчита в батистовом белом платье и плоской соломенной шляпе чинно вышла из своей калитки и проследовала далее по тротуару. У соседнего дома она замедлила шаги, всем своим видом выражая удивление по поводу столь необычной неаккуратности своего кавалера.

Тогда дверь в доме Сухого Лога распахнулась, и он сам сошел с крыльца - не раскрашенный во все цвета спектра охотник за улетевшим летом, а восстановленный в правах овцевод. На нем была серая шерстяная рубашка, раскрытая у ворота, штаны из коричневой парусины, заправленные в высокие сапоги, и сдвинутое на затылок белое сомбреро. Двадцать лет ему можно было дать или пятьдесят - это уже не заботило Сухого Лога. Когда его бледно-голубые глаза встретились с ясным взором Панчиты, в них появился ледяной блеск. Он подошел к калитке и остановился. Длинной своей рукой он показал на дом О'Брайанов.

- Ступай домой, - сказал он. - Домой, к маме. Надо же быть таким дураком! Как еще меня земля терпит! Иди себе, играй в песочек. Нечего тебе

вертеться около взрослых мужчин. Где был мой рассудок, когда я строил из себя попугая на потеху такой девчонке! Ступай домой и чтобы я больше тебя не видел. Зачем я все это проделывал, хоть бы кто-нибудь мне объяснил! Ступай домой, а я постараюсь про все это забыть.

Панчита повиновалась и, не говоря ни слова медленно пошла к своему дому. Но идя, она все время оборачивалась назад, и ее большие бесстрашные глаза не отрывались от Сухого Лога. У калитки она постояла с минуту, все так же глядя на него, потом вдруг повернулась и быстро вбежала в дом.

Старуха Антония растапливала плиту в кухне. Сухой Лог остановился в дверях и жестко рассмеялся.

- Ну разве не смешно? - сказал он. - А, Тония? Этакий старый носорог и втюрился в девчонку.

Антония кивнула.

- Нехорошо, - глубокомысленно заметила она, - когда чересчур старый любит muchacha.

- Что уж хорошего, - мрачно отозвался Сухой Лог. - Дурость и больше ничего. И вдобавок от этого очень больно.

Он принес в охапке все атрибуты своего безумия - синий костюм, ботинки, перчатки, шляпу - и свалил их на пол у ног Антонии.

- Отдай своему старику, - сказал он. - Пусть в них охотится на антилопу.

Когда первая звезда слабо затеплилась на вечернем, небе. Сухой Лог достал свое самое толстое руководство по выращиванию клубники и уселся на крылечке почитать, пока еще светло. Тут ему показалось, что на клубничных грядках маячит какая-то фигура. Он отложил книгу, взял кнут и отправился на разведку.

Это была Панчита. Она незаметно проскользнула сквозь изгородь и успела уже дойти до середины сада. Увидев Сухого Лога, она остановилась и обратила к нему бестрепетный взгляд.

Слепая ярость овладела Сухим Логом. Сознание своего позора переродилось в неудержимый гнев. Ради этого ребенка он выставил себя на посмеище. Он пытался подкупить время, чтобы оно, ради его прихоти, обратилось вспять - и над ним надсмеялись. Но теперь он понял свое безумие. Между ним и юностью лежала пропасть, через которую нельзя было построить мост - даже если надеть для этого желтые перчатки. И при виде этой мучительницы, явившейся донимать его новыми проказами, словно озорной мальчишка, злоба наполнила душу Сухого Лога.

- Сказано тебе, не смей сюда ходить! - крикнул он. - Ступай домой!

Панчита подошла ближе.

Сухой Лог щелкнул бичом.

- Ступай домой! - грозно повторил он. - Можешь там разыгрывать свои комедии. Из тебя вышел бы недурной мужчина. Из меня ты сделала такого, что лучше не придумать!

Она подвинулась еще ближе - молча, с тем странным, дразнящим, таинственным блеском в глазах, который всегда так смущал Сухого Лога. Теперь он пробудил в нем бешенство.

Бич свистнул в воздухе. На белом платье Панчиты повыше колена проступила алая полоска.

Не дрогнув, все с тем же загадочным темным огнем в глазах, Панчита продолжала идти прямо к нему, ступая по клубничным грядкам. Бич выпал из его дрожащих пальцев. Когда до Сухого Лога оставался один шаг, Панчита протянула

к нему руки.

- Господи! Девочка!.. - заикаясь, пробормотал Сухой Лог. - Неужели ты...

Времена года могут иной раз и сдвинуться. И кто знает, быть может, для Сухого Лога настало в конце концов не бабье лето, а самая настоящая весна.

Горящий светильник

Перевод И. Гуровой

Конечно, у этой проблемы есть две стороны. Рассмотрим вторую. Нередко приходится слышать о "продавщицах". Но их не существует. Есть девушки, которые работают в магазинах. Это их профессия. Однако с какой стати название профессии превращать в определение человека? Будем справедливы. Ведь мы не именуем девушек, живущих на Пятой авеню, "невестами".

Лу и Нэнси были подругами. Они приехали в Нью-Йорк искать работы, потому что родители не могли их прокормить. Нэнси было девятнадцать лет, Лу - двадцать. Это были хорошенькие трудолюбивые девушки из провинции, не мечтавшие о сценической карьере.

Ангел-хранитель привел их в дешевый и приличный пансион. Обе нашли место и начали самостоятельную жизнь. Они остались подругами. Разрешите теперь, по прошествии шести месяцев, познакомить вас: Назойливый Читатель - мои добрые друзья мисс Нэнси и мисс Лу. Раскланиваясь, обратите внимание - только незаметно, - как они одеты. Но только незаметно! Они так же не любят, чтобы на них глазели, как дама в ложе на скачках.

Лу работает сдельно гладильщицей в ручной прачечной. Пурпурное платье плохо сидит на ней, перо на шляпе на четыре дюйма длиннее, чем следует, но ее горностаевая муфта и горжетка стоят двадцать пять долларов, а к концу сезона собрать этих горностаев будут красоваться в витринах, снабженные ярлыками "7 долларов 98 центов". У нее розовые щеки и блестящие голубые глаза. По всему видно, что она вполне довольна жизнью.

Нэнси вы назовете продавщицей - по привычке. Такого типа не существует. Но поскольку пресыщенное поколение повсюду ищет тип, ее можно назвать "типичной продавщицей". У нее высокая прическа помпадур и корректнейшая английская блузка. Юбка ее безупречного покроя, хотя и из дешевой материи. Нэнси не кутается, в меха от резкого весеннего ветра, но свой короткий суконный жакет она носит с таким шиком, как будто это каракулевое манто. Ее лицо, ее глаза, о безжалостный охотник за типами, хранят выражение, типичное для продавщицы: безмолвное, презрительное негодование попорченной женственности, горькое обещание грядущей мести. Это выражение не исчезает, даже когда она весело смеется. То же выражение, можно увидеть в глазах русских крестьян, и те из нас, кто доживет, узрят его на лице архангела Гавриила, когда он затрубит последний сбор. Это выражение должно было бы смутить и уничтожить мужчину, однако он чаще ухмыляется и преподносит букет за которым тянется веревочка.

А теперь приподнимите шляпу и уходите, получив на прощанье веселое "до скорого!" Лу и насмешливую, нежную улыбку Нэнси, улыбку, которую вам

почему-то не удается поймать, и она, как белая ночная бабочка, трепеща, поднимается над крышами домов к звездам.

Девушки ждали на углу Дэна. Дэн был верный поклонник Лу. Преданный? Он был бы при ней и тогда, когда Мэри пришлось бы разыскивать свою овечку (1) при помощи наемных сыщиков.

- Тебе не холодно, Нэнси? - заметила Лу. - Ну и дура ты! Торчишь в этой лавчонке за восемь долларов в неделю! На прошлой неделе я заработала восемнадцать пятьдесят. Конечно, гладить не так шикарно, - как продавать кружева за прилавком, зато плата хорошая. Никто из наших гладильщиц меньше десяти долларов не получает. И эта работа ничем не унизительнее твоей.

- Ну, и бери ее себе, - сказала Нэнси, вздернув нос, - а мне хватит моих восьми долларов и одной комнаты. Я люблю, чтобы вокруг были красивые вещи и шикарная публика. И потом, какие там возможности! У нас в отделе перчаток одна вышла за литейщика или как там его, - кузнеца, из Питсбурга. Он миллионер! И я могу подцепить не хуже. Я вовсе не хочу хвастать своей наружностью, но я по мелочам не играю. Ну, а в прачечной какие у девушки возможности?

- Там я познакомилась с Дэном! - победоносно заявила Лу. - Он зашел за своей воскресной рубашкой и воротничками, а я гладила на первой доске. У нас все хотят работать за первой доской. В этот день Элла Меджинниз заболела, и я заняла ее место. Он говорит, что сперва заметил мои руки - такие белые и круглые; У, меня были закатаны рукава. В прачечные заходят очень приличные люди. Их сразу видно: они белье приносят в чемоданчике и в дверях не болтаются.

- Как ты можешь носить такую блузку, Лу? - спросила Нэнси, бросив из-под тяжелых век томно-насмешливый взгляд на пестрый туалет подруги. - Ну и вкус же у тебя!

- А что? - вознегодовала Лу. - За эту блузку я шестнадцать долларов заплатила; а стоит она двадцать пять. Какая-то женщина сдала ее в стирку, да так и не забрала. Хозяин продал ее мне. Она вся в ручной вышивке! Ты лучше скажи, что это на тебе за серое безобразие?

- Это серое безобразие, - холодно сказала Нэнси, - точная копия того безобразия, которое носит миссис ван Олстин Фишер. Девушки говорят, что в прошлом году у нее в нашем магазине счет был двенадцать тысяч долларов. Мою юбку я сшила сама. Она обошлась мне в полтора доллара. За пять шагов ты их не различишь.

- Ладно, уж! - добродушно сказала Лу. - Если хочешь голодать и важничать - дело твое. А мне годится и моя работа, только бы платили хорошо; зато уж после работы я хочу носить самое нарядное, что мне по карману.

Тут появился Дэн, монтер (с заработком тридцать долларов в неделю), серьезный юноша в дешевом галстуке, избежавший печати развязности, которую город накладывает на молодежь. Он взирал на Лу печальными глазами Ромео, и ее вышитая блузка казалась ему паутиной, запутаться в которой сочтет за счастье любая муха.

- Мой друг мистер Оуэне - познакомьтесь с мисс Дэнфорс, - представила Лу.

- Очень рад, мисс Дэнфорс, - сказал Дэн, протягивая руку. - Лу много говорила о вас.

- Благодарю, - сказала Нэнси и дотронулась до его ладони кончиками холодных пальцев. - Она упоминала о вас - иногда.

Лу хихикнула.

- Это рукопожатие ты подцепила у миссис ван Олстин Фишер? - спросила она.

- Тем более можешь быть уверена, что ему стоит научиться, - сказала Нэнси.

- Ну, мне оно ни к чему. Очень уж тонно. Придумано, чтобы щеголять бриллиантовыми кольцами. Вот когда они у меня будут, я попробую.

- Сначала научись, - благоразумно заметила Нэнси, - тогда и кольца скорее появятся.

- Ну, чтобы покончить с этим спором, - вмешался Дэн, как всегда весело улыбаясь, - позвольте мне внести предложение. Поскольку я не могу пригласить вас обеих в ювелирный магазин, может быть отправимся в оперетку? У меня есть билеты. Давайте поглядим на театральные бриллианты, раз уж настоящие камешки не про нас.

Верный рыцарь занял свое место у края тротуара, рядом шла Лу в пышном павлиньем наряде, а затем Нэнси, стройная, скромная, как воробышек, но с манерами подлинной миссис ван Олстин Фишер, - так они отправились на поиски своих нехитрых развлечений.

Немногие, я думаю, сочли бы большой универсальный магазин учебным заведением. Но для Нэнси ее магазин был самой настоящей школой. Ее окружали красивые вещи, дышавшие утонченным вкусом. Если вокруг вас роскошь, она принадлежит вам, кто бы за нее ни платил - вы или другие.

Большинство ее покупателей были женщины с высоким положением в обществе, законодательницы мод и манер. И с них Нэнси начала взимать дань-то, что ей больше всего нравилось в каждой.

У одной она копировала жест, у другой - красноречивое движение бровей, у третьей - походку, манеру держать сумочку, улыбаться, здороваться с друзьями, обращаться к "низшим". А у своей излюбленной модели, миссис ван Олстин Фишер, она заимствовала нечто поистине замечательное-негромкий нежный голос, чистый, как серебро, музыкальный, как пение дрозда. Это пребывание в атмосфере высшей утонченности и хороших манер неизбежно должно было оказать на нее и более глубокое влияние. Говорят, что хорошие привычки лучше хороших принципов. Возможно, хорошие манеры лучше хороших привычек. Родительские поучения могут и не спасти от гибели вашу пуританскую совесть; но если вы выпрямитесь на стуле, не касаясь спинки, и сорок раз повторите слова "призмы, пилигримы", сатана отыдет от вас. И когда Нэнси прибегала к ван-олстин-фишеровской интонации, ее охватывал гордый трепет noblesse oblige (2).

В этой универсальной школе были и другие источники познания. Когда вам доведется увидеть, что несколько продавщиц собрались в тесный кружок и позвякивают дутыми браслетами в такт, по-видимому, легкомысленной беседе, не думайте, что они обсуждают челку модницы Этель. Может быть, этому сборищу не хватает спокойного достоинства мужского законодательного собрания, но важность его равна важности первого совещания Евы и ее старшей дочери о том, как поставить Адама на место. Это - Женская Конференция Взаимопомощи и Обмена Стратегическими Теориями Нападения на и Защиты от Мира, Который есть Сцена, и от Зрителя-Мужчины, упорно Бросающего Букеты на Таковую. Женщина - самое беспомощное из земных созданий, грациозная, как лань, но без ее быстроты, прекрасная, как птица, но без ее крыльев, полная сладости, как медоносная пчела, но без ее... Лучше бросим метафору - среди нас могут оказаться ужаленные.

На этом военном совете обмениваются оружием и делятся опытом,

накопленным в жизненных стычках.

- А я ему говорю: "Нахал! - говорит Сэди. - Как вы смеее говорить мне такие вещи? За кого вы меня принимаете?" А он мне отвечает...

Головы-черные, каштановые, рыжие, белокурые и золотистые - сближаются. Сообщается ответ, и совместно решается, как в дальнейшем парировать подобный выпад на дуэли с общим врагом-мужчиной.

Так Нэнси училась искусству защиты, а для женщины успешная защита означает победу.

Учебная программа универсального магазина весьма обширна. И, пожалуй, ни один колледж не подготовил бы Нэнси так хорошо для осуществления ее заветного желания - выиграть в брачной лотерее.

Ее прилавок был расположен очень удачно. Рядом находился музыкальный отдел, и она познакомилась с произведениями крупнейших композиторов, по крайней мере настолько, насколько это требовалось, чтобы сойти за тонкую ценительницу в том неведомом "высшем свете", куда она робко надеялась проникнуть. Она впитывала возвышающую атмосферу художественных безделушек, красивых дорогих материй и ювелирных изделий, которые для женщины почти заменяют культуру.

Честолюбивые стремления Нэнси недолго оставались тайной для ее подруг. "Смотри, вон твой миллионер, Нэнси!" - раздавалось кругом, когда к ее прилавку приближался покупатель подходящей внешности. Постепенно у мужчин, слонявшихся без дела по магазину, пока их дамы занимались покупками, вошло в привычку останавливаться у прилавка с носовыми платками и не спеша перебирать батистовые квадратики Их привлекали поддельный светский тон Нэнси и ее неподдельная изящная красота. Желавших полюбезничать с ней было много. Некоторые из них, возможно, были миллионерами, остальные прилагали все усилия, чтобы сойти за таковых. Нэнси научилась различать. Сбоку от ее прилавка было окно; за ним были видны ряды машин, ожидавших внизу покупателей. И Нэнси узнала, что автомобили, как и их владельцы, имеют свое лицо.

Однажды обворожительный джентльмен, ухаживая за ней с видом короля Кофетуа, купил четыре дюжины носовых платков. Когда он ушел, одна из продавщиц спросила:

- В чем дело, Нэн? Почему ты его спровадила? По-моему, товар что надо.

- Он-то? - сказала Нэнси с самой холодной, самой любезной, самой безразличной улыбкой из арсенала миссис ван Олстин Фишер. - Не для меня. Я видела, как он подъехал. Машина в двенадцать лошадиных сил, и шофер - ирландец. А ты заметила, какие платки он купил - шелковые! И у него кольцо с печаткой. Нет, мне подделок не надо.

У Двух самых "утонченных" дам магазина - заведующей отделом и кассирши - были "шикарные" кавалеры; которые иногда приглашали их в ресторан. Как-то они предложили Нэнси пойти те ними. Обед происходил в одном из тех модных кафе, где заказы на столики к Новому году принимаются за год вперед. "Шикарных" кавалеров было двое: один был лыс (его волосы развеял вихрь удовольствий - это нам достоверно известно), другой - молодой человек, который чрезвычайно убедительно доказывал свою значительность и пресыщенность жизнью, - во-первых, он клялся, что вино никуда не годится, а во-вторых, носил брильянтовые запонки. Этот юноша узрел в Нэнси массу неотразимых достоинств. Он вообще был равнодушен к продавщицам, а в этой безыскусственная простота ее класса соединялась с манерами его круга. И вот на следующий день он явился в магазин и сделал ей формальное предложение

руки и сердца над коробкой платочков из беленого ирландского полотна. Нэнси отказала. В течение всей их беседы каштановая прическа помпадур по соседству напрягала зрение и слух. Когда отвергнутый влюбленный удалился, на голову Нэнси полились ядовитые потоки упреков и негодования.

- Идиотка! Это же миллионер - племянник самого ван Скиттлза. И ведь он говорил всерьез. Нет, ты окончательно рехнулась, Нэн!

- Ты думаешь? - сказала Нэнси. - Ах, значит, надо было согласиться? Прежде всего, он не такой уж миллионер. Семьи дает ему всего двадцать тысяч в год на расходы, лысый вчера над этим смеялся.

Каштановая прическа придвинулась и прищурила глаза.

- Что ты воображаешь? - спросила она хриплым голосом (от волнения она забыла сунуть в рот жевательную резинку). - Тебе что, мало? Может, ты в мормоны хочешь, чтобы повенчаться зараз с Рокфеллером, Гладстоном Дауи, королем испанским и прочей компанией! Тебе двадцати тысяч в год мало?

Нэнси слегка покраснела под упорным взглядом глупых черных глаз.

- Тут дело не только в деньгах, Кэрри, - объяснила она. - Его приятель вчера поймал его на вранье. Что-то о девушке, с которой он будто бы не ходил в театр. А я лжецов не выношу. Одним словом, он мне не нравится - вот и все. Меня дешево не купишь. Это правда - я хочу подцепить богача. Но мне нужно, чтобы это был человек, а не просто громыхающая копилка.

- Тебе место в психометрической больнице, - сказал каштановый помпадур, отворачиваясь.

И Нэнси продолжала питать также возвышенные идеи, чтобы не сказать - идеалы, на свои восемь долларов в неделю. Она шла по следу великой неведомой "добычи", поддерживая свои силы черствым хлебом и все туже затягивая пояс. На ее лице играла легкая, томная, мрачная боевая улыбка прирожденной охотницы за мужчинами. Магазин был ее лесом; часто, когда дичь казалась крупной и красивой, она поднимала ружье, прицеливаясь, но каждый раз какой-то глубокий безошибочный Инстинкт - охотницы, или, может быть, женщины - удерживал ее от выстрела, и она шла по новому следу.

Лу процветала в прачечной. Из своих восемнадцати долларов пятидесяти центов в неделю она платила шесть долларов за комнату и стол. Остальное тратилось на одежду. По сравнению с Нэнси у нее было мало возможностей улучшить свой вкус и манеры. Ведь день она гладила в душной прачечной, гладила и мечтала о том, как приятно проведет вечер. Под ее утюгом перебивало много дорогих пышных платьев, и, может быть, все растущий интерес к нарядам передавался ей по этому металлическому проводнику.

Когда она кончала работу, на улице уже дожидался Дэн, ее верная тень при любом освещении.

Иногда при взгляде на туалеты Лу, которые становились все более пестрыми и безвкусными, в его честных глазах появлялось беспокойство. Но он не осуждал ее - ему просто не нравилось, что она привлекает к себе внимание прохожих.

Лу была по-прежнему верна своей подруге. По нерушиму правилу Нэнси сопровождала их, куда бы они ни отправлялись, и Дэн весело и безропотно нес добавочные расходы. Этому трио искателей развлечений Лу, так сказать, придавала яркость, Нэнси - тон, а Дэн - вес. На этого молодого человека в приличном стандартном костюме, в стандартном галстуке, всегда с добродушной стандартной шуткой наготове, можно было положиться. Он принадлежал к тем приятным людям, о которых легко забываешь, когда они рядом, но которых вспоминаешь часто, когда они уходят.

Для взыскательной Нэнси в этих стандартных развлечениях был иногда горьковатый привкус. Но она была молода, а молодость жадна и за неимением лучшего заменяет качество количеством.

- Дэн все настаивает, чтобы мы поженились, - однажды призналась Лу. - А к чему мне это? Я сама себе хозяйка и трачу свои деньги, как хочу. А он ни за что не позволит мне работать. Послушай, Нэн, что ты торчишь в своей лавчонке? Ни поесть, ни одеться как следует. Скажи только слово, и я устрою тебя в прачечную. Ты бы сбавила форсу, у нас зато можно заработать.

- Тут дело не в форсе, Лу, - сказала Нэнси. - Я предпочту остаться там даже на половинном пайке. Привычка, наверное. Мне нужен шанс. Я ведь не собираюсь провести за прилавком всю жизнь. Каждый день я узнаю что-нибудь новое. Я все время имею дело с богатыми и воспитанными людьми, - хоть я их только обслуживаю, - и можешь быть уверена, что я Ничего не пропускаю. - Изловила своего миллионщика? - насмешливо фыркнула Лу.

- Пока еще нет, - ответила Нэнси. - Выбираю.

- Боже ты мой, выбирает! Смотри, Нэн, не упusti, если подвернется хоть один даже с неполным миллионом. Да ты шутишь - миллионеры и не думают о работницах вроде нас с тобой.

- Тем хуже для них, - сказала Нэнси рассудительно, - кое-кто из нас научил бы их обращаться с деньгами.

- Если какой-нибудь со мной заговорит, - хохотала Лу, - я просто в обморок хлопнусь!

- Это потому, что ты с ними не встречаешься. Разница только в том, что с этими щеголями надо держать ухо востро. Лу, а тебе не кажется, что подкладка из красного шелка чуть-чуть ярковата для такого пальто?

Лу оглядела простенький оливково-серый жакет подруги.

- По-моему, нет - разве что рядом с твоей линиялой тряпкой.

- Этот жакет, - удовлетворенно сказала Нэнси, - точно того же покроя, как у миссис ван Олстин Фишер. Материал обошелся мне в три девяносто восемь - долларов на сто дешевле, чем ей.

- Не знаю, - легкомысленно рассмеялась Лу, - клюнет ли миллионер на такую приманку. Чего доброго, я раньше тебя изловлю золотую рыбку.

Поистине, только философ мог бы решить, кто из подруг прав. Лу, лишенная той гордости и щепетильности, которая заставляет десятки тысяч девушек трудиться за гроши в магазинах и конторах, весело гроыхала утюгом в шумной и душной прачечной. Заработка хватало ей с избытком, пышность ее туалетов все возрастала, и Лу, уже начинала бросать косые взгляды на приличный, но такой неэлегантный костюм Дэна - Дэна стойкого, постоянного, неизменного.

А Нэнси принадлежала к десяткам тысяч. Шелка и драгоценности, кружева и безделушки, духи и музыка, весь этот мир изысканного вкуса создан для женщины, это ее законный удел. Если этот мир нужен ей, если он для нее - жизнь, то пусть она живет в нем. И она не предает, как Исав, права, данные ей рождением. Похлебка же ее нередко скудна.

Такова была Нэнси. Она процветала в атмосфере магазина и со спокойной уверенностью съедала скромный ужин и обдумывала дешевые платья. Женщину она уже узнала, и теперь изучала свою дичь - мужчину, его обычаи и достоинства. Настанет день, когда она уложит желанную добычу: самую большую, самую лучшую - обещала она себе.

Ее заправленный светильник, не угасал, и она готова была принять жениха, когда бы он ни пришел.

Но - может быть, бессознательно - она узнала еще кое-что. Мерка, с которой она подходила к жизни, незаметно менялась. Порою знак доллара тускнел перед ее внутренним взором и вместо него возникали слова: "искренность", "честь", а иногда и просто "доброта". Прибегнем к сравнению. Бывает, что охотник за лосем в дремучем лесу вдруг выйдет на цветущую поляну, где ручей журчит о покое и отдыхе. В такие минуты сам Немврод (3) опускает копье.

Иногда Нэнси думала - так ли уж нужен каракуль сердцам, которые он покрывает?

Как-то в четверг вечером Нэнси вышла из магазина и, перейдя Шестую авеню, направилась к прачечной. Лу и Дэн неделю назад пригласили ее на музыкальную комедию.

Когда она подходила к прачечной, оттуда вышел Дэн. Против обыкновения, лицо его было хмуро.

- Я зашел спросить, не слышали ли они чего-нибудь о ней, - сказал он.

- О ком? - спросила Нэнси. - Разве Лу не здесь?

- Я думал, вы знаете, - сказал Дэн. - С понедельника она не была ни тут, ни у себя. Она забрала вещи. Одной из здешних девушек она сказала, что собирается в Европу.

- Неужели никто ее не видел? - спросила Нэнси.

Дэн жестко посмотрел на нее. Его рот был угрюмо сжат, а серые глаза холодны, как сталь.

- В прачечной говорят, - неприязненно сказал он, - что ее видели вчера в автомобиле. Наверное, с одним из этих миллионеров, которыми вы с Лу вечно забивали себе голову.

В первый раз в жизни Нэнси растерялась перед мужчиной. Она положила дрогнувшую руку на рукав Дэна.

- Вы говорите так, как будто это моя вина, Дэн.

- Я не это имел в виду, - сказал Дэн смятаясь.

Он порылся в жилетном кармане.

- У меня билеты на сегодня, - начал он со стоической веселостью, - и если вы...

Нэнси умела ценить мужество.

- Я пойду с вами, Дэн, - сказала она.

Прошло три месяца, прежде чем Нэнси снова встретилась с Лу.

Однажды вечером продавщица торопливо шла домой. У ограды тихого сквера ее окликнули, и, повернувшись, она очутилась в объятиях Лу.

После первых поцелуев они чуть отодвинулись, как делают змеи, готовясь ужалить или зачаровать добычу, а на кончиках их языков дрожали тысячи вопросов. И тут Нэнси увидела, что на Лу снизошло богатство, воплощенное в шедеврах портновского искусства, в дорогих мехах и сверкающих драгоценностях.

- Ах ты, дурочка! - с шумной нежностью вскричала Лу. - Все еще работаешь в этом магазине, как я погляжу, и все такая же замухрышка. А как твоя знаменитая добыча? Еще не изловила?

И тут Лу заметила, что на ее подругу снизошло нечто лучшее, чем богатство. Глаза Нэнси сверкали ярче драгоценных камней, на щеках цвели розы, и губы с трудом удерживали радостные, признания.

- Да, я все еще в магазине, - сказала Нэнси, - до будущей недели. И я поймала лучшую добычу в мире. Тебе ведь теперь все равно, Лу, правда? Я выхожу замуж за Дэна - за Дэна! Он теперь мой, Дэн! Что ты, Лу? Лу!..

Из-за угла сквера показался один из тех молодых подтянутых блюстителей порядка нового набора, которые делают полицию более сносной - по крайней мере на вид. Он увидел, что у железной решетки сквера горько рыдает женщина в дорогах мехах, с брильянтовыми кольцами на пальцах, а худенькая, просто одетая девушка обнимает ее, пытаясь утешить. Но, будучи гибсоновским (4) фараоном нового толка, он прошел мимо, притворяясь, что ничего не замечает. У него хватило ума понять, что полиция здесь бессильна помочь, даже если он будет стучать по решетке сквера до тех пор, пока стук его дубинки не донесется до самых отдаленных звезд.

-
- 1) - Намек на детскую английскую песенку про Мэри и ее верную овечку.
 - 2) - Положение обязывает (франц.).
 - 3) - Немврод - в библейской легенде - искусный охотник.
 - 4) - Гибсон (1850-1896) - американский писатель и художник-иллюстратор.

Во имя традиции

Перевод В. Жак

Есть в году один день, который принадлежит нам. День, когда все мы, американцы, не выросшие на улице, возвращаемся в свой отчий дом, лакомимся содовым печеньем и дивимся тому, что старый колодец гораздо ближе к крыльцу, чем нам казалось. Да будет благословен этот день! Нас оповещает о нем президент Рузвельт (1). Что-то говорится в эти дни о пуританах, только никто уже не может вспомнить, кто они были. Во всяком случае мы бы, конечно, намяли им бока, если б они снова попробовали высадиться здесь. Плимут Рокс? (2) Вот это уже более знакомо. Многим из нас пришлось перейти на курятину, с тех пор как индейками занялся могущественный Трест. Не иначе, кто-то в Вашингтоне заранее сообщает им о дне праздника.

Великий город, расположенный на восток от поросших клюквой болот, возвел День Благодарения в национальную традицию. Последний четверг ноября - это единственный день в году, когда он признает существование остальной Америки, с которой его соединяют паромы. Это единственный чисто американский день. Да, единственный чисто американский праздник.

А теперь приступим к рассказу, из которого будет видно, что и у нас, по эту сторону океана, существуют традиции, складывающиеся гораздо быстрее, чем в Англии, благодаря нашему упорству и предприимчивости.

Стаффи Пит уселся на третьей скамейке направо, если войти в Юнион-сквер с восточной стороны, у дорожки напротив фонтана. Вот уже девять лет, как в День Благодарения он приходил сюда ровно в час дня и садился на эту скамейку, и всегда после этого с ним происходило нечто - нечто в духе Диккенса, от чего жилет его высоко вздымался у него над сердцем, да и не только над сердцем.

Но в этот год появление Стаффи Пита на обычном месте объяснялось скорее привычкой, чем чувством голода, приступы которого, по мнению филантропов, мучают бедняков именно с такими длительными интервалами.

Пит безусловно не был голоден. Он пришел с такого пиршества, что едва мог дышать и двигаться. Глаза его, напоминавшие две ягоды бесцветного крыжовника, казались воткнутыми во вздутую, лоснящуюся маску. Дыханье с присвистом вырывалось из его груди, сенаторские складки жира на шее портили строгую линию поднятого воротника. Пуговицы, неделю тому назад пришитые к его одежде сострадательными пальчиками солдат Армии спасения, отскакивали, как зерна жареной кукурузы, и падали на землю у его ног. Он был в лохмотьях, рубашка его была разорвана на груди, и все же ноябрьский ветер с колючим снегом нес ему только желанную прохладу. Стаффи Пит был перегружен калориями - следствие экстраплотного обеда, начатого с устриц, законченного сливовым пудингом и включавшего, как показалось Стаффи, все существующее на свете количество индеек, печеной картошки, салата из цыплят, слоеных пирогов и мороженого.

И вот он сидел, отупевший от еды, и смотрел на мир с презрением, свойственным только что пообедавшему человеку.

Обед этот выпал на его долю случайно: Стаффи проходил мимо кирпичного особняка на Вашингтон-сквере в начале Пятой авеню, в котором жили две знатные, старые леди, питавшие глубокое уважение к традициям. Они полностью игнорировали существование Нью-Йорка и считали, что День Благодарения объявляется только для их квартала. Среди почитаемых ими традиций была и такая - ровно в полдень в День Благодарения они высылали слугу к черному ходу с приказанием позвать первого голодного путника и накормить его на славу. Вот так и случилось, что, когда Стаффи Пит, направляясь в Юнион-сквер, проходил мимо, дозорные старых леди схватили его и с честью выполнили обычай замка.

После того как Стаффи десять минут смотрел прямо перед собой, он почувствовал желание несколько расширить свой кругозор. Медленно и с усилием он повернул голову налево. И вдруг глаза его полезли на лоб от ужаса, дыханье приостановилось, а грубо обутые ступни коротких ног нервно заерзали по гравии.

Пересекая Четвертую авеню и направляясь прямо к скамейке, на которой сидел Стаффи, шел Старый Джентльмен.

Ежегодно в течение девяти лет в День Благодарения Старый Джентльмен приходил сюда и находил Стаффи Пита на этой скамейке. Старый Джентльмен пытался превратить это в традицию. Каждый раз, найдя здесь Стаффи, он вел его в ресторан и угощал сытным обедом. В Англии такого рода вещи происходят сами собой, но Америка - молодая страна, и девять лет - не такой уж маленький срок. Старый Джентльмен был убежденным патриотом и смотрел на себя как на пионера американских традиций. Чтобы на вас обратили внимание, надо долгое время делать одно и то же, никогда не сдаваясь, с регулярностью, скажем, еженедельного сбора десятицентовых взносов в промышленном страховании или ежедневного подметания улиц.

Прямой и величественный, Старый Джентльмен приближался к фундаменту создаваемой им Традиции. Правда, ежегодное кормление Стаффи Пита не имело общенационального значения, как, например, Великая Хартия или джем к завтраку в Англии. Но это уже был шаг вперед. В этом чувствовалось даже что-то феодальное. Во всяком случае это доказывало, что и в Нью..., гм... в Америке могли создаваться традиции.

Старый Джентльмен был высок и худ, и ему было шестьдесят лет. Одет он был во все черное и носил старомодные очки, которые не держатся на носу. Волосы его по сравнению с прошлым годом еще больше поседели, и казалось, что он еще тяжелее опирается на свою толстую сучковатую трость с изогнутой ручкой.

Завидя своего благодетеля, Стаффи начал дрожать и скулить, как ожиревшая болонка при приближении уличного пса. Он бы с радостью спасся бегством, но даже сам Сантос-Дюмон (3) не сумел бы поднять его со скамейки.

Мирмидоны двух старых леди добросовестно сделали свое дело.

- С добрым утром, - сказал Старый Джентльмен. - Я рад видеть, что превратности минувшего года пощадили вас и что вы по-прежнему бродите в полном здравии по прекрасному белому свету. За это одно да будет благословен объявленный нам День Благодарения! Если вы теперь пойдете со мной, любезнейший, то я накормлю вас таким обедом, который приведет ваше физическое состояние в полное соответствие с состоянием вашего духа.

Все девять лет Старый Джентльмен произносил в этот торжественный день одну и ту же фразу. Сами эти слова превратились уже в традицию, почти как текст Декларации независимости. Раньше они всегда звучали дивной музыкой в ушах Стаффи Пита. Но сейчас взгляд его, обращенный на Старого Джентльмена, был полон муки. Мелкий снег едва не вскипал, падая на его разгоряченный лоб. А Старый Джентльмен поеживался от холода и поворачивался спиной к ветру.

Стаффи всегда удивляло, почему его благодетель произносил свою речь грустным голосом. Он не знал, что в эту минуту Старый Джентльмен особенно жалел, что у него нет сына - сына, который бы приходил сюда после его смерти, гордый и сильный, и говорил бы какому-нибудь последующему Стаффи: "В память моего отца..." Вот тогда это была бы настоящая традиция!

Но у Старого Джентльмена не было родственников. Он снимал комнаты в семейном пансионе, в ветхом каменном особняке на одной из тихих улочек к востоку от Парка. Зимой он выращивал фуксии в теплице размером с дорожный сундук. Весной он участвовал в пасхальном шествии. Летом он жил на ферме в горах Нью-Джерси и, сидя в плетеном кресле, мечтал о бабочке *ornithoptera amphrisius*, которую он надеялся когда-нибудь найти. Осенью он угощал обедом Стаффи. Таковы были дела и обязанности Старого Джентльмена.

Полминуты Стаффи Пит смотрел на него, беспомощный, размякший от жалости к самому себе. Глаза Старого Джентльмена горели радостью жертвования.

С каждым годом лицо его становилось все морщинистей, но его черный галстук был завязан таким же элегантным бантом, белье его было так же безукоризненно чисто и кончики седых усов так же изящно подвиты. Стаффи издал звук, похожий на бульканье гороховой похлебки в кастрюле. Этот звук, всегда предшествовавший словам, Старый Джентльмен слышал уже в девятый раз и был вправе принять его за обычную для Стаффи формулу согласия.

"Благодарю, сэр. Я пойду с вами. Очень вам признателен. Я очень голоден, сэр"

Прострация, вызванная переполнением желудка, не помешала Стаффи осознать, что он является участником создания традиции. - В День Благодарения его аппетит не принадлежал ему по священному праву обычая, если не по официальному своду законов, он принадлежал доброму Старому Джентльмену, который первым сделал на него заявку. Америка, конечно, свободная страна, но для того, чтобы традиция могла утвердиться, должен же кто-то стать повторяющейся цифрой в периодической дробе. Не все герои - герои из стали и золота. Есть и такие, которые размахивают оружием из олова

и плохо посеребренного железа.

Старый Джентльмен повел своего ежегодного протеже в ресторан, к югу от Парна, к столику, за которым всегда происходило пиршество. Их уже знали там.

- Вот идет этот старикашка со своим бродягой, которого он каждый День Благодарения кормит обедом, - сказал один из официантов.

Старый Джентльмен уселся у стола, с сияющим лицом поглядывая на краеугольный камень будущей древней традиции. Официанты устали стол праздничной едой - и Стаффи с глубоким вздохом, который был принят за выражение голода, Поднял нож и вилку и ринулся в бой, чтобы стяжать себе бессмертные лавры.

Ни один герой еще не пробивался с таким мужеством сквозь вражеские ряды. Суп, индейка, отбивные, овощи, пироги исчезали, едва их успевали подавать. Когда Стаффи, сытый по горло, вошел в ресторан, запах пищи едва не заставил его обратиться в позорное бегство. Но, как истинный рыцарь, он поборол свою слабость. Он видел выражение лучезарного счастья на лице Старого Джентльмена - счастья более полного, чем давали ему, даже фуксии и ornithoptera amphrisius, - и он не мог огорчить его.

Через час, когда Стаффи откинулся на спинку стула, битва была выиграна.

- Благодарю вас, сэр, - просвистел он, как дырявая паровая труба, - благодарю за славное угощение.

Потом, с остекленевшим взглядом, он тяжело поднялся на ноги и направился в сторону кухни. Официант крутнул его, как волчок, и подтолкнул к выходной двери. Старый Джентльмен аккуратно отсчитал один доллар и тридцать центов серебром за съеденный Стаффи обед и оставил пятнадцать центов на чай официанту.

Они расстались, как обычно, у дверей. Старый Джентльмен повернул на юг, а Стаффи на север.

Дойдя до первого перекрестка, Стаффи остановился, постоял с минуту, потом стал как-то странно топорщить свои лохмотья, как сова топорщит перья, и упал на тротуар, словно пораженная солнечным ударом лошадь.

Когда приехала скорая помощь, молодой врач и шофер тихонько выругались, с трудом поднимая грузное тело Стаффи. Запаха виски не чувствовалось, оснований отправлять его в полицейский участок не было, и поэтому Стаффи со своими двумя обедами поехал в больницу. Там его положили на койку и начали искать у него какую-нибудь редкую болезнь, которую на нем можно было бы попробовать лечить с помощью хирургического ножа.

А час спустя другая карета скорой помощи доставила в ту же больницу Старого Джентльмена. Его тоже положили на койку, но заговорили всего лишь об аппендиците, так как внешность его внушала надежду на получение соответствующего гонорара.

Но вскоре один из молодых врачей, встретив одну из молодых сестер, глазки которой ему очень нравились, остановился поболтать с нею о поступивших больных.

- Кто бы мог подумать, - сказал он, - что у этого симпатичного старого джентльмена острое истощение от голода. Это, по-видимому, потомок какого-нибудь старинного, гордого рода. Он признался мне, что уже три дня не имел ни крошки во рту.

1) - Теодор, Рузвельт - президент США - с 1901 по 1909 г.

2) - Плимутские скалы, место высадки первых переселенцев из Англии в 1620 г.

3) - Сантос-Дюмон - бразильский аэронавт (1873-1932).

Пурпурное платье

Перевод В. Маянц

Давайте поговорим о цвете, который известен как пурпурный. Этот цвет по справедливости получил признание среди сыновей и дочерей рода человеческого. Императоры утверждают, что он создан исключительно для них. Повсюду любителя повеселиться стараются довести цвет своих носов до этого чудного оттенка, который получается, если подмешать в красную краску синей. Говорят, что принцы рождены для пурпура; и, конечно, это именно так и есть, потому что при коликах в животе лица у наследных принцев наливаются царственным пурпуром точно так же, как и курносые физиономии наследников дровосека. Все женщины любят этот цвет - когда он в моде.

А теперь как раз носят пурпурный цвет. Сплошь и рядом видишь его на улице. Конечно, в моде и другие цвета - вот только на днях я видел премиленькую особу в шерстяном платье оливкового цвета: на юбке отделка из нашитых квадратиков и внизу в три ряда воланы, под драпированной кружевной косынкой видна вставка вся в оборочках, рукава с двойными буфами, перетянутые внизу кружевной лентой, из-под которой выглядывают две плиссированные рюшки, - но все-таки и пурпурного цвета носят очень много. Не согласны? А вы попробуйте-ка в любой день пройти по Двадцать третьей улице.

Вот почему Мэйда - девушка с большими карими глазами и волосами цвета корицы, продавщица из галантерейного магазина "Улей" - обратилась к Грэйс - девушке с брошкой из искусственных брильянтов и с ароматом мятных конфет в голосе с такими словами:

- У меня будет пурпурное платье ко Дню Благодарения - шью у портного.

- Да что ты! - сказала Грэйс, укладывая несколько пар перчаток размера семь с половиною в коробку с размером шесть три четверти. - А я хочу красное. На Пятой авеню все-таки больше красного, чем пурпурного. И все мужчины от него без ума.

- Мне больше нравится пурпурный, - сказала Мэйда, - старый Шлегель обещал сшить за восемь долларов. Это будет прелесть что такое. Юбка в складку, лиф отделан серебряным галуном, белый воротник и в два ряда...

- Промахнешься! - с видом знатока прищурилась Грэйс.

- ...и по белой парчовой вставке в два ряда тесьма, и баска в складку, и...

- Промахнешься, промахнешься! - повторила Грэйс.

- ...и пышные рукава в складку, и бархотка на манжетах с отворотами.

Что ты хочешь этим сказать?

- Ты думаешь, что пурпурный цвет нравится мистеру Рэмси. А я вчера слышала, он говорил, что самый роскошный цвет - красный.

- Ну и пусть, - сказала Мэйда. - Я предпочитаю пурпурный, а кому не нравится, может перейти на другую сторону улицы.

Все это приводит к мысли, что в конце концов даже поклонники пурпурного цвета могут слегка заблуждаться, Крайне опасно, когда девица думает, что она может носить пурпур независимо от цвета лица и от мнения окружающих, и когда императоры думают, что их пурпурные одеяния вечны.

За восемь месяцев экономии Мэйда скопила восемнадцать долларов. Этих денег ей хватило, чтобы купить все необходимое для платья и дать Шлегелю четыре доллара вперед за шитье. Накануне Дня Благодарения у нее наберется как раз достаточно, чтобы заплатить ему остальные четыре доллара... И тогда в праздник надеть новое платье - что на свете может быть чудеснее!

Ежегодно в День Благодарения хозяин галантерейного магазина "Улей", старый Бахман, давал своим служащим обед. Во все остальные триста шестьдесят четыре дня, если не брать в расчет воскресений, он каждый день напоминал о прелестях последнего банкета и об удовольствиях предстоящего, тем самым призывая их проявить еще больше рвения в работе. Посередине магазина надрылся длинный стол. Витрины завешивались оберточной бумагой, и через черный ход вносились индейки и другие вкусные вещи, закупленные в Дуловой ресторанчике. Вы, конечно, понимаете, что "Улей" вовсе не был фешенебельным универсальным магазином со множеством отделов, лифтов и манекенов. Он был настолько мал, что мог называться просто большим магазином; туда вы могли спокойно войти, купить все, что надо, и благополучно выйти. И за обедом в День Благодарения мистер Рэмси всегда...

Ох ты, черт возьми! Мне бы следовало прежде всего рассказать о мистере Рэмси. Он гораздо важнее, чем пурпурный цвет, или оливковый, или даже чем красный клюквенный соус Мистер Рэмси был управляющим магазином, и я о нем самого высокого мнения. Когда в темных закоулках ему попадались молоденькие продавщицы, он никогда их не щипал, а когда наступали минуты затишья в работе и он им рассказывал разные истории и девушки хихикали и фыркали, то это вовсе не значило, что он угощал их непристойными анекдотами. Помимо того, что мистер Рэмси был настоящим джентльменом, он отличался еще несколькими странными и необычными качествами. Он был помешан на здоровье и полагал, что ни в коем случае нельзя питаться тем, что считают полезным. Он решительно протестовал, если кто-нибудь удобно устраивался в кресле, или искал приюта от снежной бури, или носил галоши, или принимал лекарства, или еще как-нибудь лелеял собственную свою персону. Каждая из десяти молоденьких продавщиц каждый вечер, прежде чем заснуть, сладко грезил о том, как она, став миссис Рэмси, будет жарить ему свиные котлеты с луком. Потому что старый Бахман собирался на следующий год сделать его своим компаньоном и каждая из них знала, что уж если она подцепит мистера Рэмси, то выбьет из него все его дурацкие идеи насчет здоровья еще прежде, чем перестанет болеть живот от свадебного пирога.

Мистер Рэмси был главным организатором праздничного обеда. Каждый раз приглашались два итальянца - скрипач и арфист, - и после обеда все немного танцевали.

И вот, представьте, задуманы два платья, которые должны покорить мистера Рэмси: одно - пурпурное, другое - красное. Конечно, в платьях будут и остальные девушки, но они в счет не идут. Скорее всего на них будет что-нибудь наподобие блузки да черной юбки - ничего стоящего по сравнению с

великолепием пурпура или красного цвета.

Грэйс тоже накопила денег. Она хотела купить готовое платье. Какой смысл возиться с шитьем? Если у тебя хорошая фигура, всегда легко найти что-либо подходящее - правда, мне всегда приходится еще ушивать в талии, потому что талия среднего размера гораздо шире моей.

Подошел вечер накануне Дня Благодарения. Мэйда торопилась домой, радостно предвкушая счастливое завтра. Она мечтала о своем темном пурпуре, но мечты ее были светлые - светлое, восторженное стремление юного существа к радостям жизни, без которых юность так быстро увядает, Мэйда была уверена, что ей пойдет пурпурный цвет, и - уже в тысячный раз - она пыталась себя уверить, что мистеру Рэмси нравится именно пурпурный, а не красный. Она решила зайти домой, достать из комода со дна нижнего ящика четыре доллара, завернутые в папиросную бумагу, и потом заплатить Шлегелю и самой принести платье.

Грэйс жила в том же доме. Ее комната была как раз над комнатой Мэйды.

Дома Мэйда застала шум и переполох. Во всех закоулках было слышно, как язык хозяйки раздраженно трещал и тархтел будто сбивал масло в маслобойке. Через несколько минут Грэйс спустилась к Мэйде вся в слезах, с глазами краснее, чем любое платье.

- Она требует, чтобы я съехала, - сказала Грэйс. - Старая карга. Потому что я должна ей четыре доллара. Она выставила мой чемодан в переднюю и заперла комнату. Мне некуда идти. У меня нет ни цента.

- Вчера у тебя были деньги, - сказала Мэйда.

- Я купила платье, - сказала Грэйс. - Я думала, она подождет с платой до будущей недели.

Она всхлипнула, потянула носом, вздохнула, опять всхлипнула.

Миг - и Мэйда протянула ей свои четыре доллара, - могло ли быть иначе?

- Прелесть ты моя, душечка! - вскричала Грэйс, сияя, как радуга после дождя. - Сейчас отдам деньги этой старой скряге и пойду примерю платье. Это что-то божественное. Зайди посмотреть. Я верну тебе деньги по доллару в неделю, обязательно!

День Благодарения.

Обед был назначен на полдень. Без четверти двенадцать Грэйс впорхнула к Мэйде. Да, она и впрямь была очаровательна. Она была рождена для красного цвета. Мэйда, сидя у окна в старой шевиотовой юбке и синей блузке, штопала чу... О, занималась изящным рукоделием.

- Господи, боже мой! Ты еще не одета! - ахнуло красное платье. - Не морщит на спине? Эти вот бархатные нашивки очень пикантны, правда? Почему ты не одета, Мэйда?

- Мое платье не готово, - сказала Мэйда, - я не пойду.

- Вот несчастье-то! Право же, Мэйда, ужасно жалко. Надень что-нибудь и пойдем, - будут только свои из магазина; ты же знаешь, никто не обратит внимания.

- Я так настроилась, что будет пурпурное, - сказала Мэйда, - раз его нет, лучше я совсем не пойду. Не беспокойся обо мне. Беги, а то опоздаешь. Тебе очень к лицу красное.

И все долгое время, пока там шел обед, Мэйда просидела у окна. Она представляла себе, как девушки вскрикивают, стараясь разорвать куриную дужку, как старый Бахман хохочет во все горло собственным, понятным только ему одному, шуткам, как блещут брильянты толстой миссис Бахман, появлявшейся в магазине лишь в День Благодарения, как прохаживается мистер

Рэмси, оживленный, добрый, следя за тем, чтобы всем было хорошо.

В четыре часа дня она с бесстрастным лицом и отсутствующим взглядом медленно направилась в лавку к Шлегелю и сообщила ему, что не может заплатить за платье оставшиеся четыре доллара.

- Боже! - сердито закричал Шлегель. - Почему вы такой печальный? Берите его. Оно готово. Платите когда-нибудь. Разве не вы каждый день ходит мимо моя лавка уже два года? Если я шью платья, то разве я не знаю людей? Вы платите мне, когда можете. Берите его. Оно удачно сшито, и если вы будете хорошенькая в нем - очень хорошо. Вот. Платите, когда можете.

Пролепетав миллионную долю огромной благодарности, которая переполняла ее сердце, Мэйда схватила платье и побежала домой. При выходе из лавки легкий дождик брызнул ей в лицо. Она улыбнулась и не заметила этого.

Дамы, разъезжающие по магазинам в экипажах, вам этого не понять. Девушки, чьи гардеробы пополняются на отцовские денежки, - вам не понять, вам никогда не постынуть, почему Мэйда не почувствовала холодных капель дождя в День Благодарения.

В пять часов она вышла на улицу в своем пурпурном платье. Дождь полил сильнее, порывы ветра обдавали ее целыми потоками воды. Люди пробегали мимо, торопясь домой или к трамваям, низко опуская зонтики и плотно застегнув плащи. Многие из них изумленно оглядывались на красивую девушку со счастливыми глазами, которая безмятежно шагала сквозь бурю, словно прогуливалась по саду в безоблачный летний день.

Я повторяю, вам этого не понять, дамы с туго набитым кошельком и кучей нарядов. Вы не представляете себе, что это такое - жить с вечной мечтой о красивых вещах, голодать восемь месяцев подряд, чтобы иметь пурпурное платье к празднику. И не все ли равно, что идет дождь, град, снег, ревет ветер и бушует циклон?

У Мэйды не было зонтика, не было галош. У нее было пурпурное платье, и в нем она вышла на улицу. Пусть развоевалась стихия! Изголодавшееся сердце должно иметь крупицу счастья хоть раз в год. Дождь все лил и стекал с ее пальцев.

Кто-то вышел из-за угла и загородил ей дорогу. Она подняла голову - это был мистер Рэмси, и глаза его горели восхищением и интересом.

- Мисс Мэйда, - сказал он, - вы просто великолепны в новом платье. Я очень сожалею, что вас не было на обеде. Из всех моих знакомых девушек вы самая здравомыслящая и разумная. Ничто так не укрепляет здоровья, как прогулка в ненастье... Можно мне пройти с вами?

И Мэйда зарделась и чихнула.

Последний лист

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя два раза. Некому художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы.

Предположим, сборщик из магазина со счетом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счету!

И вот люди искусства набрали на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешевой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и основали "колонию".

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трехэтажного кирпичного дома. Джонси - уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Вольмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорийный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил ее с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплет голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

- У нее один шанс... ну, скажем, против десяти, - сказал он, стряхивая ртуть в термометре. - И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопоя теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

- Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

- Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать, например, мужчины?

- Мужчины? - переспросила Сью, и ее голос зазвучал резко, как губная гармоника. - Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

- Ну, тогда она просто ослабла, - решил доктор. - Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти, вместо одного из десяти.

После того как доктор ушел, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертежной доской, насвистывая рэгтайм.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью слышала тихий шепот, повторившийся несколько раз.

Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала - считала в обратном порядке.

- Двенадцать, - произнесла она, и немного погодя: - одиннадцать, - а потом: - "десять" и "девять", а потом: - "восемь" и "семь" - почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплел до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

- Что там такое, милая? - спросила Сью.

- Шесть, - едва слышно ответила Джонси. - Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и еще один полетел. Теперь осталось только пять.

- Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

- Листьев! На плюще. Когда упадет последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

- Первый раз слышу такую глупость! - с великолепным презрением отпарировала Сью. - Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты еще так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь еще сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?... что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идешь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбыть его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

- Вина тебе покупать больше не надо, - отвечала Джонси, пристально глядя в окно. - Вот и еще один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остается всего четыре. Я хочу видеть, как упадет последний лист. Тогда умру и я.

- Джонси, милая, - сказала Сью, наклоняясь над ней, - обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы штору.

- Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? - холодно спросила Джонси.

- Мне бы хотелось посидеть с тобой, - сказала Сью. - А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

- Скажи мне, когда кончишь, - закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, - потому что мне хочется видеть, как упадет последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, - лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

- Постарайся уснуть, - сказала Сью. - Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым

художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все еще говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злующий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевельновыми ягодами, в его полутемной каморке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчет того, как бы она, легкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет ее непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

- Что! - кричал он. - Возможна ли такая глупость - умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

- Она очень больна и слаба, - сказала Сью, - и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, - если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

- Вот настоящая женщина! - закричал Берман. - Кто сказал, что я не хочу позировать? Идем. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила штору до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шел холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зеленой шторы.

- Подними ее, я хочу посмотреть, - шепотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене еще виднелся один лист плюща - последний! Все еще темнозеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землей.

- Это последний, - сказала Джонси. - Я думала, что он непременно упадет ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

- Да бог с тобой! - сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке. - Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далекий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие ее с жизнью и людьми.

День прошел, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь беспрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща все еще оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для нее куриный бульон на газовой горелке.

- Я была скверной девчонкой, Сьюди, - сказала Джонси. - Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

- Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришел доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

- Шансы равные, - сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. - При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить еще одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление легких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжелая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

- Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход - и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая яркосиний, совершенно бесполезный шарф, и обняла ее одной рукой - вместе с подушкой.

- Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, - начала она. - Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления легких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашел бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лед. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который все еще горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана - он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

Грошовый поклонник

Перевод Р. Гальпериной

В этом гигантском магазине, Магазине с большой буквы, служили три тысячи девушек, в том числе и Мэйзи. Ей было восемнадцать лет, и она работала в отделе мужских перчаток. Здесь она хорошо изучила две разновидности человеческого рода - мужчин, которые вольны пойти в магазин и купить себе перчатки, и женщин, которые покупают перчатки для подневольных мужчин. Знание человеческой души восполнялось у Мэйзи и другими полезными сведениями. К ее услугам был житейский опыт остальных двух тысяч девятиста девяноста девяти продавщиц, которые не делали из него тайны, и Мэйзи копила

этот опыт в недрах своей души, непроницаемой и осторожной, как душа мальтийской кошки. Быть может, природа, зная, что Мэйзи не у кого будет спросить разумного совета, наделила ее, вместе с красотой, некоторой спасительной долей лукавства, как чернобурой лисе с ее ценной шкуркой она отпустила дополнительную, по сравнению с другими животными, дозу хитрости.

Ибо Мэйзи была красавица. Блондинка, с пышными волосами теплого, золотистого оттенка, она обладала царственной осанкой леди-манекена, которая на глазах у публики печет в витрине олады. Когда Мэйзи, стоя за прилавком, обмеряла вам руку, вы мысленно называли ее, Гебой, а когда вам снова можно было поднять глаза, вы спрашивали себя, откуда у нее взор Минервы.

Пока заведующий отделом не замечал Мэйзи, она сосала леденцы, но стоило ему взглянуть в ее сторону, как она с мечтательной улыбкой закатывала глаза к небу.

О, эта улыбка продавщицы! Бегите от нее, если только охладевшая кровь, коробка конфет и многолетний опыт не охраняют вас от стрел амура. Эта улыбка - не для магазина, и Мэйзи откладывала ее на свои свободные часы. Но для заведующего отделом никакие законы не писаны. Это - Шейлок в мире магазинов. На хорошеньких девушек он глядит, как глядит на пассажиров таможенный досмотрщик, напоминая: "Не подмажешь - не поедешь". Разумеется, есть и приятные исключения. На днях газеты сообщали о заведующем, которому перевалило за восемьдесят.

Однажды Ирвинг Картер, художник, миллионер, поэт и автомобилист, случайно попал в Магазин: пострадал, надо сказать, совсем невинно. Сыновний долг схватил его за шиворот и повлек на поиски мамы, которая, разнежившись в обществе бронзовых амуров и фаянсовых пастушек, увлеклась беседой с приказчиком.

Чтобы как-нибудь убить время, Картер отправился покупать перчатки. Ему и в самом деле нужны были перчатки, свои он забыл дома. Впрочем, нам нет нужды оправдывать нашего героя, ведь он понятия не имел, что покупка перчаток - это предлог для флирта.

Но едва вступив в роковой предел, Картер внутренне содрогнулся, впервые увидев воочию одно из тех злчных мест, где амур одерживает свои более чем сомнительные победы.

Трое или четверо молодцов бесшабашного вида, разодетые в пух и прах, наклонившись над прилавком, возились с перчатками, этими коварными сводницами, между тем как продавщицы возбужденно хихикали, с готовностью подыгрывая своим партнерам на дребезжащей струне кокетства. Картер приготовился бежать - но какое там... Мэйзи, стоя у прилавка, устремила на него вопрошающий взор своих прекрасных холодных глаз, чья лучезарная синева напомнила ему сверкание айсберга, дрейфующего под ярким летним солнцем где-нибудь в Океании.

И тогда Ирвинг Картер, художник, миллионер и т. д., почувствовал, что его благородная бледность сменяется густым румянцем. Но не скромность зажгла эту краску - скорее рассудок! Он вдруг увидел, что оказался поставленным на одну доску с этими заурядными молодцами, которые, склонившись над соседними прилавками, добивались благосклонности смешливых девиц. Разве и сам он не стоит здесь, у прилавка, как данник плебейского амура, разве и он не жаждет благосклонности какой-то продавщицы? Так чем же отличается он от любого из этих Биллов, Джеков или Микки? И в Картере вдруг проснулось сочувствие к этим его младшим братьям - вместе с презрением к предрассудкам, в которых он был взращен, и твердой решимостью назвать этого ангела своим.

Итак, перчатки были завернута и оплачены, а Картер все еще не решался уйти. В уголках прелестного ротика Мэйзи яснее обозначились ямочки. Ни один мужчина, купивший у нее перчатки, не уходил сразу. Опершись на витрину своей ручкой Психеи, соблазнительно просвечивающей через рукав блузки, Мэйзи приготовилась к разговору.

У Картера не было случая, чтобы он полностью не владел собой. Но сейчас он оказался в худшем положении, чем Билл, Джек или Микки. Ведь он не мог рассчитывать на встречу с этой красавицей в том обществе, где постоянно вращался. Всеми силами старался он вспомнить, что знал о нравах и повадках продавщиц, - все, что ему когда-нибудь приходилось читать или слышать. Почему-то у него создалось впечатление, что при знакомстве они иной раз готовы отступить от некоторых формальностей, продиктованных правилами этикета. Мысль о том чтобы предложить этому прелестному невинному существу нескромное свидание, заставляла его сердце отчаянно биться. Однако душевное смятение придало ему смелости.

После нескольких дружеских и благосклонно принятых замечаний на общие темы он положил на прилавок свою визитную карточку, поближе к ручке небожительницы.

- Ради бога, простите, - сказал он, - и не сочтите за дерзость, но я был бы рад снова встретиться с вами. Здесь вы найдете мое имя. Поверьте, только величайшее уважение дает мне смелость просить вас осчастливить меня своей дружбой, вернее знакомством. Скажите, могу ли я надеяться?

Мэйзи знала мужчин, а особенно тех, что покупают перчатки. С безмятежной улыбкой посмотрела она в лицо Картеру и сказала без колебаний:

- Отчего же? Вы, видать, человек приличный. Вообще-то я избегаю встреч с незнакомыми мужчинами. Ни одна порядочная девушка себе этого не позволит... Так когда бы вы желали?

- Как можно скорее, - сказал Картер. - Разрешите мне навестить вас, и я почту за...

Но Мэйзи залилась звонким смехом.

- О господи, выдумали тоже! Видели бы вы, как мы живем! Впятером в трех комнатах! Представляю мамино лицо, если бы я привела домой знакомого мужчину.

- Пожалуйста, где вам угодно! - самозабвенно воскликнул Картер. - Назначьте место сами. Я к вашим услугам...

- Знаете что, - сказала Мэйзи, и ее нежно-розовое лицо просияло, точно ее озарила замечательная идея. - Четверг вечером, кажется, меня устроит. Приходите в семь тридцать на угол Восьмой авеню и Сорок девятой улицы, я, кстати, там и живу. Но предупреждаю - в одиннадцать я должна быть дома. У меня мама строгая.

Картер поблагодарил и обещал прийти точно в назначенное время. Пора было возвращаться к мамаше, которая уже ждала сына, чтобы он одобрил ее новое приобретение - бронзовую Диану.

Курносенькая продавщица с круглыми глазками, будто невзначай проходя мимо, ласково подмигнула Мэйзи.

- Тебя, кажется, можно поздравить? - спросила она бесцеремонно.

- Джентльмен просил разрешения навестить меня, - надменно отрезала Мэйзи, пряча на груди визитную карточку.

- Навестить? - эхом отозвались Круглые Глазки. - А не обещал он повезти тебя обедать к Уолдорфу и покатать на своей машине?

- Ах, брось, - устало отмахнулась Мэйзи. - Ты просто помешана на

шикарной жизни. Это не с тех ли пор, как твой пожарный возил тебя кутить в китайскую кухмистерскую? Нет, о Уолдорфе разговора не было. Но, судя по карточке, он живет на Пятой авеню. Уж если он захочет угостить меня, будь уверена, что прислуживать нам будет не китаец с длинной косой.

Когда Картер, посадив мамашу в свой электрический лимузин, отъехал от универмага, он невольно стиснул зубы, так защемило у него сердце. Он знал, что впервые за двадцать девять лет своей жизни полюбил по-настоящему. И то, что его возлюбленная, не чинясь, назначила ему свидание на каком-то перекрестке, хоть и приближало его к желанной цели, но вместе с тем рождало мучительные сомнения в его груди.

Картер не знал, что такое продавщица. Он не знал, что ей приходится жить в неуютной конуре либо в тесной квартире, где полным-полно всяких домочадцев и родственников. Ближайший перекресток служит ей будuarом, сквер - гостиной, людная улица - аллеей для прогулок. Однако это обычно не мешает ей быть себе госпожой, такой же независимой и гордой, как любая знатная леди, обитающая среди гобеленов.

Однажды, в тихий сумеречный час, спустя две недели после их первого знакомства, Картер и Мэйзи рука об руку вошли в маленький, скупос освещенный скверик. Найдя уединенную скамейку под деревом, они уселись рядом.

Впервые он робко обнял ее за талию, и ее златокудрая головка блаженно прикинула к его плечу.

- Господи! - благодарно вздохнула Мэйзи. - Долго же вы раскачивались!

- Мэйзи! - взволнованно произнес Картер. - Вы, конечно, догадываетесь, что я люблю вас. Я самым серьезным образом прошу вашей руки. Вы достаточно знаете меня теперь, чтобы мне довериться. Вы мне нужны, Мэйзи! Я мечтаю назвать вас своей. Разница положений меня не останавливает...

- Какая разница? - любопытствовала Мэйзи.

- Да никакой разницы и нет, - поправился Картер. - Все это выдумки глупцов. Со мной вы будете жить в роскоши. Я принадлежу к избранному кругу, у меня значительные средства.

- Все это говорят, - равнодушно протянула Мэйзи. - Врут и не краснеют. Вы, конечно, служите в гастрономическом магазине или в конторе букмекера. Зря вы меня душой считаете.

- Я готов представить любые доказательства, - мягко настаивал Картер. - Я не могу жить без вас, Мэйзи! Я полюбил вас с первого взгляда...

- Все так говорят, - рассмеялась Мэйзи. - Попадись мне человек, которому я понравилась бы с третьего взгляда, я, кажется, бросилась бы ему на шею.

- Перестаньте, Мэйзи, - взмолился Картер. - Выслушайте меня, дорогая! С той минуты, как я впервые взглянул в ваши глаза, я почувствовал, что вы для меня единственная на свете,

- И все-то вы врете, - усмехнулась Мэйзи. - Скольким девушкам вы уже говорили это?

Но Картер не сдавался. В конце концов ему удалось устеречь пугливую, неуловимую душу продавщицы, прячущуюся где-то в глубине этого мраморного тела. Слова его нашли дорогу к ее сердцу, самая пустота которого служила ему надежной броней. Впервые Мэйзи смотрела на него зрячими глазами. И жаркий румянец залил ее холодные щеки. Замирая от страха, сложила Психея свои трепетные крылышки, готовясь опуститься на цветок любви. Впервые забрезжила для нее где-то там, за пределами ее прилавка, какая-то новая жизнь и ее неведомые возможности. Картер почувствовал перемену и устремился на штурм.

- Выходите за меня замуж, - шептал он ей, - и мы покинем этот ужасный город и уедем в другие, прекрасные края. Мы забудем о всяких делах и работе, и жизнь станет для нас нескончаемым праздником. Я знаю, куда увезу вас. Я уже не раз там бывал. Представьте себе чудесную страну, где царит вечное лето, где волны рокочут, разбиваясь о живописные берега, и люди свободны и счастливы, как дети. Мы уплывем к этим далеким берегам и будем там жить, сколько вам захочется. Я увезу вас в город, где множество великолепных старинные дворцов и башен и повсюду изумительные картины и статуи. Там вместо улиц каналы, и люди разъезжают...

- Знаю! - сказала Мэйзи, резко поднимая голову. - В гондолах.

- Верно! - улыбнулся Картер.

- Так я и думала!.. - сказала Мэйзи.

- А потом, - продолжал Картер, - мы станем переезжать с места на место и увидим, что только душа захочет. Из Европы мы уедем в Индию и познакомимся с ее древними городами. Мы будем путешествовать на слонах, побываем в сказочных храмах индусов и браминов. Увидим карликовые сады японцев, караваны верблюдов и состязания колесниц в Персии - все, все, что стоит повидать в чужих странах. Разве это не восхитительно, Мэйзи?

Но Мэйзи решительно поднялась со скамьи.

- Пора домой, - сказала она холодно. - Время позднее.

Картер не стал с ней спорить. Ему было уже знакомо непостоянство настроений этой причудницы, этой мимозы, - никакие возражения тут не помогут. И все же он торжествовал победу. Сегодня он держал - пусть всего лишь мгновение, пусть на тонкой шелковинке - душу своей Психеи, и в нем ожила надежда. На миг она сложила крылышки, и ее прохладные пальчики сжали его руку.

Наутро в Магазине подружка Мэйзи, Лулу, подкараулила ее за прилавком.

- Ну, как у тебя дела с твоим шикарным другом? - спросила она.

- С этим типом? - небрежно проронила Мэйзи, поправляя пышные локоны. - Я дала ему отставку. Представь, Лулу, что этот субъект забрал себе в голову...

- Устроить тебя на сцену? - задыхаясь, спросила Лулу.

- Как же, держи карман, от такого дождешься. Он предложил мне выйти за него замуж и, вместо свадебного путешествия, прокатиться с ним на Кони-Айленд (1).

1) - Остров близ Нью-Йорка, где сосредоточены балаганы, качели и прочие аттракционы. Некоторые павильоны и киоски Кони-Айленда построены в "восточном" стиле.

Персики

Перевод Е. Калашниковой

Медовый месяц был в разгаре. Квартирку украшал новый ковер самого яркого красного цвета, портьеры с фестонами и полдюжины глиняных пивных кружек с оловянными крышками, расставленные в столовой на выступе деревянной панели Молодым все еще казалось, что они парят в небесах. Ни он, ни она никогда не видали, "как примула желтеет в траве у ручейка"; но если бы подобное зрелище представилось их глазам в указанный период времени, они бесспорно усмотрели бы в нем - ну, все то, что, по мнению поэта, полагается усмотреть в цветущей примуле настоящему человеку.

Новобрачная сидела в качалке, а ее ноги опирались на земной шар. Она утопала в розовых мечтах и в шелку того же оттенка. Ее занимала мысль о том, что говорят по поводу ее свадьбы с "Малышом Мак-Гарри в Гренландии, Белуджистане и на острове Тасмания. Впрочем, особого значения это не имело. От Лондона до созвездия Южного Креста не нашлось бы боксера полусреднего веса, способного продержаться четыре часа - да что часа! четыре раунда - против Малыша Мак-Гарри. И вот уже три недели, как он принадлежит ей; и достаточно прикосновения ее мизинца, чтобы заставить покачнуться того, против кого бессильны кулаки прославленных чемпионов ринга.

Когда любим мы сами, слово "любовь" - синоним самопожертвования и отречения. Когда любят соседи, живущие за стеной, это слово означает самомнение и нахальство.

Новобрачная скрестила свои ножки в туфельках и задумчиво поглядела на потолок, расписанный купидонами.

- Милый, - произнесла она с видом Клеопатры, высказывающей Антонию пожелание, чтобы Рим был поставлен ей на дом в оригинальной упаковке. - Милый, я, пожалуй, съела бы персик.

Малыш Мак-Гарри встал и надел пальто и шляпу. Он был серьезен, строен, сентиментален и сметлив.

- Ну что ж, - сказал он так хладнокровно, как будто речь шла всего лишь о подписании условий матча с чемпионом Англии. - Сейчас пойду принесу.

- Только ты недолго, - сказала новобрачная. - А то я соскучусь без своего гадкого мальчика, И смотри, выбери хороший, спелый,

После длительного прощанья, не менее бурного, чем если бы Малышу предстояло чреватое опасностями путешествие в дальние страны, он вышел на улицу.

Тут он призадумался, и не без оснований, так как дело происходило ранней весной и казалось мало вероятным, чтобы где-нибудь в промозглой сырости улиц и в холоде лавок удалось обрести вожаемый сладостный дар золотистой зрелости лета.

Дойдя до угла, где помещалась палатка итальянца, торгующего фруктами, он остановился и окинул презрительным взглядом горы завернутых в папиросную бумагу апельсинов, глянцевиных, румяных яблок и бледных, истосковавшихся по солнцу бананов.

- Персики есть? - обратился он к соотечественнику Данте, влюбленнейшего из влюбленных.

- Нет персиков, синьор, - вздохнул торговец. - Будут разве только через месяц. Сейчас не сезон. Вот апельсины есть хорошие. Возьмете апельсины?

Малыш не удостоил его ответом и продолжал поиски... Он направился к своему давнишнему другу и поклоннику, Джастесу О'Кэллэхэну, содержателю предприятия, которое соединяло в себе дешевый ресторанчик, ночное кафе и кегельбан. О'Кэллэхэн оказался на месте. Он расхаживал по ресторану и

наводил порядок.

- Срочное дело, Кэл, - сказал ему Малыш. - Моей старушке взбрело на ум полакомиться персиком. Так что если у тебя есть хоть один персик, давай его скорей сюда. А если они у тебя водятся во множественном числе, давай несколько - пригодятся.

- Весь мой дом к твоим услугам, - отвечал О'Кэллэхэн. - Но только персиков ты в нем не найдешь. Сейчас не сезон. Даже на Бродвее и то, пожалуй, недостаток персиков в эту пору года. Жаль мне тебя. Ведь если у женщины на что-нибудь разгорелся аппетит, так ей подавай именно это, а не другое. Да и час поздний, все лучшие фруктовые магазины уже закрыты. Но, может быть, твоя хозяйка помирится на апельсине? Я как раз получил ящик отборных апельсинов, так что если...

- Нет, Кэл, спасибо. По условиям матча требуются персики, и замена не допускается. Пойду искать дальше.

Время близилось к полуночи, когда Малыш вышел на одну из западных авеню. Большинство магазинов уже закрылось, а в тех, которые еще были открыты, его чуть ли не на смех поднимали, как только он заговаривал о персиках.

Но где-то там, за высокими стенами, сидела новобрачная и доверчиво дожидалась заморского гостинца. Так неужели же чемпион в полусреднем весе не раздобудет ей персика? Неужели он не сумеет перешагнуть через преграды сезонов, климатов и календарей, чтобы порадовать свою любимую сочным желтым или розовым плодом?

Впереди показалась освещенная витрина, переливавшаяся всеми красками земного изобилия. Но не успел Малыш приметить ее, как свет погас. Он помчался во весь дух и настиг фруктовщика в ту минуту, когда тот запирает дверь лавки.

- Персики есть? - спросил он решительно.

- Что вы, сэр! Недели через две-три, не раньше. Сейчас вы их во всем городе не найдете. Если где-нибудь и есть несколько штук, так только тепличные, и то не берусь сказать, где именно. Разве что в одном из самых дорогих отелей, где люди не знают, куда девать деньги. А вот, если угодно, могу предложить превосходные апельсины, только сегодня парходом доставлена партия.

Дойдя до ближайшего угла, Малыш с минуту постоял в раздумье, потом решительно свернул в темный переулок и направился к дому с зелеными фонарями у крыльца.

- Что, капитан здесь? - спросил он у дежурного полицейского сержанта,

Но в это время сам капитан вынырнул из-за спины дежурного. Он был в штатском и имел вид чрезвычайно занятого человека.

- Здорово, Малыш! - приветствовал он боксера. - А я думал, вы совершаете свадебное путешествие.

- Вчера вернулся. Теперь я вполне оседлый гражданин города Нью-Йорка. Пожалуй, даже займусь муниципальной деятельностью. Скажите-ка мне, капитан, хотели бы вы сегодня ночью накрыть заведение Денвера Дика?

- Хватились! - сказал капитан, покручивая ус. - Денвера прихлопнули еще два месяца назад.

- Правильно, - согласился Малыш. - Два месяца назад Рафферти выкурил его с Сорок третьей улицы. А теперь он обосновался в вашем околотке, и игра у него идет крупней, чем когда-либо. У меня с Денвером свои счеты. Хотите, проведу вас к нему?

- В моем околотке? - зарычал капитан. - Вы в этом уверены, Малыш? Если так, сочту за большую услугу с вашей стороны. А вам что, известен пароль? Как мы попадем туда?

- Взломав дверь, - сказал Малыш. - Ее еще не успели оковать железом. Возьмите с собой человек десять. Нет, мне туда вход закрыт. Денвер пытался меня прикончить. Он думает, что это я выдал его в прошлый раз. Но, между прочим, он ошибается. Однако поторопитесь, капитан. Мне нужно пораньше вернуться домой.

И десяти минут не прошло, как капитан и двенадцать его подчиненных, следуя за своим проводником, уже входили в подъезд темного и вполне благопристойного с виду здания, где в дневное время вершили свои дела с десяток солидных фирм.

- Третий этаж, в конце коридора, - негромко сказал Малыш. - Я пойду вперед.

Двое дюжих молодцов, вооруженных топорами, встали у двери, которую он им указал.

- Там как будто все тихо, - с сомнением в голосе произнес капитан. - Вы уверены, что не ошиблись, Малыш?

- Ломайте дверь, - вместо ответа скомандовал Малыш. - Если я ошибся, я отвечаю.

Топоры с треском врезались в незащищенную дверь. Через проломы хлынул яркий свет. Дверь рухнула, и участники облавы, с револьверами наготове, ворвались в помещение.

Просторная зала была обставлена с крикливой роскошью, отвечавшей вкусам хозяина, уроженца Запада. За несколькими столами шла игра. С полсотни завсегдатаев, находившихся в зале, бросились к выходу, желая любой ценой ускользнуть из рук полиции. Заработали полицейские дубинки. Однако большинству игроков удалось уйти.

Случилось так, что в эту ночь Денвер Дик удостоил притон своим личным присутствием. Он и кинулся первым на непрошенных гостей, рассчитывая, что численный перевес позволит сразу смять участников облавы. Но с той минуты, как он увидел среди них Малыша, он уже не думал больше ни о ком и ни о чем. Большой и грузный, как настоящий тяжеловес, он с восторгом навалился на своего более хрупкого врага, и оба, сцепившись, покатались по лестнице вниз. Только на площадке второго этажа, когда они, наконец, расцепились и встали на ноги, Малыш смог пустить в ход свое профессиональное мастерство, остававшееся без применения, пока его стискивал в яростном объятии любитель сильных ощущений весом в двести фунтов, которому грозила потеря имущества стоимостью в двадцать тысяч долларов.

Уложив своего противника. Малыш бросился наверх и, пробежав через игорную залу, очутился в комнате поменьше, отделенной от залы аркой.

Здесь стоял длинный стол, уставленный ценным фарфором и серебром и ломившийся от дорогих и изысканных яств, к которым, как принято считать, питают пристрастие рыцари удачи. В убранстве стола тоже сказывался широкий размах и экзотические вкусы джентльмена, приходившегося тезкой столице одного из западных штатов.

Из-под свисающей до полу белоснежной скатерти торчал лакированный штиблет сорок пятого размера. Малыш ухватился за него и извлек на свет божий негра-официанта во фраке и белом галстуке.

- Встань! - скомандовал Малыш. - Ты состоишь при этой кормушке?

- Да, сэр, я состоял. - Неужели нас опять сцапали, сэр?

- Похоже на то. Теперь отвечай: есть у тебя тут персики? Если нет, то, значит, я получил нокаут.

- У меня было три дюжины персиков, сэр, когда началась игра, но боюсь, что джентльмены съели все до одного. Может быть, вам угодно скушать хороший, сочный апельсин, сэр?

- Переверни все вверх дном, - строго приказал Малыш, - но чтобы у меня были персики. И пошевеливайся, не то дело кончится плохо. Если еще кто-нибудь сегодня заговорит со мной об апельсинах, я из него дух вышибу.

Тщательный обыск на столе, отягощенном дорогостоящими щедротами Денвера Дика, помог обнаружить один-единственный персик, случайно пощажённый эпикурейскими челюстями любителей азарта. Он тут же был водворен в карман Малыша, и наш неутомимый фуражир пустился со своей добычей в обратный путь. Выйдя на улицу, он даже не взглянул в ту сторону, где люди капитана вталкивали своих пленников в полицейский фургон, и быстро зашагал по направлению к дому.

Легко было теперь у него на душе. Так рыцари Круглого Стола возвращались в Камелот, испытав много опасностей и совершив немало подвигов во славу своих прекрасных дам. Подобно им, Малыш получил приказание от своей дамы и сумел его выполнить. Правда, дело касалось всего только персика, но разве не подвигом было раздобыть среди ночи этот персик в городе, еще скованном февральскими снегами? Она попросила персик; она была его женой; и вот персик лежит у него в кармане, согретый ладонью, которою он придерживал его из страха, как бы не выронить и не потерять.

По дороге Малыш зашел в ночную аптеку и сказал хозяину, вопросительно уставившемуся на него сквозь очки:

- Послушайте, любезнейший, я хочу, чтобы вы проверили мои ребра, все ли они целы. У меня вышла маленькая размолвка с приятелем, и мне пришлось сосчитать ступени на одном или двух этажах.

Аптекарь внимательно осмотрел его

- Ребра все целы, - гласило вынесенное им заключение. - Но вот здесь имеется кровоподтек, судя по которому можно предположить, что вы свалились с небоскреба "Утюг", и не один раз, а по меньшей мере дважды.

- Не имеет значения, - сказал Малыш. - Я только попрошу у вас платяную щетку.

В уютном свете лампы под розовым абажуром сидела новобрачная и ждала. Нет, не перевелись еще чудеса на белом свете. Ведь вот одно лишь словечко о том, что ей чего-то хочется - пусть это будет самый пустяк: цветочек, гранат или - ах да, персик, - и ее супруг отважно пускается в ночь, в широкий мир, который не в силах против него устоять, и ее желание исполняется.

И в самом деле - вот он склонился над ее креслом и вкладывает ей в руку персик.

- Гадкий мальчик! - влюбленно проворковала она. - Разве я просила персик? Я бы гораздо охотнее съела апельсин.

Благословенна будь, новобрачная!

Пока ждет автомобиль

Перевод Н. Дехтеревой

Как только начало смеркаться, в этот тихий уголок тихого маленького парка опять пришла девушка в сером платье. Она села на скамью и открыла книгу, так как еще с полчаса можно было читать при дневном свете.

Повторяем: она была в простом сером платье - простом ровно настолько, чтобы не бросалась в глаза безупречность его покроя и стиля. Негустая вуаль спускалась с шляпки в виде тюрбана на лицо, сиявшее спокойной, строгой красотой. Девушка приходила сюда в это же самое время и вчера и позавчера, и был некто, кто знал об этом.

Молодой человек, знавший об этом, бродил неподалеку, возлагая жертвы на алтарь Случая, в надежде на милость этого великого идола. Его благочестие было вознаграждено, - девушка перевернула страницу, книга выскользнула у нее из рук и упала, отлетев от скамьи на целых два шага.

Не теряя ни секунды, молодой человек алчно ринулся к яркому томику и подал его девушке, строго придерживаясь того стиля, который укоренился в наших парках и других общественных местах и представляет собою смесь галантности с надеждой, умеряемых почтением к постовому полисмену на углу. Приятным голосом он рискнул отпустить незначительное замечание относительно погоды - обычная вступительная тема, ответственная за многие несчастья на земле, - и замер на месте, ожидая своей участи.

Девушка не спеша окинула взглядом его скромный аккуратный костюм и лицо, не отличавшееся особой выразительностью.

- Можете сесть, если хотите, - сказала она глубоким, неторопливым контральто. - Право, мне даже хочется, чтобы вы сели. Все равно уже темно: и читать трудно. Я предпочитаю поболтать.

Раб Случая с готовностью опустился на скамью.

- Известно ли вам, - начал он, изрекая формулу, которой обычно открывают митинг ораторы и парке, - что вы самая что ни на есть потрясающая девушка, какую я когда-либо видел? Я вчера не спускал с вас глаз. Или вы, деточка, даже не заметили, что кое-кто совсем одурел от ваших прелестных глазенок?

- Кто бы ни были вы, - произнесла девушка ледяным тоном, - прошу не забывать, что я - леди. Я прощаю вам слова, с которыми вы только что обратились ко мне, - заблуждение ваше, несомненно, вполне естественно для человека вашего круга. Я предложила вам сесть; если мое приглашение позволяет вам называть меня "деточкой", я беру его назад.

- Ради бога, простите, - взмолился молодой человек. Самодовольство, написанное на его лице, сменилось выражением смирения и раскаяния. - Я ошибся; понимаете, я хочу сказать, что обычно девушки в парке... вы этого, конечно, не знаете, но....

- Оставим эту тему. Я, конечно, это знаю. Лучше расскажите мне обо всех этих людях, которые проходят мимо нас, каждый своим путем. Куда идут они? Почему так спешат? Счастливы, ли они?

Молодой человек мгновенно утратил игривый вид. Он ответил ни сразу, - трудно было понять, какая собственно роль ему предназначена,

- Да, очень интересно наблюдать за ними, - промямлил он, решив, наконец, что постиг настроение своей собеседницы. - Чудесная загадка жизни... Одни идут ужинать, другие... гм... в другие места. Хотелось бы

узнать, как они живут.

- Мне - нет, - сказала девушка. - Я не настолько любознательна. Я прихожу сюда посидеть только за тем, чтобы хоть ненадолго стать ближе к великому, трепещущему сердцу человечества. Моя жизнь проходит так далеко от него, что я никогда не слышу его биения. Скажите, догадываетесь ли вы, почему я так говорю с вами, мистер...

- Паркенстэкер, - подсказал молодой человек и взглянул вопросительно и с надеждой.

- Нет, - сказала девушка, подняв тонкий пальчики слегка улыбнувшись. - Она слишком хорошо известна. Нет никакой возможности помешать газетам печатать некоторые фамилии. И даже портреты. Эта вуалетка и шляпа моей горничной делают меня "инкогнито". Если бы вы знали, как смотрит на меня шофер всякий раз, как думает, что я не замечаю его взглядов. Скажу откровенно: существует всего пять или шесть фамилий, принадлежащих к святой святых; и моя, по случайности рождения, входит в их число. Я говорю все это вам, мистер Стекенпот.

- Паркенстэкер, - скромно поправил молодой человек.

- Мистер Паркенстэкер, потому что мне хотелось хоть раз в жизни поговорить с естественным человеком - с человеком, не испорченным презренным блеском богатства и так называемым "высоким общественным положением". Ах, вы не поверите, как я устала от денег - вечно деньги, деньги! И от всех, кто окружает меня, - все пляшут, как марионетки, и все на один лад. Я просто больна от развлечений, бриллиантов, выездов, общества, от роскоши всякого рода.

- А я всегда был склонен думать, - осмелился нерешительно заметить молодой человек, - что деньги, должно быть, все-таки недурная вещь.

- Достаток в средствах, конечно, желателен. Но когда у вас столько миллионов, что... - она заключила фразу жестом отчаяния. - Однообразие, рутина, - продолжала она, - вот что нагоняет тоску. Выезды, обеды, театры, балы, ужины - и на всем позолота быющего через край богатства. Порою даже хруст льдинки в моем бокале с шампанским способен свести меня с ума.

Мистер Паркенстэкер, казалось, слушал ее с неподдельным интересом.

- Мне всегда нравилось, - проговорил он, - читать и слушать о жизни богачей и великосветского общества. Должно быть, я немножко сноб. Но я люблю обо всем иметь точные сведения. У меня составилось представление, что шампанское замораживают в бутылках, а не кладут лед прямо в бокалы.

Девушка рассмеялась мелодичным смехом, - его замечание, видно, позабавило ее от души.

- Да будет вам известно, - объяснила она снисходительным тоном, - что мы, люди праздного сословия, часто развлекаемся именно тем, что нарушаем установленные традиции. Как раз последнее время модно класть лед в шампанское. Эта причуда вошла в обычай с обеда в Уолдорфе, который давали в честь приезда татарского князя. Но скоро эта прихоть сменится другой. Неделю тому назад на званом обеде на Мэдисон-авеню возле каждого прибора была положена зеленая лайковая перчатка, которую полагалось надеть, кушая маслины.

- Да, - признался молодой человек смиренно, - все эти тонкости, все эти забавы интимных кругов высшего света остаются неизвестными широкой публике.

- Иногда, - продолжала девушка, принимая его признание в невежестве легким кивком головы, - иногда я думаю, что если б я могла полюбить, то только человека из низшего класса. Какого-нибудь труженика, а не трутня. Но

безусловно требования богатства и знатности окажутся сильнее моих склонностей. Сейчас, например, меня осаждают двое. Один из них герцог немецкого княжества. Я подозреваю, что у него есть или была жена, которую он довел до сумасшествия своей необузданностью и жестокостью. Другой претендент - английский маркиз, такой чопорный и расчетливый, что я, пожалуй, предпочту свирепость герцога. Но что побуждает меня говорить все это вам, мистер Покенстэкер?

- Паркенстэкер, - едва слышно пролепетал молодой человек. - Честное слово, вы не можете себе представить, как я ценю ваше доверие.

Девушка окинула его спокойным, безразличным взглядом, подчеркнувшим разницу их общественного положения.

- Какая у вас профессия, мистер Паркенстэкер? - спросила она.

- Очень скромная. Но я рассчитываю кое-чего добиться в жизни. Вы это серьезно сказали, что можете полюбить человека из низшего класса?

- Да, конечно. Но я сказала: "могла бы". Не забудьте про герцога и маркиза. Да, ни одна профессия не показалась бы мне слишком низкой, лишь бы сам человек мне нравился.

- Я работаю, - объявил мистер Паркенстэкер, - в одном ресторане.

Девушка слегка вздрогнула,

- Но не в качестве официанта? - спросила она почти умоляюще. - Всякий труд благороден, но... личное обслуживание, вы понимаете, лакеи и...

- Нет, я не официант. Я кассир в... - Напротив, на улице, идущей вдоль парка, сияли электрические буквы вывески "Ресторан". - Я служу кассиром вон в том ресторане.

Девушка взглянула на крохотные часики на браслетке тонкой работы и поспешно встала. Она сунула книгу в изящную сумочку, висевшую у пояса, в которой книга едва помещалась.

- Почему вы не на работе? - спросила девушка.

- Я сегодня в ночной смене, - сказал молодой человек. - В моем распоряжении еще целый час. Но ведь это не последняя наша встреча? Могу я надеяться?..

- Не знаю. Возможно. А впрочем, может, мой каприз больше не повторится. Я должна спешить. Меня ждет званый обед, а потом ложа в театре - опять, увы, все тот же неразрывный круг. Вы, вероятно, когда шли сюда, заметили автомобиль на углу возле парка? Весь белый.

- И с красными колесами? - спросил молодой человек, задумчиво сдвинув брови.

- Да. Я всегда приезжаю сюда в этом авто. Пьер ждет меня у входа. Он уверен, что я провожу время в магазине на площади, по ту сторону парка. Представляете вы себе пути жизни, в которой мы вынуждены обманывать даже собственных шоферов? До свиданья.

- Но уже совсем стемнело, - сказал мистер Паркенстэкер, - а в парке столько всяких грубиянов. Разрешите мне проводить...

- Если вы хоть сколько-нибудь считаетесь с моими желаниями, - решительно ответила девушка, - вы останетесь на этой скамье еще десять минут после того, как я уйду. Я вовсе не ставлю вам это в вину, но вы, по всей вероятности, осведомлены о том, что обычно на автомобилях стоят монограммы их владельцев. Еще раз до свиданья.

Быстро и с достоинством удалилась она в темноту аллеи. Молодой человек глядел вслед ее стройной фигуре, пока она не вышла из парка, направляясь к углу, где стоял автомобиль. Затем, не колеблясь, он стал предательски

красться следом за ней, прячась за деревьями и кустами, все время идя параллельно пути, по которому шла девушка, ни на секунду не теряя ее из виду.

Дойдя до угла, девушка повернула голову в сторону белого автомобиля, мельком взглянула на него, прошла мимо и стала переходить улицу. Под прикрытием стоявшего возле парка кэба молодой человек следил взглядом за каждым ее движением. Ступив на противоположный тротуару девушка толкнула дверь ресторана с сияющей вывеской. Ресторан был из числа тех, где все сверкает, все выкрашено в белую краску, всюду стекло и где можно пообедать дешево и шикарно. Девушка прошла через весь ресторан, скрылась куда-то в глубине его и тут же вынырнула вновь, но уже без шляпы и вуалетки.

Сразу за входной стеклянной дверью находилась касса. Рыжеволосая девушка, сидевшая за ней, решительно взглянула на часы и стала слезать с табурета. Девушка в сером платье заняла ее место.

Молодой человек сунул руки в карманы и медленно пошел назад. На углу он споткнулся о маленький томик в бумажной обертке, валявшийся на земле. По яркой обложке он узнал книгу, которую читала девушка. Он небрежно поднял ее и прочел заголовок. "Новые сказки Шехерезады"; имя автора было Стивенсон. Молодой человек уронил книгу в траву и с минуту стоял в нерешительности. Потом открыл дверцу белого автомобиля, сел, откинувшись на подушки, и сказал шоферу три слова:

- В клуб, Анри.

Погребок и роза

Перевод Н. Дехтеревой

Мисс Поззи Кэрингтон заслуженно пользовалась славой. Жизнь ее началась под малообещающей фамилией Боге, в деревушке Кранбери Корнерс. В восемнадцать лет она приобрела фамилию Кэрингтон и положение хористки в столичном театре фарса. После этого она легко одолела положенные ступени от "фигурантки", участницы знаменитого октета "Пташка" в нашумевшей музыкальной комедии "Вздор и ввали", к сольному номеру в танце букашек в "Фоль де Роль" и, наконец, к роли Тойнет в оперетке "Купальный халат короля" - роли, завоевавшей расположение критиков и создавшей ей успех. К моменту нашего рассказа мисс Кэрингтон купалась в славе, лести и шампанском, и дальновидный герр Тимоти Гольдштейн, антрепренер, заручился ее подписью на солидном документе, гласившем, что мисс Поззи согласна блистать весь наступающий сезон в новой пьесе Дайд Рича "При свете газа".

Незамедлительно к герру Тимоти явился молодой талантливый сын века, актер на характерные роли, мистер Хайсмис, рассчитывавший получить ангажемент на роль Соля Хэйтосера, главного мужского комического персонажа в пьесе "При свете газа".

- Милый мой, - сказал ему Гольдштейн, - берите роль, если только вам удастся ее получить. Мисс Кэрингтон меня все равно не послушает. Она уже

отвергла с полдюжины лучших актеров на амплуа "деревенских простаков". И говорит, что ноги ее не будет на сцене, пока не раздобудут настоящего Хэйтосера, Она, видите ли, выросла в провинции, и когда этакое оранжерейное растеньице с Бродвея, понатыкав в волосы соломинок, пытается изображать полевую травку, мисс Позе просто из себя выходит. Я спросил ее, шутки ради, не подойдет ли для этой роли Ленман Томпсон. "Нет, - заявила она. - Не желаю ни его, ни Джона Дрю, ни Джима Корбета, - никого из этих щеголей, которые путают турнепс с турникетом. Мне чтобы было без подделок". Так вот, мой милый, хотите играть Соля Хэйтосера - сумеете убедить мисс Кэрингтон. Желаю удачи.

На следующий день Хайсмис уже ехал поездом в Кранбери Корнерс, Он пробыл в этом глухом и скучном местечке три дня. Он разыскал Богсов и вызубрил назубок всю историю их рода до третьего и четвертого поколений включительно. Он тщательно изучил события и местный колорит Кранбери Корнерс. Деревня не поспевала за мисс Кэрингтон. На взгляд Хайсмиса, там, со времени отбытия единственной жрицы Терпсихоры, произошло так же мало существенных перемен, как бывает на сцене, когда предполагается, что "с тех пор прошло четыре года". Приняв, подобно хамелеону, окраску Кранбери Корнерс, Хайсмис вернулся в город хамелеоновских превращений.

Все произошло в маленьком погребке, - именно здесь пришлось Хайсмису блеснуть своим актерским искусством. Нет необходимости уточнять место действия: существует только один погребок, где вы можете рассчитывать встретить мисс Позе Кэрингтон по окончании спектакля "Купальный халат короля".

За одним из столиков сидела небольшая оживленная компания, к которой тянулись взгляды всех присутствующих. Миниатюрная, пикантная, задорная, очаровательная, упоенная славой, мисс Кэрингтон по праву должна быть названа первой. За ней герр Гольдштейн громкоголосый, курчавый, неуклюжий, чуточку встревоженный, как медведь, каким-то чудом поймавший в лапы бабочку. Следующий - некий служитель прессы, грустный, вечно настороженный, расценивающий каждую обращенную к нему фразу как возможный материал для корреспонденции и поглощающий свои омары а ля Ньюбург в величественном молчании. И, наконец, молодой человек с пробором и с именем, которое сверкало золотом на оборотной стороне ресторанных счетов. Они сидели за столиком, а музыканты играли, лакеи сновали взад и вперед, выполняя свои сложные обязанности, неизменно обернувшись спиной ко всем нуждающимся в их услугах, и все это было очень мило и весело, потому что происходило на девять футов ниже тротуара.

В одиннадцать сорок пять в погребок вошло некое существо. Первая скрипка вместо ля взяла ля бемоль; кларнет пустил петуха в середине фиоритуры; мисс Кэрингтон фыркнула, а юноша с пробором проглотил косточку от маслины.

Вид у вновь вошедшего был восхитительно и безупречно деревенский. Тощий, нескладный, неповоротливый парень с льняными волосами, с разинутым ртом, неуклюжий, одуревший от обилия света и публики. На нем был костюм цвета орехового масла и ярко-голубой галстук, из рукавов на четыре дюйма торчали костлявые руки, а из-под брюк на такую же длину высывались лодыжки в белых носках. Он опрокинул стул, уселся на другой, закрутил винтом ногу вокруг ножки столика и заискивающе улыбнулся подошедшему к нему лакею.

- Мне бы стаканчик имбирного пива, - сказал он в ответ на вежливый вопрос официанта.

Взоры всего погребка устремились на пришельца. Он был свеж, как молодой редис, и незатейлив, как грабли. Вытаращив глаза, он сразу же принялся блуждать взглядом по сторонам, словно высматривая, не забрели ли свиньи на грядки с картофелем. Наконец, его взгляд остановился на мисс Кэрингтон. Он встал и пошел к ее столику с широкой сияющей улыбкой, краснея от приятного смущения.

- Как поживаете, мисс Поззи? - спросил он с акцентом, не оставляющим сомнения в его происхождении. - Или вы не узнаете меня? Я ведь Билл Самерс, - помните Самерсов, которые жили как раз за кузницей? Ну ясно, я малость подрос с тех пор, как вы уехали из Кранбери Корнерс. А знаете, Лиза Перри так и полагала, что я, очень даже возможно, могу встретиться с вами в городе. Лиза ведь, знаете, вышла замуж за Бэна Станфилда, и у она говорит...

- Да что вы? - перебила его мисс Поззи с живостью. - Чтобы Лиза Перри вышла замуж? С ее-то веснушками?!

- Вышла замуж в июне, - ухмыльнулся сплетник. - Теперь она переехала в старый Татам-Плейс А Хэм Райли, тот стал святошей. Старая мисс Близерс продала свой домишко капитану Спунеру; у Уотерсов младшая дочка сбежала с учителем музыки; в марте сгорело здание суда, вашего дядюшку Уайли выбрали констеблем; Матильда Хоскинс загнала себе иглу в руку и умерла. А Том Бидл приударяет за Салли Лазроп, - говорят, ни одного вечера не пропускает, все торчит у них на крылечке.

- За этой лупоглазой? - воскликнула мисс Кэрингтон несколько резко. - Но ведь Том Бидл когда-то... Простите, друзья, я сейчас. Знакомьтесь. Это мой старый приятель, мистер как вас? Да, мистер Самерс Мистер Гольдштейн, мистер Рикетс, мистер о, а как же ваша фамилия? Ну, все равно: Джонни. А теперь пойдемте вон туда, расскажите мне еще что-нибудь.

Она повлекла его за собой к пустому столику, стоявшему в углу Герр Гольдштейн пожал жирными плечами и подозвал официанта Репортер слегка оживился и заказал абсент Юноша с пробором погрузился в меланхолию. Посетители погребка смеялись, звенели стаканами и наслаждались спектаклем, который Поззи давала им сверх своей обычной программы. Некоторые скептики перешептывались насчет "рекламы" и улыбались с понимающим видом.

Поззи Кэрингтон оперлась на руки своим очаровательным подбородком с ямочкой и забыла про публику - способность, принесшая ей лавры.

- Я что-то не припоминаю никакого Билла Самерса, - сказала она задумчиво, глядя прямо в невинные голубые глаза сельского жителя. - Но вообще-то Самерсов я помню У нас там, наверное, не много произошло перемен. Вы моих давно видали?

И тут Хайсмис пустил в ход свой козырь. Роль Соля Хэйтосера требовала не только комизма, но и пафоса. Пусть мисс Кэрингтон убедится, что и с этим он справляется не хуже.

- Мисс Поззи, - начал "Билл Самерс" - Я заходил в ваш родительский дом всего дня три тому назад. Да, правду сказать, особо больших перемен там нет. Вот сиреневый куст под окном кухни вырос на целый фут, а вяз во дворе засох, пришлось его срубить. И все-таки все словно бы не то, что было раньше.

- Как мама? - спросила мисс Кэрингтон.

- Когда я в последний раз видел ее, она сидела на крылечке, вязала дорожку на стол, - сказал "Билл". - Она постарела, мисс Поззи. Но в доме все по-прежнему. Ваша матушка предложила мне присесть. "Только, Уильям, не троньте ту плетеную качалку, - сказала она. - Ее не касались с тех пор, как уехала Поззи. И этот фартук, который она начала подрубать, - он тоже так вот

и лежит с того дня, как она сама бросила его на ручку качалки. Я все надеюсь, - говорит она, - что когда-нибудь Поззи еще дошьет этот рубец".

Мисс Кэрингтон властным жестом подозвала лакея.

- Шампанского - пинту, сухого, - приказала она коротко. - Счет Гольдштейну.

- Солнце светило прямо на крыльцо, - продолжал кранберийский летописец, - и ваша матушка сидела как раз против света. Я, значит, и говорю, что, может, ей лучше пересесть немножко в сторону. "Нет, Уильям, - говорит она, - стоит мне только сесть вот так да начать посматривать на дорогу, и я уж не могу сдвинуться с места. Всякий день, как только выберется свободная минутка, я гляжу через изгородь, высматриваю, не идет ли моя Поззи. Она ушла от нас ночью, а наутро мы видели в пыли на дороге следы ее маленьких башмачков. И до сих пор я все думаю, что когда-нибудь она вернется назад по этой же самой дороге, когда устанет от шумной жизни и вспомнит о своей старой матери".

- Когда я уходил, - закончил "Билл", - я сорвал вот это с куста перед вашим домом. Мне подумалось, может я и впрямь увижу вас в городе, ну, и вам приятно будет получить что-нибудь из родного дома.

Он вытащил из кармана пиджака розу - блекнущую, желтую, бархатистую розу, поникшую головкой в душной атмосфере этого вульгарного погребка, как девственница на римской арене перед горячим дыханием львов.

Громкий, но мелодичный смех мисс Поззи заглушил звуки оркестра, исполнявшего "Колокольчики".

- Ах, бог ты мой, - воскликнула она весело. - Ну есть ли что на свете скучнее нашего Кранбери? Право, теперь бы, кажется, я не могла бы пробыть там и двух часов - просто умерла бы со скуки. Ну да я очень рада, мистер Самерс, что повидалась с вами: А теперь, пожалуй, мне пора отправляться домой да хорошенько выспаться.

Она приколотла желтую розу к своему чудесному элегантному шелковому платью, встала и повелительно кивнула в сторону герра Гольдштейна.

Все трое ее спутников и "Билл Самерс" проводили мисс Поззи к поджидавшему ее кэбу. Когда все ее оборки и ленты были благополучно размещены, мисс Кэрингтон на прощанье одарила всех ослепительным блеском, зубок и глаз.

- Зайдите навестить меня, Билл, прежде чем поедете домой, - крикнула она, и блестящий экипаж тронулся.

Хайсмис, как был, в своем маскарадном костюме, отправился с герром Гольдштейном в маленькое кафе.

- Ну, каково, а? - спросил актер, улыбаясь. - Придется ей дать мне Соля Хэйтосера, как по-вашему? Прелестная мисс ни на секунду не усомнилась.

- Я не слышал, о чем вы там разговаривали, - сказал Гольдштейн, - но костюм ваш и манеры - окэй. Пью за ваш успех. Советую завтра же, с утра, заглянуть к мисс Кэрингтон и атаковать ее насчет роли. Не может быть, чтобы она осталась равнодушна к вашим способностям.

В одиннадцать сорок пять утра на следующий день Хайсмис, элегантный, одетый по последней моде, с уверенным видом, с цветком фуксии в петлице, явился к мисс Кэрингтон в ее роскошные апартаменты в отеле.

К нему вышла горничная актрисы, француженка.

- Мне очень жаль, - сказала мадемуазель Гортенз, - но мне поручено передать это всем. Ах, как жаль! Мисс Кэрингтон разорвала все контракт с театром и уехала жить в этот, как это? Да, в Кранбери Корнэр.

Святыня

Перевод М. Богословской

Мисс Линетт д'Арманд повернулась спиной к Бродвею. Это было то, что называется мера за меру, поскольку Бродвей частенько поступал так же с мисс д'Арманд. Но Бродвей от этого не оставался в убытке, потому что бывшая звезда труппы "Пожинающий бурю" не могла обойтись без Бродвея, тогда как он без нее отлично мог обойтись.

Итак, мисс Линетт д'Арманд повернула свой стул спинкой к окну, выходившему на Бродвей, и уселась заштопать, пока не поздно, фильдекосовую пятку черного шелкового чулка. Шум и блеск Бродвея, грохочущего под окном, мало привлекал ее. Ей больше всего хотелось бы сейчас вдохнуть полной грудью спертый воздух артистической уборной на этой волшебной улице и насладиться восторженным гулом зрительного зала, где собралась капризнейшая публика. Но пока что не мешало заняться чулками. Шелковые чулки так быстро изнашиваются, но - в конце концов - это же самое главное, то, без чего нельзя обойтись.

Гостиница "Талия" глядит на Бродвей, как Марафон на море. Словно мрачный утес возвышается она над пучиной, где сталкиваются потоки двух мощных артерий города. Сюда, закончив свои скитания, собираются труппы актеров снять котурны и отряхнуть пыль с сандалий. Кругом, на прилегающих улицах, на каждом шагу театральные конторы, театры, студии и артистические кабачки, где кормят омарами и куда в конце концов приводят все эти тернистые пути.

Когда вы попадаете в запутанные коридоры сумрачной, обветшалой "Талии", вам кажется, словно вы очутились в каком-то громадном ковчеге или шатре, который вот-вот снимется с места, отплывет, улетит или укатится на колесах. Все здесь словно пронизано чувством какого-то беспокойства, ожидания, мимолетности и даже томления и предчувствия. Коридоры представляют собой настоящий лабиринт. Без провожатого вы обречены блуждать в них, как потерянная душа в головоломке Сэма Ллойда.

За каждым углом вы рискуете уткнуться в артистическую уборную, отгороженную занавеской, или просто в тупик. Вам встречаются всклокоченные трагики в купальных халатах, тщетно разыскивающие ваннные комнаты, которые то ли действуют, то ли нет. Из сотен помещений доносится гул голосов, отрывки старых и новых арий и дружные взрывы смеха веселой актерской братии.

Лето уже наступило; сезонные труппы распущены, актеры отдыхают в своем излюбленном караван-сарае и усердно изо дня в день осаждают антрепренеров, добиваясь ангажементов на следующий сезон.

В этот предвечерний час очередной день обивания порогов театральных контор закончен. Мимо вас, когда вы растерянно плутаете по обомшелым

лабиринтам, проносятся громозвучные видения гурий, со сверкающими из-под вуалетки очами, с шелковым шелестом развевающихся одежд, оставляющие за собой в унылых коридорах аромат веселья и легкий запах жасмина. Угрюмые молодые комедианты с подвижными адамовыми яблоками, столпившись в дверях, разговаривают о знаменитом Бутсе. Откуда-то издали долетает запах свинины и маринованной капусты и грохот посуды дешевого табльдота.

Невнятный, однообразный шум в жизни "Талии" прерывается время от времени, с предусмотрительно выдержанными, целительными паузами - легким хлопаньем пробок, вылетающих из пивных бутылок. При такой пунктуации жизнь в радушной гостинице течет плавно; излюбленный знак препинания здесь запятая, точка с запятой нежелательны, а точки вообще исключаются.

Комнатка мисс д'Арманд была очень невелика. Качалка умещалась в ней только между туалетным столиком и умывальником, да и то, если поставить ее боком. На столике были разложены обычные туалетные принадлежности и плюс к этому разные сувениры, собранные бывшей звездой в театральных турне, а кроме того, стояли фотографии ее лучших друзей и подруг, товарищей по ремеслу.

На одну из этих фотографий она не раз взглянула, штопая чулок, и нежно улыбнулась.

- Хотела бы я знать, где сейчас Ли, - сказала она задумчиво.

Если бы вам посчастливилось увидеть эту фотографию, удостоенную столь лестного внимания, вам бы с первого взгляда показалось, что это какой-то белый, пушистый, многолепестковый цветок, подхваченный вихрем. Но растительное царство не имело ни малейшего отношения к этому стремительному полету махровой белизны.

Вы видели перед собой прозрачную, коротенькую юбочку мисс Розали Рэй в тот момент, когда Розали, перевернувшись в воздухе, высоко над головами зрителей, летела головой вниз на своих обвитых глицинией качелях. Вы видели жалкую попытку фотографического аппарата запечатлеть грациозное, упругое движение ее ножки, с которой она в этот захватывающий момент сбрасывала желтую шелковую подвязку и та, взвившись высоко вверх, летела через весь зал и падала на восхищенных зрителей.

Вы видели возбужденную толпу, состоящую главным образом из представителей сильного пола, рьяных почитателей водевиля, и сотни рук, вскинутых вверх в надежде остановить полет блестящего воздушного дара.

В течение двух лет, сорок недель подряд, этот номер приносил мисс Розали Рэй полный сбор и неизменный успех в каждом турне. Ее выступление длилось двенадцать минут - песенка, танец, имитация двух-трех актеров, которые искусно имитируют сами себя, и эквилибристическая шутка с лестницей и метелкой; но когда сверху на авансцену спускались увитые цветами качели и мисс Розали, улыбаясь, вскакивала на сиденье и золотой ободок ярко выступал на ее ножке, откуда он вот-вот должен был слететь и превратиться в парящий в воздухе желанный приз, тогда вся публика в зале срывалась с мест как один человек и дружные аплодисменты, приветствовавшие этот изумительный полет, прочно обеспечивали мисс Рэй репутацию любимицы публики.

В конце второго года мисс Рэй неожиданно заявила своей близкой подруге мисс д'Арманд, что она уезжает на лето в какую-то первобытную деревушку на северном берегу Лонг-Айленда и что она больше не вернется на сцену.

Спустя семнадцать минут после того, как мисс Линетт д'Арманд изъявила желание узнать, где обретается ее милая подружка, в дверь громко постучали. Можете не сомневаться, это была Розали Рэй. После того как мисс д'Арманд громко крикнула "войдите", она ворвалась в комнату, возбужденная и вместе с

тем обессиленная, и бросила на пол тяжелый саквояж. Да, в самом деле, это была Розали, в широком дорожном плаще, явно носившем следы путешествия, и при этом не в автомобиле, - в плотно повязанной коричневой вуали с разлетающимися концами в полтора фута длиной, в сером костюме, коричневых ботинках и сиреневых гетрах.

Когда она откинула вуаль и сняла шляпу, появилось очень недурненькое личико, которое в эту минуту пылало от какого-то необычного волнения, и большие глаза, полные тревоги, затуманенные какой-то тайной обидой. Из тяжелой копны темно- каштановых волос, заколотых кое-как, наспех, выбивались волнистые пряди, а короткие непослушные завитки, выскользнувшие из-под гребенок и шпилек, торчали во все стороны.

Встреча двух подруг не сопровождалась никакими вокальными, гимнастическими, осязательными и вопросительно-восклицательными излияниями, которыми отличаются приветствия их светских сестер, не имеющих профессии. Обменявшись коротким рукопожатием и бегло чмокнув друг друга в губы, они сразу почувствовали себя так, как если бы они виделись только вчера. Приветствия бродячих актеров, чьи пути то скрещиваются, то снова расходятся, похожи на краткие приветствия солдат или путешественников, столкнувшихся в чужой стороне, в дикой, безлюдной местности.

- Я получила большой номер двумя этажами выше тебя, - сказала Розали, - но я еще там не была, а пришла прямо к тебе. Я и понятия не имела, что ты здесь, пока мне не сказали.

- Я здесь уже с конца апреля, - сказала Линетт, - и отправляюсь в турне с "Роковым наследством". Мы открываем сезон на будущей неделе в Элизабет. А ведь я думала ты бросила сцену, Ли. Ну, расскажи же мне о себе,

Розали ловко устроилась на крышке высокого дорожного сундука мисс д'Арманд и прислонилась головой к оклеенной обоями стене. Благодаря давнишней привычке эти вечно блуждающие театральные звезды чувствуют себя в любом положении так же удобно, как в самом глубоком, покойном кресле.

- Сейчас я тебе все расскажу, Линн, - отвечала она с каким-то необыкновенно язвительным и вместе с тем бесшабашным выражением на своем юном личике, - а с завтрашнего дня я снова пойду обивать пороги на Бродвее да просиживать стулья в приемных антрепренеров. Если бы кто-нибудь за эти три месяца и даже еще сегодня до четырех часов дня сказал мне, что я снова буду выслушивать эту неизменную фразу:

"Оставьте-вашу-фамилию-и-адрес", - я бы расхохоталась в лицо этому человеку не хуже мисс Фиск в финальной сцене. Дай-ка мне носовой платок, Линн. Вот ужас эти лонг-айлендские поезда! У меня все лицо в копоты, вполне можно было бы играть Топси, не нужно никакой жженой пробки. Да, кстати о пробках, нет ли у тебя чего-нибудь выпить, Линн?

Мисс д'Арманд открыла шкафчик умывальника.

- Вот здесь, кажется, с пинту манхэттенской осталось. Там в стакане гвоздика, но ее...

- Давай бутылку, стакан оставь для гостей. Вот спасибо, как раз то, чего мне не доставало. За твое здоровье... Это мой первый глоток за три месяца!.. Да, Линн, я бросила сцену в конце прошлого сезона, бросила потому, что устала от этой жизни, а главное потому, что мне до смерти опротивели мужчины, те мужчины, с которыми приходится сталкиваться нам, актрисам. Ты сама знаешь, что это за жизнь, - борешься за каждый шаг, отбиваешься ото всех, начиная с антрепренера, который желает тебя покатасть в своем новом автомобиле, и кончая расклейщиком афиш, который считает себя вправе называть

тебя запросто, по имени. А хуже всего это мужчины, с которыми приходится встречаться после спектакля! Все эти театралы, завсегдатаи, которые толкуются у нас за кулисами, приятели директора, которые тащат нас ужинать, показывают свои брильянты, предлагают поговорить насчет нас с "Дэном, Дэвом и Чарли", ах, как я ненавижу этих скотов! Нет, правда, Линн, когда такие девушки, как мы, попадают на сцену, их можно только жалеть. Подумай, девушка из хорошей семьи, она старается, трудится, надеется чего-то достигнуть своим искусством - и никогда ничего не достигает. У нас принято сочувствовать хористкам - бедняжки, они получают пятнадцать долларов в неделю! Чепуха, какие огорчения у хористок! Любую из нас можно утешить омаром.

Уж если над кем проливать слезы, так это над судьбой актрисы, которой платят от тридцати до сорока пяти долларов в неделю за то, что она исполняет главную роль в каком-нибудь дурацком обозрении. Она знает, что большего она не добьется, и так она тянет годами, надеется на какой-то "случай", и надежда эта никогда не сбывается.

А эти бездарные пьесы, в которых нам приходится играть! Когда тебя волокут по всей сцене за ноги, как в "Хоре тачек", так эта музыкальная комедия кажется роскошной драмой по сравнению с теми идиотскими вещами, которые мне приходилось проделывать в наших тридцатицентовых номерах.

Но самое отвратительное во всем этом - мужчины, мужчины, которые пялят на тебя глаза, пристают с разговорами, стараются купить тебя пивом или шампанским, в зависимости от того, во сколько они тебя расценивают. А мужчины в зрительном зале, которые режут, хлопают, топают, рычат, толпятся в проходах, пожирают тебя глазами и, кажется, вот-вот проглотят, - настоящее стадо диких зверей, готовых разорвать тебя на части, только попадись им в лапы. Ах, как я ненавижу их всех! Но ты ждешь, чтоб я тебе рассказала о себе.

Так вот. У меня было накоплено двести долларов, и, как только наступило лето, я бросила сцену. Я поехала на Лонг-Айленд и нашла там прелестнейшее местечко, маленькую деревушку Саундпорт на самом берегу залива. Я решила провести там лето, заняться дикцией, а осенью попытаться найти учеников. Мне показали коттедж на берегу, где жила старушка вдова, которая иногда сдавала одну-две комнаты, чтобы кто-нибудь в доме был. Она пустила меня к себе. У нее был еще один жилец, преподобный Артур Лайл.

Да, в нем-то все и дело. Ты угадала, Линн. Я тебе сейчас все выложу в одну минуту. Это одноактная пьеса.

В первый же раз, когда он прошел мимо меня, я вся так и замерла. Он покорила меня с первого же слова. Он был совсем непохож на тех мужчин, которых мы видим в зрительном зале. Такой высокий, стройный, и, знаешь, я никогда не слышала, когда он входил в комнату, я просто чувствовала его. А лицом он точь-в-точь рыцарь с картины - ну вот эти рыцари Круглого Стола, а голос у него - настоящая виолончель! А какие манеры!

Помнишь Джона Дрю в лучшей его сцене в гостинице? Так вот, если сравнить их обоих, Джона следовало бы просто отправить в полицию за нарушение приличий.

Ну, я тебя избавлю от всяких подробностей; словом, не прошлой месяца, как мы с Артуром были помолвлены. Он был проповедником в маленькой методистской церквушке, просто такая часовенка, вроде будки. После свадьбы мы с ним должны были поселиться в маленьком пасторском домике, величиной с закусочный фургон, и у нас были бы свои куры и садик, весь заросший жимолостью. Артур очень любил проповедовать мне о небесах, но мои мысли

невольно устремлялись к этой жимолости и курам, и он ничего не мог с этим поделать.

Нет, я, конечно, не говорила ему, что была на сцене, я ненавидела это ремесло и все, что с ним было связано. Я навсегда покончила с театром и не видела никакого смысла ворошить старое. Я была честная, порядочная девушка, и мне не в чем было каяться, разве только в том, что я занималась дикцией. Вот и все, что у меня было на совести.

Ах, Линн, ты представить себе не можешь, как я была счастлива! Я пела в церковном хоре, посещала собрания рукодельного общества, декламировала "Анни Лори", знаешь, эти стихи со свистом. В местной газетке писали, что я декламирую "с чуть ли не артистическим мастерством". Мы с Артуром катались на лодке, бродили по лесам, собирали ракушки, и эта бедная, маленькая деревушка казалась мне самым чудесным уголком в мире. Я с радостью осталась бы там на всю жизнь, если бы...

Но вот как-то раз утром, когда я помогала старухе миссис Герли чистить бобы на заднем крыльце, она разболталась и, как это обычно водится среди хозяек, которые держат жильцов, начала выкладывать мне разные сплетни. Мистер Лайл в ее представлении, да, признаться, и в моем также, был настоящий святой, сошедший на землю. Она без конца расписывала мне все его добродетели и совершенства и рассказала мне по секрету, что у Артура не так давно была какая-то чрезвычайно романтическая любовная история, окончившаяся несчастливо. Она, по-видимому, не была посвящена в подробности, но видела, что он очень страдал. "Бедняжка так побледнел, осунулся, - рассказывала она. - И он до сих пор хранит память об этой леди; в одном из ящиков его письменного стола, который он всегда запирает на ключ, есть маленькая шкатулка из розового дерева и в ней какой-то сувенир, который он бережет, как святыню. Я несколько раз видела, как он сидит вечером и грустит над этой шкатулкой, но стоит только кому-нибудь войти в комнату, он сейчас же прячет ее в стол".

Ну, ты, конечно, можешь себе представить, что я не стала долго раздумывать, а при первом же удобном случае вызвала Артура на объяснение и прижала его к стене.

В этот же самый день мы катались с ним на лодке по заливу, среди водяных лилий.

- Артур, - говорю я, - вы никогда не рассказывали мне, что у вас до меня было какое-то увлечение, но мне рассказала миссис Герли. - Я нарочно выложила ему все сразу, чтобы он знал, что мне все известно. Терпеть не могу, когда мужчина лжет.

- Прежде, чем появились вы, - отвечал он, честно глядя мне в глаза, - у меня было одно увлечение, очень сильное. Я не буду от вас ничего скрывать, если уж бы об этом узнали.

- Я слушаю, - сказала я.

- Дорогая Ида, - продолжал Артур (ты, конечно, понимаешь, я жила в Саундпорте под своим настоящим именем), - сказать вам по правде, это мое прежнее мое увлечение было исключительно духовного свойства. Хотя эта леди и пробудила во мне глубокое чувство и я считал ее идеалом женщины, я никогда не встречался с ней, никогда не говорил с ней. Это была идеальная любовь. Моя любовь к вам, хоть и не менее идеальная, нечто совсем другое. Неужели это может оттолкнуть вас от меня?

- Она была красивая? - спрашиваю я.

- Она была прекрасна.

- Вы часто ее видели?
- Может быть, раз двенадцать,
- И всегда на расстоянии?
- Всегда на значительном расстоянии.
- И вы любили ее?
- Она казалась мне идеалом красоты, грации и души.
- А этот сувенир, который вы храните как святыню и потихоньку вздыхаете над ним, это что, память о ней?
- Дар, который я сохранил.
- Она вам его прислала?
- Он попал ко мне от нее.
- Но не из ее рук?
- Не совсем из ее рук, но, вообще говоря, прямо ко мне в руки
- Но почему же вы никогда не встречались? Или между вами была слишком большая разница в положении?
- Она вращалась на недоступной для меня высоте, - грустно сказал Артур.
- Но, послушайте, Ида, все это уже в прошлом, неужели вы способны ревновать к прошлому?

- Ревновать? - воскликнула я. - Как это вам могло прийти в голову?
Никогда я еще так высоко не ставила вас, как теперь, когда я все это узнала.

И так оно и было, Линн, если ты только можешь это понять. Такая идеальная любовь-это была что-то совершенно новое для меня. Я была потрясена... Мне казалось, ничто в мире не может сравниться с этим прекрасным, высоким чувством Ты подумай: человек любит женщину, с которой он никогда не сказал ни слова. Он создал ее образ в своем воображении и свято хранит его в своем сердце. Ах, до чего же это замечательно! Мужчины, с которыми мне приходилось встречаться, пытались купить нас брильянтами, или подпоить нас, или соблазнить прибавкой жалованья, а их идеалы! Ну, что говорить!

Да, после того, что я узнала, Артур еще больше возвысился в моих глазах. Я не могла ревновать его к этому недостижимому божеству, которому он когда-то поклонялся, - ведь он скоро должен был стать моим. Нет, я тоже, как старушка Герли, стала считать его святым, сошедшим на землю.

Сегодня, часов около четырех, за Артуром пришли из деревни: заболел кто-то из его прихожан. Старушка Герли завалилась спать после обеда и похрапывала на диване, так что я была предоставлена самой себе.

Проходя мимо кабинета Артура, я заглянула в дверь, и мне бросилась в глаза связка ключей, торчавшая в ящике его письменного стола: он, по видимому, забыл их. Ну, я думаю, что все мы немножко сродни жене Синей Бороды, ведь правда, Линн? Мне захотелось взглянуть на этот сувенир, который он так тщательно прятал. Не то чтобы я придавала этому какое-то значение, а так просто, из любопытства.

Выдвигая ящик, я невольно пыталась представить себе, что бы это могло быть. Я думала, может быть это засушенная роза, которую она бросила ему с балкона, а может быть, портрет этой леди, вырезанный им из какого-нибудь светского журнала, - ведь она вращалась в самом высшем обществе.

Открыв ящик, я сразу увидела шкатулку из розового дерева, величиной с коробку для мужских воротничков. Я выбрала в связке ключей самый маленький. Он как раз подошел - замок щелкнул, крышка откинулась.

Едва только я взглянула на эту святыню, я тут же бросилась к себе в комнату и стала укладываться. Запихала платья в чемодан, сунула всякую

мелочь в саквояж, кое-как наспех пригладила волосы, надела шляпу, а потом вошла в комнату к старухе и дернула ее за ногу. Все время, пока я там жила, я ужасно старалась из-за Артура выражаться как можно более прилично и благопристойно, и это уже вошло у меня в привычку. Но тут с меня сразу все соскочило.

- Хватит вам разводить рулады, - сказала я, - сядьте и слушайте, да не пяльтесь на меня, как на привидение. Я сейчас уезжаю, вот вам мой долг, восемь долларов; за чемоданом я пришлю. - Я протянула ей деньги.

- Господи боже, мисс Кросби! - закричала старуха. - Да что же это такое случилось? А я то думала, что вам здесь так нравится. Вот поди-ка раскуси нынешних молодых женщин. Поначалу кажется одно, а оказывается совсем другое.

- Что правда, то правда, - говорю я, - кое-кто из них оказывается не тем, чем кажется, но вот о мужчинах этого никак нельзя сказать. Достаточно знать одного, и они все у вас как на ладони. Вот вам и вся загадка человеческого рода.

Ну, а потом мне посчастливилось попасть на поезд четыре тридцать восемь, который коптел безостановочно, и вот, как видишь, я здесь.

- Но ты же мне не сказала, что было в этой шкатулке, Ли? - нетерпеливо воскликнула мисс д'Арманд.

- Одна из моих желтых шелковых подвязок, которые я швыряла с ноги в зрительный зал во время моего номера на качелях. А что, там больше ничего не осталось в бутылке, Линн?

Дороги судьбы

Перевод М. Урнова

Передо мной лежат дороги,
Куда пойду?
Верное сердце, любовь как звезда, -
Они мне помогут везде и всегда
В бою обрести и как песню сложить
Мою судьбу
Из неопубликованных стихотворений
Давида Миньо.

Песня смолкла. Слова были Давида, мелодия - народная. Завсегдатаи кабачка дружно аплодировали, так как молодой поэт платил за вино. Только нотариус, господин Папино, прослушав стихи, покачал слегка головой, - он был человек образованный и пил за свой счет.

Давид вышел на улицу, и ночной деревенский воздух освежил его голову, затуманенную винными парами. Тогда он вспомнил утреннюю ссору с Ивонной и свое решение покинуть ночью родной дом и отправиться в большой мир искать признания и славы.

"Когда мои стихи будут у всех на устах, - взволнованно говорил он себе, - она еще вспомнит жестокие слова, которые сказала мне сегодня".

Кроме гуляк в кабачке, все жители деревни уже спали. Давид прокрался в

свою комнатку в пристройке к отцовскому дому и связал в узел свои скудные пожитки. Перекинув его на палке через плечо, он вышел на дорогу, которая вела из Вернуа.

Он миновал отцовское стадо, сбившееся на ночь в загоне, стадо овец, которых он пас ежедневно, - они разбрелись по сторонам, когда он писал стихи на клочках бумаги. Он увидел свет, еще горевший в окне у Ивонны, и тотчас его охватили сомнения. Этот свет, не означает ли он, что она не может уснуть, что ее мучает раскаяние, и утром... Но нет! Решение принято. В Вернуа ему делать нечего. Ни одна душа здесь не понимает его. Вперед по этой дороге, навстречу своему будущему, своей судьбе.

Три лье через туманную, залитую лунным светом равнину тянулась дорога, прямая, как борозда, проведенная плугом пахаря. В деревне считали, что дорога ведет по крайней мере в Париж; шагая по ней, молодой поэт не раз шептал про себя это слово. Никогда еще Давид не уходил так далеко от Вернуа.

ДОРОГА НАЛЕВО

Итак, три лье тянулась дорога и вдруг озадачила его. Поперек ее пролегла другая дорога, большая и горная. Давид постоял немного в раздумье и повернул налево.

В пыли этой большой дороги отпечатались следы колес недавно проехавшего экипажа. Спустя полчаса показался и сам экипаж - громадная карета, завязшая в ручье у подножья крутого холма. Кучер и форейторы кричали на лошадей и дергали за поводья. На краю дороги стоял громадный мужчина, одетый в черное, и стройная женщина, закутанная в длинный, легкий плащ.

Давид видел, что слугам не хватает сноровки. Недолго думая, он взял на себя роль распорядителя. Он велел форейторам замолчать и налечь на колеса. Понукать животных привычным для них голосом стал один кучер; сам Давид уперся могучим плечом в задок кареты, и от дружного толчка она выкатилась на твердую почву. Форейторы забрались на свои места.

С минуту Давид стоял в нерешительности. Мужчина в черном махнул рукой. "Вы сядете в карету", - сказал он: голос был мощный, под стать всей фигуре, но смягченный светским воспитанием. В нем сказывалась привычка повелевать. Непродолжительные сомнения Давида были прерваны повторным приказанием. Давид встал на подножку. Он смутно различил в темноте фигуру женщины на заднем сиденье. Он хотел было сесть напротив, но мощный голос снова подчинил его своей воле, "Вы сядете рядом с дамой!"

Мужчина в черном тяжело опустился на переднее сиденье. Карета стала взбираться на холм. Дама сидела молча, забившись в угол. Давид не мог определить, стара она или молода, но тонкий, нежный аромат, исходивший от ее одежды, пленил воображение поэта, и он проникся уверенностью, что за покровом тайны скрываются прелестные черты. Подобное происшествие часто рисовалось ему в мечтах. Но ключа к этой тайне у него еще не было, - после того как он сел в карету, его спутники не проронили ни слова.

Через час, заглянув в окно, Давид увидал, что они едут по улице какого-то города. Вскоре экипаж остановился перед запертым и погруженным в темноту домом; форейтор прыгнул на землю и принялся неистово колотить в дверь. Решетчатое окно наверху широко распахнулось, и высунулась голова в ночном колпаке.

- Что вы беспокоите честных людей в такую пору? Дом закрыт. Порядочные путники не бродят по ночам. Перестаньте стучать и проваливайтесь.

- Открывай! - заорал фореитор. - Открой монсеньору маркизу де Бопертью.
- Ах! - раздалось наверху. - Десять тысяч извинений, монсеньор. Кто ж мог подумать... час такой поздний... Открою сию минуту, и весь дом будет в распоряжении монсеньора.

Звякнула цепь, проскрипел засов, и дверь распахнулась настежь. На пороге, дрожа от холода и страха, появился хозяин "Серебряной фляги", полуодетый, со свечой в руке.

Давид вслед за маркизом вышел из кареты. "Помогите даме", - приказали ему. Поэт повиновался. Помогая незнакомке сойти на землю, он почувствовал, как дрожит ее маленькая ручка. "Идите в дом", - послышался новый приказ.

Они вошли в длинный обеденный зал таверны. Во всю длину его тянулся большой дубовый стол. Мужчина уселся на стул на ближнем конце стола. Дама словно в изнеможении опустилась на другой, у стены. Давид стоял и раздумывал, как бы ему распроститься и продолжать свой путь.

- Монсеньор, - проговорил хозяин таверны, кланяясь до земли, - е-если бы я з- знал, что б-бу-уду удостоен т-такой чести, все б-было бы готово к вашему приезду. О-осмелюсь п-предложить вина и х-холодную дичь, а если п-пожелаете...

- Свечей! - сказал маркиз, характерным жестом растопырив пальцы пухлой холеной руки.

- С-сию минуту, монсеньор. - Хозяин таверны принес с полдюжины свечей, зажег их и поставил на стол.

- Не соблаговолит ли мсье отпробовать бургундского, у меня есть бочонок...

- Свечей! - сказал мсье, растопыривая пальцы.

- Слушаюсь... бегу... лечу, монсеньор.

Еще дюжина зажженных свечей заблестела в зале. Туловище маркиза глыбой вздымалось над стулом. Он был с ног до головы одет в черное, если не считать белоснежных манжет и жабо. Даже эфес и ножны его шпаги были черные. Вид у него был высокомерный. Кончики вздернутых усов почти касались его глаз, смотривших с презрительной усмешкой.

Дама сидела неподвижно, и теперь Давид видел, что она молода и красива трогательной, чарующей красотой.

Громовый голос заставил его отвести взгляд от ее прелестного и грустного лица.

- Твое имя и занятие?

- Давид Миньо. Я - поэт.

Усы маркиза потянулись к глазам.

- Чем же ты живешь?

- Я еще и пастух; я пас у отца овец, - ответил Давид, высоко подняв голову, но щеки у него покрылись румянцем.

- Так слушай ты, пастух и поэт, какое счастье выпало тебе на долю. Эта дама - моя племянница, мадемуазель Люси де Варенн. Она принадлежит к знатному роду, и в ее личном распоряжении находятся десять тысяч франков годового дохода. О ее красоте суди сам. Если всех этих ее достоинств вместе взятых достаточно, чтобы пленить твое пастушье сердце, скажи слово, и она станет твоей женой. Не перебивай меня. Сегодня вечером я отвез ее в замок виконта де Вильмор, которому была обещана ее рука. Гости были в сборе; священник ждал, готовый обвенчать ее с человеком, равным ей по положению и состоянию. И вдруг у самого алтаря эта девица, на вид столь скромная и послушная, накинулась на меня, как пантера, обвинила меня в жестокости и

злодействах и в присутствии изумленного священника нарушила слово, которое я дал за нее. Я тут же поклялся десятью тысячами дьяволов, что она выйдет замуж за первого, кто попадется на пути - будь то принц, угольщик или вор. Ты, пастух, оказался первым. Мадемуазель должна обвенчаться сегодня ночью. Не с тобой, так с другим. Даю тебе десять минут на размышление. Не трать лишних слов и не досаждай мне вопросами. Десять минут, пастух, и они уже бегут.

Маркиз громко забарабанил по столу белыми пальцами. Лицо его превратилось в маску сосредоточенного ожидания. Своим видом он напоминал огромный дом, в котором наглухо закрыты все окна и двери. Давид хотел было что-то сказать, но при взгляде на вельможу слова застряли у него в горле. Он подошел к даме и отвесил ей поклон.

- Мадемуазель, - сказал он и удивился, как легко текут его слова: ведь казалось бы, такое изящество и красота должны были смутить его. - Вы слышали: я назвал себя пастухом. Но в мечтах я иногда видел себя поэтом. Если быть поэтом - значит любить красоту и поклоняться ей, то мечты мои обретают крылья. Чем я могу служить вам, мадемуазель?

Девушка подняла на него горящие, скорбные глаза. Его открытое и вдохновенное лицо, ставшее строгим в эту решающую минуту, его сильная и стройная фигура и несомненное сочувствие во взгляде голубых глаз, а возможно, и долго томившая ее тоска по ласковому, участливому слову так взволновали ее, что у нее брызнули слезы.

- Сударь, - тихо проговорила она, - вы кажетесь мне искренним и добрым. Это - мой дядя, брат моего отца и мой единственный родственник. Он любил мою мать и ненавидит меня, потому что я на нее похожа. Он превратил мою жизнь в сплошную пытку. Я боюсь одного его взгляда и никогда раньше не решалась послушаться его. Но сегодня вечером он хотел выдать меня за человека втрое старше меня. Не осуждайте меня, сударь, за те неприятности, которые я навлекла на вас. Вы, конечно, откажетесь совершить безумный поступок, к которому он вас склоняет. Во всяком случае позвольте поблагодарить вас за ваши великодушные слова. Со мной давно никто так не говорил.

В глазах поэта появилось нечто большее, чем великодушие. Видно, он был истинным поэтом, потому что Ивонна оказалась забыта: нежная красота пленила его своей свежестью и изяществом. Тонкий аромат, исходивший от нее, будил в нем еще неиспытанные чувства. Он нежно посмотрел на нее, и она вся расцвела под его ласковым взглядом.

- За десять минут, - сказал Давид, - я могу добиться того, чего с радостью добивался бы многие годы. Сказать, что я жалею вас, мадемуазель, значило бы сказать неправду, - нет, я люблю вас. Рассчитывать на взаимность я еще не вправе, но дайте мне вырвать вас из рук этого злодея, и, как знать, со временем любовь может прийти. Я думаю, что у меня есть будущее. Не вечно я буду пастухом. А пока я стану любить вас всем сердцем и сделаю все, чтобы ваша жизнь не была столь печальной. Решитесь вы доверить мне свою судьбу, мадемуазель?

- О, вы жертвуете собой из жалости!

- Я люблю вас. Время истекает, мадемуазель.

- Вы раскаетесь и возненавидите меня.

- Я буду жить ради вашего счастья и чтобы стать достойным вас.

Ее изящная ручка скользнула из-под плаща и очутилась в его руке.

- Вручаю вам свою судьбу, - прошептала она, - и, быть может... любовь придет скорей, чем вы думаете. Скажите ему. Когда я вырвусь из-под власти

его взгляда, я, может быть, сумею забыть все это.

Давид подошел к маркизу. Черная фигура пошевелилась, и насмешливые глаза взглянули на большие настенные часы.

- Осталось две минуты. Пастуху понадобилось восемь минут, чтобы решиться на брак с красавицей и богачкой! Ну что же, пастух, согласен ты стать мужем этой девицы?

- Мадемуазель, - отвечал Давид, гордо выпрямившись, - оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

- Отлично сказано! - гаркнул маркиз. - У вас, господин пастух, есть задатки вельможи. В конце концов мадемуазель могла вытянуть и худший жребий, ну а теперь покончим с этим делом поскорей, - как только позволит церковь и дьявол!

Он громко стукнул по столу эфесом шпаги. Вошел, дрожа всем телом, хозяин таверны; он притащил еще свечей, в надежде, что угадал каприз сеньора.

- Священника! - сказал маркиз. - И живо! Понял?

Чтоб через десять минут священник был тут, не то... Хозяин таверны бросил свечи и убежал. Пришел священник, заспанный и взлохмаченный. Он сочетал Давида Миньо и Люси де Варенн узами брака, сунул в карман золотой, брошенный ему маркизом, и снова исчез во мраке ночи.

- Вина! - приказал маркиз, протянув к хозяину таверны зловеще растопыренные пальцы. - Наполни бокалы! - сказал он, когда вино было подано.

В тусклом свете мерцающих свечей маркиз черной глыбой навис над столом, полный злобы и высокомерия, и, казалось, воспоминания о старой любви сочились ядом из его глаз, когда он смотрел на племянницу.

- Господин Миньо, - сказал он, поднимая бокал с вином, - прежде чем пить, послушайте меня. Вы женились на особе, которая исковеркает вашу жизнь. В ее крови проклятое наследие самой черной лжи и гнусных преступлений. Она обрушит на вашу голову позор и несчастье. В ее глазах, в ее нежной коже сидит дьявол, он говорит ее устами, которые не погнушались обольстить простого крестьянина. Вот залог вашей счастливой жизни, господин поэт. Теперь пейте. Наконец-то, мадемуазель, я избавился от вас.

Маркиз выпил. Жалобный крик сорвался с губ девушки, словно ей внезапно нанесли рану. Давид, с бокалом в руке, выступил на три шага вперед и остановился перед маркизом. Сейчас едва ли кто принял бы его за пастуха.

- Только что, - спокойно проговорил он, - вы оказали мне честь, назвав меня "господином". Могу я надеяться, что моя женитьба на мадемуазель в некотором отношении приблизила меня к вашему рангу, скажем не прямо, но косвенно, и дает мне право вести себя с монсеньором, как равный с равным в одном небольшом деле, которое я задумал?

- Можешь надеяться, пастух, - презрительно усмехнулся маркиз.

- В таком случае, - сказал Давид, выплеснув вино из бокала прямо в глаза, насмехавшиеся над ним, - быть может, вы соблаговолите драться со мной.

Вельможа пришел в ярость, и громкое, как рев горна, проклятие разнеслось по залу. Он выхватил из черных ножен шпагу и крикнул не успевшему скрыться хозяину:

- Подать шпагу этому олуху!

Он повернулся к даме, засмеялся так, что у нее сжалось сердце, и сказал:

- Вы доставляете мне слишком много хлопот, сударыня. За одну ночь я

должен выдать вас замуж и сделать вдовой

- Я не умею фехтовать, - сказал Давид и покраснел, сделав это признание.

- Не умею фехтовать, - передразнил его маркиз. - Что же, мы, как мужичье, будем лупить друг друга дубинами? Эй, Франсуа! Мои пистолеты!

Форейтор принес из экипажа два больших блестящих пистолета, украшенных серебряной чеканкой. Маркиз швырнул один из них Давиду.

- Становись у того конца стола! - крикнул он. - Даже пастух может спустить курок. Не всякий удостоивается чести умереть от пули де Бопертюи.

Пастух и маркиз стали друг против друга у противоположных концов длинного стола. Хозяин таверны, обомлев от страха, судорожно шевелил пальцами и бормотал:

- М-монсеньор, р-ради Христа! Не в моем доме!.. не проливайте крови... вы разорите меня...

Угрожающий взгляд маркиза сковал ему язык.

- Трус! - вскричал маркиз де Бопертюи. - Перестань стучать зубами и подай сигнал, если можешь.

Хозяин упал на колени. Он не мог произнести ни слова. Но жестами он, казалось, умолял сохранить мир в его доме и добрую славу его заведению.

- Я подам сигнал, - отчетливо проговорила дама. Она подошла к Давиду и нежно поцеловала его. Глаза ее сверкали, щеки покрылись румянцем. Она встала у стены, и по ее счету противники начали поднимать пистолеты.

- Un... Deux... trois!

Оба выстрела раздалась так быстро один за другим, что пламя свечей вздрогнуло только раз. Маркиз стоял, улыбаясь, опершись растопыренными пальцами левой руки о край стола. Давид по-прежнему держался прямо; он медленно повернул голову, ища глазами жену. Потом, как платье падает с вешалки, он рухнул на пол.

Тихо вскрикнув от ужаса и отчаяния, овдовевшая девушка подбежала к Давиду и склонилась над ним. Она увидела его рану, подняла голову, и в ее глазах появилась прежняя скорбь.

- В самое сердце, - прошептала она. - Его сердце!

- В карету! - загремел мощный голос маркиза. - День не успеет забрезжить, как я отделаюсь от тебя. Сегодня ночью ты снова обвенчаешься, и муж твой будет жить. С первым встречным, моя милая, кто б он ни был: разбойник или пахарь. А если мы никого не встретим на дороге, ты обвенчаешься с холопом, который откроет нам ворота. В карету!

Неумолимый маркиз, дама, снова закутанная в плащ, форейтор с пистолетами в руках - все направились к ожидавшей их карете. Удаляющийся стук ее тяжелых колес эхом прокатился по сонной улице. В зале "Серебряной фляги" обезумевший хозяин таверны ломал руки над мертвым телом поэта, а огни двадцати четырех свечей колыхались и плясали на длинном столе.

ДОРОГА НАПРАВО

Итак, три лье тянулась дорога и вдруг озадачила его. Поперек ее пролегла другая дорога, широкая и торная. Давид постоял немного в раздумье и повернул направо.

Куда вела дорога, он не знал, он решил в эту ночь уйти от Вернуа подальше. Пройдя одно лье, он поровнялся с большим замком, где, видимо, только что кончилось какое-то торжество. Все окна были освещены; от больших

каменных ворот узором расходились следы, оставленные в пыли экипажами гостей.

Еще три лье остались позади, и Давид утомился. Он вздремнул у края дороги, на ложе из сосновых веток, а потом поднялся и опять зашагал по незнакомому пути.

Так пять дней шел он по большой дороге; спал на мягких постелях, приготовленных ему Природой, или на копнах сена, ел черный хлеб радушных пахарей, пил из ручья или из щедрой пастушьей чашки.

Наконец, он перешел через большой мост и вступил в веселый город, который увенчал терниями и лаврами больше поэтов, чем весь остальной мир. Дыхание его участилось, когда Париж запел ему вполголоса приветственную песнь - песнь перекликающихся голосов, шаркающих ног, стучащих колес.

Высоко под крышей старого дома на улице Конти поселился Давид и, примостившись на табурете, принялся писать стихи. Некогда на этой улице жили важные и знатные горожане, а теперь она давала приют тем, кто всегда плетется по стопам разорения и упадка.

Дома здесь были большие и еще хранили печать бывшего величия, хотя во многих из них не осталось ничего, кроме пауков и пыли. По ночам на улице слышался стук клинков и крики гуляк, кочующих из таверны в таверну. Там, где когда-то был чинный порядок, воцарился пьяный и грубый разгул. Но именно здесь Давид нашел себе кров, доступный его тощему кошельку. Свет солнца и свет свечи заставлял его за пером и бумагой.

Однажды, после полудня, он возвращался из фуражирской вылазки в мир с хлебом, творогом и бутылкой дешевого вина. Поднимаясь по мрачной лестнице, он столкнулся - точнее сказать, наткнулся на нее, так как она неподвижно стояла на ступеньке, - с молодой женщиной такой красоты, какую не рисовало даже пылкое воображение поэта. Под ее длинным, темным распахнутым плащом виднелось роскошное платье. В глазах отражались малейшие оттенки мысли. Они казались то круглыми и наивными, как у ребенка, то длинными и влекущими, как у цыганки. Приподняв одной рукой подол платья, она приоткрыла маленькую туфельку на высоком каблучке и с развязавшимися лентами. Как она была божественна! Ей не пристало гнуть спину, она была рождена, чтобы ласкать собой глаз и повелевать!

Быть может, она заметила приближение Давида и ждала его помощи.

О! Она просит мсье извинить ее, она заняла собой всю лестницу! Но эта туфелька... такая противная! Ну что с ней поделаешь! Все время развязывается. О, если бы мсье был так любезен!

Пальцы поэта дрожали, когда он завязывал непослушные ленты. Он почувствовал опасность и хотел бежать, но глаза у нее стали длинные и влекущие, как у цыганки, и удержали его. Он прислонился к перилам, сжимая в руках бутылку кислого вина.

- Вы были так добры, - улыбаясь, сказала она. - Мсье, вероятно, живет в этом доме?

- Да, сударыня. Да... в этом доме, сударыня.

- Вероятно, на третьем этаже?

- Нет, сударыня, выше.

Женщина чуть раздраженно пошевелила пальцами.

- Простите. Это был нескромный вопрос. Надеюсь, мсье извинит меня? Совершенно неприлично было спрашивать, где вы живете.

- Что вы, сударыня. Я живу...

- Нет, нет, нет; не говорите. Теперь я вижу, что допустила ошибку. Но что я могу поделать: меня влечет к себе этот дом и все, что с ним связано. Когда-то он был моим домом. Я часто прихожу сюда, чтобы помечтать о тех счастливых днях. Пусть это будет мне оправданием.

- Вам нет нужды оправдываться... позвольте мне сказать вам, - запинаясь, проговорил поэт. - Я живу на самом верху, в маленькой комнате, там, где кончается лестница.

- В передней комнате?

- Нет, в задней, сударыня.

Послышалось что-то похожее на вздох облегчения.

- Не буду вас больше задерживать, мсье, - сказала она, и глаза у нее были круглые и наивные. - Присматривайте получше за моим домом. Увы! Он мой только в воспоминаниях. Прощайте, благодарю вас за вашу любезность.

Она ушла, оставив за собой память о своей улыбке и тонкий запах духов.

Давид поднялся по лестнице, как во сне. Сон прошел, но улыбка и запах духов преследовали его и не давали ему покоя. Образ незнакомки вдохновил его на элегии о чарующих глазах, песни о любви с первого взгляда, оды о дивном локоне и сонеты о тувельке на маленькой ножке.

Видно, он был истинным поэтом, потому что Ивонна оказалась забытой. Нежная красота пленила его своей свежестью и изяществом. Тонкий аромат, исходивший от нее, будил в нем еще неиспытанные чувства.

Однажды вечером трое людей собрались за столом в комнате на третьем этаже того же дома. Три стула, стол и свеча на нем составляли всю обстановку. Один из трех был громадный мужчина, одетый в черное. Вид у него был высокомерный. Кончики его вздернутых усов почти касались глаз, смотревших с презрительной усмешкой. Напротив него сидела дама, молодая и прелестная; ее глаза, которые могли быть то круглыми и наивными, как у ребенка, то длинными и влекущими, как у цыганки, горели теперь честолубием, как у любого заговорщика. Третий был человек дела, смелый и нетерпеливый вояка, дышащий огнем и сталью. Дама и великан в черном называли его капитаном Деролем.

Капитан ударил кулаком по столу и сказал, сдерживая ярость:

- Сегодня ночью! Когда он поедет к полуночной мессе. Мне надоели бессмысленные заговоры. Довольно с меня условных знаков, шифров, тайных сборищ и прочей ерунды. Будем честными изменниками. Если Франция должна быть избавлена от него, убьем его открыто, не загоняя в ловушки и западни. Сегодня ночью, вот мое слово. И я подкреплю его делом. Я убью его собственной рукой. Сегодня ночью, когда он поедет к мессе.

Дама нежно посмотрела на капитана. Женщина, даже став заговорщицей, преклоняется перед безрассудной отвагой. Мужчина в черном подкрутил кончики усов и сказал зычным голосом, смягченным светским воспитанием:

- Дорогой капитан, на этот раз я согласен с вами. Ждать больше нечего. Среди дворцовой стражи достаточно преданных нам людей, можно действовать смело.

- Сегодня ночью, - повторил капитан Дероль, снова ударив кулаком по столу. - Вы слышали, что я сказал, маркиз: я убью его собственной рукой.

- В таком случае, - тихо сказал маркиз, - остается решить один вопрос. Надо известить наших сторонников во дворце и сообщить им условный знак. Самые верные нам люди должны сопровождать королевскую карету. Но кто сейчас

сумеет пробраться к южным воротам? Их охраняет Рибу; стоит доставить ему наше письмо, и успех обеспечен.

- Я перешлю письмо, - сказала дама.

- Вы, графиня? - спросил маркиз, поднимая брови. - Ваша преданность велика, мы это знаем, но...

- Послушайте! - воскликнула дама, вставая и опираясь рукою о стол. - В мансарде этого дома живет юноша из деревни, бесхитростный, кроткий, как овцы, которых он пас. Несколько раз я встречала его на лестнице. Опасаясь, не живет ли он рядом с комнатой, в которой мы обычно встречаемся, я заговорила с ним. Стоит мне захотеть, и он в моих руках. Он пишет стихи у себя в мансарде и, кажется, мечтает обо мне. Он исполнит любое мое желание. Письмо во дворец доставит он.

Маркиз встал со стула и поклонился.

- Вы не дали мне закончить фразу, графиня, - проговорил он. - Я хотел сказать: ваша преданность велика, но ей не сравниться с вашим умом и очарованием.

В то время как заговорщики вели эту беседу, Давид отделявал стихи, посвященные его *amourette d'escalier* (1). Он услышал робкий стук в дверь, и сердце его сильно забилося. Открыв дверь, он увидел перед собой незнакомку. Она тяжело дышала, будто спасалась от преследования, а глаза у нее были круглые и наивные, как у ребенка.

- Мсье, - прошептала она, - меня постигло несчастье. Вы кажетесь мне добрым и отзывчивым, и мне не к кому больше обратиться за помощью. Ах, как я бежала, на улицах много повес, они пристают, не дают проходу! Мсье, моя мать умирает. Мой дядя капитан королевской стражи. Надо, чтобы кто-нибудь немедленно известил его. Могу я надеяться...

- Мадемуазель! - перебил Давид, глаза его горели желанием оказать ей услугу. - Ваши надежды будут моими крыльями. Скажите, как мне найти его.

Дама вложила ему в руку запечатанное письмо.

- Ступайте к южным воротам, - помните, к южным, - и скажите страже: "Сокол вылетел из гнезда". Вас пропустят, а вы подойдете к южному входу во дворец. Повторите те же слова и отдайте письмо тому человеку, который ответит: "Пусть ударит, когда захочет". Это - пароль, мсье, доверенный мне моим дядей; в стране волнение, заговорщики посягают на жизнь короля, и потому с наступлением ночи без пароля никого не подпускают и близко ко дворцу. Если можете, мсье доставьте ему это письмо, чтобы моя мать смогла увидеть его, прежде чем навеки закроются ее глаза.

- Я отнесу письмо! - с жаром сказал Давид. - Но могу ли я допустить, чтобы вы одна возвращались домой в такой поздний час? Я...

- Нет, нет, спешите! Драгоценна каждая секунда. Когда-нибудь, - продолжала она, и глаза у нее стали длинные и влекущие, как у цыганки, - я постараюсь отблагодарить вас за вашу доброту.

Поэт спрятал письмо на груди и, перепрыгивая через ступеньки, побежал вниз по лестнице. Когда он исчез, дама вернулась в комнату на третьем этаже.

Маркиз вопросительно поднял брови.

- Побежал, - ответила она, - он такой же глупый и быстроногий, как его овцы.

Стол снова вздрогнул от удара кулака капитана Дероля.

- Сто тысяч дьяволов! - крикнул он. - Я забыл свои пистолеты! Я не могу положиться на чужие!

- Возьмите этот, - сказал маркиз, вытаскивая из-под плаща огромный

блестящий пистолет, украшенный серебряной чеканкой. - Вернее быть не может. Но будьте осторожны, на нем мой герб, а я на подозрении. Ну, пора. За эту ночь мне надо далеко отъехать от Парижа. С рассветом я должен появиться у себя в замке. Милая графиня, мы готовы следовать за вами.

Маркиз задул свечу. Дама, закутанная в плащ, и оба господина осторожно сошли вниз и смешались с прохожими на узких тротуарах улицы Конти.

Давид спешил. У южных ворот королевского парка к его груди приставили острую алебарду, но он отстранил ее словами: "Сокол вылетел из гнезда".

- Проходи, друг, - сказал стражник, - да побыстрее.

У южного входа во дворец его чуть было не схватили, но его *mot de passe* (2) снова оказал магическое действие на стражников. Один из них вышел вперед и начал:

"Пусть ударит..." Но тут что-то произошло, и стража смешалась. Какой-то человек с пронизывающим взглядом и военной выправкой внезапно протиснулся вперед и выхватил из рук Давида письмо. "Идемте со мной", - сказал он и провел его в большой зал. Здесь он вскрыл конверт и прочитал письмо. "Капитан Тетро! - позвал он проходившего мимо офицера, одетого в форму мушкетеров. - Арестуйте и заточите в тюрьму стражу южного входа и южных ворот. Замените ее надежными людьми". Давиду он опять сказал: "Идемте со мной".

Он провел его через коридор и приемную в обширный кабинет, где в большом кожаном кресле, одетый во все черное, в тяжком раздумье сидел мрачный человек. Обращаясь к этому человеку, он сказал:

- Ваше величество, я говорил вам, что дворец кишит изменниками и шпионами, как погреб крысами. Вы, ваше величество, считали, что это плод моей фантазии. Но вот человек, проникший с их помощью во дворец. Он явился с письмом, которое мне удалось перехватить. Я привел его сюда, чтобы вы, ваше величество, убедились сами, что мое рвение отнюдь не чрезмерно.

- Я сам допрошу его, - отозвался король, шевельнувшись в своем кресле. Он с трудом поднял отяжелевшие веки и мутным взором посмотрел на Давида.

Поэт преклонил колено.

- Откуда явился ты? - спросил король.

- Из деревни Вернуа, департамент Оры-эд-Луара,

- Что ты делаешь в Париже?

- Я... хочу стать поэтом, ваше величество.

- Что ты делал в Вернуа?

- Пас отцовских овец.

Король снова пошевелился, и глаза его посветлели.

- О! Среди полей?

- Да, ваше величество.

- Ты жил среди полей. Ты уходил на заре из дома, вдыхая утреннюю прохладу, и ложился под кустом на траву. Стадо рассыпалось по склону холма; ты пил ключевую воду; забравшись в тень, ел вкусный черный хлеб и слушал, как в роще свистят черные дрозды. Не так ли, пастух?

- Да, ваше величество, - вздыхая, сказал Давид, - и как пчелы жужжат, перелетая с цветка на цветок, а на холме поют сборщики винограда.

- Да, да, - нетерпеливо перебил король, - поют, разумеется, и сборщики винограда; но черные дрозды! Ты слышал, как они свистят? Часто они пели в роще?

- Нигде, ваше величество, они не поют так хорошо, как у нас в Вернуа. Я пытался передать их трели в стихах, которые я написал.

- Ты помнишь эти стихи? - оживился король. - Давно я не слышал черных дроздов. Передать стихами их песню-это лучше, чем владеть королевством! Вечером ты загонял овец в овчарню и в мире и покое ел свой хлеб. Ты помнишь эти стихи, пастух?

- Вот они, ваше величества, - с почтительным рвением сказал Давид:

Глянь, пастух, твои овечки
Резво скачут по лугам;
Слышишь, ели клонит ветер,
Пан прижал свирель к губам.

Слышишь, мы свистим на ветках,
Видишь, к стаду мы летим,
Дай нам шерсти, наши гнезда
Обогреть...

- Ваше величество, - перебил резкий голос, - разрешите мне задать этому рифмоплету несколько вопросов. Время не ждет. Прошу прощения, ваше величество, если я слишком назойлив в моей заботе о вашей безопасности.

- Преданность герцога д'Омаль слишком хорошо испытана, чтобы быть назойливой. - Король погрузился в кресло, и глаза его снова помутнели.

- Прежде всего, - оказал герцог, - я прочту вам письмо, которое я у него отобрал.

"Сегодня годовщина смерти наследника престола. Если он поедет, по своему обыкновению, к полуночной мессе молиться за упокой души своего сына, сокол ударит на углу улицы Эспанад. Если таково его намерение, поставьте красный фонарь в верхней комнате, в юго-западном углу дворца, чтобы сокол был наготове".

- Пастух, - строго сказал герцог, - ты слышал, ЧТУ здесь написано. Кто вручил тебе это письмо?

- Господин герцог, - просто сказал Давид. - Я вам отвечу. Мне дала его дама. Она сказала, что ее мать больна и надо вызвать ее дядю к постели умирающей. Мне не понятен смысл этого письма, но я готов поклясться, что дама прекрасна и добра.

- Опиши эту женщину, - приказал герцог, - и расскажи, как она тебя одурачила.

- Описать ее! - сказал Давид, и нежная улыбка осветила его лицо. - Где найти те слова, которые могли бы совершить это чудо! Она... она соткана из света солнца и мрака ночи. Она стройна, как ольха, и гибка, словно ива. Поглядишь ей в глаза, и они мгновенно меняются: широко открытые, они вдруг сощурятся и смотрят, как солнце сквозь набежавшие облака. Она появляется - все сияет вокруг, она исчезает - и ничего нет, только аромат боярышника. Я увидел ее на улице Конти, дом двадцать девять.

- Это дом, за которым мы следили, - сказал герцог, обращаясь к королю. - Благодаря красноречию этого простака перед нами предстал портрет гнусной графини Кебеде.

- Ваше величество и ваша светлость, - взволнованно начал Давид. - Надеюсь, мои жалкие слова ни на кого не навлекут несправедливого гнева. Я смотрел в глаза этой даме. Ручаюсь своей жизнью, она - ангел, что бы ни было в этом письме.

Герцог пристально посмотрел на него.

- Я подвергну тебя испытанию, - сказал он, отчеканивая каждое слово. - Переодетый королем, ты, в его карете, поедешь в полночь к мессе. Согласен ты на это испытание?

Давид улыбнулся.

- Я смотрел ей в глаза, - повторил он. - Мне других доказательств не надо. А вы действуйте по своему усмотрению.

В половине двенадцатого герцог д'Омаль собственными руками поставил красный фонарь на окно в юго-западном углу дворца. За десять минут до назначенного часа Давид, опираясь на руку герцога, с ног до головы облаченный в королевскую одежду, прикрыв лицо капюшоном, проследовал из королевских покоев к ожидавшей его карете. Герцог помог ему войти и закрыл дверцу. Карета быстро покатила к собору.

В доме на углу улицы Эспланад засел капитан Тетро с двадцатью молодцами, готовый ринуться на крамольников, как только они появятся. Но, по-видимому, какие-то соображения заставили заговорщиков изменить свой план. Когда королевская карета достигла улицы Кристоф, не доезжая одного квартала до улицы Эспланад, из-за угла выскочил капитан Дероль со своей кучкой цареубийц и напал на экипаж. Стража, охранявшая карету, оправившись от замешательства, оказала яростное сопротивление Капитан Тетро, слышав шум схватки, поспешил со своим отрядом на выручку. Но в это время отчаянный Дероль распахнул дверцу королевской кареты, приставил пистолет к груди человека, закутанного в темный плащ, и выстрелил. С прибытием подкреплений улица огласилась криками и лязгом стали; лошади испугались и понесли. На подушках кареты лежало мертвое тело несчастного поэта и мнимого короля, сраженного пулей из пистолета монсеньера маркиза де Бопертюи.

ГЛАВНАЯ ДОРОГА

Итак, три лье тянулась дорога и вдруг озадачила его. Поперек, ее пролегла другая дорога, широкая и торная Давид постоял немного в раздумье и присел отдохнуть у обочины.

Куда вели эти дороги, он не знал. Казалось, любая из них могла открыть перед ним большой мир, полный опасных приключений и счастливых возможностей. Давид сидел у обочины, и вдруг взгляд его упал на яркую звезду, которую они с Ивонной называли своей. Тогда он вспомнил Ивонну и подумал о том, не поступил ли он опрометчиво. Неужели несколько запальчивых слов заставят его покинуть свой дом и Ивонну? Неужели любовь так хрупка, что ревность - самое истинное доказательство любви - может ее разрушить! Сколько раз убеждался он, что утро бесследно уносит легкую сердечную боль, возникшую вечером. Он еще может вернуться, и ни один обитатель сладко спящей деревушки Вернуа ничего не узнает. Сердце его принадлежит Ивонне, здесь он прожил всю жизнь, здесь может он сочинять свои стихи и найти свое счастье.

Давид поднялся, и тревожные, сумасбродные мысли, не дававшие ему покоя, развеялись. Твердым шагом направился он в обратный путь. Когда он добрался до Вернуа, от его жажды скитаний ничего не осталось. Он миновал загон для овец; слышав шаги позднего прохожего, они шарахнулись и сбились в кучу, и от этого знакомого домашнего звука на сердце у Давида потеплело. Тихонько поднялся он в свою комнатку и улегся в постель, благодарный судьбе за то, что эта ночь не застигла его в горьких странствиях по неведомым дорогам.

Как хорошо понимал он сердце женщины! На следующий вечер Ивонна пришла к колодцу, где собиралась молодежь, чтобы кюре не оставался без дела.

Краешком глаза девушка искала Давида, хотя сжатый рот ее выражал непреклонность. Давид перехватил ее взгляд, не испугался сурового рта, сорвал с него слово примирения, а потом, когда они вместе возвращались домой, - и поцелуй.

Через три месяца они поженились. Отец Давида был отличным хозяином и дела его шли на славу. Он задал такую свадьбу, что молва о ней разнеслась на три лье в округности. И жениха и невесту очень любили в деревне. По улице прошла праздничная процессия, на лужайке были устроены танцы, а из города Дре для увеселения гостей прибыли театр марионеток и фокусник.

Прошел год, и умер отец Давида. Давид получил в наследство дом и овечье стадо. Самая пригожая и ловкая хозяйка в деревне тоже принадлежала ему. Ух, как сверкали на солнце ведра и медные котлы Ивонны! Взглянешь, проходя мимо, и ослепнешь от блеска. Но не закрывайте глаз, идите смело, один только вид сада Ивонны, с его искусно разделанными веселыми клумбами, сразу возвратит вам зрение. А песни Ивонны - они доносились даже до старого каштана, что раскинулся над кузницей папаши Грюно.

Но наступил однажды день, когда Давид вытащил лист бумаги из давно не открывавшегося ящика и принялся грызть карандаш. Снова пришла весна и прикоснулась к его сердцу. Видно, он был истинным поэтом, потому что Ивонна оказалась почти совсем забытой. Все существо Давида заполнило колдовское очарование обновленной земли. Аромат лесов и цветущих долин странно тревожил его душу. Прежде он с утра уходил в луга со своим стадом и вечером благополучно пригонял его домой. Теперь же он ложился в тени куста и начинал нанизывать строчки на клочках бумаги. Овцы разбредались, а волки, приметив, что там, где стихи даются трудно, баранина достается легко, выходили из леса и похищали ягнят.

Стихов становилось у Давида все больше, а овец - все меньше. Цвет лица и характер у Ивонны испортились, речь огрубела. Ведра и котлы ее потускнели, зато глаза засверкали злым блеском. Она объявила поэту, что его безделье губит их стадо и разоряет все хозяйство. Давид нанял мальчика караулить стадо, заперся в маленькой чердачной комнатке и продолжал писать стихи. Мальчик тоже оказался по натуре поэтом, но, не умея в стихах выражать свои чувства, проводил время в мечтательной дремоте. Волки не замедлили обнаружить, что стихи и сон - по существу одно и то же, и стадо неуклонно и быстро сокращалось. С той же быстротой ухудшался характер Ивонны. Иногда она останавливалась посередине двора и принималась осыпать громкой бранью Давида, сидевшего под окном на своем чердаке. И крики ее доносились даже до старого каштана, что раскинулся над кузницей папаши Грюно.

Господин Папино - добрый, мудрый нотариус, вечно совавший свой нос в чужие дела, видел все это. Он пришел к Давиду, подкрепился основательной понюшкой табака и произнес следующее:

- Друг мой Миньо! В свое время я поставил печать на брачном свидетельстве твоего отца. Мне было бы очень тягостно заверять документ, означающий банкротство его сына. Но именно к этому идет дело. Я говорю с тобой, как старый друг. Выслушай меня. Насколько я могу судить, тебя влечет только поэзия. В Дре у меня есть друг - господин Бриль, Жорж Бриль. Дом его весь заставлен и завален книгами, среди которых он расчистил себе маленький уголок для жилья. Он - человек ученый, каждый год бывает в Париже, сам написал несколько книг. Он может рассказать, когда были построены катакомбы, и как люди узнали названия звезд, и почему у кулика длинный клюв. Смысл и форма стиха для него так же понятны, как для тебя - бляенье овец. Я дам тебе

письмо к нему, и он прочтет твои стихи. И тогда ты узнаешь, стоит ли тебе писать, или лучше посвятить свое время жене и хозяйству.

- Пишите письмо, - отвечал Давид. - Жаль, что вы раньше не заговорили со мной об этом.

На рассвете следующего дня он шел по дороге, ведущей в Дре, с драгоценным свертком стихов подмышкой. В полдень он отряхнул пыль со своих сапог у дверей дома господина Бриля. Этот ученый муж вскрыл печать на письме господина Папино и, сквозь сверкающие очки, поглотил его содержание, как солнечные лучи поглощают влагу. Он ввел Давида в свой кабинет и усадил его на маленьком островке, к которому со всех сторон подступало бурное море книг.

Господин Бриль был добросовестным человеком. Он и глазом не моргнул, заметив увесистую рукопись в четыре пальца толщиной. Он разгладил пухлый свиток на колене и начал читать. Он не пропускал ничего, вгрызаясь в кипу бумаги, как червь вгрызается в орех в поисках ядра.

Между тем Давид сидел на своем островке, с трепетом озирая бушующие вокруг него волны литературы. Книжное море ревело в его ушах. Для плавания по этому морю у него не было ни карты, ни компаса. Наверно, половина всех людей в мире пишет книги, решил Давид.

Господин Бриль добрался до последней страницы. Он снял очки и протер их носовым платком.

- Как чувствует себя мой друг Папино? - осведомился он.

- Превосходно, - ответил Давид.

- Сколько у вас овец, господин Миньо?

- Вчера я насчитал триста девять. Моему стаду не посчастливилось.

Раньше в нем было восемьсот пятьдесят овец.

- У вас есть жена и дом, и вы жили в довольстве. Овцы давали вам все, что нужно. Вы уходили с ними в поля, дышали свежим, бодрящим воздухом, и сладок был хлеб, который вы ели. Вам оставалось только глядеть за своим стадом и, отдыхая на лоне природы, слушать, как в соседней роще свистят черные дрозды. Я пока что не отклонился от истины?

- Все это было так, - ответил Давид.

- Я прочел все ваши стихи, - продолжал господин Бриль, блуждая взором по своему книжному морю и словно высматривая парус на горизонте. - Поглядите в окно, господин Миньо, и скажите мне, что вы видите вон на том дереве.

- Я вижу ворону, - отвечал Давид, посмотрев, куда ему было указано.

- Вот птица, - сказал господин Бриль, - которая поможет мне исполнить мой долг. Вы знаете эту птицу, господин Миньо, она считается философом среди пернатых. Ворона счастлива, потому что покорна своей доле. Нет птицы более веселой и сытой, чем ворона с ее насмешливым взглядом и походкой вприпрыжку. Поля дают ей все, что она пожелает. Никогда она не горюет о том, что оперение у нее не так красиво, как у иволги. Вы слышали, господин Миньо, каким голосом одарила ее природа? И вы думаете, соловей счастливее?

Давид встал. Ворона хрипло каркнула за окном.

- Благодарю вас, господин Бриль, - медленно произнес он. - Значит, среди всего этого вороньего карканья не прозвучало ни единой соловьиной ноты?

- Я бы не пропустил ее, - со вздохом ответил господин Бриль. - Я прочел каждое слово. Живите поэзией, юноша, и не пытайтесь больше писать.

- Благодарю вас, - повторил Давид. - Пойду домой, к моим овцам.

- Если вы согласитесь пообедать со мной, - сказал книжник, - и

постараетесь не огорчаться, я подробно изложу вам мою точку зрения.

- Нет, - сказал Давид, - мне надо быть в поле и каркать на моих овец.

И со свертком стихов подмышкой он побрел обратно в Вернуа. Придя в деревню, он завернул в лавку Циглера - армянского еврея, который торговал всякой всячиной, попадавшей ему в руки.

- Друг, - сказал Давид, - волки таскают у меня овец из стада. Мне нужно какое-нибудь огнестрельное, оружие. Что вы можете предложить мне?

- Несчастливый у меня сегодня день, друг Миньо, - отвечал Циглер, разводя руками. - Придется, видно, отдать вам за бесценок великолепное оружие. Всего лишь на прошлой неделе я приобрел у бродячего торговца целую повозку разных вещей, которые он купил на распродаже имущества одного знатного вельможи, я не знаю его титула. Этот господин был отправлен в ссылку за участие в заговоре против короля, а замок его и все достояние - проданы с молотка по приказу короны. Я получил и кое-что из оружия, - превосходнейшие вещицы. Вот пистолет - о, это оружие, достойное принца! Вам он обойдется всего лишь в сорок франков, друг Миньо, и пусть я потеряю на этом деле десять франков. Но, может быть, вам требуется аркебуза...

- Пистолет мне подойдет, - отвечал Давид, бросая деньги на прилавок. - Он заряжен?

- Я сам заряжу его, - сказал Циглер, - а если вы добавите еще десять франков, дам вам запас пороха и пуль.

Давид сунул пистолет за пазуху и направился домой. Ивонны не было, в последнее время она часто уходила к соседкам. Но в кухонном очаге еще тлел огонь. Давид приоткрыл печную дверцу и кинул сверток со стихами на красные угли. Бумага вспыхнула, пламя взвилось, и в трубе раздался какой-то странный, хриплый звук.

- Карканье вороны, - сказал поэт.

Он поднялся на свой чердак и захлопнул дверь. В деревне стояла такая тишина, что множество людей слышало грохот выстрела из большого пистолета. Жители толпой бросились к дому Давида и, толкаясь, побежали на чердак, откуда тянулся дымок.

Мужчины положили тело поэта на постель, кое-как прикрыв разодранные перышки несчастной вороны. Женщины трещали без умолку, состязаясь в выражении сочувствия. Несколько соседок побежали сообщить печальную весть Ивонне.

Господин Папино, любознательный нос которого привел его на место происшествия одним из первых, подобрал с пола пистолет и со смешанным выражением скорби и восхищения стал разглядывать серебряную оправу.

- На этом пистолете, - вполголоса заметил он кюре, отводя его в сторону, - фамильный герб монсеньера маркиза де Бопертюи.

1) - Случайная, мимолетная любовь (франц.).

2) - Пароль (франц.).

Обращение Джимми Валентайна

Надзиратель вошел в сапожную мастерскую, где Джимми Валентайн усердно тачал заготовки, и повел его в тюремную канцелярию. Там смотритель тюрьмы вручил Джимми помилование, подписанное губернатором в это утро. Джимми взял его с утомленным видом. Он отбыл почти десять месяцев из четырехлетнего срока, хотя рассчитывал просидеть не больше трех месяцев. Когда у арестованного столько друзей на воле, сколько у Джимми Валентайна, едва ли стоит даже брить ему голову.

- Ну, Валентайн, - сказал смотритель, - завтра утром вы выходите на свободу. Возьмите себя в руки, будьте человеком. В душе вы парень неплохой. Бросьте взламывать сейфы, живите честно.

- Это вы мне? - удивленно спросил Джимми. - Да я в жизни не взломал ни одного сейфа.

- Ну да, - улыбнулся смотритель, - разумеется. Посмотрим все-таки. Как же это вышло, что вас посадили за кражу в Спрингфилде? Может, вы не захотели доказывать свое алиби из боязни скомпрометировать какую-нибудь даму из высшего общества? А может, присяжные подвели вас по злобе? Ведь с вами, невинными жертвами, иначе не бывает.

- Я? - спросил Джимми в добродетельном недоумении. - Да что вы! Я и в Спрингфилде никогда не бывал!

- Отведите его обратно, Кронин, - улыбнулся смотритель, - и оденьте как полагается. Завтра в семь утра вы его выпустите и приведете сюда. А вы лучше обдумайте мой совет, Валентайн.

На следующее утро, в четверть восьмого, Джимми стоял в тюремной канцелярии. На нем был готовый костюм отвратительного покроя и желтые скрипучие сапоги, какими государство снабжает всех своих подневольных гостей, расставаясь с ними.

Письмоводитель вручил ему железнодорожный билет и бумажку в пять долларов, которые, как полагал закон, должны были вернуть Джимми права гражданства и благосостояние. Смотритель пожал ему руку и угостил его сигарой. Валентайн, N 9762, был занесен в книгу под рубрикой "Помилован губернатором", и на солнечный свет вышел мистер Джеймс Валентайн.

Не обращая внимания на пение птиц, волнующуюся листву деревьев и запах цветов, Джимми направился прямо в ресторан. Здесь он вкусил первых радостей свободы в виде жаренного цыпленка и бутылки белого вина. За ними последовала сигара сортом выше той, которую он получил от смотрителя. Оттуда он, не торопясь, проследовал на станцию железной дороги. Бросив четверть доллара слепому, сидевшему у дверей вокзала, он сел на поезд. Через три часа Джимми высадился в маленьком городке, недалеко от границы штата. Войдя в кафе некоего Майка Долана, он пожал руку хозяину, в одиночестве дежурившему за стойкой.

- Извини, что мы не могли сделать этого раньше, Джимми, сынок, сказал Долан. - Но из Спрингфилда поступил протест, и губернатор было заартачился. Как ты себя чувствуешь?

- Отлично, - сказал Джимми. - Мой ключ у тебя?

Он взял ключ и, поднявшись наверх, отпер дверь комнаты в глубине дома. Все было так, как он оставил уходя. На полу еще валялась запонка от

воротничка Бена Прайса, сорванная с рубашки знаменитого сыщика в ту минуту, когда полиция набросилась на Джимми и арестовала его.

Оттащив от стены складную кровать, Джимми сдвинул в сторону одну филенку и достал запыленный чемоданчик. Он открыл его и любовно окинул взглядом лучший набор отмычек в Восточных штатах. Это был полный набор, сделанный из стали особого закала: последнего образца сверла, резцы, перки, отмычки, клещи, буравчики и еще две-три новинки, изобретенные самим Джимми, которыми он очень гордился. Больше девятисот долларов стоило ему изготовить этот набор в... словом, там, где фабрикуются такие вещи для людей его профессии.

Через полчаса Джимми спустился вниз и прошел через кафе. Теперь он был одет со вкусом, в отлично сшитый костюм, и нес в руке вычищенный чемоданчик.

- Что-нибудь наклеивается? - сочувственно спросил Майк Долан.

- У меня? - удивленно переспросил Джимми. - Не понимаю. Я представитель Объединенной нью-йоркской компании рассыпчатых сухарей и дробленой пшеницы.

Это заявление привело Майка в такой восторг, что Джимми непременно должен был выпить стакан содовой с молоком. Он в рот не брал спиртных напитков.

Через неделю после того, как выпустили заключенного Валентайна, N 9762, было совершено чрезвычайно ловкое ограбление сейфа в Ричмонде, штат Индиана, причем виновник не оставил после себя никаких улик. Украли всего-навсего каких-то восемьсот долларов. Через две недели был без труда очищен патентованный, усовершенствованный, застрахованный от взлома сейф в Логанспорте на сумму в полторы тысячи долларов звонкой монетой; ценные бумаги и серебро остались нетронутыми. Тогда делом начали интересоваться ищейки. После этого произошло вулканическое извержение старого банковского сейфа в Джефферсон-сити, причем из кратера вылетело пять тысяч долларов бумажками. Убытки теперь были настолько велики, что дело оказалось достойным Бена Прайса. Путем сравнения было установлено поразительное сходство методов во всех этих случаях. Бен Прайс, побывав на местах преступления, объявил во всеуслышание:

- Это почерк Франта - Джимми Валентайна. Опять взялся за свое.

Посмотрите на этот секретный замок - выдернут легко, как редиска в сырую погоду. Только у него есть такие клещи, которыми можно это сделать. А взгляните, как чисто пробиты задвижки! Джимми никогда не сверлит больше одного отверстия. Да, конечно, это мистер Валентайн. На этот раз он отсидит сколько полагается, без всяких дострочных освобождений и помилований. Дурака валять нечего!

Бену Прайсу были известны привычки Джимми. Он изучил их, расследуя спрингфилдское дело. Дальние переезды, быстрые исчезновения, отсутствие сообщников и вкус к хорошему обществу - все это помогало Джимми Валентайну ускользать от возмездия. Разнесся слух, что по следам неуловимого взломщика пустился Бен Прайс, и остальные владельцы сейфов, застрахованных от взлома, вздохнули свободнее.

В один прекрасный день Джимми Валентайн со своим чемоданчиком вышел из почтовой кареты в Элморе, маленьком городке в пяти милях от железной дороги, в глубине штата Арканзас, среди зарослей карликового дуба. Джимми, похожий на студента-спортсмена, приехавшего домой на каникулы, шел по дощатому тротуару, направляясь к гостинице.

Молодая девушка пересекла улицу, обогнала Джимми на углу и вошла в дверь, над которой висела вывеска, "Городской банк". Джимми

Валентайн заглянул ей в глаза, забыл, кто он такой, и стал другим человеком. Девушка опустила глаза и слегка покраснела. В Элморе не часто встречались соловые люди с манерами и внешностью Джимми.

Джимми схватил за шиворот мальчишку, который слонялся у подъезда банка, словно акционер, и начал расспрашивать о городе, время от времени скармливая ему десятицентовые монетки. Вскоре молодая девушка опять появилась в дверях банка и пошла по своим делам, намеренно игнорируя существование молодого человека с чемоданчиком.

- Это, кажется, мисс Полли Симпсон? - спросил Джимми, явно хитря.

- Да нет, - ответил мальчишка, - это Аннабел Адамс. Ее папа банкир. А вы зачем приехали в Элмор? Это у вас золотая цепочка? Мне скоро подарят бульдога. А еще десять центов у вас есть?

Джимми пошел а "Отель плантаторов", записался там под именем Ральфа Д.Спенсера и взял номер. Облокотившись на конторку он сообщил регистратору о своих намерениях. Он приехал в Элмор на жительство, хочет заняться коммерцией. Как теперь у них в городе с обувью? Он подумывает насчет обувной торговли. Есть какие-нибудь шансы?

Костюм и манеры Джимми произвели впечатление на конторщика. Он сам был законодателем мод для не густо позолоченной молодежи Элмора, но теперь понял, чего ему не хватает. Стараясь сообразить, как именно Джимми завязывает свой галстук, он почтительно давал ему информацию.

Да, по обувной части шансы должны быть. В городе нет магазина обуви. Ею торгуют универсальные и мануфактурные магазины. Нужно надеяться, что мистер Спенсер решит поселиться в Элморе. Он сам увидит, что у них в городе жить приятно, народ здесь очень общительный.

Мистер Спенсер решил остановиться в городе на несколько дней и осмотреться для начала. Нет, звать мальчика не нужно. Чемодан довольно тяжелый, он донесет его сам.

Мистер Ральф Спенсер, феникс, возникший из пепла Джимми Валентайна, охваченного огнем внезапно вспыхнувшей и преобразившей его любви, остался в Элморе и преуспел. Он открыл магазин обуви и обзавелся клиентурой.

В обществе он тоже имел успех и приобрел много знакомых. И того, к чему стремилось его сердце, он сумел добиться. Он познакомился с мисс Аннабел Адамс и с каждым днем все больше пленялся ею.

К концу года положение мистера Ральфа Спенсера было таково: он приобрел уважение общества, его торговля обувью процветала, через две недели он должен был жениться на мисс Аннабел Адамс. Мистер Адамс, типичный провинциальный банкир, благоволил к Спенсеру. Аннабел гордилась им не меньше, чем любила его. В доме у мистера Адамса и у замужней сестры Аннабел он стал своим человеком, как будто уже вошел в семью.

И вот однажды Джимми заперся в своей комнате и написал следующее письмо, которое потом было послано по надежному адресу одному из его старых друзей в Сент-Луисе:

"Дорогой друг!

Мне надо, чтобы в будущую среду к девяти часам вечера ты был у Салливана в Литл-Рок. Я хочу, чтобы ты ликвидировал для меня кое-какие дела. Кроме того, я хочу подарить тебе мой набор инструментов. Я знаю, ты ему обрадуешься - другого такого не достать и за тысячу долларов. Знаешь, Билли, я бросил старое вот уже год. Я открыл магазин. Честно зарабатываю на жизнь, через две недели женюсь: моя невеста - самая лучшая девушка на свете. Только так и можно жить, Билли, - честно. Ни одного доллара чужих денег я теперь и

за миллион не возьму. После свадьбы продам магазин и уеду на Запад - там меньше опасности, что всплывут старые счета. Говорю тебе, Билли, она ангел. Она в меня верит, и я ни за что на свете не стал бы теперь мошенничать. Так смотри же, приходи к Салли, мне надо тебя видеть. Набор я захвачу с собой.

Твой старый приятель Джимми".

В понедельник вечером, после того как Джимми написал это письмо, Бен Прайс, никем не замеченный, въехал в Элмор в наемном кабриолете. Он не спеша прогулялся по городу и разузнал все, что ему нужно было знать. Из окна аптеки напротив обувной лавки он как следует рассмотрел Ральфа Д.Спенсера.

- Хотите жениться на дочке банкира, Джимми? - тихонько сказал Бен. - Не знаю, не знаю, право!

На следующее утро Джимми завтракал у Адамсов. В этот день он собирался поехать в Литл-Рок, чтобы заказать себе костюм к свадьбе и купить что-нибудь в подарок Аннабел. Это в первый раз он уезжал из города, с тех пор как поселился в нем. Прошло уже больше года после того, как он бросил свою "профессию", и ему казалось, что теперь модно уехать, ничем не рискуя.

После завтрака все вместе, по-семейному, отправились в центр города - мистер Адамс, Аннабел, Джимми и замужняя сестра Аннабел с двумя девочками пяти и девяти лет. Когда они проходили мимо гостиницы, где до сих пор жил Джимми, он поднялся к себе в номер и вынес оттуда чемоданчик. Потом пошли дальше, к банку. Там Джимми Валентайна дожидались запряженный экипаж и Долф Гибсон, который должен был отвести его на станцию железной дороги.

Все вошли в помещение банка, за высокие перила резного дуба, и Джимми со всеми вместе, так как будущему зятю мистера Адамса были рады везде. Конторщикам льстило, что им кланяется любезный молодой человек, который собирается жениться на мисс Аннабел. Джимми поставил свой чемоданчик на пол. Аннабел, сердце которой было переполнено счастьем и буйным весельем молодости, надела шляпу Джимми и взялась рукой за чемоданчик.

- Хороший из меня выйдет вояжер? - спросила Аннабел. - Господи, Ральф, как тяжело! Точно он набит золотыми слитками.

- Тут никелированные рожки для обуви, - спокойно отвечал Джимми, - я их собираюсь вернуть. Чтобы не было лишних расходов, думаю отвезти их сам. Я сиановлюсь ужасно экономен.

В элморском банке только что оборудовали новую кладовую с сейфом. Мистер Адамс очень гордился ею и всех и каждого заставлял осматривать ее. Кладовая была маленькая, но с новой патентованной дверью. Ее замыкали три тяжелых стальных засова, которые запирались сразу одним поворотом ручки и отпирались при помощи часового механизма. Мистер Адамс, сияя улыбкой, объяснил действие механизма мистеру Спенсеру, который слушал вежливо, но, видимо, не понимал сути дела. Обе девочки, Мэй и Агата, были в восторге от сверкающего металла, забавных часов и кнопок.

Пока все были этим заняты, в банк вошел небрежной походкой Бен Прайс и стал, облокотившись на перила и как бы нечаянно заглядывая внутрь. Кассиру он сказал, что ему ничего не нужно, он только хочет подождать одного знакомого.

Вдруг кто-то из женщин вскрикнул, и поднялась суматоха. Незаметно для взрослых девятилетняя Мэй, разыгравшись, заперла Агату в кладовой. Она задвинула засовы и повернула ручку комбинированного замка, как только что сделал у нее на глазах мистер Адамс.

Старый банкир бросился к ручке двери и начал ее дергать.

- Дверь нельзя открыть, - простонал он. - Часы не были заведены и соединительный механизм не установлен.

Мать Агаты опять истерически вскрикнула.

- Тише! - произнес мистер Адамс, поднимая дрожащую руку. - Помолчите минуту. Агата! - позвал он как можно громче. - Слушай меня!

В наступившей тишине до них едва донеслись крики девочки, обезумевшей от страха в темной кладовой.

- Деточка моя дорогая! - вопила мать. - Она умрет от страха! Откройте дверь! Ах, взломайте ее! Неужели вы, мужчины, ничего не можете сделать?

- Тлько в Литл-Рок есть человек, который может открыть эту дверь, ближе никого не найдется, - произнес мистер Адамс нетвердым голосом. - Боже мой! Спенсер, что нам делать? Девочка... ей не выдержать долго. Там не хватит воздуха, а кроме того, с ней сделаются судороги от испуга.

Мать Агаты, теряя рассудок, колотила в дверь кулаками. Кто-то необдуманно предложил пустить в ход динамит. Аннабел повернулась к Джимми, в ее больших глазах вспыхнула тревога, но она еще не отчаивалась. Женщине всегда кажется, что нет ничего невозможного или непосильного для мужчины, которого она боготворит.

- Не можете ли вы что-нибудь сделать, Ральф? Ну, попробуйте!

Он взглянул на нее, и странная, мягкая улыбка скользнула по его губам и засветилась в глазах.

- Аннабел, - сказал он, - подарите мне эту розу.

Едва веря своим ушам, она отколола розовый бутон на груди и протянула ему.

Джимми воткнул розу в жилетный карман, сбросил пиджак и засучил рукава. После этого Ральф Д. Спенсер перестал существовать, и Джимми Валентайн занял его место.

- Отойдите подальше от дверей, все отойдите! - кратко скомандовал он.

Джимми поставил свой чемоданчик на стол и раскрыл его. С этой минуты он перестал сознавать чье бы то ни было присутствие. Он быстро и аккуратно разложил странные блестящие инструменты, тихо насвистывая про себя, как всегда делал за работой. Все остальные смотрели на него, словно заколдованные, в глубоком молчании, не двигаясь с места.

Уже через минуту любимое сверло Джимми плавно вгрызлось в сталь. Через десять минут, побив собственные рекорды, он отодвинул засовы и открыл дверь.

Агату, почти в обмороке, но живую и невредимую, подхватила на руки мать.

Джимми Валентайн надел пиджак и, выйдя из-за перил, направился к дверям. Ему показалось, что далекий, когда-то знакомый голос слабо позвал его: "Ральф!" Но он не остановился.

В дверях какой-то крупный мужчина почти загородил ему дорогу.

- Здравствуй, Бен! - сказал Джимми все с той же необыкновенной улыбкой.

- Добрался-таки до меня! Ну что ж, пойдем. Теперь, пожалуй, уже все равно.

И тут Бен Прайс повел себя довольно странно.

- Вы, наверное, ошиблись, мистер Спенсер, - сказал он. - По-моему, мы с вами незнакомы. Вас там, кажется, дожидается экипаж.

И Бен Прайс повернулся и зашагал по улице.

Разные школы

Перевод М. Урнова

I

Старый Джером Уоррен жил в стотысячедолларовом доме э 35 по Восточной Пятьдесят и так далее улице. Он был маклером в деловой части города и так богат, что каждое утро мог позволить себе - для укрепления здоровья - пройти пешком несколько кварталов по направлению к своей конторе, а затем уже взять извозчика.

У него был приемный сын, сын его старого друга, по имени Гилберт - отличный типаж для Сирилла Скотта(1). Гилберт был художником и завоевывал успех с такой быстротой, с какой успевал выдавливать краски из тюбиков. Другим членом семейства старого Джерома была Барбара Росс, племянница его покойной жены. Человек рожден для забот; поскольку у старого Джерома не было своей семьи, он взвалил на свои плечи чужое бремя.

Гилберт и Барбара жили в полном согласии. Все окружающие молчаливо порешили, что недалек тот счастливый день, когда эта пара станет перед аналогом и пообещает священнику порастрасти денежки старого Джерома. Но в этом месте в ход событий следует внести некоторые осложнения.

Тридцать лет назад, когда старый Джером был молодым Джеромом, у него был брат, которого звали Диком. Дик отправился на Запад искать богатства - своего или чужого. О нем долго ничего не было слышно, но, наконец, старый Джером получил от него письмо. Написано оно было коряво, на линованной бумаге, от которой пахло солониной и кофейной гущей. Почерк страдал астмой, а орфография - пляской святого Вита.

Оказалось, что Дик не удалось подстеречь Фортуны на большой дороге и заставить ее раскошелиться, - его самого обобрали дочиста. Судя по письму, песенка его была спета: здоровье у него пришло в такое расстройство, что даже виски не помогало. Тридцать лет он искал золота, но единственным результатом его трудов была дочка девятнадцати лет, как и значилось в накладной, каковую дочку он, оплатив все дорожные издержки, отправлял теперь на Восток в адрес старого Джерома, чтобы тот кормил ее, одевал, воспитывал, утешал и холил, пока смерть или брак не разлучат их.

Старый Джером был человек-помост. Всякий знает, что мир держится на плечах Атласа, что Атлас стоит на железной решетке, а железная решетка установлена на спине черепахи. Черепахе тоже надо стоять на чем-нибудь - она и стоит на помосте, сколоченном из таких людей, как старый Джером.

Я не знаю, ожидает ли человека бессмертие. Но если нет, я хотел бы знать, когда люди, подобные старому Джерому, получают то, что им причитается?

Они встретили Неваду Уоррен на вокзале. Она была небольшого роста, сильно загоревшая и так и сияла здоровьем и красотой; она вела себя совершенно непринужденно, но даже коммивояжер сигарной фабрики подумал бы, прежде чем подмигнуть ей. Глядя на нее, вы невольно представляли ее себе в короткой юбке и кожаных гетрах, стреляющей по стеклянным шарам или укрощающей мустангов. Но она была в простой белой блузке и черной юбке, и вы не знали, что и подумать. Она без малейшего усилия несла тяжелый саквояж,

который носильщики тщетно пытались вырвать у нее.

- Мы будем с вами дружить, это непременно, - сказала Барбара, клюнув Неваду в крепкую загорелую щеку.

- Надеюсь, - сказала Невада.

- Милая племянница, малютка моя! - сказал старый Джером. - Добро пожаловать в мой дом, живи у меня, как у родного отца.

- Спасибо, - сказала Невада.

- Вы мне позволите называть вас кузиной? - обратился к ней Гилберт со своей очаровательной улыбкой.

- Возьмите, пожалуйста, саквояж, - сказала Невада. - Он весит миллион фунтов. В нем, - пояснила она Барбаре, - образцы из шести папиных рудников. По моим подсчетам, они стоят около девяти центов за тысячу тонн, но я обещала ему захватить их с собой.

II

Обычное осложнение между одним мужчиной и двумя женщинами, или одной женщиной и двумя мужчинами, или женщиной, мужчиной и аристократом - словом, любую из этих проблем - принято называть треугольником. Но эти треугольники следует определить точнее. Они всегда равнобедренные и никогда не бывают равносторонними. И вот, по приезде Невады Уоррен, она, Гилберт и Барбара Росс образовали такой фигуральный треугольник, причем Барбара заняла в нем место гипотенузы.

Однажды утром, перед тем как отправиться в свою мухоловку в деловой части города, старый Джером долго сидел после завтрака над скучнейшей из всех утренних газет Нью-Йорка. Он душевно полюбил Неваду, обнаружив в ней и независимость характера и доверчивую искренность, отличавшие его покойного брата.

Горничная принесла для мисс Невады Уоррен письмо.

- Вот, пожалуйста, его доставил мальчик-посыльный, - сказала она. - Он ждет ответа.

Невада насвистывала сквозь зубы испанский вальс и наблюдала за проезжающими по улице экипажами и автомобилями. Она взяла конверт и, еще не распечатав его, догадалась по маленькой золотой палитре в его левом верхнем углу, что письмо от Гилберта.

Разорвав конверт, она некоторое время внимательно изучала его содержимое; затем с серьезным видом подошла к дяде и стала возле него.

- Дядя Джером, Гилберт хороший человек, правда?

- Почему ты спрашиваешь, дитя мое? - сказал старый Джером, громко шелестя газетой. - Конечно, хороший. Я сам его воспитал.

- Он ведь никому не станет писать ничего такого, что было бы не совсем... я хочу сказать, чего нельзя было бы знать и прочесть каждому?

- Попробовал бы он только, - сказал дядя и оторвал от своей газеты порядочный кусок. - Но почему ты об этом...

- Прочитайте, дядя, эту записку - он только что прислал мне ее - и скажите, как, по-вашему, все ли в ней в порядке и как полагается? Я ведь плохо знаю, как и что принято у вас в городе.

Старый Джером швырнул газету на пол и наступил на нее обеими ногами. Он схватил записку Гилберта, внимательно прочитал ее дважды, а потом и в третий

раз.

- Ах, детка, - проговорил он, - ты чуть было не расстроила меня, хоть я и был уверен в моем мальчишке. Он точная копия своего отца, а его отец был чистый брильянт в золотой оправе. Он спрашивает только, можете ли вы с Барбарой сегодня в четыре часа дня поехать с ним в автомобиле на Лонг-Айленд? Я не нахожу в записке ничего предосудительного, за исключением бумаги. Терпеть не могу этот голубой оттенок.

- Удобно будет, если я поеду?

- Да, да, дитя мое, конечно. Почему нет? Право, мне очень приятны твоя осторожность и чистосердечие. Поезжай, непременно поезжай.

- Я не знала, как мне поступить, - застенчиво проговорила Невада, - и подумала: спрошу-ка я лучше у дяди. А вы, дядя, не можете поехать с нами?

- Я? Нет, нет, нет! Я разок прокатился в машине, которой правил этот мальчишка. С меня довольно! Но ты и Барбара можете ехать, это вполне прилично. Да, да. А я не поеду. Нет, нет и нет!

Невада порхнула к двери и сказала горничной:

- Поедем, будьте уверены. За мисс Барбару я отвечаю. Скажите посыльному, чтобы он так и передал мистеру Уоррену: "Поедем, будьте уверены".

- Невада! - позвал старый Джером. - Извини меня, моя милая, но не лучше ли ответить запиской? Черкни ему несколько слов.

- Не стану я разводить эту канитель, - весело сказала Невада. - Гилберт поймет и так - он все понимает. Ни разу в жизни я не ездила в автомобиле; но я проплыла в каноэ по ущелью Пропавшей Лошади на Чертовой речке. Еще посмотрим, где больше риска!

III

Предполагается, что прошло два месяца.

Барбара сидела в кабинете стотысячедолларового дома. Для нее это было самое подходящее место. На свете много уготовано мест, куда мужчины и женщины могут удалиться с намерением избавить себя от разных хлопот. Для этой цели имеются монастыри, кладбища, курорты, исповедальни, кельи отшельников, конторы адвокатов, салоны красоты, дирижабли и кабинеты; лучше всего кабинеты.

Обычно проходит много времени, прежде чем гипотенуза начнет понимать, что она самая длинная сторона треугольника. Но нет того положения, которое может длиться вечно.

Барбара была одна. Дядя Джером и Невада уехали в театр. Барбара ехать отказалась. Ей хотелось остаться дома и заняться чем-нибудь в уединенной комнате для занятий. Если бы вы, мисс, были блестящей нью-йоркской барышней и каждый день видели, как смуглая, ловкая чародейка с Запада накидывает лассо на молодого человека, которого вы держали на примете для себя, вы тоже потеряли бы вкус к дешевому блеску музыкальной комедии.

Барбара сидела за дубовым письменным столом. Ее правая рука покоилась на столе, а пальцы этой руки беспокойно теребили запечатанное письмо. Письмо было адресовано Неваде Уоррен; в левом верхнем углу конверта помещалась маленькая золотая палитра Гилберта. Письмо доставили в девять часов, когда Невада уже уехала.

Барбара отдала бы свое жемчужное кольцо, только бы знать, что в нем написано. Но вскрыть конверт с помощью пара, ручки, шпильки или каким-нибудь иным из общепринятых способов она не решалась - не позволяло ее положение в обществе. Она смотрела письмо на свет и изо всех сил сжимала конверт, пытаясь прочесть хотя бы несколько строк, но ничего у нее не вышло - Гилберт знал толк в канцелярских принадлежностях.

В одиннадцать тридцать театралы вернулись. Была прелестная зимняя ночь. Пока они шли от экипажа до дверей, их густо обсыпало крупными снежными хлопьями, косо летевшими с востока. Старый Джером добродушно ругал извозчиков и толчею на улицах. Невада, раздумывая, как роза, поблескивая сапфировыми глазами рассказывала о ночных бурях, которые бушевали в горах вокруг папиной хижины. В продолжение этих зимних апострофов Барбара спала, чувствуя холод в сердце, и тихо Всхрапывала - ничего лучшего она не могла придумать.

Старый Джером сразу поднялся к себе наверх - к своим грелкам и хинину. Невада впорхнула в кабинет, единственную ярко освещенную комнату, опустилась в кресло и, приступив к бесконечной процедуре расстегивания длинных - до локтя - перчаток, начала давать устные показания относительно виденного ею зрелища.

- Да, мистер Филдс бывает смешон... иногда, - сказала Барбара. - Тут для тебя есть письмо, дорогая, его принес посыльный, как только вы уехали.

- От кого? - спросила Невада, дернув за пуговицу.

- Могу только догадываться, - с улыбкой сказала Барбара. - На конверте, в уголке, имеется такая финтифлюшка, которую Гилберт называет палитрой, а мне она больше напоминает золоченое сердечко на любовной записке школьницы.

- Интересно, о чем он мне пишет? - равнодушно заметила Невада.

- Все мы, женщины, одинаковы, - сказала Барбара. - Гадаем о содержании письма по штемпелю, как последнее средство используем ножницы и читаем письмо снизу вверх. Вот оно!

Она подняла руку с письмом, собираясь бросить его через стол Неваде.

- Шакал их укуси! - воскликнула Невада. - Надоели мне эти бесконечные пуговицы. Кожаные штаны и то лучше. Барбара, прошу тебя, сдери, пожалуйста, шкурку с этого письма и прочти его.

- Неужели ты хочешь, милая, чтобы я распечатала письмо, присланное Гилбертом на твоё имя? Оно написано для тебя, и, разумеется, тебе не понравится, если кто-нибудь другой прочтает его!

Невада подняла от перчаток свои смелые, спокойные, сапфировые глаза.

- Никто не напишет мне ничего такого, чего нельзя было бы прочитать всем, - сказала она. - Живей, Барбара! Возможно, Гилберт хочет, чтобы завтра мы опять поехали кататься в его автомобиле?

"Любопытство сгубило кошку" - так гласит народная мудрость. Любопытство еще и не таких бед может натворить. А если чувства, которые считаются чисто женскими, враждебны кошачьей жизни, то ревность вскоре оставит целый свет без кошек.

С несколько скучающим, снисходительным видом Барбара вскрыла письмо.

- Ну, что ж, дорогая, - проговорила она, - если ты так хочешь, я прочитаю его тебе.

Она бросила конверт и торопливо пробежала письмо глазами; прочитала его еще раз и бросила быстрый, хитрый взгляд на Неваду, для которой весь мир в эту минуту, казалось, свелся к перчаткам, а письма молодых, но идущих в гору художников имели не больше значения, чем послания с Марса.

Четверть минуты Барбара смотрела на Неваду как-то особенно пристально; затем чуть заметная улыбка, от которой рот ее приоткрылся всего на одну шестнадцатую дюйма, а глаза сузились не более, чем на двадцатую, сверкнула на ее лице, как вдохновенная мысль.

Спокон веков ни одна женщина не составляла тайны для другой женщины. С быстротой света каждая из них проникает в сердце и ум другой женщины, срывает со слов своей сестры хитроумные покровы, читает самые сокровенные ее желания, снимает шелуху софистики с коварнейших ее замыслов, как волосы с гребня, и, сардонически повертев ее между пальцами, пускает по ветру изначального сомнения.

Много-много лет назад сын Евы позвонил у дверей фамильной резиденции в Рай-парке. Он держал под руку неизвестную даму, которую и представил матери. Ева отозвала свою невестку в сторону и подняла классическую бровь.

- Из земли Нод, - сказала новобрачная, томно кокетничая пальмовым листом. - Вы, конечно, бывали там?

- Давненько не была, - ответила Ева с полной невозмутимостью. - Вам не кажется, что яблочный соус, который там подают, отвратителен? Ваша туника из листьев шелковицы довольно привлекательна, милочка; но, конечно, настоящего фигового товара там не достанешь. Пройдем сюда, за этот сиреневый куст, пока джентльмены выпьют по рюмочке сильдереевки. Мне кажется, что дырки, которые прогрызли в вашем наряде гусеницы, слишком оголяют вам спину.

Таким-то образом в упомянутое время и в указанном месте, как гласит предание, был заключен союз между единственными двумя дамами в мире, которые попали в биографический справочник тогдашнего светского общества. И тогда же было решено, что женщина навеки пребудет для другой женщины прозрачной, как стекло, - хотя его предстояло еще изобрести, - и компенсирует себя тем, что составит тайну для мужчины.

Барбара как будто колебалась.

- Ах, Невада, - проговорила она что-то уж очень смущенно, - зачем ты настаивала, чтобы я распечатала письмо. Я... я так и знала, что оно написано не для посторонних глаз.

Невада забыла на минуту о перчатках.

- Если так, читай его вслух, - сказала она. - Ты ведь уже прочла, так теперь все равно. Если мистер Уоррен действительно написал мне что-нибудь такое, - чего другим не следует знать, пусть знают об этом все.

- Ну-у, - проговорила Барбара, - здесь вот что сказано.

"Милая моя Невада, приходите сегодня ко мне в студию в двенадцать часов ночи. Приходите непременно".

Барбара поднялась и уронила записку Неваде на колени.

- Мне страшно неприятно, что я узнала об этом, - сказала она. - На Гилберта это не похоже. Тут какое-то недоразумение. Будем считать, что я ничего не знаю, хорошо, милая? Ну, я пойду, ужас как болит голова. Нет, серьезно, не понимаю я этой записки. Может быть, Гилберт слишком хорошо пообедал и позже все разъяснится. Спокойной ночи!

IV

Невада подошла на цыпочках к холлу и услышала, как наверху захлопнулась за Барбарой дверь. Бронзовые часы в кабинете показывали, что до полуночи

оставалось пятнадцать минут Она быстро побежала к парадной двери, открыла ее и вышла в метель. Студия Гилберта находилась за шесть кварталов.

Проносясь по воздушной переправе, белое безмолвное войско метели атаковало город со стороны угрюмой Восточной реки Снега намело уже на целый фут, сугробы громоздились, как лестницы у стен осажденного города. Авеню была тиха, как улица в Помпее. Порой мимо пролетали экипажи, как белокрылые чайки над освещенным луной океаном, реже автомобили - продолжим сравнение - со свистом рассекали пенные волны, как подводные лодки, пустившиеся в увлекательное и опасное плавание.

Невада мелькала в снежных хлопьях, как над морем буревестник, гонимый ветром Она посмотрела вверх, на разорванную цепь зданий, покрытых шапками облаков и окрашенных ночными огнями и застывшими испарениями в серые, тускло-коричневые, пепельные, бледно-лиловые, серовато-коричневые и небесно голубые тона. Они так напоминали горы ее родного Запада, что она почувствовала удовольствие, какое редко испытывала в сотысячедолларовом доме.

Стоявший на углу полисмен одним своим взглядом заставил ее вздрогнуть.

- Хелло, красотка! - сказал он. - Поздноато гуляешь, а?

- Я... я в аптеку, - проговорила Невада и поспешила пройти мимо.

Такая отговорка заменяет пропуск самым искушенным в житейских делах. Подтверждает ли это, что женщина не способна к развитию, или что она вышла из адамова ребра с полным запасом сообразительности и коварства?

Когда Невада свернула на восток, ветер ударил ей прямо в лицо и сократил скорость ее продвижения наполовину. Она оставляла на снегу зигзагообразные следы; но она была гибка, как молодое деревцо, и так же грациозно кланялась ветру. Вдруг перед ней замаячило здание, в котором находилась студия Гилберта, - желанная вежа, точно утес над знакомым каньоном. В обители бизнеса и враждебного ему соседа - искусства - было темно и тихо. Лифт кончал работать в девять часов.

Невада одолела восемь пролетов Стигийской лестницы и смело постучала в дверь под номером "89". Она бывала здесь много раз с Барбарой и дядей Джеромом.

Гилберт отворил дверь. В руке у него был карандаш, над глазами зеленый щиток, во рту трубка. Трубка упала на пол.

- Опоздала? - спросила Невада. - Я спешила как только могла. Мы с дядей были в театре. Вот я, Гилберт!

Гилберт разыграл эпизод Пигмалиона и Галатеи. Из статуи оцепенения он превратился в молодого человека, которому надо решить трудную задачу. Он впустил Неваду в комнату, взял веник и стал смахивать снег с ее одежды. Большая лампа с зеленым абажуром висела над мольбертом, где Гилберт только что делал набросок карандашом.

- Вы звали меня, и я пришла, - просто сказала Невада. - Я получила ваше письмо. Что случилось?

- Вы прочли мое письмо? - спросил Гилберт, жадно глотая воздух.

- Барбара прочла. Потом я его тоже видела. В нем было сказано: "Приходите ко мне в студию в двенадцать часов ночи. Приходите непременно". Я решила, конечно, что вы больны, но что-то непохоже.

- Ага! - некстати произнес Гилберт. - Я скажу вам, Невада, зачем я просил вас прийти. Я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж, - сегодня же, сейчас. Метель нам не помеха. Вы согласны?

- Вы давно могли заметить, что я согласна. А метель мне даже очень

нравится. Терпеть не могу эти пышные свадьбы в церкви и при дневном освещении. Вот не думала я, что у вас хватит духу сделать мне такое предложение. Давайте огорошим их - дело-то касается нас и никого больше! Правда ведь?

- Будьте уверены! - ответил Гилберт. "Где я слышал это выражение?" - подумал он про себя. - Одну минуту, Невада. Я только позвоню по телефону.

Он закрылся в маленьком кабинете и вызвал молнии небесные, сконденсированные в малоромантичные цифры и буквы.

- Это ты, Джек? Ну и соня ты, черт тебя подери! Да проснись же! Это я, ну я же, брось придирайтесь к словам! Я женюсь, сию минуту. Ну да. Буди сестру... какие могут быть возражения. Тащи ее с собой! Для меня ты обязан это сделать! Напомни Агнесе, что я спас ее, когда она тонула в озере Ронконкома... Я понимаю, не тактично напоминать ей об этом, но она должна приехать вместе с тобой. Да, да! Невада здесь, ждет. Мы помолвлены довольно давно. Родственники не согласны, понимаешь, вот и приходится действовать таким образом. Ждем вас. Не дай Агнесе заговорить себя - тащи ее, и все тут! Сделаешь?! Молодец, старина! Заказываю для вас извозчика, скажу, чтоб гнал во всю прыть. Черт тебя побери, Джек, славный ты малый!

Гилберт вернулся в комнату, где его ждала Невада.

- Мой старый друг, Джек Пейтон, и его сестра должны были явиться сюда без четверти двенадцать, - пояснил он. - Но Джек вечно копается. Я позвонил, чтобы они поторапливались. Они приедут, через несколько минут. Я счастливейший человека мире, Невада! Что вы сделали с моим письмом?

- Я засунула его вот сюда, - сказала Невада, вытаскивая письмо из-за лифа вечернего платья.

Гилберт вынул записку из конверта и внимательно прочитал ее. Затем он в раздумье взглянул на Неваду.

- Вам не показалось несколько странным, что я просил вас прийти ко мне в студию в полночь? - спросил он.

- Не-ет, - сказала Невада, широко раскрыв глаза. - Почему же, если я была вам нужна. У нас, на Западе, когда приятель шлет вам срочный вызов - кажется, у вас это так называется? - сначала спешат к нему, а потом, когда сделают все, что нужно, начинаются разговоры. И там тоже в таких случаях обычно идет снег. Я не нашла здесь ничего особенного.

Гилберт кинулся в соседнюю комнату и вернулся, нагруженный верхней одеждой, гарантирующей от ветра, дождя и снега.

- Наденьте этот плащ, - сказал он, подавая его Неваде. - Нам придется проехать четверть мили. Старина Джек и его сестра явятся сюда через несколько минут. - Он стал натягивать на себя пальто. - Ах да, Невада! - сказал он. - Просмотрите-ка заголовки на первой странице вечерней газеты, вон она лежит на столе. Пишут про вашу местность на Западе, я уверен, вам будет интересно.

Он ждал целую минуту, делая вид, что никак не может попасть в рукав, потом обернулся. Невада не сдвинулась с места. Она смотрела ему прямо в лицо странным, задумчивым взглядом. Ее щеки, разрумянившиеся от ветра и снега, запылали еще ярче; но она не опускала глаз.

- Я собиралась сказать вам, - проговорила она, - во всяком случае прежде, чем вы... прежде, чем мы... прежде... ну, в общем заранее. Папа совсем не посылал меня в школу. Я не могу ни прочесть, ни написать ни одного распроклятого слова. И если вы...

На лестнице послышались неуверенные шаги Джека сонливого и Агнесы

благодарной.

После обряда, когда мистер и миссис Гилберт Уоррен быстро и плавно катили домой в закрытой карете, Гилберт сказал:

- Невада, ты хочешь знать, что я написал в письме, которое ты получила сегодня вечером?

- Валяй, говори! - сказала новобрачная.

- Вот что там было написано, слово в слово: "Моя дорогая мисс Уоррен, вы были правы. Это была гортензия, а не сирень".

- Ну и прекрасно, - сказала Невада. - Но это дело прошлое. И что ни говори, а Барбара подшутила сама над собой.

1) - Английский композитор, пианист и поэт.

Без вымысла

Перевод Г. Конюшкова

Чтобы предубежденный читатель не отшвырнул сразу же эту книгу в самый дальний угол комнаты, я заранее предупреждаю, что это - не газетный рассказ. Вы не найдете здесь ни энергичного, всезнающего редактора, ни вундеркинда-репортера только что из деревни, ни сенсации, ни вымысла - ничего.

Но если вы разрешите мне избрать местом действия для первой сцены репортерскую комнату "Утреннего маяка", то в ответ на эту любезность я в точности сдержу все данные мною выше обещания.

В "Маяке" я работал внештатным сотрудником и надеялся, что меня переведут на постоянное жалованье. В конце длинного стола, заваленного газетными вырезками, отчетами о заседаниях конгресса и старыми подшивками, кто-то лопатой - или граблями расчистил для меня местечко. Там я работал. Я писал обо всем, что нашептывал, трубил и кричал мне огромный город во время моих прилежных блужданий по его улицам. Заработок мой не был регулярным.

Однажды ко мне подошел и оперся на мой стол некто Трипп. Он что-то делал в печатном отделе, - кажется, имел какое-то отношение к иллюстрациям; от него пахло химикалиями, руки были вечно измазаны и обожжены кислотами. Ему было лет двадцать пять, а на вид - все сорок. Половину его лица скрывала короткая курчавая рыжая борода, похожая на коврик для вытирания ног, только без надписи "Добро пожаловать". У него был болезненный, жалкий, заискивающий вид, и он постоянно занимал деньги в сумме от двадцати пяти центов до одного доллара. Больше доллара он не просил никогда. Он так же хорошо знал предел своего кредита, как Национальный Химический банк знает, сколько H₂O может обнаружиться в результате анализа некоторых обеспечений. Присев на краешек стола, Трипп стиснул руки, чтобы они не дрожали. Виски! Он всегда пытался держаться беспечно и развязно, это никого не могло обмануть, но помогало ему

перехватывать займы, потому что очень уж жалкой была эта наигранность.

В тот день я выманил у ворчливого бухгалтера пять блестящих серебряных долларов в виде аванса за рассказ, который весьма неохотно был принят для воскресного номера. Поэтому если я и не состоял еще в мире со всей вселенной, то перемирие во всяком случае было заключено, и я с жаром приступил к описанию Бруклинского моста при лунном свете.

- Ну-с, Трипп, - сказал я, взглянув на него не слишком приветливо, - как дела?

Вид у него был еще более несчастный, измученный, пришибленный и подобострастный, чем обычно. Когда человек доходит до такой ступени унижения, он вызывает такую жалость, что хочется его ударить.

- У вас есть доллар? - спросил Трипп, и его собачьи глаза заискивающе блеснули в узком промежутке между высоко растущей спутанной бородой и низко растущими спутанными волосами.

- Есть! - сказал я. - Да, есть, - еще громче и резче повторил я, - и не один, а целых пять. И могу вас уверить, мне стоило немалого труда вытянуть их из старика Аткинсона. Но я их вытянул, - продолжал я, - потому что мне нужно было - очень нужно - просто необходимо - получить именно пять долларов.

Предчувствие неминуемой потери одного из этих долларов заставляло меня говорить внушительно.

- Я не прошу займы, - сказал Трипп. Я облегченно вздохнул. - Я думал, вам пригодится тема для хорошего рассказа, - продолжал он, - у меня есть для вас великолепная тема. Вы могли бы разогнать ее по меньшей мере на целую колонку. Получится прекрасный рассказ, если обыграть как надо. Материал стоил бы вам примерно один-два доллара. Для себя я ничего не хочу.

Я стал смягчаться. Предложение Триппа доказывало, что он ценит прошлые ссуды, хотя и не возвращает их. Догадайся он в ту минуту попросить у меня двадцать пять центов, он получил бы их немедленно.

- Что за рассказ? - спросил я и повертел в руке карандаш с видом заправского редактора.

- Слушайте, - ответил Трипп - Представьте себе: девушка. Красавица. Редкая красавица. Бутон розы, покрытый росой фиалка на влажном мху и прочее в этом роде. Она прожила двадцать лет на Лонг-Айленде и ни разу еще не была в Нью-Йорке. Я налетел на нее на Тридцать четвертой улице. Она только что переехала на пароме через Восточную реку. Говорю вам, она такая красавица, что ей не страшна конкуренция всех мировых запасов перекиси. Она остановила меня на улице и спросила, как ей найти Джорджа Брауна. Спросила, как найти в Нью-Йорке Джорджа Брауна. Что вы на это скажете?

Я разговорился с ней и узнал, что на будущей неделе она выходит замуж за молодого фермера Додда-Хайрэма Додда. Но, по-видимому, Джордж Браун еще сохранил первое место в ее девичьем сердце. Несколько лет назад этот Джордж начистил сапоги и отправился в Нью-Йорк искать счастья. Он забыл вернуться в Гринбург, и Хайрэм, как второй кандидат, занял его место. Но когда дошло до развязки, Ада - ее зовут Ада Лоури - оседлала коня, проскакала восемь миль до железнодорожной станции, села в первый утренний поезд и поехала в Нью-Йорк, искать Джорджа. Вот они, женщины! Джорджа нет, значит вынь да положи ей Джорджа.

Вы понимаете, не мог же я оставить ее одну в этом Волчьем-городе-на-Гудзоне Она, верно, рассчитывала, что первый встречный должен ей ответить: "Джордж Браун? Дада-да... минуточку... такой коренастый

парень с голубыми глазами? Вы его найдете на Сто двадцать пятой улице, рядом с бакалейной лавкой Он - кассир в шорно- седельном магазине". Вот до чего она очаровательно наивна! Вы знаете прибрежные деревушки Лонг-Айленда, вроде этого Гринбурга, - две-три утиные фермы для развлечения, а для заработка-устрицы да человек десять дачников. Вот из такого места она и приехала. Но вы обязательно должны ее увидеть! Я ничем не мог ей помочь. По утрам у меня деньги не водятся. А у нее почти все ее карманные деньги ушли на железнодорожный билет. На оставшуюся четверть доллара она купила леденцов и ела их прямо из кулечка. Мне пришлось отвести ее в меблированные комнаты на Тридцать второй улице, где я сам когда-то жил, и заложить ее там за доллар. Старуха Мак-Гиннис берет доллар в день. Я провожу вас туда.

- Что вы плетете, Трипп? - сказал я. - Вы ведь говорили, что у вас есть тема для рассказа. А каждый паром, пересекающий Восточную реку, привозит и увозит с Лонг-Айленда сотни девушек...

Ранние морщины на лице Триппа врезались еще глубже. Он серьезно глянул на меня из-под своих спутанных волос, разжал руки и, подчеркивая каждое слово движением трясущегося указательного пальца, сказал:

- Неужели вы не понимаете, какой изумительный рассказ из этого можно сделать? У вас отлично выйдет. Поромантичнее опишите девушку, нагородите всякой всячины о верной любви, можно малость подтрунить над простодушием жителей Лонг-Айленда, - ну, вы то лучше меня знаете, как это делается. Вы получите никак не меньше пятнадцати долларов. А вам рассказ обойдется в каких-нибудь четыре. У вас останется чистых одиннадцать долларов!

- Почему это он обойдется мне в четыре доллара? - спросил я подозрительно.

- Один доллар - миссис Мак-Гиннис, - без запинки ответил Трипп, - и два девушке, на обратный билет.

- А четвертое измерение? - осведомился я, быстро подсчитав кое-что в уме.

- Один доллар мне, - сказал Трипп. - На виски. Ну, идет?

Я загадочно улыбнулся и удобно пристроил на столе локти, делая вид, что возвращаюсь к прерванной работе. Но стряхнуть этот фамильярный, подбострастный, упорный, несчастный репейник в человеческом образе было не так-то легко. Лоб его вдруг покрылся блестящими бусинками пота.

- Неужели вы не понимаете, - сказал он с какой-то отчаянной решимостью, - что девушку нужно отправить домой сегодня днем - не вечером, не завтра, а сегодня днем! Я сам ничего не могу сделать. Вы же знаете, я - действительный и почетный член Клуба Неимуших.

Я ведь думал, что вы могли бы сделать из всего этого хороший рассказ и в конечном счете заработать. Но как бы там ни было, неужели вы не понимаете, что ее во что бы то ни стало нужно отправить сегодня, не дожидаясь вечера?

Тут я начал ощущать тяжелое, как свинец, гнетущее чувство, именуемое чувством долга. Почему это чувство ложится на нас как груз, как бремя? Я понял, что в этот день мне суждено лишиться большей части с таким трудом добытых денег ради того, чтобы выручить Аду Лоури. Но я дал себе клятву, что Триппу не видать доллара на виски. Пусть сыграет на мой счет роль странствующего рыцаря, но устроить попойку в честь моего легковерия и слабости ему не удастся. С какой-то холодной яростью я надел пальто и шляпу.

Покорный, униженный Трипп, тщетно пытаясь угодить мне, повез меня на трамвае в своеобразный ломбард тетюшки Мак-Гиннис. За проезд платил, конечно, я. Казалось, этот пропахший коллодием Дон Кихот и самая мелкая

монета никогда не имели друг с другом ничего общего.

Трипп дернул звонок у подъезда мрачного кирпичного дома. От слабого звяканья колокольчика он побледнел и сжался, точно заяц, слышавший собак. Я понял, как ему живется, если приближающиеся шаги квартирной хозяйки приводят его в такой ужас.

- Дайте один доллар, скорей! - прошептал он.

Дверь приоткрылась дюймов на шесть. В дверях стояла тетушка Мак-Гиннис, белоглазая - да, да, у нее были белые глаза - и желтолицая, одной рукой придерживая у горла засаленный розовый фланелевый капот. Трипп молча сунул ей доллар, и наспустили.

- Она в гостиной, - сказала Мак-Гиннис, поворачивая к нам спину своего капота.

В мрачной гостиной за треснутым круглым мраморным столом сидела девушка и, сладко плача, грызла леденцы. Она была безукоризненно красива. Слезы лишь усиливали блеск ее глаз. Когда она разгрызала леденец, можно было думать только о поэзии ее движений и завидовать бесчувственной конфете. Ева в возрасте пяти минут - вот с кем могла сравниться мясе Лоури в возрасте девятнадцати - двадцати лет. Трипп представил меня, леденцы были на мгновение забыты, и она стала рассматривать меня с наивным интересом, как щенка (очень породистый) рассматривает жука или лягушку.

Трипп стал у стола и оперся на него пальцами, словно адвокат или церемониймейстер. Но на этом сходство кончалось. Его поношенный пиджак был наглухо застегнут до самого ворота, чтобы скрыть отсутствие белья и галстука. Беспокойные глаза, сверкавшие в просвете между шевелюрой и бородой, - напоминали шотландского терьера. Меня кольнул недостойный стыд при мысли, что я был представлен безутешной красавице как его друг. Но Трипп, видимо, твердо решил вести церемонию по своему плану. Мне казалось, что в его позе, во всех его действиях сквозит стремление представить мне все происходящее как материал для газетного рассказа в надежде все-таки выудить у меня доллар на виски.

- Мой друг (я содрогнулся) мистер Чалмерс, - начал Трипп, - скажет вам то же самое, что уже сказал вам я, мисс Лоури. Мистер Чалмерс - репортер и может все объяснить вам гораздо лучше меня. Поэтому-то я и привел его. (О Трипп, тебе скорее нужен был Среброуст!). Он прекрасно во всем разбирается и может посоветовать, как вам лучше поступить.

Я не чувствовал особой уверенности в своей позиции, к тому же и стул, на который я сел, расшатался и поскрипывал.

- Э... э... мисс Лоури, - начал я, внутренне взбешенный вступлением Триппа. - Я весь к вашим услугам, но... э-э... мне неизвестны все обстоятельства дела, и я... гм...

- О! - сказала мисс Лоури, сверкнув улыбкой. - Дело не так уж плохо, обстоятельств-то никаких нет. В Нью-Йорк я сегодня приехала в первый раз, не считая того, что была здесь лет пяти от роду. Я никогда не думала, что это такой большой город. И я встретила мистера... мистера Сниппа на улице и спросила его об одном моем знакомом, а он привел меня сюда и попросил подождать.

- По-моему, мисс Лоури, - вмешался Трипп, - вам лучше рассказать мистеру Чалмерсу все. Он - мой друг (я стал привыкать к этой кличке) и даст вам нужный совет.

- Ну, конечно, - обратилась ко мне Ада, грызя леденец, - но больше и рассказывать нечего, кроме разве того, что в четверг я выхожу замуж за

Хайрэма Додда.

Это уже решено. У него двести акров земли на самом берегу и один из самых доходных огородов на Лонг-Айленде. Но сегодня утром я велела оседлать мою лошадку, - у меня белая лошадка, ее зовут Танцор, - и поехала на станцию. Дома я сказала, что пробуду целый день у Сюзи Адамс; я это, конечно, выдумала, но это не важно. И вот я приехала поездом в Нью-Йорк и встретила на улице мистера... мистера Флиппа и спросила его, как мне найти Дж... Дж...

- Теперь, мисс Лоури, - громко и, как мне показалось, грубо перебил ее Трипп, едва она запнулась, - скажите нравится ли вам этот молодой фермер, этот Хайрэм Додд. Хороший ли он человек, хорошо ли к вам относится?

- Конечно, он мне нравится, - с жаром ответила мисс Лоури, - он очень хороший человек И, конечно, он хорошо ко мне относится. Ко мне все хорошо относятся?

Я был совершенно уверен в этом. Все мужчины всегда будут хорошо относиться к мисс Аде Лоури. Они будут из кожи лезть, соперничать, соревноваться и бороться за счастье держать над ее головой зонтик, нести ее чемодан, поднимать ее носовые платки или угощать ее содовой водой.

- Но вчера вечером, - продолжала мисс Лоури, - я подумала о Дж... о... о Джордже и... и я...

Золотистая головка уткнулась в скрещенные на столе руки. Какой чудесный весенний ливень! Она рыдала безудержно. Мне очень хотелось ее утешить. Но ведь я - не Джордж. Я порадовался, что я и не Хайрэм... но и пожалел об этом.

Вскоре ливень прекратился. Она подняла голову, бодрая и чуть улыбающаяся. О! Из нее, несомненно, выйдет очаровательная жена - слезы только усиливают блеск и нежность ее глаз. Она сунула в рот леденец и стала рассказывать дальше.

- Я понимаю, что я ужасная деревенщина! - говорила она между вздохами и всхлипываниями. - Но что же мне делать? Джордж и я... мы любили друг друга с того времени, когда ему было восемь лет, а мне пять. Когда ему исполнилось девятнадцать, - это было четыре года тому назад, - он уехал в Нью-Йорк. Он сказал, что станет полисменом, или президентом железнодорожной компании, или еще чем-нибудь таким, а потом приедет за мной. Но он словно в воду канул... А я... я очень любила его.

Новый поток слез был, казалось, неизбежен, но Трипп бросился к шлюзам и вовремя запер их. Я отлично понимал его злодейскую игру. Во имя своих гнусных, корыстных целей он старался во что бы то ни стало создать газетный рассказ.

- Продолжайте, мистер Чалмерс, - сказал он. - Объясните даме, как ей следует поступить. Я так и говорил ей, - вы мастер на такие дела. Валяйте!

Я кашлянул и попытался заглушить свое раздражение против Триппа. Я понял, в чем мой долг. Меня хитро заманили в ловушку, и теперь я крепко в ней сидел. В сущности говоря, то, чего хотел Трипп, было вполне справедливо. Девушку нужно вернуть в Гринбург сегодня же. Ее необходимо убедить, успокоить, научить, снабдить билетом и отправить без промедления. Я ненавидел Хайрэма и презирал Джорджа, но долг есть долг. Noblesse oblige и жалкие пять серебряных долларов не всегда оказываются в романтическом соответствии, но иногда их можно свести вместе. Мое дело - быть оракулом и вдобавок оплатить проезд. И вот, войдя одновременно в роли Соломона и агента Лонг-Айлендской железной дороги, я заговорил так убедительно, как только мог.

- Мисс Лоури, жизнь - достаточно сложная штука. - Произнося эти слова, я невольно уловил в них что-то очень знакомое, но понадеялся, что мисс Лоури не слышала этой модной песенки. - Мы редко вступаем в брак с предметом нашей первой любви. Наши ранние увлечения, озаренные волшебным блеском юности, слишком воздушны, чтобы осуществиться. - Последние слова прозвучали банально и пошловато, но я все-таки продолжал. - Эти наши заветные мечты, пусть смутные и несбыточные, бросают чудный отблеск на всю нашу последующую жизнь. Но ведь жизнь - это не только мечты и грезы, это действительность. Нельзя жить одними воспоминаниями. И вот мне хочется спросить вас, мисс Лоури, как вы думаете, могли ли бы вы построить счастливую... то есть согласную, гармоничную жизнь с мистером... мистером Доддом, если во всем остальном, кроме романтических воспоминаний, он человек, так сказать, подходящий?

- О, Хайрэм очень славный, - ответила мисс Лоури. - Конечно, мы бы с ним прекрасно ладили. Он обещал мне автомобиль и моторную лодку. Но почему-то теперь, когда подошло время свадьбы, я ничего не могу с собой поделаться... я все время думаю о Джордже. С ним, наверно, что-нибудь случилось, иначе он написал бы мне. В день его отъезда мы взяли молоток и зубило и разбили пополам десятицентовую монету. Я взяла одну половинку, а он - другую, и мы обещали быть верными друг другу и хранить их, пока не встретимся снова. Я храню свою половинку в коробочке с кольцами, в верхнем ящике комода. Глупо было, конечно, приехать сюда искать его. Я никогда не думала, что это такой большой город.

Здесь Трипп перебил ее своим отрывистым скрипучим смехом. Он все еще старался состряпать какую-нибудь драму или рассказик, чтобы выцарапать вожаделенный доллар.

- Эти деревенские парни о многом забывают, как только приедут в город и кой-чему здесь научатся. Скорее всего ваш Джордж свихнулся или его зацарапала другая девушка, а может быть, сгубило пьянство или скачки. Послушайте мистера Чалмерса, отправляйтесь домой, и все будет хорошо.

Стрелка часов приближалась к полудню; пора было действовать. Свирепо поглядывая на Триппа, я мягко и разумно стал уговаривать мисс Лоури немедленно возвратиться домой. Я убедил ее, что для ее будущего счастья отнюдь не представляется необходимым рассказывать Хайрэму о чудесах Нью-Йорка, да и вообще о поездке в огромный город, поглотивший незадачливого Джорджа.

Она сказала, что оставила свою лошадь (бедный Росинант!) привязанной к дереву у железнодорожной станции. Мы с Триппом посоветовали ей сесть на это терпеливое животное, как только она вернется на станцию, и скакать домой как можно быстрее. Дома она должна подробно рассказать, как интересно она провела день у Сюзи Адамс. С Сюзи можно сговориться, - я уверен в этом, - и все будет хорошо.

И тут я, не будучи неуязвим для ядовитых стрел красоты, сам начал увлекаться этим приключением. Мы втроем поспешили к парому; там я узнал, что билет до Гринбурга стоит всего один доллар восемьдесят центов. Я купил билет, а за двадцать центов - ярко-красную розу для мисс Лоури. Мы посадили ее на паром я смотрели, как она махала нам платочком, пока белый лоскуток не исчез вдаль. А затем мы с Триппом спустились с облаков на сухую, бесплодную землю, осененную унылой тенью неприглядной действительности.

Чары красоты и романтики рассеялись. Я неприязненно посмотрел на Триппа: он показался мне еще более измученным, пришибленным, опустившимся, чем обычно. Я нащупал в кармане оставшиеся там два серебряных доллара и

презрительно прищурился. Трипп попытался слабо защищаться.

- Неужели же вы не можете сделать из этого рассказ? - хрипло спросил он. - Хотя какой ни на есть, ведь что-нибудь вы можете присочинить от себя?

- Ни одной строчки! - отрезал я. - Воображаю, как взглянул бы на меня Граймс, если бы я попытался всучить ему такую ерунду. Но девушку мы выручили, будем утешаться хоть этим.

- Мне очень жаль, - едва слышно сказал Трипп, - мне очень жаль, что вы потратили так много денег. Мне казалось, что это прямо-таки находка, что из этого можно сделать замечательный рассказ, понимаете, - рассказ, который имел бы бешеный успех.

- Забудем об этом, - сказал я, делая над собой похвальное усилие, чтобы казаться беспечным, - сядем в трамвай и поедem в редакцию.

Я приготовился дать отпор его невысказанному, но ясно ощущаемому желанию. Нет! Ему не удастся вырвать, выклянчить, выжать из меня этот доллар. Довольно я валял дурака!

Дрожащими пальцами Трипп расстегнул свой выцветший лоснящийся пиджак и достал из глубокого, похожего на пещеру кармана нечто, бывшее когда-то носовым платком. На жилете у него блеснула дешевая цепочка накладного серебра, а на цепочке болтался брелок. Я протянул руку и с любопытством его потрогал. Это была половина серебряной десятицентовой монеты, разрубленной зубилом.

- Что?! - спросил я, в упор глядя на Триппа.

- Да, да, - ответил он глухо, - Джордж Браун, он же Трипп. А что толку?

Хотел бы я знать, кто, кроме женского общества трезвости, осудит меня за то, что я тотчас вынул из кармана доллар и без колебания протянул его Триппу.

Город без происшествий

Перевод под ред. Ив. Кашкина

Города, спеси полны,
Кичливый ведут спор -
Один - от прибрежной волны,
Другие - с отрогов гор.
Р. Киплинг.

Ну можно ли представить себе
роман о Чикаго, или о Буффало,
или, скажем, о Нэшвиле, штат
Теннесси? В Соединенных Штатах
всего три города, достойных этой,
чести: прежде всего, конечно, Нью-
Йорк, затем Новый Орлеан и лучший
из всех - Сан-Франциско.
Франк Норрис.

Восток-это Восток, а Запад-это Сан-Франциско, таково мнение

калифорнийцев. Калифорнийцы - не просто обитатели штата, а особая нация. Это южане Запада. Чикагцы не менее преданы своему городу; но если вы спросите чикагца, за что он любит свой город, он начнет заикаться и бормотать что-то о рыбе из озера Мичиган и новом здании тайного ордена "Чудаков".

Калифордянец же за словом в карман не полезет.

Прежде всего он будет добрых полчаса рассуждать о благодатном климате, пока вы думаете о поданных вам счетах за уголь и о шерстяных фуфайках. А когда он, ошибочно приняв ваше молчание за согласие, войдет в раж, он начнет расписывать город Золотых Ворот каким-то, Багдадом Нового Света. И, пожалуй, по этому пункту опровержений не требуется. Но, дорогие мои родственники (кузены по Адаму и Еве)! Опрометчиво поступит тот, кто, положив палец на географическую карту, скажет: "В этом городе нет ничего романтического... Что может случиться в таком городе?" Да, дерзко и опрометчиво было бы бросить в одной фразе вызов истории, романтике и издательству Рэнд и Мак-Нэлли.

"Нэшвил. Город; столица и ввозный порт штата Теннесси; расположен на реке Камберленд и на скрещении двух железных дорог. Считается самым значительным центром просвещения на юге".

Я вышел из поезда в восемь часов вечера. Тщетно перерыв словарь в поисках подходящих прилагательных я вынужден обратиться взамен словаря к фармакопее.

Возьмите лондонского тумана тридцать частей, малярии десять частей, просочившегося светильного газа двадцать частей, росы, собранной на кирпичном заводе при восходе солнца, двадцать пять частей, запаха жимолости пятнадцать частей. Смешайте.

Эта смесь даст вам некоторое представление о нэшвилском морозящем дожде. Не так пахуче, как шарики нафталина, и не так густо, как гороховый суп, а впрочем, ничего - дышат.

Я поехал в гостиницу в каком-то рыдване. Большого труда мне стоило воздержаться и не вскарабкаться, в подражание Сиднею Картону (1), на его верх. Повозку тащила пара ископаемых животных, а управляло ими что-то темное, но уже вырванное из тьмы рабства.

Я устал, и мне хотелось спать. Поэтому, добравшись до гостиницы, я поспешил уплатить пятьдесят центов, которые потребовал возница, и, честное слово, почти столько же прибавил на чай. Я знал их привычки, и у меня не было ни малейшего желания 'слушать его болтовню о старом хозяине и о том, что было "до войны".

Гостиница была одною из тех, которые описывают в рекламах как "заново отделанные". Это значит: на двадцать тысяч долларов новых мраморных колонн, изразцов, электрических люстр и медных Плевательниц в вестибюле, а также новое расписание поездов и литография с изображением Теннессийского хребта во всех просторных номерах на втором этаже. Администрация вела себя безукоризненно, прислуга была внимательна, полна утонченной южной вежливости, медлительна, как улитка, и добродушна, как Рип ван Винкль (2). А кормили так, что из-за одного этого стоило проехать тысячу миль. Во всем мире не найдется гостиницы, где вам подали бы такую куриную печенку "броше".

За обедом я спросил слугу-негра, что делается у них в городе. Он сосредоточенно раздумывал с минуту, потом ответил:

- Видите ли, сэр, пожалуй, что после захода солнца здесь ничего не делается.

Заход солнца уже состоялся, - оно давно утонуло в морозящем дожде.

Значит, этого зрелища я был лишен. Но я все-таки вышел на улицу, под дождь, в надежде увидеть хоть что-нибудь.

"Он построен на неровной местности, и улицы его освещаются электричеством. Годовое потребление энергии на 32 470 долларов".

Выйдя из гостиницы, я сразу натолкнулся на международные беспорядки. На меня бросилась толпа не то бедуинов, не то арабов или зулусов, вооруженных... впрочем, я с облегчением увидел, что они вооружены не винтовками, а кнутами. И еще я заметил неясные очертания целого каравана темных и неуклюжих повозок и, слыша успокоительные выкрики: "Прикажете подать? Куда прикажете? Пятьдесят центов конец", - рассудил, что я не жертва, а всего-навсего седок.

Я проходил по длинным улицам, которые все поднимались в гору. Интересно было бы узнать, как они спускаются потом обратно. А может быть, они вовсе не спускаются в ожидании нивелировки. На некоторых "главных" улицах я видел там и сям освещенные магазины; видел трамвай, развозивший во все концы почтенных граждан; видел пешеходов, упражнявшихся в искусстве разговора, слышал взрывы не слишком веселого смеха из заведения, в котором торговали содовой водой и мороженым. На "неглавных" улицах приютились дома, под крышами которых мирно текла семейная жизнь. Во многих из них за скромно опущенными шторами горели огни, доносились звуки рояля, ритмичные и благонравные. Да, действительно, здесь "мало что делалось". Я пожалел, что не вышел до захода солнца, и вернулся в гостиницу.

"В ноябре 1864 года отряд южан генерала Гуда двинулся против Нэшвиля, где и окружил части северных войск под командованием генерала Томаса. Этот последний сделал вылазку и разбил конфедератов в жестоком бою".

Я всю свою жизнь был свидетелем и поклонником удивительной меткости, какой достигают в мирных боях южане, жуящие табак. Но в этой гостинице меня ожидал сюрприз. В большом вестибюле имелось двенадцать новых, блестящих, вместительных, внушительного вида медных плевательниц, настолько высоких, что их можно было бы назвать урнами, и с такими широкими отверстиями, что на расстоянии не более пяти шагов лучший из подающих дамской бейсбольной команды, пожалуй, сумел бы попасть мячом в любую из них. Но хотя тут свирепствовала и продолжала свирепствовать страшная битва, враги не были побеждены. Они стояли блестящие, новые, внушительные, вместительные, нетронутые. Но - боже правый! - изразцовый пол, чудный изразцовый пол! Я невольно вспомнил битву под Нэшвилем и, по привычке, сделал кой-какие выводы в пользу того положения, что меткостью стрельбы управляют законы наследственности.

Здесь я в первый раз увидел Уэнтурта Кэсуэла, майора Кэсуэла, если соблести неуместную южную учтивость. Я понял, что это за тип, лишь только сподобился увидеть его. Крысы не имеют определенного географического местожительства. Мой старый друг А. Теннисон сказал, и сказал, по своему обыкновению, метко:

"Пророк, прокляни болтливый язык и прокляни британскую гадину-крысу".

Будем рассматривать слово "британский", как подлежащее замене ad libitum (3). Крыса везде остается крысой.

Человек этот сновал по вестибюлю гостиницы, как голодная собака, которая не помнит, где она зарыла кость. У него было широкое лицо, мясистое, красное, своей сонной массивностью напоминавшее Будду. Он имел только одно достоинство - был очень гладко выбрит. До тех пор пока человек бреется, печать зверя не ляжет на его лицо. Я думаю, что, не воспользуясь он в этот

день бритвой, я бы отверг его авансы и в уголовную летопись мира не было бы внесено еще одно убийство.

Я стоял в пяти шагах от одной из плевательниц, когда майор Кэсуэл открыл по ней огонь. У меня хватило наблюдательности, чтобы заметить, что нападающая сторона пользуется скорострельной артиллерией, а не каким-нибудь охотничьим ружьем. Поэтому я быстро сделал шаг в сторону, что дало майору повод извиниться передо мной как представителем мирного населения. Язык у него был как раз "болтливый". Через четыре минуты он стал моим приятелем и потащил меня к стойке.

Я хочу оговориться здесь, что я и сам южанин, но не по профессии или ремеслу. Я избегаю галстуков-шнурков, шляп с широкими опущенными полями, длинных черных сюртуков "принц Альберт", разговоров о количестве тюков хлопка, уничтоженных генералом Шерманом, и жевания табака. Когда оркестр играет "Дикси" (4), я не рукоплещу. Я только усаживаюсь поудобнее в моем кожаном кресле, заказываю еще бутылку пива и жалею, что Лонгстрит (5) не... Но к чему сожаления?

Майор Кэсуэл ударил кулаком по стойке, и ему отозвалась первая пушка на форте Сэмтер. Когда он выстрелил из последней - на Аппоматоксе, у меня появилась слабая надежда... Но он перешел на родословные древа и выяснил, что Адам приходился семье Кэсуэл всего лишь троюродным братом, да и то только боковой ее ветви. Покончив с генеалогией, он, к великому моему отвращению, стал распространяться о своих семейных делах. Он упомянул о своей жене, проследил ее происхождение вплоть до Евы и яростно опроверг клеветнические слухи о том, что у нее будто бы есть какие-то родственные связи с потомками Каина.

К этому времени у меня родилось подозрение, что он затеял весь этот шум с целью заставить меня забыть, что напитки заказаны им, и в надежде, что я, заговоренный им до полусмерти, заплачу за них. Но когда мы выпили, он со звоном швырнул на стойку серебряный доллар. После этого мне ничего не оставалось, как только потребовать вторую порцию. Заплатив за нее, я сухо и решительно простился с ним, довольно было с меня его общества. Но прежде чем я отделался от него, он успел громко похвастаться доходами своей жены и показать мне полную пригоршню серебряной монеты.

Когда я подошел к конторке за ключом, клерк вежливо сказал мне:

- Если этот Кэсуэл надоедает вам, мы можем его выпроводить. Это несносное существо, бездельник, без каких-либо явных средств к существованию, хотя у него большей частью кое-какие деньги водятся. К сожалению, у нас нет повода вышвырнуть его отсюда законным образом.

- Нет, зачем же, - сказал я подумав. - У меня нет достаточных причин жаловаться на него. Но имейте в виду, что я действительно не ищу его общества. Ваш город, - продолжал я, - по-видимому, очень тихий город. Какого рода увеселения, приключения или развлечения можете вы предложить приехавшему к вам иностранцу?

- В будущий четверг, сэр, сюда приезжает цирк. Там... Да вот я поищу объявление и пришлю его вам в номер, когда вам подадут воду со льдом Покойной ночи.

Придя наверх в свою комнату, я выглянул из окна. Было всего только десять часов, но передо мной лежал уже безмолвный город. Продолжало моросить, кое-где блестели огоньки, но на таком далеком расстоянии друг от друга, как коринки в сладкой булке, продаваемой на дамском благотворительном базаре.

- Тихое место, - сказал я себе, когда мой первый башмак ударился в потолок над головой постояльца, занимавшего комнату внизу. - В здешней жизни нет того, что придает красочность и разнообразие городам Запада и Востока. Это просто хороший, обыкновенный, скучный, деловой город.

"Нэшвилл занимает одно из первых мест среди промышленных центров страны. Он является пятым обувным рынком Соединенных Штатов, самым крупным на юге поставщиком конфет и печенья и ведет обширную оптовую торговлю мануфактурой, колониальными и аптекарскими товарами".

Я должен сказать вам, зачем я приехал в Нэшвилл. Могу вас уверить, что это отступление так же скучно для меня, как и для вас. Ехал я в другое место, по своим делам, но один нью-йоркский издатель поручил мне завернуть сюда для установления личной связи между ним и одним из его сотрудников - А. Эддр.

От Эдэра (кроме почерка, редакция о нем ничего не знала) поступило всего несколько "опытов" (утраченной искусство!) и стихотворений. Просмотрев их за завтраком, редактор одобрительно чертыхнулся, а затем отрядил меня с поручением так или иначе обойти названного Эдэра и законтрактовать на корню всю его (или ее) литературную продукцию по два цента за слово, пока другой издатель не предложил ему (или ей) десять, а то и двадцать.

На следующее утро в девять часов, скушав куриную печенку "броше" (попробуйте непременно, если попадете в эту гостиницу), я вышел под дождь, которому все еще не предвиделось конца. На первом же углу я наткнулся на дядю Цезаря. Это был дюжий негр, старше пирамид, с седыми волосами и лицом, напомнившим мне сначала Брута, а через секунду покойного короля Сеттивайо. На нем было необыкновенное пальто. Такого я еще ни на ком не видел и, должно быть, никогда не увижу. Оно доходило ему до лодыжек и было некогда серым, как военная форма южан. Но дождь, солнце и годы так испестрили его, что рядом с ним плащ Иосифа показался бы бледной гравюрой в одну краску. Я останавливаюсь на описании этого пальто потому, что оно играет роль в последующих событиях, до которых мы никак не можем дойти, так как ведь трудно представить себе, что в Нэшвиле могло произойти какое-нибудь событие.

Пальто, по-видимому, некогда было офицерской шинелью. Капюшона на нем уже не существовало. Весь перед его был раньше богато отделан галуном и кисточками. Но галун и кисточки теперь тоже исчезли. На их месте был терпеливо пришит, вероятно какой-нибудь сохранившейся еще черной "мамми", новый галун, сделанный из мастерски скрученной обыкновенной бечевки. Бечевка была растрепана и раздергана. Это безвкусное, но потребовавшее великих трудов изделие призвано было, по-видимому, заменить исчезнувшее великолепие, так как веревка точно следовала по кривой, оставленной бывшим галуном. И в довершение смешного и жалкого вида одеяния все пуговицы на нем, кроме одной, отсутствовали. Уцелела только вторая сверху. Пальто завязывалось веревочками, продетыми в петли и в грубо проткнутые с противоположной стороны дырки. На свете еще не было одеяния, столь фантастически разукрашенного и испещренного таким количеством оттенков. Одинокaя пуговица, желтая, роговая, величиной с полдоллара, была пришита толстой бечевкой.

Негр стоял около кареты, такой древней, что, должно быть, еще Хам по выходе из ковчега запрягал в нее пару чистых и занимался извозчицким промыслом. Когда я подошел, он открыл дверцу, вытащил метелку из перьев, помахал ею для видимости и сказал глухим, низким голосом:

- Пожалуйте, сар. Карета чистая, ни -пылинки нет, Прямо с похорон, сар.

Я вывел заключение, что ради таких торжественных okazji, как похороны, кареты здесь подвергаются особой чистке. Оглядев улицу и ряд колымаг, стоявших у панели, я убедился, что выбирать не из чего. В своей записной книжке я нашел адрес Эдэр.

- Мне нужно на Джессамайн-стрит, номер восемьсот шестьдесят один, - сказал я, собираясь уже влезть в карету.

Но в эту минуту огромная рука старого негра загородила мне вход. На его массивном и мрачном лице промелькнуло выражение подозрительности и вражды. Затем, быстро успокоившись, он спросил заискивающе!

- А зачем вы туда едете, сар?

- А вам какое дело? - сказал я довольно резко.

- Никакого, сар, никакого. Только улица это тихая, по делам туда никто не ездит. Пожалуйста, садитесь. Сиденье чистое, я прямо с похорон, сар.

Пути было, вероятно, мили полторы. Я ничего не слышал, кроме страшного громохання древней повозки по неровной каменной мостовой. Я ничего не ощущал, кроме мелкого дождя, пропитанного теперь запахом угольного дыма и чего-то вроде смеси дегтя с цветами олеандра. Сквозь струящуюся по стеклам воду я смутно различал только два длинных ряда домов.

"Город занимает площадь в 10 квадратных миль; общее протяжение улиц 181 миль, из которых 137 миль мощеных; магистрали водопровода, постройка которого стоила 2000000 долларов, составляю 77 миль".

Дом восемьсот шестьдесят один по Джессамайн-стрит оказался полуразвалившимся особняком. Он стоял отступя шагов тридцать от улицы и был заслонен великолепной купой деревьев и неподстриженным кустарником; кусты самшита, посаженные вдоль забора, почти совсем скрывали его. Калитку удерживала веревочная петля, наброшенная на ближайший столбик забора. Но тому, кто входил в самый дом, становилось понятно, что номер восемьсот шестьдесят один только осто́в, только тень, только призрак былого великолепия. Впрочем, в рассказе я еще туда не вошел.

Когда карета перестала громохать и усталые четвероногие остановились, я протянул негру пятьдесят центов и прибавил еще двадцать пять с приятным сознанием своей щедрости. Он отказался взять деньги.

- Два доллара, сар, - сказал он.

- Это почему? - спросил я. - Я прекрасно слышал ваши выкрики у гостиницы: "Пятьдесят центов в любую часть города".

- Два доллара, сар, - упрямо повторил он. - Это очень далеко от гостиницы.

- Это в черте города, - доказывал я. - Не думайте, что вы подцепили желторотого янки. Вы видите эти горы, - продолжал я, указывая на восток (хотя я и сам за дождем ничего не видел), - ну, так знайте, что я родился и вырос там. А вы, глупый старый негр, неужели не умеете распознавать людей?

Мрачное лицо короля Сеттивайо смягчилось.

- Так вы с Юга, сар? Это ваши башмаки ввели меня в заблуждение: для джентльмена с Юга у них носы слишком острые.

- Теперь, я полагаю, плата будет пятьдесят центов? - непреклонно сказал я.

Прежнее выражение жадности и неприязни вернулось на его лицо, оставалось на нем десять секунд и исчезло.

- Сар,-сказал он, - пятьдесят центов правильная плата, только мне нужно два доллара, обязательно нужно два доллара. Не то чтобы я требовал их с вас, сар, раз уж знаю, что вы сами с Юга. А только я так говорю, что мне

обязательно надо два доллара... А седоков нынче мало.

Теперь его тяжелое лицо выражало спокойствие и уверенность. Ему повезло больше, чем он рассчитывал. Вместо того, чтобы подцепить желторотого новичка, не знающего таксы, он наткнулся на старожил.

- Ах вы, бесстыжий старый плут, - сказал я, опуская руку в карман. - Следовало бы вас отправить в полицию.

В первый раз я увидел у него улыбку. Он знал. Прекрасно знал. Знал с самого начала.

Я дал ему две бумажки по доллару. Протягивая их ему, я обратил внимание, что одна из них пережила немало передраг. Правый верхний угол был у нее оторван, и, кроме того, она была разорвана посередине и склеена. Кусочек тончайшей голубой бумаги, наклеенной по надрыву, делал ее годной для дальнейшего обращения.

Но довольно пока об этом африканском бандите; я оставил его совершенно удовлетворенным, приподнял веревочную петлю и открыл скрипучую калитку.

Как я уже говорил, передо мною был только остов дома. Кисть маляра уже двадцать лет не касалась его. Я не мог понять, почему сильный ветер не смел его до сих пор, как карточный домик, пока не взглянул опять на тесно обступившие его деревья - на деревья, которые видели битву при Нэшвиле, но все еще простирали свои ветви вокруг дома, защищая его от бурь, холода и от врагов.

Азалия Эдэр - седая женщина лет пятидесяти, потомок кавалеров, тоненькая и хрупкая, как ее жилище, одетая в платье, дешевле и опрятней которого трудно себе представить, - приняла меня с царственной простотою.

Гостиная казалась величиной в квадратную милю, потому что в ней не было ничего, кроме книг на некрашенных белых сосновых полках, треснувшего мраморного стола, ковра из тряпок, волосяного дивана без волоса и двух или трех стульев. Да, была еще картина, нарисованная цветным карандашом и изображавшая пучок анютиных глазок. Я оглянулся, ища портрет Эндрю Джексона (6) и корзинку из сосновых шишек, но их не было.

Я побеседовал с Азалией Эдэр и кое что расскажу вам об этом. Детище старого Юга, она была заботливо возвращена среди окружавшего ее мирного уюта. Познания ее были не обширны, но глубоки и ярко оригинальны. Она воспитывалась дома, и ее знание света основывалось на умозаключениях и интуиции. Из таких людей и состоит малочисленная, но драгоценная и редкая порода эссеистов. Пока она говорила со мной, я бессознательно тер свои пальцы, виновато стараясь смахнуть с них несуществующую пыль от кожаных корешков Лэмба, Чосера, Хэзлита, Марка Аврелия, Монтэня и Гуда. Что за прелесть эта Азалия Эдэр! Какая ценная находка! В наши дни все знают так много - слишком много! - о действительной жизни.

Мне было совершенно ясно, что Азалия Эдэр очень бедна. "У нее есть дом и есть во что одеться, но больше, вероятно, ничего", - подумалось мне. Таким образом, раздираемый между моими обязательствами по отношению к издателю и преданностью поэтам и эссеистам, сражавшимся против генерала Томаса в долине Кэмберленда, я слушал ее голос, звучащий, как клавикорды, и понял, что не в силах повести речь о договорах. В присутствии девяти муз и трех граций не так-то легко низвести уровень беседы до двух центов. "Придется приехать еще раз, - сказал я себе. - Может быть, я тогда настроюсь на коммерческий лад". Но все же я сообщил ей о цели моего приезда, и деловой разговор был назначен на три часа следующего дня.

- Ваш город, - сказал я, готовясь уходить (в это время всегда говорят

банальные фразы), - по-видимому, очень тихий, спокойный, так сказать семейный город, где редко случается что-нибудь из ряда вон выходящее.

"Он поддерживает с Западом и Югом обширную торговлю скобяными товарами, и его мукомольные мельницы пропускают свыше 2000 баррелей в день".

Азалия Эдэр, видимо, размышляла о чем-то.

- Я никогда не думала о нем с этой точки зрения, - сказала она с какой-то свойственной ей напряженной искренностью. - Разве происшествия не случаются как раз в тихих, спокойных местах? Мне представляется, что при сотворении мира, если б кто-нибудь в первый же понедельник высунул из окна, он услышал бы, как скатываются капли грязи с божьей лопаты, только что нагромоздившей эти первозданные горы. А к чему свелось самое громкое начинание мировой истории? Я говорю о Вавилонской башне. К двум-трем страницам на эсперанто в "Североамериканском обозрении".

- Конечно, - глупо ответил я, - человеческая природа везде одинакова, но в некоторых городах как-то больше красочности... э-э... больше драматизма и движения и... э-э... романтики, чем в других.

- На первый взгляд, - сказала Азалия Эдэр. - Я много раз путешествовала вокруг света на золотом воздушном корабле, крыльями которого были книги и мечты. Я видела (во время одной из моих воображаемых поездок), как турецкий султан собственноручно удавил шнурком одну из своих жен за то, что она открыла лицо на людях. Я видела, как один человек в Нэшвиле разорвал билеты в театр, потому что жена его собиралась пойти туда, закрыв лицо... слоем пудры. В китайском квартале Сан-Франциско я видела, как девушку-рабыню Синг. И понемногу погружали в кипящее миндальное масло, заставляя ее принести клятву, что она больше никогда не увидится со своим возлюбленным-американцем. Она поклялась, когда кипящее масло поднялось на три дюйма выше колен. Я видела, как недавно на вечеринке в восточном Нэшвиле от Китти Морган отвернулись семь ее закадычных школьных подруг за то, что она вышла замуж за маляра. Кипящая олифа доходила ей до самого сердца, но посмотрели бы вы, с какой прелестной улыбкой она порхала от стола к столу. О да, это скучный город. Только несколько миль красных кирпичных домов, грязь, лавки и склады леса.

Кто-то осторожно постучал с черного хода. Азалия Эдэр мягко извинилась и пошла узнать, кто это. Она вернулась через три минуты, помолодевшая на десять лет, глаза ее блестели, на щеках проступил легкий румянец.

- Вы должны выпить у меня чашку чая со сладкими булочками, - сказала она.

Она позвонила в маленький металлический колокольчик. Явилась девочка-негритянка лет двенадцати, босая, не очень опрятная, и грозно посмотрела на меня, засунув большой палец в рот и выпучив глаза.

Азалия Эдэр открыла небольшой истрепанный кошелек и достала оттуда бумажный доллар - доллар с оторванным правым верхним углом, разорванный пополам и склеенный полоской тонкой голубой бумаги. Не могло быть сомнения - это была одна из бумажек, которые я дал разбойнику-негру.

- Сходи, на угол, Импи, к мистеру Бэкеру, - сказала она, передавая девочке доллар, - и возьми четверть фунта чая того, который мы всегда берем; - и на десять центов сладких булочек. Иди скорей. У нас как раз вышел весь чай, - объяснила она мне.

Импи вышла через заднюю дверь. Не успел еще затихнуть топот ее босых ног по крыльцу, как дикий крик, - я был уверен, что кричала она, - огласил пустой дом. Затем глухой и хриплый голос рассерженного мужчины смешался с

писком и невнятным лепетанием девочки.

Азалия Эдэр встала, не выказывая ни тревоги, ни удивления, и исчезла. Еще минуты две я слышал хриплое мужское ворчание, какое-то ругательство и возню, затем она вернулась ко мне, по-прежнему спокойная.

- Это очень большой дом, - сказала она, - и я сдаю часть его жильцу. К сожалению, мне приходится отменить мое приглашение на чай. В магазине не оказалось чая того сорта, который я всегда беру. Мистер Бэкэр обещал достать мне его завтра.

Я был убежден, что Импи не успела еще уйти из дома. Я справился, где тут поближе проходит трамвай, и простился. Когда я уже порядочно отошел от дома, я вспомнил, что не спросил Азалию Эдэр, как ее настоящая фамилия. Ну, да все равно, завтра узнаю.

В этот же день я вступил на стезю порока, на которую привел меня этот город без происшествий. Я прожил в нем только два дня, но за это время успел бессовестно налгать по телеграфу и сделаться сообщником убийства, правда, сообщником *post factum*, если существует такое юридическое понятие.

Когда я заворачивал за угол, - ближайший к моей гостинице, африканский возница, обладатель многоцветного, единственного в своем роде пальто, перехватил меня, распахнул тюремную дверь своего передвижного саркофага, помахал метелкой из перьев и затащил свое обычное:

- Пожалуйста, сар, карета чистая, только что с похорон. Пятьдесят центов в любой...

Тут он узнал меня и широко осклабился.

- Простите, сар... Ведь вы - тот джентльмен, которого я возил нынче утром. Благодарю вас, сар.

- Завтра, в три часа, мне опять нужно на Джессамайн-стрит, - сказал я.

- Если вы будете здесь, я поеду с вами. Так вы знаете мисс Эдэр? - добавил я, вспомнив свой бумажный доллар.

- Я принадлежал ее отцу, судье Эдэру, сар, - ответил он.

- Похоже, что она сильно нуждается, - сказал я. - Невелик у нее доход, а?

Опять передо мной мелькнуло свирепое лицо короля Сеттивайо и снова превратилось в лицо старого извозчика-вымогателя.

- Она не голодает, сар,-тихо сказал он, - у нее есть доходы... да, у нее есть доходы.

- Я заплачу вам пятьдесят центов за поездку, - сказал я.

- Совершенно правильно, сар, - смиренно ответил он. - Это только сегодня мне необходимо было иметь два доллара, сар.

Я вошел в гостиницу и заставил солгать телеграфный провод. Я протелеграфировал издателю: "Эдэр настаивает восьми центах слово". Ответ пришел такого содержания: "Соглашайтесь немедленно тупица".

Перед самым обедом "майор" Уэнтуорт Кэсуэл атаковал меня так радостно, будто я был его старым другом, которого он давно не видел. Я еще не встречал человека, который вызвал бы во мне такую ненависть и от которого так трудно было бы отделаться. Он застиг меня у стойки, поэтому я никак не мог разразиться тирадой о вреде алкоголя. Я с удовольствием первым заплатил бы за выпитое, чтобы избавиться от него; но он был одним из тех презренных, кричащих, выставляющих себя напоказ пьяниц, которые требуют оркестра, музыки и фейерверка к каждому центу, истраченному ими на свою блажь.

С таким видом, словно он дает миллион, он вытащил из кармана два бумажных доллара и бросил один из них на стойку. И я снова увидел бумажный

доллар с оторванным правым углом, разорванный пополам и склеенный полоской тонкой голубой бумаги. Это опять был мой доллар. Другого такого быть не могло.

Я поднялся в свою комнату. Моросящий дождь и скука унылого, лишенного событий южного города навяли на меня тоску и усталость. Помню, что перед тем как лечь, я успокоился относительно этого таинственного доллара (в Сан-Франциско он послужил бы прекрасной завязкой для детективного рассказа), сказав себе: "Здесь, как видно, существует трест извозчиков, и в нем очень много акционеров, И как быстро выдают у них дивиденды! Хотел бы я знать, что было бы, если бы..." Но тут я заснул.

На следующий день король Сеттивайо был на своем месте и мои кости снова протряслись в его катафалке до Джессамайн-стрит, Выходя, я велел ему ждать и доставить меня обратно,

Азалия Эдэр выглядела еще более чистенькой, бледной и хрупкой, чем накануне. Подписав договор (по восьми центов за слово), она совсем побелела и вдруг стала сползать со стула. Без особого труда я поднял ее, положил на допотопный диван, а затем выбежал на улицу и заорал пирату кофейного цвета, чтобы он привез доктора. С мудростью, которой я не подозревал в нем, он покинул своих одров и побежал пешком, очевидно понимая, что времени терять нечего. Через десять минут он вернулся с седовласым, серьезным, сведущим врачом. В нескольких словах (стоивших много меньше восьми центов каждое) я объяснил ему свое присутствие в этом пустом таинственном доме. Он величаво поклонился и повернулся к старому негру.

- Дядя Цезарь, - спокойно сказал он, - сбегай ко мне и скажи мисс Люси, чтоб она дала тебе полный кувшин свежего молока и полстакана портвейна. Живей. Только не на лошадях. Беги пешком - это дело спешное.

Я увидел, что доктор Мерримен тоже не доверяет резвости коней моего сухопутного пирата. Когда дядя Цезарь вышел, шагая неуклюже, но быстро, доктор очень вежливо, но вместе с тем и очень внимательно оглядел меня и, наконец, очевидно решил, что говорить со мной можно.

- Это от недоедания, - сказал он. - Другими словами - это результат бедности, гордости и голодовки. У миссис Кэсуэл много преданных друзей, которые были бы рады помочь ей, но она не желает принимать помощь ни от кого, кроме как от этого старого негра, дяди Цезаря, который когда-то принадлежал ее семье.

- Миссис Кэсуэл? - с удивлением переспросил я. А потом я взглянул на договор и увидел, что она подписалась: "Азалия Эдэр-Кэсуэл".

- Я думал, что она мисс Эдэр, - сказал я.

- ...вышедшая замуж за пьяного, никуда негодного бездельника, сэр, - закончил доктор. - Говорят, он отбирает у нее даже те крохи, которыми поддерживает ее старый слуга.

Когда появилось молоко и вино, доктор быстро привел Азалию Эдэр в чувство. Она села и стала говорить о красоте осенних листьев (дело было осенью), о прелести их окраски. Мимоходом она коснулась своего обморока как следствия давнишней болезни сердца. Она лежала на диване, а Импи обмахивала ее веером. Доктор торопился в другое место, и я дошел с ним до подъезда. Я сказал ему, что имею намерение и возможность выдать Азалии Эдэр небольшой аванс в счет ее будущей работы в журнале, и он, по-видимому, был этим доволен.

- Между прочим, - сказал он, - вам, может быть, небезынтересно узнать, что вашим кучером был потомок королей. Дед старика Цезаря был королем в

Конго. Вы могли заметить, что и у самого Цезаря царственная осанка.

Когда доктор уже уходил, я услышал голос дяди Цезаря:

- Так как же это... он оба доллара отнял у вас, мисс Зали?

- Да, Цезарь, - слышался ее слабый ответ.

Тут я вошел и закончил с нашим будущим сотрудником денежные расчеты. За свой страх я выдал ей авансом пятьдесят долларов, уверив ее, что это необходимая формальность для скрепления нашего договора. Затем дядя Цезарь отвез меня назад в гостиницу.

Здесь оканчивается та часть истории, которой я сам был свидетелем. Остальное будет только голым изложением фактов.

Около шести часов я вышел прогуляться. Дядя Цезарь был на своем углу. Он открыл дверцу кареты, помахал метелкой и затащил свою унылую формулу:

- Пожалуйста, сар, пятьдесят центов в любую часть города. Карета совершенно чистая, сар, только что с похорон...

Но тут он узнал меня. По-видимому, зрение его слабело. Пальто его расцветилось еще несколькими оттенками, веревка-шнурок еще больше растрепалась, и последняя оставшаяся пуговица - желтая роговая пуговица - исчезла. Жалким потомком королей был этот дядя Цезарь!

Часа два спустя я увидел возбужденную толпу, осаждавшую вход в аптеку. В пустыне, где никогда ничего не случается, это была манна небесная, и я протолкался в середину толпы. На импровизированном ложе из пустых ящиков и стульев покоились тленные останки майора Уэнтурта Кэсуэла. Доктор попытался обнаружить и его нетленную душу, но пришел к выводу, что таковая отсутствует.

Бывший майор был найден мертвым на глухой улице и принесен в аптеку любопытными и скучающими согражданами. Все подробности указывали на то, что это бывшее человеческое существо выдержало отчаянный бой. Какой бы ни был он негодяй и бездельник, он все же оставался воином. Но он проиграл сражение. Кулаки его были сжаты так крепко, что не было возможности разогнуть пальцы. Знавшие его добросердечные граждане старались найти в своем лексиконе какое-нибудь доброе слово о нем. Один добродушного вида человек после долгих размышлений сказал:

- Когда Кэсу было четырнадцать лет, он был одним из лучших в школе по правописанию.

Пока я стоял тут, пальцы правой руки покойника, свесившиеся с края белого соснового ящика, разжались и выронили что-то около моей ноги. Я спокойно прикрыл "это" подошвой, а через некоторое время поднял и положил в карман. Я понял, что в последней борьбе его рука бессознательно схватила этот предмет и зажала его в предсмертной судороге.

В тот вечер в гостинице главной темой разговора, за исключением политики и "сухого закона", была кончина майора Кэсуэла. Я слышал, как один человек сказал группе слушателей:

- По моему мнению, джентльмены, Кэсуэла убил один из этих хулиганов-негров, из-за денег. Сегодня днем у него было пятьдесят долларов: он их многим показывал. А когда его нашли, денег при нем не оказалось.

Я выехал из города на следующее утро в девять часов, и когда поезд шел по мосту через Кэмберленд, я вынул из кармана желтую роговую пуговицу величиной с полдоллара с еще висевшими на ней раздерганными концами бечевки и выбросил ее из окна в тихую мутную воду.

Хотел бы я знать, что-то делается сейчас в Буффало?

- 1) - Персонаж из романа Диккенса "Повесть о двух городах".
- 2) - Персонаж сказки Вашингтона Ирвинга.
- 3) - По желанию (лат.).
- 4) - Военная песня южан во время Гражданской войны в США
- 5) - Лонгстрит (1821-1904) - генерал южной армии в Гражданской войне США.
- 6) - Президент США в 1829-1837 гг.

Попробовали - убедились

Перевод М. Богословской

Весна подмигнула редактору журнала "Минерва" прозрачным стеклянным глазком и совратила его с пути. Он только что позавтракал в своем излюбленном ресторанчике, в гостинице на Бродвее, и возвращался к себе в редакцию, но вот тут и увяз в путях проказницы весны. Это значит, если сказать попросту, что он свернул направо по Двадцать шестой улице, благополучно перебрался через весенний поток экипажей на Пятой авеню и углубился в аллею распускающегося Мэдисонсквера.

В мягком воздухе и нежном убранстве маленького парка чувствовалось нечто идиллическое; всюду преобладал зеленый цвет, основной цвет первозданных времен - дней сотворения человека и растительности. Тоненькая травка, пробивающаяся между дорожками, отливала медянкой, ядовитой зеленью, пронизанной дыханием множества бездомных человеческих существ, которым земля давала приют летом и осенью. Лопающиеся древесные почки напоминали что-то смутно знакомое тем, кто изучал ботанику по гарниру к рыбным блюдам сорокапятицентового обеда. Небо над головой было того бледно-аквамаринового оттенка, который салонные поэты рифмуют со словами "тобой", "судьбой" и "родной". Среди всей этой гаммы зелени был только один натуральный, беспримесный зеленый цвет - свежая краска садовых скамеек, нечто среднее между маринованным огурчиком и прошлогодним дождевым плащом, который пленял покупателей своей иссиня-черной блестящей поверхностью и маркой "нелиняющий".

Однако на городской взгляд редактора Уэстбрука пейзаж представлял собою истинный шедевр.

А теперь, принадлежите ли вы к категории опрометчивых безумцев, или нерешительных ангельских натур, вам придется последовать за мной и заглянуть на минутку в редакторскую душу.

Душа редактора Уэстбрука пребывала в счастливом, безмятежном покое. Апрельский выпуск "Минервы" разошелся весь целиком до десятого числа - торговый агент из Кеокука сообщил, что он мог бы сбыть еще пятьдесят экземпляров, если бы они у него были. Издатели - хозяева журнала - повысили ему (редактору) жалованье. Он только что обзавелся превосходной, недавно вывезенной из провинции кухаркой, до смерти боявшейся полисменов. Утренние

газеты полностью напечатали его речь, произнесенную на банкете издателей. Вдобавок ко всему в ушах его еще звучала задорная мелодия чудесной песенки, которую его прелестная молодая жена спела ему сегодня утром, перед тем как он ушел из дому. Она последнее время страшно увлекалась пением и занималась им очень прилежно, с раннего утра. Когда он поздравил ее, сказав, что она сделала большие успехи, она бросилась ему на шею и чуть не задушила его в объятиях от радости, что он ее похвалил. Но, помимо всего прочего, он ощущал также и благотворное действие живительного лекарства опытной сиделки Весны, которое она дала ему, тихонько проходя по палатам выздоравливающего города.

Шествуя, не торопясь, между рядами скамеек (на которых уже расположились бродяги и блюстительницы буйной детворы), редактор Уэстбрук почувствовал вдруг, как кто-то схватил его за рукав. Полагая, что к нему пристал какой-нибудь попрошайка, он повернул к нему холодное, ничего не обещающее лицо и увидел, что его держит за рукав Доу - Шэкклфорд Доу, грязный, обтрепанный, в котором уже почти не осталось и следа от человека из приличного общества.

Пока редактор приходит в себя от изумления, позволим читателю бегло познакомиться с биографией Доу.

Доу был литератор, беллетрист и давнишний знакомый Уэстбрука. Когда-то они были приятелями. Доу в то время был человек обеспеченный, жил в приличной квартире, по соседству с Уэстбруками, Обе супружеские четы часто ходили вместе в театр, устраивали семейные обеды. Миссис Доу и миссис Уэстбрук были закадычными подругами.

Но вот однажды некий спрут протянул свои щупальца и, разыгравшись, проглотил невзначай скромный капитал Доу, после чего Доу пришлось перебраться в район Грэмерси-парка, где за несколько центов в неделю можно сидеть на собственном сундуке перед камином из каррарского мрамора, любоваться на восьмисвечные канделябры да смотреть, как мыши возятся на полу. Доу рассчитывал жить при помощи своего пера. Время от времени ему удавалось пристроить какой-нибудь рассказик. Немало своих произведений он посылал Уэстбруку. "Минерва" напечатала одно-два, все остальные вернули автору. К каждой отвергнутой рукописи Уэстбрук прилагал длинное, тщательно обдуманное письмо, подробно излагая все причины, по которым он считал данное произведение не пригодным к печати. У редактора Уэстбрука было свое, совершенно твердое представление о том, из каких составных элементов получается хорошая художественная проза. Так же как и у Доу. Что касается миссис Доу, ее больше интересовали составные элементы скромных обеденных блюд, которые ей с трудом приходилось сочинять. Как-то раз Доу угощал ее пространными рассуждениями о достоинствах некоторых французских писателей. За обедом миссис Доу положила ему на тарелку такую скромную порцию, какую проголодавшийся школьник проглотил бы, не поперхнувшись, одним глотком. Доу выразил на этот счет свое мнение.

- Это паштет Мопассан, - сказала миссис Доу. - Я, конечно, предпочла бы, пусть это даже и не настоящее искусство, чтобы ты сочинил что-нибудь вроде романа в сериях Мариона Кроуфорда, по меньшей мере из пяти блюд и с сонетом Эллы Уилер Уилкокс на сладкое. Ты знаешь, мне ужасно есть хочется.

Так процветал Шэкклфорд Доу, когда он столкнулся в Мэдисон-сквере с редактором Уэстбруком и схватил его за рукав. Это была их первая встреча за несколько месяцев.

- Как, Шэк, это вы? - воскликнул Уэстбрук и тут же запнулся, ибо восклицание, вырвавшееся у него, явно подразумевало разительную перемену во

внешности его друга.

- Присядьте-ка на минутку, - сказал Доу, дергая его за обшлаг. - Это моя приемная. В вашу я не могу явиться в таком виде. Да сядьте же, прошу вас, не бойтесь уронить свой престиж. Эти общипанные пичуги на скамейках примут вас за какого-нибудь роскошного громилу. Им и в голову не придет, что вы всего-навсего редактор.

- Покурим, Шэк? - предложил редактор Уэстбрук, осторожно опускаясь на ядовито-зеленую скамью. Он всегда сдавался не без изящества, если уж сдавался.

Доу схватил сигару, как зимородок пескаря или как юная девица шоколадную конфетку.

- У меня, видите ли, только... - начал было редактор.

- Да, знаю, можете не договаривать. У вас всего только десять минут в вашем распоряжении. Как это вы ухитрились обмануть бдительность моего клерка и ворваться в мое святилище? Вон он идет, помахивая своей дубинкой и готовясь обрушить ее на бедного пса, который не может прочесть надписи на дощечке "По траве ходить воспрещается".

- Как ваша работа, пишете? - спросил редактор.

- Поглядите на меня, - сказал Доу. - Вот вам ответ. Только не стройте, пожалуйста, этаким искренно соболезнующей, озабоченной мины и не спрашивайте меня, почему я не поступлю торговым агентом в какую-нибудь винодельческую фирму или не сделаюсь извозчиком. Я решил вести борьбу до победного конца. Я знаю, что я могу писать хорошие рассказы, и я заставлю вас, голубчиков, признать это. Прежде чем я окончательно расплююсь с вами, я отучу вас подписываться под сожалениями и научу выписывать чеки.

Редактор Уэстбрук молча смотрел через стекла своего пенсне кротким, скорбным, проникновенно-сочувствующе-скептическим взором редактора, одолеваемого бездарным автором.

- Вы прочли последний рассказ, что я послал вам, "Пробуждение души"? - спросил Доу.

- Очень внимательно. Я долго колебался насчет этого рассказа, Шэк, можете мне поверить. В нем есть несомненные достоинства. Я все это написал вам и собирался приложить к рукописи, когда мы будем посылать ее вам обратно. Я очень сожалею...

- Хватит с меня сожалений, - яростно оборвал Доу. - Мне от них ни тепло, ни холодно. Мне важно знать чем они вызваны. Ну, выкладывайте, в чем дело, начинайте с достоинств.

Редактор Уэстбрук подавил невольный вздох.

- Ваш рассказ, - невозмутимо начал он, - построен на довольно оригинальном сюжете. Характеры удались вам как нельзя лучше. Композиция тоже очень недурна, за исключением нескольких слабых деталей, которые легко можно заменить или исправить кой-какими штрихами. Это был бы очень хороший рассказ, но...

- Значит, я могу писать английскую прозу? - перебил Доу.

- Я всегда говорил вам, что у вас есть стиль, - отвечал редактор.

- Так, значит, все дело в том...

- Все в том же самом, - подхватил Уэстбрук. - Вы разрабатываете ваш сюжет и подводите к развязке, как настоящий художник. А затем вдруг вы превращаетесь в фотографа. Я не знаю, что это у вас - мания или какая-то форма помешательства, но вы неизменно впадаете в это всякий раз, что бы вы ни писали. Нет, я даже беру обратно свое сравнение с фотографом. Фотографии,

несмотря на немыслимую перспективу, все же удастся кой-когда запечатлеть хоть какой-то проблеск истины. Вы же всякий раз, как доводите до развязки, портите все какой-то грязной, плоской, уничтожающей мазней; я уже столько раз указывал вам на это. Если бы вы, в ваших драматических сценах, держались на соответственной литературной высоте и изображали бы их в тех возвышенных тонах, которых требует настоящее искусство, почтальону не приходилось бы вручать вам так часто толстые пакеты, возвращающиеся по адресу отправителя.

- Экая ходульная чепуха! - насмешливо фыркнул Доу. - Вы все еще никак не можете расстаться со всеми - этими дурацкими вывертами отжившей провинциальной драмы. Ну ясно, когда черноусый герой похищает златокудрую Бесси, мамаша выходит на авансцену, падает на колени и, воздев руки к небу, восклицает: "Да будет всевышний свидетелем, что я не успокоюсь до тех пор, пока бессердечный злодей, похитивший мое дитя, не испытает на себе всей силы материнского отмщения!"

Редактор Уэстбрук невозмутимо улыбнулся спокойной, снисходительной улыбкой.

- Я думаю, что в жизни, - сказал он, - женщина, мать выразилась бы вот именно так или примерно в этом роде.

- Да ни в каком случае, ни в одной настоящей человеческой трагедии, - только на подмостках. Я вам скажу, как она реагировала бы в жизни. Вот что она сказала бы: "Как! Бесси увел какой-то неизвестный человек! Боже мой, что за несчастье! Одно за другим! Дайте мне скорей шляпу, мне надо немедленно ехать в полицию. И почему никто не смотрел за ней, хотела бы я знать? Ради бога не мешайтесь, уходите с дороги, или я никогда не соберусь. Да не эту шляпу, коричневую с бархатной лентой. Бесси, наверно, с ума сошла! Она всегда так стеснялась чужих! Я не слишком напудрилась? Ах, боже мой! Я прямо сама не своя!"

- Вот как она реагировала бы, - продолжал Доу. - Люди в жизни, в минуту душевных потрясений, не впадают в героизм и мелодекламацию. Они просто неспособны на это. Если они вообще в состоянии говорить в такие минуты, они говорят самым обыкновенным, будничным языком, разве что немножко бессвязней, потому что у них путаются мысли и слова.

- Шэк, - внушительно произнес редактор Уэстбрук, - случилось ли вам когда-нибудь вытащить из-под трамвая безжизненное, изуродованное тело ребенка, взять его на руки, принести и положить на колени обезумевшей от горя матери? Случалось ли вам слышать при этом слова отчаянья и скорби, которые в эту минуту сами собой срывались с ее губ?

- Нет, не случилось, - отвечал Доу. - А вам случилось?

- Да нет, - слегка поморщившись, промолвил редактор Уэстбрук. - Но я прекрасно представляю себе, что она сказала бы.

- И я тоже, - буркнул Доу.

И тут для редактора Уэстбрука настал самый подходящий момент выступить в качестве оракула и заставить умолкнуть несговорчивого автора. Мыслимо ли позволить неудавшемуся прозаику вкладывать в уста героев и героинь журнала "Минерва" слова, не совместимые с теориями главного редактора?

- Дорогой мой Шэк, - сказал он, - если я хоть что-нибудь смыслю в жизни, я знаю, что всякое неожиданное, глубокое, трагическое душевное потрясение вызывает у человека соответственное, сообразное и подобающее его переживанию выражение чувств. В какой мере это неизбежное соотношение выражения и чувства является врожденным, в какой мере оно обусловливается влиянием искусства, это трудно сказать. Величественное, гневное рычанье

львицы, у которой отнимают детенышей, настолько же выше по своей драматической силе ее обычного воя и мурлыканья, насколько вдохновенная, царственная речь. Лира выше его старческих причитаний. Но наряду с этим всем людям, мужчинам и женщинам, присуще какое-то, я бы сказал, подсознательное, драматическое чувство, которое пробуждается в них под действием более или менее глубокого и сильного переживания; это чувство, инстинктивно усвоенное ими из литературы или из сценического искусства, побуждает их выражать свои переживания подобающим образом, словами, соответствующими силе и глубине чувства.

- Но откуда же, во имя всех небесных туманностей, черпает свой язык литература и сцена? - вскричал Доу.

- Из жизни, - победоносно изрек редактор.

Автор сорвался с места, красноречиво размахивая руками, неясно не находя слов для того, чтобы подобающим образом выразить свое негодование.

На соседней скамье какой-то оборванный малый, приоткрыв осоловелые красные глаза, обнаружил, что его угнетенный собрат нуждается в моральной поддержке.

- Двинь его хорошенько, Джек, - прохрипел он. - Этаким шаромыжником, пришел в сквер и бузит. Не даст порядочным людям спокойно посидеть и подумать.

Редактор Уэстбрук с подчеркнутой невозмутимостью посмотрел на часы.

- Но объясните мне, - в яростном отчаянии накинулся на него Доу, - в чем собственно, заключаются недостатки "Пробуждения души", которые не позволяют вам напечатать мой рассказ.

- Когда Габриэль Мэррей подходит к телефону, - начал Уэстбрук, - и ему сообщают, что его невеста погибла от руки бандита, он говорит, я точно не помню слов, но...

- Я помню, - перебил Доу. - Он говорит: "Проклятая Центральная, вечно разъединяет. (И потом своему другу.) Скажите, Томми, пуля тридцать второго калибра, это что, большая дыра? Надо же, везет как утопленнику! Дайте мне чего-нибудь хлебнуть, Томми, посмотрите в буфете, да нет, чистого, не развлекайте".

- И дальше, - продолжал редактор, уклоняясь от объяснений, - когда Беренис получает письмо от мужа и узнает, что он бросил ее и уехал с маникюршей, она, я сейчас припомню...

- Она восклицает, - с готовностью подсказал автор: - "Нет, вы только подумайте!"

- Бессмысленные, абсолютно неподходящие слова, - отозвался Уэстбрук. - Они уничтожают все, рассказ превращается в какой-то жалкий, смехотворный анекдот. И хуже всего то, что эти слова являются искажением действительности. Ни один человек, внезапно настигнутый бедствием, не способен выражаться таким будничным, обиходным языком.

- Вранье! - рявкнул Доу, упрямо сжимая свои небритые челюсти. - А я говорю - ни один мужчина, ни одна женщина в минуту душевного потрясения не способны ни на какие высокопарные разглагольствования. Они разговаривают как всегда, только немножко бессвязней.

Редактор поднялся со скамьи с снисходительным видом человека, располагающего негласными сведениями.

- Скажите, Уэстбрук, - спросил Доу, удерживая его за обшлаг, - а вы приняли бы "Пробуждение души", если бы вы считали, что поступки и слова моих персонажей в тех ситуациях рассказа, о которых мы говорили, не расходятся с

действительностью?

- Весьма вероятно, что принял бы, если бы я действительно так считал, - ответил редактор. - Но я уже вам сказал, что я думаю иначе.

- А если бы я мог доказать вам, что я прав?

- Мне очень жаль, Шэк, но боюсь, что у меня больше нет времени продолжать этот спор.

- А я и не собираюсь спорить, - отвечал Доу. - Я хочу доказать вам самой жизнью, что я рассуждаю правильно.

- Как же вы можете это сделать? - удивленно спросил Уэстбрук.

- А вот послушайте, - серьезно заговорил автор. - Я придумал способ Мне важно, чтобы моя теория прозы, правдиво отображающей жизнь, была признана журналами. Я борюсь за это три года и за это время прожил все до последнего доллара, задолжал за два месяца за квартиру.

- А я, выбирая материал для "Минервы", руководился теорией, совершенно противоположной вашей, - сказал редактор. - И за это время тираж нашего журнала с девяноста тысяч поднялся.

- До четырехсот тысяч, - перебил Доу, - а его можно было бы поднять до миллиона.

- Вы, кажется, собирались привести какие-то доказательства в пользу вашей излюбленной теории?

- И приведу. Если вы пожертвуете мне полчаса вашего драгоценного времени, я докажу вам, что я прав. Я докажу это с помощью Луизы.

- Вашей жены! Каким же образом? - воскликнул Уэстбрук.

- Ну, не совсем с ее помощью, а, вернее сказать, на опыте с ней. Вы знаете, какая любящая жена Луиза и как она привязана ко мне. Она считает, что вся наша ходкая литературная продукция - это грубая подделка, и только я один умею писать по-настоящему. А с тех пор как я хожу в непризнанных гениях, она стала мне еще более преданным и верным другом.

- Да, поистине ваша жена изумительная, несравненная подруга жизни, - подтвердил редактор. - Я помню, она когда-то очень дружила с миссис Уэстбрук, они прямо-таки не расставались друг с другом. Нам с вами очень повезло, Шэк, что у нас такие жены. Вы должны непременно прийти к нам как-нибудь на днях с миссис Доу; поболтаем, посидим вечером, соорудим какой-нибудь ужин, как, помните, мы, бывало, устраивали в прежнее время.

- Хорошо, когда-нибудь, - сказал Доу, - когда я обзаведусь новой сорочкой. А пока что вот какой у меня план. Когда я сегодня собрался уходить после завтрака - если только можно назвать завтраком чай и овсянку - Луиза сказала мне, что она пойдет к своей тетке на Восемьдесят девятую улицу и вернется домой в три часа Луиза всегда приходит минута в минуту Сейчас...

Доу покосился на карман редакторской жилетки.

- Без двадцати семи три, - сказал Уэстбрук, взглянув на часы.

- Только-только успеть... Мы сейчас же идем с вами ко мне. Я пишу записку и оставляю ее на столе, на самом виду, так что Луиза сразу увидит ее, как только войдет. А мы с вами спрячемся в столовой, за портьерами. В этой записке будет написано, что я расстаюсь с ней навсегда, что я нашел родственную душу, которая понимает высокие порывы моей артистической натуры, на что она, Луиза, никогда не была способна. И вот когда она прочтет это, мы посмотрим, как она будет себя вести и что она скажет.

- Ни за что! - воскликнул редактор, энергично трясая головой. - Это же немыслимая жестокость. Шутить чувствами миссис Доу, - нет, я ни за что на это не соглашусь.

- Успокойтесь, - сказал автор. - Мне кажется, что ее интересы дороги мне во всяком случае не меньше, чем вам. И я в данном случае забочусь столько же о ней, сколько о себе. Так или иначе, я должен добиться, чтобы мои рассказы печатались. А с Луизой от этого ничего не случится. Она женщина здоровая, трезвая. Сердце у нее работает исправно, как девяностовосьмицентовые часы. И потом, сколько это продлится - минуту... я тут же выйду и объясню ей все. Вы должны согласиться, Уэстбрук. Вы не вправе лишать меня этого шанса.

В конце концов редактор Уэстбрук, хоть и неохотно и, так сказать, наполовину, дал свое согласие. И эту половину следует отнести за счет вивисектора, который безусловно скрывается в каждом из нас. Пусть тот, кто никогда не брал в руки скальпеля, осмелится подать голос. Все горе в том, что у нас не всегда бывают под рукой кролики и морские свинки.

Оба искусствовиспытателя вышли из сквера и взяли курс на восток, потом повернули на юг и через некоторое время очутились в районе Грэмерси. Маленький парк за высокой чугунной оградой красовался в новом зеленом весеннем наряде, любуясь своим отражением в зеркальной глади бассейна. По ту сторону ограды выстроившиеся прямоугольником потрескавшиеся дома - покинутый приют отошедших в вечность владельцев - жались друг к другу, словно шушукующиеся призраки, вспоминая давние дела исчезнувшей знати. *Sic transit gloria urbis* (1).

Пройдя примерно два квартала к северу от парка, Доу с редактором опять взяли курс на восток и вскоре очутились перед высоким узким домом с безвкусно разукрашенным фасадом. Они взобрались на пятый этаж, и Доу, едва переводя дух, достал ключ и открыл одну из дверей, выходящих на площадку. Когда они вошли в квартиру, редактор Уэстбрук с чувством невольной жалости окинул взглядом убогую и скудную обстановку.

- Берите стул, если найдете, - сказал Доу, - а я пока поищу перо и чернила. Э, что это такое? Записка от Луизы, по-видимому она оставила мне, когда уходила.

Он взял конверт со стола, стоявшего посреди комнаты, и, вскрыв его, стал читать письмо. Он начал читать вслух и так и читал до конца. И вот что услышал редактор Уэстбрук:

"Дорогой Шэклфорд!

Когда ты получишь это письмо, я буду уже за сотню миль от тебя и все еще буду ехать. Я поступила в хор Западной оперной труппы, и сегодня в двенадцать часов мы отправляемся в турне. Я не хочу умирать с голоду и поэтому решила сама зарабатывать себе на жизнь. Я не вернусь к тебе больше. Мы едем вместе с миссис Уэстбрук.

Она говорит, что ей надоело жить с агрегатом из фонографа, льдины и словаря и что она также не вернется. Мы с ней два месяца практиковались потихоньку в пенье и танцах. Я надеюсь, что ты добьешься успеха и все будет хорошо.

Прощай.
Луиза".

Доу уронил письмо и, закрыв лицо дрожащими руками, воскликнул потрясенным, прерывающимся голосом:

- Господи боже, за что ты заставил меня испить чашу сию? Уж если она оказалась вероломной, тогда пусть самые прекрасные из всех твоих небесных

даров - вера, любовь - станут пустой прибауткой в устах предателей и злодеев!

Пенсне редактора Уэстбрука свалилось на пол. Растерянно теребя пуговицу пиджака, он бормотал посиневшими губами:

- Послушайте, Шэк, ведь это черт знает что за письмо! Ведь этак можно человека с ног сбить. Да ведь это же черт знает что такое! А? Шэк?

1) - Так проходит слава городов (лат.).

Дверь и мир

Перевод И. Гуровой

У авторов, желающих привлечь внимание публики, существует излюбленный прием, сначала читателя уверяют, что все в рассказе - истинная правда, а затем прибавляют, что истина неправдоподобнее всякой выдумки. Я не знаю, истинна ли история, которую мне хочется вам рассказать, хотя суперкаго испанец с фруктового парохода "Эль Карреро" клялся мощами святой Гваделупы, что все факты были сообщены ему вице-консулом Соединенных Штатов в Ла Пасе - человеком, которому вряд ли могла быть известна и половина их.

А теперь я не без удовольствия опровергну вышеприведенную поговорку, клятвенно заверив вас, что совсем недавно мне довелось прочесть в заведомо выдуманном рассказе следующую фразу: "Да будет так", - сказал полисмен". Истина еще не породила ничего, столь невероятного.

Когда Х. фергюсон Хеджес, миллионер, предприниматель, биржевик и нью-йоркский бездельник, решал веселиться и весть об этом разносилась "по линии", вышибалы подбирали дубинки потяжелее, официанты ставили на его любимые столики небьющийся фарфор, кэбмены скоплялись перед ночными кафе, а предусмотрительные кассиры значных мест, завсегдатаем которых он был, немедленно заносили на его счет несколько бутылок в качестве предисловия и введения.

В городе, где буфетчик, отпускающий вам "бесплатную закуску", ездит на работу в собственном автомобиле, обладатель одного миллиона не числится среди финансовых воротил. Но Хеджес тратил свои деньги так щедро, с таким размахом и блеском, как будто он был клерком, проматывающим недельное жалование. В конце концов, какое дело трактирщику до ваших капиталов? Его интересует ваш счет в баре, а не в банке.

В тот вечер, с которого начинается констатация фактов, Хеджес развлекался в теплой компании пяти-шести друзей и знакомых, собравшихся в его кильватере.

Самыми молодыми в этой компании были маклер Ральф Мэррием и его друг Уэйд.

Зафрахтовали два кэба дальнего плавания; на площади Колумба легли в дрейф и долго поносили великого мореплавателя, непатриотично упрекая его за

то, что он открывал континенты, а не пивные. К полуночи ошвартовались где-то в трущобах, в задней комнате дешевого кафе.

Пьяный Хеджес вел себя надменно, грубо и придирчиво. Плотный и крепкий, седой, но еще полный сил, он готов был дебоширить хоть до утра. Пospорили - по пустякам, - обменялись пятипалыми словами, словами, заменяющими перчатку перед поединком. Мэррием играл роль Готспура (1).

Хеджес вскочил, схватил стул, размахнулся и яростно швырнул его в голову Мэрриема. Мэррием увернулся, выхватил маленький револьвер и выстрелил Хеджесу в грудь. Главный кутила пошатнулся, упал и бесформенной кучей застыл на полу.

Уэйд часто приходилось иметь дело с нью-йоркским транспортом, поэтому он умел действовать быстро. Он вытолкнул Мэрриема в боковую дверь, завел его за угол, протащил бегом через квартал и нанял кэб. Они ехали минут пять, потом сошли на темном углу и расплатились. Напротив лихорадочным гостеприимством блестели огни кабачка.

- Иди туда, в заднюю комнату, - сказал Уэйд, - и жди. Я схожу узнать, как дела, и вернусь. До моего возвращения можешь выпить, но не больше двух стаканов.

Без десяти час Уэйд вернулся.

- Крепись, старина, - сказал он. - Как раз, когда я подошел, подъехала карета скорой помощи. Доктор говорит - умер. Пожалуй, выпей еще стакан. Предоставь все дело мне. Тебе надо исчезнуть. По-моему, стул юридически не считается оружием, опасным для жизни. Придется наострить лыжи, другого выхода нет.

Мэррием раздраженно пожаловался на холод и заказал еще стакан.

- Ты замечал, как у него на руках жилы вздуваются? Не выношу... Не...

- Выпей еще, и пошли, - сказал Уэйд. - Можешь рассчитывать на меня.

Уэйд сдержал свое слово: уже в одиннадцать часов следующего утра Мэррием с новым чемоданом, набитым новым бельем и щетками для волос, не привлекая ничьего внимания, прошел по одной из пристаней Восточной реки и поднялся на борт пятисоттонного фруктового пароходика, который только что доставил первый в сезоне груз апельсинов из порта Лимон и теперь возвращался обратно. В кармане у Мэрриема лежали его сбережения - две тысячи восемьсот долларов крупными банкнотами, а в ушах звучало наставление Уэйда - оставить как можно больше воды между собой и Нью-Йорком. Больше ни на что времени не хватило.

Из порта Лимон Мэррием, направляясь вдоль побережья к югу сначала на шхуне, затем на шлюпе, добрался до Колона. Оттуда он переправился через перешеек в Панаму, где устроился пассажиром на грузовое судно, шедшее курсом в Кальяо с остановками во всех портах, какие могли привлечь внимание шкипера.

Мэррием решил высадиться в Ла-Пасе, в Ла-Пасе. Прекрасном, маленьком городке без порта, полузадушенном буйной зеленой лентой, окаймляющей подножье уходящей в облака горы. Там пароходик застопорил машины, и капитан в шлюпке отправился на берег пощупать пульс кокосового рынка. Захватив чемодан, Мэррием поехал с ним и остался в Ла-Пасе.

Колб, вице-консул, гражданин Соединенных Штатов греко-армянского происхождения, родившийся в Гессен-Дармштадте и вскормленный в избирательных участках Цинциннати, считал всех американцев своими кровными братьями и личными банкирами. Он вцепился в Мэрриема, перезнакомил его со всеми обутыми обитателями Ла-Паса, занял десять долларов и вернулся в свой гамак.

На опушке банановой рощи расположилась деревянная гостиница с видом на море, приспособленная к вкусам тех немногих иностранцев, которые ушли из мира в этот перуанский городишко. Под выкрики Колба "Познакомьтесь с " Мэррием покорно обменялся рукопожатиями с доктором немцем, торговцем-французом, двумя торговцами-итальянцами и тремя или четырьмя янки, которых здесь называли "каучуковыми" людьми, "золотыми", "кокосовыми" - только не людьми из плоти и крови.

После обеда Мэррием, устроившись в углу широкой веранды, курил и пил шотландское виски с Биббом, вермонтцем, поставившим гидравлическое оборудование на рудники. Залитое лунным светом море уходило в бесконечность, и Мэрриему казалось, что оно навсегда легло между ним и его прошлым. Впервые с того момента, как он, несчастный беглец, прокрался на пароход, он мог без мучительной боли подумать об отвратительной трагедии, в которой сыграл столь роковую роль. Расстояние приносило ему успокоение. А Бибб тем временем открыл шлюзы давно сдерживаемого красноречия. Возможность изложить свежему слушателю свои всем давно надоевшие взгляды и теории приводила его в восторг.

- Еще год, - заявил Бибб, - и я отправлюсь домой, в Штаты. Здесь, конечно, очень мило, и *doice far niente* в неограниченном количестве, но белому человеку в этом краю долго не прожить. Нашему брату нужно и в снегу иногда застрять, и на бейсбол посмотреть, и крахмальный воротничок надеть, и ругань полисмена послушать. Хотя и Ла-Пас - неплохое местечко для послеобеденного отдыха. Кроме того, тут есть миссис Конант. Чуть только кто-нибудь из нас всерьез захочет утопиться, он мчится к ней в гости и делает предложение. Получить отказ от миссис Конант приятнее, чем утонуть, а говорят, что человек, когда тонет, испытывает восхитительное ощущение.

- И много здесь таких, как она? - осведомился Мэррием.

- Ни одной, - блаженно вздохнул Бибб. - Это единственная белая женщина в Ла-Пасе. Масть остальных колеблется от серой в яблоках до клавиши си бемоль. Она здесь год. Приехала из... ну знаете эту женскую манеру. Просишь их сказать "бечевка", а в ответ слышишь "силки" или "прыгалки". Сегодня думаешь, что она из Ошкоша, или из Джексонвилля, штат Флорида, а завтра - что с мыса Код.

- Тайна? - рискнул Мэррием.

- Мм... возможно, хотя говорит она достаточно ясно. Но таковы женщины. По-моему, если сфинкс заговорит, то звучать это будет примерно так: "Боже мой, к обеду опять гости, а на стол подать нечего, кроме этого песка". Но вы забудете об этом, Мэррием, когда познакомитесь с ней. Вы ей тоже сделаете предложение.

И действительно, Мэррием познакомился с ней и сделал ей предложение. Он увидел женщину в черном, чьи волосы отливали бронзой, как крыло индейки, а загадочные помнящие глаза могли принадлежать... ну, хотя бы акушерке, наблюдавшей за сотворением Евы. Однако ее слова и манеры были ясны, как выразился Бибб. Она говорила - несколько неопределенно - о друзьях в Калифорнии, а также в южных округах Луизианы. Ей нравится здешний тропический климат и неторопливая жизнь; она подумывает о покупке апельсиновой рощи; короче говоря, она очарована Ла-Пасом.

Мэррием ухаживал за Сфинксом три месяца, хотя ему и в голову не приходило, что он ухаживает. Миссис Конант служила ему лекарством от угрызений совести, и он слишком поздно заметил, что без этого лекарства не может жить. Все это время Мэррием не получал из Нью-Йорка никаких известий

Уэйд не знал, что он в Ла-Пасе, а он не помнил точного адреса Уэйда и боялся писать. Он пришел к заключению, что пока ничего предпринимать не следует.

Однажды они с миссис Конант наняли лошадей и отправились на прогулку в горы. У ледяной речки, стремглав несущейся с гор, они остановились напиться, и тут Мэррием заговорил: как и предсказал Бибб, он сделал предложение.

Миссис Конант поглядела на него с пылкой нежностью, но затем ее лицо выразило такую муку, что Мэррием мгновенно отрезвел.

- Простите меня, Флоренс, - сказал он, выпуская ее руку, - но я должен взять назад часть того, что сказал. Само собой, я не могу просить вас выйти за меня замуж. Я убил человека в Нью-Йорке - моего друга; насколько помню, застрелил его, как подлый трус. Я был пьян, но это безусловно не извинение. Я не мог больше молчать и никогда не откажусь от своих слов. Я скрываюсь здесь от правосудия - и, полагаю, на этом наше знакомство кончается.

Миссис Конант старательно обрывала листья с нависшей ветки лимонного дерева.

- Полагаю, что так, - произнесла она тихим, странно-прерывистым голосом, - но это зависит от вас. Я буду так же честна, как и вы. Я отравила моего мужа. Я сама сделала себя вдовой. Нельзя любить отравительницу. Так что, полагаю, на этом наше знакомство кончается.

Она медленно подняла глаза. Мэррием был бледен и тупо глядел на нее, как глухонемой, который не понимает, что происходит вокруг.

Вспыхнув, она быстро шагнула к нему.

- Не смотрите на меня так! - вскрикнула она, словно от невыносимой боли. - Прокляните меня, отвернитесь от меня, только не смотрите так! Он бил меня - меня! Если бы я могла показать вам рубцы - на плечах, на спине, а с тех пор прошло уже больше года, - следы его зверской ярости. Святая, и та убила бы его. Да, я его отравила. Каждую ночь в ушах у меня звучит та грязная, гнусная ругань, которой он осыпал меня в последний день. А потом - побои, и мое терпение кончилось. В тот день я купила яд. Каждый вечер перед сном он пил в библиотеке горячий ромовый пунш. Только из моих прекрасных рук соглашался он принять стакан - потому что знал, что я не выношу запаха спиртного. В этот вечер, когда горничная принесла мне пунш, я отослала ее вниз с каким-то поручением. Перед тем как идти к мужу, я подошла к моей личной аптечке и влила в стакан чайную ложку настойки аконита. Этого, как я узнала, было бы достаточно, чтобы убить троих. Еще утром я забрала из банка свои шесть тысяч долларов. Я взяла эти деньги и саквояж и незаметно ушла из дому. Проходя мимо библиотеки, я услышала, как он с трудом поднялся и тяжело упал на диван. Ночным поездом я уехала в Новый Орлеан, а оттуда отплыла на Бермуды. В конце концов я бросила якорь в Ла-Пасе. Ну, что вы теперь скажете? Что у вас, язык отнялся?

Мэррием очнулся.

- Флоренс, - сказал он серьезно, - вы нужны мне. Мне все равно, что вы сделали. Если мир...

- Ральф, - прервала она рыдающим голосом, - будь моим миром!

Лед в глазах ее растаял, она вся чудесно преобразилась и качнулась к Мэрриему так неожиданно, что ему пришлось прыгнуть, чтобы подхватить ее.

Боже мой! Почему в подобных ситуациях всегда выражаются так высокопарно? Но что поделаешь! Всех нас подсознательно влечет сияние рамп. Всколыхните душевные глубины вашей кухарки, и она разразится тирадой во вкусе Бульвер-Литтона.

Мэррием и миссис Конант были очень счастливы. Он объявил о своей

помолвке в отеле "Orilla del Mar" (2). Восемь иностранцев и четверо туземных Асторов похлопали его по спине и прокричали неискренние поздравления. Педрильо, бармен с манерами кастильского гранда, настолько оживился под градом заказов, что его подвижность заставила бы бостонского продавца фруктовых вод полиловать от зависти.

Они оба были очень счастливы. Тени, омрачавшие их прошлое, при сложении не только не стали гуще, но, наоборот, согласно странной арифметике бога родственных душ, наполовину рассеялись. Они заперли дверь на засов, оставив мир снаружи. Каждый стал миром другого. Миссис Конант снова начала жить. "Помнящее" выражение исчезло из ее глаз. Мэррием старался проводить с ней как можно больше времени. На маленькой лужайке, под сенью пальм и тыквенных деревьев, они собирались построить волшебное бунгало. Они должны были пожениться через два месяца. Много часов они проводили вместе, склонившись над планом дома. Их объединенные капиталы, вложенные в экспорт фруктов или леса, обеспечат приличный доход. "Покойной ночи, мир мой", - каждый вечер говорила миссис Конант, когда Мэрриему пора было возвращаться в отель. Они были очень счастливы. Волей судеб их любовь приобрела тот оттенок грусти, который, по-видимому, необходим, чтобы сделать чувство поистине возвышенным. И казалось, что их общее великое несчастье - или грех - связало их нерушимо.

Однажды на горизонте замаячил пароход. Весь босоногий, полуголый Ла-Пас высыпал на берег: прибытие парохода заменяло здесь Кони-Айленд, цирк, день Свободы и светский прием.

Когда пароход приблизился, люди сведущие объявили, что это "Пахаро", идущий из Кальяо на север, в Панаму.

"Пахаро" затормозил в миле от берега. Вскоре по волнам запрыгала шлюпка. Мэррием лениво спустился к морю посмотреть на суету. На отмели матросы-караибы выскочили в воду и дружным рывком выволокли шлюпку на прибрежную гальку. Из шлюпки вылезли суперкарго, капитан и два пассажира и побрели к отелю, утопая в песке. Мэррием посмотрел на приезжих с тем легким любопытством, которое вызывало здесь всякое новое лицо. Походка одного из пассажиров показалась ему знакомой. Он поглядел снова, и кровь клубничным мороженым застыла в его жилах. Толстый, наглый, добродушный, как и прежде, к нему приближался Х. Фергюсон Хеджес, человек, которого он убил.

Когда Хеджес увидел Мэрриема, лицо его побагровело. Потом он завопил с прежней фамильярностью:

- Здорово, Мэррием! Рад тебя видеть. Вот уж не ожидал встретить тебя здесь. Куинби, это мой старый друг Мэррием из Нью-Йорка. Знакомьтесь.

Мэррием протянул Хеджесу, а затем Куинби похолодевшую руку.

- Бррр! - сказал Хеджес. - И ледяная же у тебя лапа! Да ты болен! Ты желт, как китаец. Малярийное местечко? А ну-ка доставь нас в бар, если они здесь водятся, и займемся профилактикой.

Мэррием, все еще в полубморочном состоянии, повел их к отелю "Orilla del Mar".

- Мы с Куинби, - объяснил Хеджес, пытаясь по песку, - ищем на побережье, куда бы вложить деньги. Мы побывали в Консепсьоне, в Вальпараизо и Лиме. Капитан этой посудины говорит, что здесь можно заняться серебряными рудниками. Вот мы и слезли. Так где же твое кафе, Мэррием? А, в этой портативной будочке?

Доставив Куинби в бар, Хеджес отвел Мэрриема в сторону.

- Что с тобой? - сказал он с грубоватой сердечностью. - Ты что, дуешься из-за этой дурацкой ссоры?

- Я думал, - пробормотал Мэррием, - я слышал... мне сказали, что вы... что я...

- Ну, и я - нет, и ты - нет, - сказал Хеджес. - Этот молокосос из скорой помощи объявил Уэйд, что мне крышка, потому что мне надоело дышать и я решил отдохнуть немножко. Пришлось поваляться месяц в частной больнице, и вот я здесь и на здоровье не жалуюсь. Мы с Уэйдом пытались тебя найти, но не могли. Ну-ка, Мэррием, давай лапу и забудь про это. Я сам виноват не меньше тебя, а пуля мне пошла только на пользу: из больницы я вышел крепким, как ломовая лошадь. Пошли, нам давно налили.

- Старина, - начал Мэррием растерянно, - как мне благодарить тебя? Я... Но...

- Брось, пожалуйста! - загремел Хеджес. - Куинби помрет от жажды, пока мы тут разговариваем.

Было одиннадцать часов. Бибб сидел в тени на веранде, ожидая завтрака. Вскоре из бара вышел Мэррием. Его глаза странно блеснули.

- Бибб, дружище, - сказал он, медленно обводя рукой горизонт. - Ты видишь эти горы, и море, и небо, и солнце - все это принадлежит мне, Бибси, все принадлежит мне.

- Иди к себе, - сказал Бибб, - и прими восемь гран хинина. В здешнем климате человеку не годится воображать себя Рокфеллером или Джеймсом О'Нилом (3).

В отеле суперкаро развязывал пачку старых газет, которые "Пахаро" собрал в южных портах для раздачи на случайных остановках. Вот так мореплаватели благодетельствуют пленников моря и гор, доставляя им новости и развлечения.

Дядюшка Панчо, хозяин гостиницы, оседлав свой нос громадными серебряными anteojos (4), раскладывал газеты на меньшие кучки. В комнату влетел muchacho, добровольный кандидат на роль рассыльного.

- Vienen venidos (5), - сказал дядюшка Панчо. - Это для сеньоры Конант; это - для эль доктор С-с-шлегель Dios! Что за фамилия! Это - сеньору Дэвису, а эта - для дона Альберта. Эти две - в Casa de Huespedes, Numero 6, en la calle de las Buenas Gracias (6). И скажи всем, muchacho, что "Пахаро" отплывает в Панаму сегодня в три. Кто хочет писать письма, пусть поторопится, чтобы они успели пройти через correo (7).

Миссис Конант получила предназначенную ей пачку в четыре часа. Доставка запоздала, ибо мальчик был совращен с пути долга встречной игуаной, за которой он немедленно погнался. Но для миссис Конант эта задержка не играла никакой роли - она не собиралась писать письма.

Она лениво покачивалась в гамаке в патио дома, где она жила, сонно мечтая о рае, который ей и Мэрриему удалось создать из обломков прошлого. И пусть горизонт, замкнувший это мерцающее море, замкнет и ее жизнь. Они закрыли дверь, оставив мир снаружи.

Мэррием пообедает в отеле и придет в семь часов. Она наденет белое платье, накинёт кружевную мантилью абрикосового цвета, и они будут гулять у лагуны под кокосовыми пальмами. Она удовлетворенно улыбнулась и наугад вытащила газету из пачки, принесенной мальчиком.

Сперва слова одного из заголовков воскресной газеты не произвели на нее никакого впечатления, они только показались ей смутно знакомыми. Крупным шрифтом было напечатано: "Ллойд Б. Конант добился развода". Затем более мелко - подзаголовки: "Известный фабрикант красок из Сент-Луиса выигрывает процесс, ссылаясь на отсутствие жены в течение года". "Обстоятельства ее

таинственного исчезновения". "С тех пор о ней ничего не известно".

Миссис Конант мгновенно вывернулась из гамака и быстро пробежала глазами заметку в полстолбца, которая заканчивалась следующим образом: "Как помнят читатели, миссис Конант исчезла однажды вечером, в марте прошлого года. Ходили слухи, что ее брак с Ллойдом Б. Конантом был очень несчастен. Утверждали даже, что его жестокость по отношению к жене неоднократно приобретала формы оскорбления действием. После отъезда миссис К. в ее спальне в маленькой аптечке был обнаружен пузырек смертельного яда - настойки аконита. Это наводит на предположение, что она помышляла о самоубийстве. Считают, что, вместо того чтобы привести в исполнение это намерение, если таковое у нее было, она предпочла покинуть свой дом".

Миссис Конант уронила газету и медленно опустилась на стул, судорожно сжав руки.

- Как же это было?... боже мой!.. как же это было, - шептала она. - Я унесла пузырек... Я выбросила его из окна вагона... Я... В аптечке был другой пузырек... Они стояли рядом - аконит и валерьянка, которую я принимала от бессонницы... Если нашли пузырек с аконитом, значит... значит, он безусловно жив - я дала ему безобидную дозу валерьянки... Так я не убийца!.. Ральф, я... Господи, сделай, чтобы это не оказалось сном.

Она прошла в ту половину дома, которую снимала у старика-перуанца и его жены, заперла дверь и в течение получаса лихорадочно металась по комнате. На столе стояла фотография Мэрриема. Она взяла ее, улыбнулась с невыразимой нежностью - и уронила на нее четыре слезы. А Мэррием находился от нее только в ста метрах! Затем миссис Конант десять минут стояла неподвижно, глядя в пространство. Она глядела в пространство через медленно открывавшуюся дверь. По эту сторону были материалы для постройки романтического замка: любовь; Аркадия колышавшихся пальм; колыбельная песня прибоя; приют спокойствия, отдыха, мира; страна лотоса, страна мечтательной лени; жизнь без опасностей и страха, полная поэзии и сердечного покоя. Как по-вашему, Романтик, что увидела миссис Конант по ту сторону двери? Не знаете? Ах, не хотите сказать? Очень хорошо. Тогда слушайте.

Она увидела, как она входит в универсальный магазин и покупает пять мотков шелка и три ярда коленкора на передник кухарке. "Записать на ваш счет, мэм?" - спрашивает продавец. А выходя, она встречает знакомую даму, та сердечно здоровается с ней и восклицает: "Ах, где вы достали выкройку этих рукавов, дорогая миссис Конант?" На углу полисмен помогает ей перейти улицу и почтительно прикасается к шлему. "Кто-нибудь заходил?" - спрашивает она горничную, вернувшись домой.

"Миссис Уолдрон, - отвечает горничная, - и обе мисс Иженкинсон". - "Прекрасно, - говорит она. - Принесите мне, пожалуйста, чашку чаю, Мэгги".

Миссис Конант подошла к двери и позвала Анджелу, старуху-перуанку.

- Если Матео дома, пошли его ко мне.

Матео - метис, волочащий ноги от старости, но еще исполнительный и бодрый, явился на зов.

- Я хочу уехать отсюда сегодня или завтра. Не знаешь, нет ли сейчас поблизости парохода или какого-нибудь другого судна?

Матео задумался.

- В Пунта Реина, в тридцати милях южнее, сеньора, маленький пароход грузится хиной и красивым деревом. Он уходит в Сан-Франциско завтра на рассвете. Так говорит мой брат, он сегодня утром проходил на своем шлюпе мимо Пунта Реина.

- Ты должен отвезти меня на этом шлюпе к пароходу сегодня же. Согласен?

- Может быть... - Матео красноречиво повел плечом.

Миссис Конант достала из ящика несколько монет и протянула ему.

- Подведи шлюп в бухту за мысом, к югу от города, - приказала она, - собери матросов и будь готов отплыть в шесть часов. Через полчаса приготовь в патио тележку с соломой. Ты отвезешь на шлюп мой сундук. Потом получишь еще. Ну, быстрее.

Матео удалился, впервые за много лет не волоча ноги.

- Анджела! - вскричала миссис Конант в лихорадочном возбуждении. - Помоги мне уложиться. Я уезжаю. Тащи сундук. Сначала платья. Пошевеливайся же! Сперва эти черные. Быстрее.

С самого начала она ни минуты не колебалась. Ее решение было твердым и окончательным. Ее дверь открылась, и через эту дверь ворвался мир. Любовь ее к Мэрриему не уменьшилась, но стала теперь чем-то нереальным и безнадежным. Видения их будущего, которое недавно казалось столь блаженным, исчезли. Она пыталась убедить себя, что отрекается только ради Мэрриема. Теперь, когда с нее снят ее крест - по крайней мере формально, - не слишком ли тяжело ему будет нести свой? Если она не покинет его, разница между ними будет медленно, но верно омрачать и подтачивать их счастье. Так она убеждала себя, а все это время в ее ушах едва заметно, но настойчиво, как гул отдаленных машин, звучали тихие голоса - еле слышные голоса мира, чей манящий зов, когда они сольются в хор, проникает сквозь самую толстую дверь.

Один раз за время сборов на нее пал легкий отсвет мечты о лотосе. Лево́й рукой она прижала к сердцу портрет Мэрриема, а правой швырнула в сундук туфли.

В шесть часов Матео вернулся и сообщил, что шлюп готов. Вдвоем с братом они поставили сундук на тележку, закутали соломой и отвезли к месту посадки, а оттуда в лодке переправили на шлюп. Затем Матео вернулся за дальнейшими распоряжениями.

Миссис Конант была готова. Она расплатилась с Анджелой и нетерпеливо ждала метиса. На ней был длинный широкий пыльник из черного шелка, который она обычно надевала, отправляясь на прогулку, если вечер был прохладен, и маленькая круглая шляпа с накинутой сверху кружевной мантилей абрикосового цвета.

Короткие сумерки быстро сменились мраком. Матео вел ее по темным, заросшим травой улицам к мысу, за которым стоял на якоре шлюп. Повернув за угол, они заметили в трех кварталах справа туманное сияние керосиновых ламп в отеле "Orilla del Mar". Миссис Конант остановилась, ее глаза наполнились слезами.

- Я должна, я должна увидеть его еще раз перед отъездом, - пробормотала она, ломая руки.

Но она и теперь не колебалась в своем решении. Мгновенно она сочинила план, как поговорить с ним и все же уехать без его ведома. Она пройдет мимо отеля, попросит кого-нибудь вызвать Мэрриема, поболтает с ним о каких-нибудь пустяках, и когда они расстанутся, он по-прежнему будет думать, что они встретятся в семь часов у нее.

Она отколола шляпу, дала ее Матео и приказала:

- Держи ее и жди здесь, пока я не вернусь.

Закутав голову мантилей, как она обычно делала, гуляя после захода солнца, миссис Конант направилась прямо в "Орилла дель Мар".

На веранде белела толстая фигура дядюшки Панчо. Она обрадовалась,

увидев, что он один.

- Дядюшка Панчо, - сказала она с очаровательной улыбкой. - Не будете ли вы так добры попросить мистера Мэрриема спуститься сюда на минутку? Я хочу поговорить с ним.

Дядюшка Панчо поклонился с грацией циркового слона.

- Buenas tardes (8), сеньора Конант, - произнес он с учтивостью истого кабаллеро и продолжал смущенно: - Но разве сеньора не знает, что сеньор Мэррием сегодня в три часа отплыл на "Пахаро" в Панаму?

1) - Прозвище сэра Генриха Перси, забияки и задиры, в драме Шекспира "Генрих IV".

2) - Берег моря (испанск.).

3) - Актер, прославился исполнением роли графа Монте-Кристо.

4) - Очки (испанск.).

5) - Добрый день (испанск.).

6) - В гостиницу, номер шесть, на улице Буэнас Грациас (испанск.).

7) - Почта (испанск.).

8) - Добрый вечер (испанск.).

Вопрос высоты над уровнем моря

Перевод О. Холмской

Однажды зимой оперная труппа театра "Альказар" из Нового Орлеана, в надежде поправить свои обстоятельства, совершала турне по Мексиканскому, Центрально- и Южноамериканскому побережью. Предприятие это оказалось весьма удачным. Впечатлительные испано-американцы, большие любители музыки, всюду осыпали артистов долларами и оглушали их криками "vivas!" Антрепренер раздобыл телом и умягчился духом. Только неподходящий климат помешал ему возложить на себя видимый знак своего благополучия - меховое пальто со шнурами, наружными петлями и обшитыми суташом пуговицами. От полноты чувств он чуть было даже не повысил жалованье актерам, но вовремя опомнился и могучим усилием воли победил порыв к столь бесприбыльному выражению радости.

Самый большой успех гастролеры имели в Макуто, на побережье Венесуэлы. Представьте себе Кони-Айленд, переведенный на испанский язык, и вы поймете, что такое Макуто. Модный сезон продолжается от ноября до марта. Из Ла-Гвейры, Каракаса, Валенсии и других городов внутри страны стекаются сюда все, кто хочет повеселиться. К их услугам разнообразные развлечения - купанье в море, фиесты, бои быков, сплетни. И все эти люди одержимы страстью к музыке, которую оркестры, Играющие - один на площади, другой на взморье, могут только разбедерить, но не насытить. Понятно, что прибытие оперной труппы было встречено с восторгом.

Знаменитый Гусман Бланке, президент и диктатор Венесуэлы, вместе со своим двором проводил зимний сезон в Макуто. Этот могущественный правитель, по чьему личному распоряжению оперному театру в Каракасе выдавалась ежегодная субсидия в сорок тысяч песо, приказал освободить один из правительственных складов и временно переоборудовать его под театр. Быстро

воздвигли сцену, для зрителей сколотили деревянные скамьи, для президента и высших чинов армии и гражданской администрации построили несколько лож.

Труппа пробыла в Макуто две недели. На всех представлениях зал был набит битком. Даже на улице перед театром сотнями толпились обожатели музыки и дрались из-за места поближе к растворенной двери и открытым окнам. Зрительный зал являл собой необычайно пеструю картину. Тут были представлены все возможные оттенки человеческой кожи: попеременно сидели светло-оливковые испанцы, желтые и коричневые метисы, черные как уголь негры с берегов Карибского моря и с Ямайки. Кое-где, небольшими кучками, вкраплены были индейцы с лицами, как у каменных идолов, закутанные в яркой расцветки шерстяные одеяла - индейцы из дальних округов - Саморы, Лос-Андес и Миранды, спустившиеся с гор к морю, чтобы в прибрежных городах обменять на товары намытый в ущельях золотой песок.

На этих выходцев из неприступных горных твердынь музыка оказывала потрясающее действие. Они слушали, оцепенев от восторга, резко выделяясь среди экспансивных жителей Макуто, которые для выражения своих чувств щедро пускали в ход и язык и руки. Только однажды сумрачный экстаз этих исконных насельников страны проявился вовне. Во время представления "Фауста" Гусман Бланке, очарованный арией Маргариты, роль которой, как значилось на афише, исполняла мадемуазель Нина Жиро, бросил на сцену кошелек с червонцами. Другие видные граждане по его примеру тоже стали кидать золотые монеты, сколько кому не жаль, и даже некоторые из прекрасных сеньор, присутствовавших в театре, решились, сняв с пальчика кольцо или отстегнув брошку, бросить их к ногам примадонны. Тогда-то в разных углах зала начали вставать суровые жители гор и швырять на сцену серые и коричневые мешочки, которые шлепались об пол с мягким, глухим звуком.

Конечно, только радость от мысли, что ее искусство получило признание, заставила так ярко заблистать глаза мадемуазель Жиро, когда она у себя в уборной стала развязывать эти кожаные мешочки и обнаружила, что они содержат полновесный золотой песок. Если так, то что ж, радость ее была вполне законна, ибо голос мадемуазель Жиро, чистый, сильный и гибкий, безукоризненно передававший все оттенки чувств, волновавших впечатлительную душу артистки, без сомнения заслуживал той оценки, которую ему дали слушатели.

Но не триумфы оперной труппы "Альказар" являются темой нашего рассказа: они лишь слегка соприкасаются с ней и сообщают ей колорит. Дело в том, что за эти дни в Макуто произошло трагическое событие, пригасившее на время общее веселье и оставшееся неразрешимой загадкой.

Однажды под вечер, за короткий час между закатом солнца и тем мгновением, когда примадонне полагалось явиться на подмостках в черно-алом наряде пылкой Кармен, мадемуазель Нина Жиро бесследно исчезла. Шесть тысяч пар глаз, устремленных на сцену, шесть тысяч нетерпеливо бившихся сердец остались неудовлетворенными. Поднялась суматоха. Посланцы помчались в маленький французский отель, где жила певица. Другие устремились на пляж, где она могла замешкаться, увлекшись купанием или задремав под тентом. Но все поиски были тщетны. Мадемуазель словно сквозь землю провалилась.

Прошло еще полчаса. Диктатор, не привычный к капризам примадонн, начал проявлять нетерпение. Он послал своего адъютанта передать антрепренеру, что, если занавес не будет сию же минуту поднят, всю труппу незамедлительно отправят в тюрьму, хотя мысль о необходимости прибегнуть к таким мерам наполняет скорбью сердце президента. В Макуто умели заставить птичек петь.

Антрепренер временно отложил всякие надежды на мадемуазель Жиро. Одна из хористок, годами мечтавшая о таком счастливом случае, срочно преобразилась в Кармен, и представление началось.

Примадонна не отыскалась, однако, и на другой день.

Тогда актеры обратились за помощью к властям. Президент немедленно отрядил на розыски полицию, армию и всех граждан. Но тайну исчезновения мадемуазель Жиро не удалось раскрыть. Труппа отбыла из Макуто выполнять свои контракты в других городах на побережье.

На обратном пути, во время стоянки парохода в Макуто, антрепренер съехал на берег и еще раз навел справки. Напрасно! Следов пропавшей так и не нашли. Что было делать? Вещи мадемуазель Жиро оставили в отеле на случай ее возможного возвращения, и труппа продолжала свой путь на родину.

На camino real (1), тянувшейся вдоль берега, стояли четыре вьючных и два верховых мула дона сеньора Джонни Армстронга, терпеливо ожидая, пока щелкнет бич их arkrro (2), Луиса. Это должно было послужить сигналом для выступления в долгий путь по горам. Вьючные мулы были нагружены разнообразным ассортиментом скобяных товаров и ножевых изделий. Эти товары дон Джонни продавал индейцам, получая взамен золотой песок, который те намывали в сбегаящих с Анд горных реках и хранили в гусиных перьях и в кожаных мешочках, пока не прибывал к ним Джонни, совершая свою очередную поездку. Коммерция эта была очень выгодной, и сеньор Армстронг рассчитывал в ближайшем будущем приобрести ту кофейную плантацию, к которой давно присматривался.

Армстронг стоял на узком тротуарчике и обменивался изысканными прощальными приветствиями на испанском языке со старым Перальто, богатым местным купцом, только что содравшим с него втридорога за полгросса кухонных ножей, и краткими английскими репликами с Руккером, маленьким немцем, исполнявшим в Макути обязанности консула Соединенных Штатов.

- Да пребудет с вами, сеньор, - говорил Перальто, - благословение святых угодников во время долгого вашего пути. Уповайте на милость Божию.

- Пейте-ка лучше хинин, - пробурчал Руккер, не выпуская трубки из рта.
- По два грана на ночь. И не пропадаете надолго. Вы нам нужны. Этот Мелвил омерзительно играет в вист, а заменить его некем. Auf wiedersehen, и смотрите между мула ушами, когда по пропасти краю ехать будете.

Зазвенели бубенчики на сбруе передового мула, и караван тронулся. Армстронг помахал рукой провожающим и занял свое место в хвосте процессии. Шажком поднялись они по узкой улочке мимо двухэтажного деревянного здания, пышно именуемого "Hotel Ingles"(3), где Айве, Доусон, Ричмонд и прочая братия предавались безделью на широкой веранде, перечитывая газеты недельной давности. Все они подошли к перилам и дружески напутствовали Джонни кто умными, кто глупыми советами. Не спеша протрусили мулы по площади мимо бронзового памятника Гусману Бланке в ограде из ошестинившихся штыками трофейных винтовок, отнятых у повстанцев, и выбрались из города по кривым переулкам, где возле крытых соломою хижин, не стыдясь своей наготы, резвились юные граждане Макуто. Далее караван нырнул под влажную тень банановой рощи и снова вынырнул на яркий солнечный свет у искрящегося потока, где коричневые женщины в весьма скудной одежде стирали белье, безжалостно трепля его о камни. Затем путники, переправившись через речку вброд, двинулись в гору по крутой тропе и надолго распрощались даже с теми скромными элементами цивилизации, коими дано было наслаждаться жителям

приморской полосы.

Не одну неделю провел Армстронг в горах, следуя, под водительством Луиса, по обычному своему маршруту. Наконец, после того как он набрал арробу (4) драгоценного песка, что составляло пять тысяч долларов чистой прибыли, и выюки на спинах мулов значительно облегчились, караван повернул обратно. Там, где из глубокого ущелья выбегает река Гуарико, Луис остановил мулов.

- Сеньор, - сказал он, - меньше чем в одном дневном переходе отсюда есть деревушка Такусама, где мы еще ни разу не бывали. Там, я думаю, найдется много унций золота. Стоит попробовать.

Армстронг согласился, и они опять двинулись в гору. Узкая тропа, карабкаясь по кручам, шла через густой лес. Надвигалась уже ночь, темная, мрачная, как вдруг Луис опять остановился. Перед путниками, преграждая тропу, разверзалась черная, бездонная пропасть. Луис спешился.

- Тут должен быть мост, - сказал он и побежал куда-то вдоль обрыва. - Есть, нашел! - крикнул он из темноты и, вернувшись, снова сел в седло. Через несколько мгновений Армстронг услышал грохот, как будто где-то во мраке били в огромный барабан. Это гремели копыта мулов по мосту из туго натянутых бычьих кож, привязанных к поперечным шестам и перекинутых через пропасть. В полумиле оттуда была уже Такусама. Кучка сложенных из камней и обмазанных глиной лачуг ютилась в темной лесной чаще.

Когда всадники подъезжали к селению, до их ушей внезапно долетел звук, до странности неожиданный в угрюмой тишине этих диких мест. Великолепный женский голос, чистый и сильный, пел какую-то звучную, прекрасную арию. Слова были английские, и мелодия показалась Армстронгу знакомой, хотя он и не мог вспомнить ее названия.

Пение исходило из длинной и низкой глинобитной постройки на краю деревни. Армстронг соскочил с мула и, подкравшись к узкому оконцу в задней стене дома, осторожно заглянул внутрь. В трех футах от себя он увидел женщину необыкновенной, величественной красоты, закутанную в свободное одеяние из леопардовых шкур. Дальше тесными рядами сидели на корточках индейцы, заполняя все помещение, кроме небольшого пространства, где стояла женщина.

Она кончила петь и села у самого окна, как будто ловя струю свежего воздуха, только здесь проникавшего в душную лачугу. Едва она умолкла, как несколько слушателей вскочили и принялись бросать к ее ногам маленькие мешочки, глухо шлепавшиеся о земляной пол. Остальные разразились гортанным ропотом, что у этих сумрачных меломанов было, очевидно, равносильно аплодисментам.

Армстронг привык быстро ориентироваться в обстановке. Пользуясь поднявшимся шумом, он тихо, но внятно проговорил: - Не оборачивайтесь. Слушайте. Я американец. Если вам нужна помощь, скажите, как вам ее оказать. Отвечайте как можно короче.

Женщина оказалась достойной его отваги. Только по внезапно вспыхнувшему на ее щеках румянцу можно было судить, что она слышала и поняла его слова. Затем она заговорила, почти не шевеля губами:

- Эти индейцы держат меня в плену. Видит бог, мне нужна помощь. Через два часа приходите к хижине в двадцати ярдах отсюда, ближе к горному склону. Там будет свет, на окне красная занавеска. У дверей всегда стоит караульный, его придется убрать. Ради всего святого, не покидайте меня.

Приключения, битвы и тайны как-то не идут к нашему рассказу. Тема, которую мы избрали, слишком деликатна для этих грубых и воинственных

мотивов. И однако она стара как мир. Ее называли "влиянием среды", но разве такими бледными словами можно описать то неизъяснимое родство между человеком и природой, то загадочное братство между нами и морской волной, облаками, деревом и камнем, в силу которого наши чувства покоряются тому, что нас окружает? Почему мы настраиваемся торжественно и благоговейно на горных вершинах, предаемся лирическим раздумьям под тенью пышных рощ, впадаем в легкомысленное веселье и сами готовы пуститься в пляс, когда сверкающая волна разливается по отмели? Быть может, протоплазма... Но довольно! Этим вопросом занялись химики, и скоро они всю жизнь закуют в свою таблицу элементов.

Итак, чтобы не выходить из пределов научного изложения, сообщим только, что Армстронг пришел ночью к хижине, задушил индейского стража и увез мадемуазель Жиро. Вместе с ней уехало из Такусамы несколько фунтов золотого песка, собранного артисткой за время своего вынужденного ангажемента. Индейцы Карабабо самые страстные любители музыки на всей территории между экватором и Французским оперным театром в Новом Орлеане. Кроме того, они твердо верят, что Эмерсон преподавал нам разумный совет, когда сказал: "То, чего жаждет твоя душа, о человек, возьми и заплати положенную цену". Несколько из этих индейцев присутствовали на гастролях оперного театра "Альказар" в Макуто и нашли вокальные данные мадемуазель Жиро вполне удовлетворительными. Они ее возжаждали, и они ее взяли-увезли однажды вечером, быстро и без всякого шума. У себя они окружили ее почетом и уважением, требуя только одного коротенького концерта в вечер. Она была очень рада тому, что мистер Армстронг освободил ее из плена. На этом кончаются все тайны и приключения. Вернемся теперь к вопросу о протоплазме.

Джон Армстронг и мадемуазель Жиро ехали по тропе среди горных вершин, овеянные их торжественным покоем. На лоне природы даже тот, кто совсем забыл о своем родстве с ней, с новой силой ощущает эту живую связь. Среди гигантских массивов, воздвигнутых древними геологическими переворотами, среди грандиозных просторов и безмерных далей все ничтожное выпадает, из души человека, как выпадает из раствора осадок под действием химического реагента. Путники двигались медленно и важно, словно молящиеся во храме. Их сердца, как и горные пики, устремлялись к небу. Их души насыщались величием и миром.

Армстронгу женщина, ехавшая рядом с ним, казалась почти святыней. ореол мученичества, еще окружавший ее, придавал ей величавое достоинство и превращал ее женскую прелесть в иную, более возвышенную красоту. В эти первые часы совместного путешествия Армстронг испытывал к своей спутнице чувство, в котором земная любовь сочеталась с преклонением перед сошедшей с небес богиней.

Ни разу еще после освобождения не тронула ее уст улыбка. Она все еще носила мантию из леопардовых шкур, ибо в горах было прохладно. В этом одеянии она казалась принцессой, повелительницей этих диких и грозных высот. Дух ее был в согласии с духом горного края. Ее взор постоянно обращался к темным утесам, голубым ущельям, увенчанным снегами пикам и выражал такую же торжественную печаль, какую источали они. Временами она запевала *Te deum* или *Miserere* (5), которые как будто отражали самую душу гор и делали движение каравана подобным богослужебному шествию среди колонн собора. Освобожденная пленница редко роняла слово, как бы учась молчанию у окружающей природы. Армстронг смотрел на нее, как на ангела. Он счел бы святотатством ухаживать за ней, как за обыкновенной женщиной.

Спускаясь мало-помалу, на третий день они очутились в tierra templada (б) - на невысоких плато в предгорьях. Горы отступили, но еще высились вдали, вздымая в небо свои грозные головы. Тут уже видны были следы человека. На расчищенных в лесу полянах белели домики - посреди кофейных плантаций. На дороге попадались встречные всадники и выючные мулы. На склонах паслись стада. В придорожной деревушке большеглазые niños (7) приветствовали караван пронзительными криками.

Мадемуазель Жиро сняла свою мантию из леопардовых шкур. Это одеяние, так гармонизировавшее с духом высокогорья, здесь уже казалось несколько неуместным. И Армстронгу почудилось, что вместе с этой одеждой мадемуазель Жиро сбросила и частицу важности и достоинства, отличавших до сих пор ее поведение. Чем населеннее становилась местность, чем чаще встречались признаки цивилизации, говорившие о жизненных удобствах и уюте, тем ощутительнее делалась эта перемена в спутнице Армстронга. Он с радостью видел, что принцесса и священнослужительница превращается в простую женщину - обыкновенную, земную, однако не менее обаятельную. Слабый румянец заиграл на ее мраморных щеках. Под леопардовой мантией обнаружилось обычное платье, и мадемуазель Жиро принялась оправлять его с заботливостью, доказывавшей, что чужие взгляды ей не безразличны. Она пригладила свои разметавшиеся по плечам кудри. В ее глазах замерцал огонек интереса к миру и его делам, не смеявший до сих пор разгореться в ледяном воздухе аскетических горных вершин.

Божество оттаивало - и сердце Армстронга забилось сильнее. Так бьется сердце у исследователя Арктики, когда он впервые видит зеленые поля и текущие воды. Очутившись на менее высоком уровне суши и жизни, путешественники поддались его таинственному, неуловимому влиянию. Их уже не обступали суровые скалы; воздух, которым они дышали, не был уже разреженным воздухом горных высот. Они ощущали на своем лице дыхание фруктовых садов, зреющих нив и теплого жилья - добрый запах дыма и влажной земли, все, чем пытается утешить себя человек, отгораживаясь от мертвого праха, из которого он возник. В соседстве снежных вершин мадемуазель Жиро сама проникалась их замкнутостью и молчаливостью. А теперь - ужель это была та же самая женщина? Трепещущая, полная жизни и страсти, счастливая от сознания своей прелести, женственная до кончиков пальцев! Наблюдая эту метаморфозу, Армстронг чувствовал, что в душу его закрадывается смутное опасение. Ему хотелось остаться здесь, не пускать дальше эту женщину-хамелеона. Здесь была та высота и те условия, при которых проявлялось все лучшее в ее натуре. Он боялся спускаться ниже, на те уровни, где природа окончательно покорена человеком. Какие еще изменения претерпит дух его возлюбленной в той искусственной зоне, куда они держат путь?

Наконец, с небольшого плато они увидели сверкающую полоску моря по краю зеленых низин. У мадемуазель Жиро вырвался легкий радостный вздох.

- Ах, посмотрите, мистер Армстронг! Море! Какая прелесть! Мне так надоели горы! - Она с отвращением передернула плечиком. - И эти ужасные индейцы! Подумайте, как я настрадалась! Правда, осуществилась моя мечта - быть звездой сцены, но вряд ли все-таки я возобновила бы этот ангажемент. Я так благодарна вам за то, что вы меня увезли. Скажите, мистер Армстронг, - только по совести! - я, наверно, бог знает на кого похожа? Я ведь целую вечность не гляделась в зеркало.

Армстронг дал ей тот ответ, который подсказывало ему изменившееся настроение. Он даже решился нежно пожать ее ручку, опирающуюся на луку

седла. Луис ехал в голове каравана и ничего не видел. Мадемуазель Жиро позволила руке Армстронга остаться там, куда он ее положил, и ответила ему улыбкой и взглядом, чуждым всякой застенчивости.

На закате солнца они совершили последнее нисхождение до уровня моря и ступили на дорогу, которая шла к Макуто под сенью пальм и лимонных деревьев, среди яркой зелени, киноvari и охры *tierra caliente* (8). Они въехали в город и увидели цепочки беззаботных купальщиков, резвившихся среди пенных валов прибоя. Горы остались далеко-далеко позади.

Глаза мадемуазель Жиро искрились таким весельем, которое, конечно, было немыслимо для нее в те дни, когда ее блюли дуэньи в снеговых чепцах. Но теперь к ней взывали иные духи - нимфы апельсиновых рощ, наяды бурливого прибоя, бесенята, рожденные музыкой, благоуханием цветов, яркими красками земли и вкрадчивым шепотом человеческих голосов. Она вдруг звонко рассмеялась - видимо, ей пришла в голову забавная мысль.

- Ну и сенсация же будет! - воскликнула она, обращаясь к Армстронгу. - Жаль, что у меня сейчас нет ангажемента! А то какую рекламу можно бы состряпать! "Знаменитая певица в плену у диких индейцев, покоренных чарами ее соловьиного голоса!" Ну да ничего, я во всяком случае в накладе не осталась. Тысячи две долларов, пожалуй, будет в этих мешочках с золотым песком, что я набрала во время моего высокогорного турне? А? Как вы думаете?

Армстронг оставил ее у дверей маленького отеля "*De Buen Descansar*" (9), где она жила раньше. Через два часа он вернулся в отель и, подойдя к растворенной двери, заглянул в небольшой зал, служивший одновременно приемной и рестораном.

На креслах и диванах расположились пять-шесть представителей светских и чиновных кругов Макуто. Сеньор Виллабланка, богач и концессионер, державший в руках местную каучуковую промышленность, сидел сразу на двух стульях, ибо на одном не умещались его жирные телеса; масляная улыбка расплзалась по его коричневому, как шоколад, лицу. Горный инженер, француз Гильбер, умильно поглядывал сквозь сверкающие стекла пенсне. Представитель армии, полковник Мендес, в шитом золотом мундире, с самодовольной улыбкой деловито раскупоривал шампанское. Прочие сливки общества выламывались кто как умел и принимали эффектные позы. В воздухе было сине от дыма. Из опрокинутой бутылки на пол текло вино.

Посреди комнаты, словно королева на троне, восседала на столе мадемуазель Жиро. Свой дорожный костюм она уже успела сменить на шикарный туалет из белого муслина с вишневыми лентами. Краешек кружева, две-три оборки, розовый чулочек со стрелками, как бы невзначай выставившийся из-под юбки... На коленях мадемуазель Жиро держала гитару. Лицо ее сияло счастьем - то был свет восстания из мертвых, ликование воскресшей души, которая достигла, наконец, Элизиума, пройдя сквозь огонь и муки. Бойко аккомпанируя себе на гитаре, она пела:

Вон на небо лезет красная луна,
Знать, она, голубушка, пьяным-пьяна,
Так давайте же стаканы наливать
И своих девчонок - эх! - послаще целовать!

Тут певица заметила Армстронга.

- Эй! Эй! Джонни! - закричала она. - Где ты пропадал, я тебя уже целый

час дожидаясь! Скука без тебя смертная! Ну и компания же у вас тут, как я погляжу! Пить и то не умеют. Иди, иди к нам, я велю этому черномазому с золотыми эполетами откупорить для тебя свежую бутылочку!

- Благодарю вас, - сказал Армстронг. - Как-нибудь в другой раз. Сейчас мне некогда.

Он вышел из отеля и зашагал по улице. Навстречу ему попался Руккер, возвращавшийся домой из своего консульства.

- Пойдем сыграем на бильярде, - сказал Армстронг. - Мне надо развлечься, авось перестанет тошнить от угощения, что подносят тут у вас, на уровне моря.

- 1) - Большая дорога (испанск.).
- 2) - Погонщик мулов {испанск.}.
- 3) - Английский отель (испанск.).
- 4) - Испанская мера веса - 11,5 кг.
- 5) - "Тебе, бога, хвалим" и "Помилуй нас, боже" - церковные песнопения, входящие в состав мессы (лат.).
- 6) - Страна умеренного климата (испанск.).
- 7) - Ребятишки (испанск.).
- 8) - Горячей земли (испанск.).
- 9) - "Добрый отдых" (испанск.).

Вожь краснокотжих

Перевод Н. Дарузес

Дельце как будто подвертывалось выгодное. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу. Мы были тогда с Биллом Дрисколлом на Юге, в штате Алабама. Там нас и осенила блестящая идея насчет похищения. Должно быть, как говаривал потом Билл, "нашло временное помрачение ума", - только мы-то об этом догадались много позже.

Есть там один городишко, плоский, как блин, и, конечно, называется "Вершины". Живет в нем самая безобидная и всем довольная деревенщина, какой в пору только плясать вокруг майского шеста.

У нас с Биллом было в то время долларов шестьсот объединенного капитала, а требовалось нам еще ровно две тысячи на проведение жульнической спекуляции земельными участками в Западном Иллинойсе. Мы поговорили об этом, сидя на крыльце гостиницы. Чадолубие, говорили мы, сильно развито в полудеревенских общинах; а поэтому, а также и по другим причинам план похищения легче будет осуществить здесь, чем в радиусе действия газет, которые поднимают в таких случаях шум, рассылая во все стороны переодетых корреспондентов. Мы знали, "что городишко не может послать за нами в погоню ничего страшнее констеблей, да каких-нибудь сентиментальных ищек, да двух-трех обличительных заметок в "Еженедельном бюджете фермера". Как будто получалось недурно.

Мы выбрали нашей жертвой единственного сына самого видного из горожан, по имени Эбенезер Дорсет.

Папаша был человек почтенный и прижимистый, любитель просроченных закладных, честный и неподкупный церковный сборщик. Сынок был мальчишка лет десяти, с выпуклыми веснушками по всему лицу и волосами приблизительно такого цвета, как обложка журнала, который покупаешь обычно в киоске, спеша на поезд. Мы с Биллом рассчитывали, что Эбенезер сразу выложит нам за сынка две тысячи долларов, никак не меньше. Но погодите, дайте я вам сначала расскажу.

Милях в двух от города есть невысокая гора, поросшая густым кедровником. В заднем склоне этой горы имеется пещера. Там мы сложили провизию.

Однажды вечером, после захода солнца, мы проехали в шарабане мимо дома старика Дорсета. Мальчишка был на улице и швырял камнями в котенка, сидевшего на заборе.

- Эй, мальчик! - говорил Билл. - Хочешь получить пакетик леденцов и прокатиться?

Мальчишка засветил Биллу в самый глаз обломком кирпича.

- Это обойдется старику в лишних пятьсот долларов, - сказал Билл, перелезая через колесо.

Мальчишка этот дрался, как бурый медведь среднего веса, но в конце концов мы его запихали на дно шарабана и поехали. Мы отвели мальчишку в пещеру, а лошадь я привязал в кедровнике. Когда стемнело, я отвез шарабан в деревушку, где мы его нанимали, милях в трех от нас, а оттуда прогулялся к горе пешком.

Смотрю, Билл заклеивает липким пластырем царапины и ссадины на своей физиономии. Позади большой скалы у входа в пещеру горит костер, и мальчишка с двумя ястребиными перьями в рыжих волосах следит за кипящим кофейником. Подхожу я, а он нацелился в меня палкой и говорит:

- А, проклятый бледнолицый, как ты смеешь являться в лагерь Вождя Краснокожих, грозы равнин?

- Сейчас он еще ничего, - говорит Билл, закатывая штаны, чтобы разглядеть ссадины на голени. - Мы играем в индейцев. Цирк по сравнению с нами - просто виды Палестины в волшебном фонаре. Я старый охотник Хенк, пленник Вождя Краснокожих, и на рассвете с меня снимут скальп. Святые мученики! И здоров же лягаться этот мальчишка!

Да, сэр, мальчишка, видимо, веселился вовсю. Жить в пещере ему понравилось, он и думать забыл, что он сам пленник. Меня он тут же окрестил Змеиным Глазом и Соглядатаем и объявил, что, когда его храбрые воины вернутся из похода, я буду изжарен на костре, как только взойдет солнце.

Потом мы сели ужинать, и мальчишка, набив рот хлебом с грудинкой, начал болтать. Он произнес застольную речь в таком роде:

- Мне тут здорово нравится. Я никогда еще не жил в лесу; зато у меня был один раз ручной опоссум, а в прошлый день рождения мне исполнилось девять лет. Терпеть не могу ходить в школу. Крысы сожрали шестнадцать штук яиц из-под рябой курицы тетки Джимми Талбота. А настоящие индейцы тут в лесу есть? Я хочу еще подливки. Ветер отчего дует? Оттого, что деревья качаются? У нас было пять штук щенят. Хенк, отчего у тебя нос такой красный? У моего отца денег видимоневидимо. А звезды горячие? В субботу я два раза отлупил Эда Уокера. Не люблю девчонок! Жабу не очень-то поймашь, разве только на веревочку. Быки ревут или нет? Почему апельсины круглые? А кровати у вас в

пещере есть? Амос Меррей - шестипалый. Попугай умеет говорить, а обезьяна и рыба нет. Дюжина - это сколько будет?

Каждые пять минут мальчишка вспоминал, что он краснокожий, и, схватив палку, которую он называл ружьем, крался на цыпочках ко входу в пещеру выслеживать лазутчиков ненавистных бледнолицых. Время от времени он выпускал военный клич, от которого бросало в дрожь старого охотника Хенка, Билла этот мальчишка запугал с самого начала.

- Вождь Краснокожих, - говорю я ему, - а домой тебе разве не хочется?

- А ну их, чего я там не видал? - говорит он. - Дома ничего нет интересного. В школу ходить я не люблю. Мне нравится жить в лесу. Ты ведь не отведешь меня домой. Змеиный Глаз?

- Пока не собираюсь, - говорю я. - Мы еще поживем тут в пещере.

- Ну ладно, - говорит он. - Вот здорово! Мне никогда в жизни не было так весело.

Мы легли спать часов в одиннадцать. Расстелили на землю шерстяные и стеганные одеяла, посередине уложили Вождя Краснокожих, а сами легли с краю. Что он сбежит, мы не боялись. Часа три он, не давая нам спать, все вскакивал, хватал свое ружье; при каждом треске сучка и шорохе листьев, его юному воображению чудилось, будто к пещере подкрадывается шайка разбойников, и он верещал на ухо то мне, то Биллу: "Тише, приятель!" Под конец я заснул тревожным сном и во сне видел, будто меня похитил и приковал к дереву свирепый пират с рыжими волосами.

На рассвете меня разбудил страшный визг Билла. Не крики, или вопли, или вой, или рев, какого можно было бы ожидать от голосовых связок мужчины, - нет, прямо-таки неприличный, ужасающий, унижительный визг, каким визжат женщины, увидев привидение или гусеницу. Ужасно слышать, как на утренней заре в пещере визжит без умолку толстый, сильный, отчаянной храбрости мужчина.

Я вскочил с постели посмотреть, что такое делается. Вождь Краснокожих сидел на груди Билла, вцепившись одной рукой ему в волосы. В другой руке он держал острый ножик, которым мы обыкновенно резали грудинку, и самым деловитым и недвусмысленным образом пытался снять с Билла скальп, выполняя приговор, который вынес ему вчера вечером.

Я отнял у мальчишки ножик и опять уложил его спать. Но с этой самой минуты дух Билла был сломлен. Он улегся на своем краю постели, однако больше уже не сомкнул глаз за все то время, что мальчик был с нами. Я было задремал ненадолго, но к восходу солнца вдруг вспомнил, что Вождь Краснокожих обещался сжечь меня на костре, как только взойдет солнце. Не то чтобы я нервничал или боялся, а все-таки сел, закурил трубку и прислонился к скале.

- Чего ты поднялся в такую рань, Сэм? - спросил меня Билл.

- Я? - говорю. - Что-то плечо ломит. Думаю, может легче станет, если посидеть немного.

- Врешь ты, - говорит Билл. - Ты боишься. Тебя он хотел сжечь на рассвете, и ты боишься, что он так и сделает. И сжег бы, если б нашел спички. Ведь это просто ужас, Сэм. Уж не думаешь ли ты, что кто-нибудь станет платить деньги за то, чтобы такой дьяволенок вернулся домой?

- Думаю, - говорю я. - Вот как раз таких-то хулиганов и обожают родители. А теперь вы с Вождем Краснокожих вставайте и готовьте завтрак, а я поднимусь на гору и произведу разведку.

Я взошел на вершину маленькой горы и обвел взглядом окрестности. В направлении города я ожидал увидеть дюжих фермеров, с косами и вилами

рыскающих в поисках подлых похитителей. А вместо того я увидел мирный пейзаж, и оживлял его единственный человек, пахавший на сером муле. Никто не бродил с баграми вдоль реки; всадники не скакали взад и вперед и не сообщали безутешным родителям, что пока еще ничего не известно. Сонным спокойствием лесов веяло от той части Алабамы, которая простиралась перед моими глазами.

- Может быть, - сказал я самому себе, - еще не обнаружено, что волки унесли ягненочка из загона. Помоги, боже, волкам! - И я спустился с горы завтракать.

Подхожу ближе к пещере и вижу, что Билл стоит, прижавшись к стенке, и едва дышит, а мальчишка собирается его трахнуть камнем чуть ли не с кокосовый орех величиной.

- Он сунул мне за шиворот с пылу горячую картошку, - объяснил Билл, - и раздавил ее ногой, а я ему надрал уши. Ружье с тобой, Сэм?

Я отнял у мальчишки камень и кое-как уладил это недоразумение.

- Я тебе покажу! - говорит мальчишка Биллу. - Еще ни один человек не ударил Вождя Краснокожих, не поплатившись за это. Так что ты берегись!

После завтрака мальчишка достает из кармана кусок кожи, обмотанный бечевкой, и идет из пещеры, разматывая бечевку на ходу.

- Что это он теперь затеял? - тревожно спрашивает Билл. - Как ты думаешь, Сэм, он не убежит домой?

- Не бойся, - говорю я - Он, кажется, вовсе не такой уж домосед. Однако нам нужно придумать какой-то план насчет выкупа. Не видно, чтобы в городе особенно беспокоились из-за того, что он пропал, а может быть, еще не пронюхали насчет похищения. Родные, может, думают, что он остался ночевать у тети Джейн или у кого-нибудь из соседей. Во всяком случае сегодня его должны хватиться. К вечеру мы пошлем его отцу письмо и потребуем две тысячи долларов выкупа.

И тут мы услышали что-то вроде военного клича, какой, должно быть, испустил Давид, когда нокаутировал чемпиона Голиафа. Оказывается, Вождь Краснокожих вытащил из кармана пращу и теперь крутил ее над головой.

Я увернулся и услышал глухой тяжелый стук и что-то похожее на вздох лошади, когда с нее снимают седло. Черный камень величиной с яйцо стукнул Билла по голове как раз позади левого уха. Он сразу весь обмяк и упал головою в костер, прямо на кастрюлю с кипятком для мытья посуды. Я вытащил его из огня и целых полчаса поливал холодной водой.

Понемножку Билл пришел в себя, сел, пощупал за ухом и говорит:

- Сэм, знаешь, кто у меня любимый герой в библии?

- Ты погоди, - говорю я. - Мало-помалу придешь в чувство.

- Царь Ирод, - говорит он. - Ты ведь не уйдешь, Сэм, не оставишь меня одного?

Я вышел из пещеры, поймал мальчишку и начал так его трясти, что веснушки застучали друг о друга.

- Если ты не будешь вести себя как следует, - говорю я, - я тебя сию минуту отправлю домой. Ну, будешь ты слушаться или нет?

- Я ведь только пошутил, - сказал он надувшись. - Я не хотел обижать старика Хенка. А он зачем меня ударил? Я буду слушаться. Змеиный Глаз, только ты не отправляй меня домой и позволь мне сегодня играть в разведчиков.

- Я этой игры не знаю, - сказал я. - Это уж вы решайте с мистером Биллом. Сегодня он будет с тобой играть. Я сейчас ухожу ненадолго по делу. Теперь ступай помирись с ним да попроси прощения за то, что ты его ушиб, а

не то сейчас же отправишься домой.

Я заставил их пожать друг другу руки, потом отвел Билла в сторонку и сказал ему, что ухожу в деревушку Поплар-Ков, в трех милях от пещеры, и попробую узнать, как смотрят в городе на похищение младенца. Кроме того, я думаю, что будет лучше в этот же день послать угрожающее письмо старику Дорсету с требованием выкупа и наказом, как именно следует его уплатить.

- Ты знаешь, Сэм, - говорит Билл, - я всегда был готов за тебя в огонь и воду, не моргнул глазом во время землетрясения, игры в покер, динамитных взрывов, полицейских облав, нападения на поезда и циклонов. Я никогда ничего не боялся, пока мы не украли эту двуногую ракету. Он меня доконал. Ты ведь не оставишь меня с ним надолго, Сэм?

- Я вернусь к вечеру, что-нибудь около этого, - говорю я. - Твое дело занимать и успокаивать ребенка, пока я не вернусь. А сейчас мы с тобой напишем письмо старику Дорсету.

Мы с Билом взяли бумагу и карандаш и стали сочинять письмо, а Вождь Краснокожих тем временем расхаживал взад и вперед, закутавшись в одеяло и охраняя вход в пещеру. Билл со слезами просил меня назначить выкуп в полторы тысячи долларов вместо двух.

- Я вовсе не пытаюсь унижить прославленную, с моральной точки зрения, родительскую любовь, но ведь мы имеем дело с людьми, а какой же человек нашел бы в себе силы заплатить две тысячи долларов за эту веснушчатую дикую кошку! Я согласен рискнуть: пускай будет полторы тысячи долларов. Разницу можешь отнести на мой счет.

Чтобы утешить Билла, я согласился, и мы с ним вместе состряпали такое письмо:

"Эбенезеру Дорсету, эсквайру.

Мы спрятали вашего мальчика в надежном месте, далеко от города. Не только вы, но даже самые ловкие сыщики напрасно будут его искать. Окончательные, единственные условия, на которых вы можете получить его обратно, следующие: мы требуем за его возвращение полторы тысячи долларов; деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том же месте и в той же коробочке, что и ваш ответ, - где именно, будет сказано ниже. Если вы согласны на эти условия, пришлите ответ в письменном виде с кем-нибудь одним к половине девятого. За бродом через Совиный ручей по дороге к Тополевой роще растут три больших дерева на расстоянии ста ярдов одно от другого, у самой изгороди, что идет мимо пшеничного поля, с правой стороны. Под столбом этой изгороди, напротив третьего дерева, ваш посланный найдет небольшую картонную коробку.

Он должен положить ответ в эту коробку и немедленно вернуться в город.

Если вы попытаетесь выдать нас или не выполнить наших требований, как сказано, вы никогда больше не увидите вашего сына.

Если вы уплатите деньги, как сказано, он будет вам возвращен целым и невредимым в течение трех часов. Эти условия окончательны, и, если вы на них не согласитесь, всякие дальнейшие сообщения будут прерваны.

Два злодея".

Я надписал адрес Дорсета и положил письмо в карман. Когда я уже собрался в путь, мальчишка подходит ко мне и говорит:

- Змеиный Глаз, ты сказал, что мне можно играть в разведчика, пока тебя не будет.

- Играй, конечно, - говорю я. - Вот мистер Билл с тобой поиграет. А что это за игра такая?

- Я разведчик, - говорит Вождь Краснокожих, - и должен скакать на заставу, предупредить поселенцев, что индейцы идут. Мне надоело самому быть индейцем. Я хочу быть разведчиком.

- Ну, ладно, - говорю я. - По-моему, вреда от этого не будет. Мистер Билл поможет тебе отразить нападение свирепых дикарей.

- А что мне надо делать? - спрашивает Билл, подозрительно глядя на мальчишку.

- Ты будешь конь, - говорит разведчик. - Становись на четвереньки. А то как же я доскачу до заставы без коня?

- Ты уж лучше займи его, - сказал я, - пока наш план не будет приведен в действие. Порезвись немножко.

Билл становится на четвереньки, и в глазах у него появляется такое выражение, как у кролика, попавшего в западню.

- Далеко ли до заставы, малыш? - спрашивает он довольно-таки хриплым голосом.

- Девяносто миль, - отвечает разведчик. - И тебе придется поторопиться, чтобы попасть туда вовремя. Ну пошел!

Разведчик вскакивает Биллу на спину и вонзает пятки ему в бока.

- Ради бога, - говорит Билл, - возвращайся, Сэм, как можно скорее! Жалко, что мы назначили такой выкуп, надо бы не больше тысячи. Слушай, ты перестань меня лягать, а не то я вскочу и огрею тебя как следует!

Я отправился в Поплар-Ков, заглянул на почту и в лавку, посидел там, поговорил с фермерами, которые приходили за покупками. Один бородач слышал, будто бы весь город переполошился из-за того, что у Эбенезера Дорсета пропал или украден мальчишка. Это-то мне и нужно было знать. Я купил табаку, справился мимоходом, почем нынче горох, незаметно опустил письмо в ящик и ушел. Почтмейстер сказал мне, что через час проедет мимо почтальон и заберет городскую почту.

Когда я вернулся в пещеру, ни Билла, ни мальчишки нигде не было видно. Я произвел разведку в окрестностях пещеры, отважился раза два аукнуть, но мне никто не ответил. Я закурил трубку и уселся на моховую кочку ожидать дальнейших событий.

Приблизительно через полчаса в кустах зашелестело, и Билл выкатился на полянку перед пещерой. За ним крался мальчишка, ступая бесшумно, как разведчик, и ухмыляясь во всю ширь своей физиономии. Билл остановился, снял шляпу и вытер лицо красным платком. Мальчишка остановился футах в восьми позади него.

- Сэм, - говорит Билл, - пожалуй, ты сочтешь меня предателем, но я просто не мог терпеть. Я взрослый человек, способен к самозащите, и привычки у меня мужественные, однако бывают случаи, когда все идет прахом - и сомнение и самообладание. Мальчик ушел. Я отослал его домой. Все кончено. Бывали мученики в старое время, которые скорее были готовы принять смерть, чем расстаться с любимой профессией. Но никто из них не подвергался таким сверхъестественным пыткам, как я. Мне хотелось остаться верным нашему грабительскому уставу, но сил не хватило.

- Что такое случилось, Билл? - спрашиваю я.

- Я проскакал все девяносто миль до заставы, ни дюйма меньше, - отвечает Билл. - Потом, когда поселенцы были спасены, мне дали овса. Песок - неважная замена овсу. А потом я битый час должен был объяснять, почему в

дырках ничего нету, зачем дорога идет в обе стороны и отчего трава зеленая. Говорю тебе, Сэм, есть предел человеческому терпению. Хватаю мальчишку за шиворот и тащу с горы вниз. По дороге он меня лягает, все ноги от колен книзу у меня в синяках; два-три укуса в руку и в большой палец мне придется прижечь. Зато он ушел, - продолжает Билл, - ушел домой. Я показал ему дорогу в город, да еще и подшвырнул его пинком футов на восемь вперед. Жалко, что выкуп мы теряем, ну, да ведь либо это, либо мне отправляться в сумасшедший дом.

Билл пыхтит и отдувается, но его ярко-розовая физиономия выражает неизъяснимый мир и полное довольство.

- Билл, - говорю я, - у вас в семье ведь нет сердечных болезней?

- Нет, - говорит Билл, - ничего такого хронического, кроме малярии и несчастных случаев. А что?

- Тогда можешь обернуться, - говорю я, - и поглядеть, что у тебя за спиной.

Билл оборачивается, видит мальчишку, разом бледнеет, плюхается на землю и начинает бессмысленно хвататься за траву и мелкие щепочки. Целый час я опасался за его рассудок. После этого я сказал ему, что, по-моему, надо кончать это дело моментально и что мы успеем получить выкуп и смыться еще до полуночи, если старик Дорсет согласится на наше предложение. Так что Билл немного подбодрился, настолько даже, что через силу улыбнулся мальчишке и пообещал ему изображать русских в войне с японцами, как только ему станет чуточку полегче.

Я придумал, как получить выкуп без всякого риска быть захваченным противной стороной, и мой план одобрил бы всякий профессиональный похититель. Дерево, под которое должны были положить ответ, а потом и деньги, стояло у самой дороги; вдоль дороги была изгородь, а за ней с обеих сторон - большие голые поля. Если бы того, кто придет за письмом, подстерегала шайка констеблей, его увидели бы издалека на дороге или посреди поля. Так нет же, голубчики! В половине девятого я уже сидел на этом дереве, спрятавшись не хуже древесной лягушки, и поджидал, когда появится посланный.

Ровно в назначенный час подъезжает на велосипеде мальчишка-подросток, находит картонную коробку под столбом, засовывает в нее сложенную бумажку и укатывает обратно в город.

Я подождал еще час, пока не уверился, что подвоха тут нет. Слез с дерева, достал записку из коробки, прокрался вдоль изгороди до самого леса и через полчаса был уже в пещере. Там я вскрыл записку, подсел поближе к фонарю и прочел ее Биллу. Она была написана чернилами, очень неразборчиво, и самая суть ее заключалась в следующем:

"Двум злодеям.

Джентльмены, с сегодняшней почтой я получил ваше письмо насчет выкупа, который вы просите за то, чтобы вернуть мне сына. Думаю, что вы запрашиваете лишнее, а потому делаю вам со своей стороны контрпредложение и полагаю, что вы его примете. Вы приводите Джонни домой и платите мне двести пятьдесят долларов наличными, а я соглашусь взять его у вас с рук долой. Лучше приходите ночью, а то соседи думают, что он пропал без вести, и я не отвечаю за то, что они сделают с человеком, который приведет Джонни домой.

С совершенным почтением

Эбенезер Дорсет".

- Великие пираты! - говорю я! - Да ведь этакой наглости...

Но тут я взглянул на Билла и замолчал. У него в глазах я заметил такое умоляющее выражение, какого не видел прежде ни у бессловесных, ни у говорящих животных.

- Сэм, - говорит он, - что такое двести пятьдесят долларов в конце концов? Деньги у нас есть. Еще одна ночь с этим мальчишкой, и придется меня свезти в сумасшедший дом. Кроме того, что мистер Дорсет настоящий джентльмен, он, помоему, еще и расточитель, если делает нам такое великодушное предложение. Ведь ты не собираешься упускать такой случай, а?

- Сказать тебе по правде, Билл, - говорю я, - это сокровище что-то и мне действует на нервы! Мы отвезем его домой, заплатим выкуп и смоемся куда-нибудь подальше.

В ту же ночь мы отвезли мальчишку домой. Мы его уговорили-наплели, будто бы отец купил ему винтовку с серебряной насечкой и мокасины и будто бы завтра мы с ним поедem охотиться на медведя.

Было ровно двенадцать часов ночи, когда мы постучались в парадную дверь Эбенезера. Как раз в ту самую минуту, когда я должен был извлекать полторы тысячи долларов из коробки под деревом, Билл отсчитывал двести пятьдесят долларов в руку Дорсету.

Как только мальчишка обнаружил, что мы собираемся оставить его дома, он поднял вой не хуже паровой сирены и вцепился в ногу Билла, словно пиявка. Отец отдирает его от ноги, как липкий пластырь.

- Сколько времени вы сможете его держать? - спрашивает Билл.

- Силы у меня уж не те, что прежде, - говорит старик Дорсет, - но думаю, что за десять минут могу вам ручаться.

- Этого довольно, - говорит Билл. - В десять минут я пересеку Центральные, Южные и Среднезападные штаты и свободно успею добежать до канадской границы.

Хотя ночь была очень темная, Билл очень толст, а я умел очень быстро бегать, я нагнал его только в полутора милях от города.

Формальная ошибка

Перевод И. Гуровой

Я всегда недолюбливал вендетты. По-моему, этот продукт нашей страны переоценивают еще более чем грейпфрут, коктейль и медовый месяц. Однако, с вашего разрешения, я хотел бы рассказать об одной вендетте на индейской территории, вендетте, в которой я играл роль репортера, адъютанта и несоучастника.

Я гостил на ранчо Сэма Дорки и развлекался вовсю - падал с ненаманикуренных лошадей и грозил кулаком волкам, когда они были за две мили Сэм, закаленный субъект лет двадцати пяти, пользовался репутацией человека, не боящегося возвращаться домой после наступления темноты, хотя он проделывал это часто с большой неохотой.

Неподалеку, в Крик-Нейшн, проживало семейство Тэтемов. Мне сообщили, что Дорки и Тэтемы вендеттируют много лет. По несколько человек с каждой стороны уже ткнулось носом в траву, и ожидалось, что число Навуходносоров

этим не ограничится. Подрастало молодое поколение, и трава росла вместе с ним. Но, насколько я понял, война велась честно и никто не залегал в кукурузном поле, целясь в скрещение подтяжек на спине врага, - отчасти, возможно, потому, что не было кукурузных полей и никто не носил более одной подтяжки, также не причинялось вреда детям и женщинам враждебного рода. В те дни, как, впрочем, и теперь, их женщинам не грозила опасность.

У Сэма Дорки была девушка (если бы я собирался продать этот рассказ в беллетристический журнал, я написал бы: "Мистер Дорки имел счастье быть помолвленным"). Ее звали Элла Бэйнс. Казалось они питали друг к другу безграничную любовь и доверие; впрочем, это впечатление производят любые помолвленные, даже такие, между которыми нет ни любви, ни доверия. Мисс Бэйнс была недурна, особенно ее красили густые каштановые волосы Сэм представил ей меня, но это никак не отразилось на ее расположении к нему, из чего я заключил, что они поистине созданы друг для друга.

Мисс Бэйнс жила в Кингфишере, в двадцати милях от ранчо. Сэм жил в седле между Кингфишером и ранчо.

Однажды в Кингфишере появился бойкий молодой человек, невысокого роста, с правильными чертами лица и гладкой кожей. Он настойчиво наводил справки о городских делах и поименно о горожанах. Он говорил, что приехал из Маскоги, и, судя по его желтым ботинкам и вязаному галстуку, это было правдой. Я познакомился с ним, когда приехал за почтой. Он назвался Беверли Трэйверзом, что прозвучало как-то неубедительно.

На ранчо в то время была горячая пора, и Сэм не мог часто ездить в город. Мне, бесполезному гостю, ничего не смыслившему в хозяйстве, выпала обязанность снабжать ранчо всякими мелочами, как-то: открытками, мешками муки, дрожжами, табаком и письмами от Эллы.

И вот раз, будучи послан за полугроссом пачек курительной бумаги и двумя фургонными шинами, я увидел пролетку с желтыми колесами, а в ней вышепоименованного Беверли Трэйверза, нагло катающего Эллу Бэйнс по городу со всем шиком, какой допускала черная липкая грязь улиц. Я знал, что сообщение об этом факте не прольется целительным бальзамом в душу Сэма, и по возвращении, отчитываясь в городских новостях, воздержался от упоминания о нем. Но на следующий день на ранчо прискакал долговязый экс-ковбой по имени Симмонс, старинный приятель Сэма, владелец фуражного склада в Кингфишере. Прежде чем заговорить, он свернул и выкурил немало папирос. Когда же он, наконец, раскрыл рот, слова его были таковы:

- Имей в виду, Сэм, что в Кингфишере в последние две недели портил пейзаж один болван, обзывавший себя Выверни Трензель. Знаешь, кто он? Самый что ни на есть Бен Тэтем, сын старика Гофера Тэтема, которого твой дядя Ньют застрелил в феврале. Знаешь, что он сделал сегодня утром? Убил твоего брата Лестера - застрелил его во дворе суда.

Мне показалось, что Сэм не расслышал, Он отломил веточку с мескитового куста, задумчиво дожевывая ее и сказал:

- Да? Убил Лестера?

- Его самого, - ответил Симмонс. - И еще того больше - он убежал с твоей девушкой, этой самой, так сказать, мисс Эллой Бэйнс. Я подумал, что тебе надо бы узнать об этом, вот и приехал сообщить.

- Весьма обязан, Джим, - сказал Сэм, вынимая изо рта изжеванную веточку. - Я рад, что ты приехал. Очень рад.

- Ну, я, пожалуй, поеду. У меня на складе остался только мальчишка, а этот дуралей сено с овсом путает. Он выстрелил Лестеру в спину.

- Выстрелил в спину?
- Да, когда он привязывал лошадь.
- Весьма обязан, Джим.
- Я подумал, что ты, может быть, захочешь узнать об этом поскорее.
- Выпей кофе на дорогу, Джим?
- Да нет, пожалуй. Мне пора на склад.
- И ты говоришь...

- Да, Сэм. Все видели, как они уехали вместе, а к тележке был привязан большой узел, вроде как с одеждой. А в упряжке - пара, которую он привел из Маскоги. Их сразу не догнать.

- А по какой...

- Я как раз собирался сказать тебе. Поехали они по дороге в Гатри, а куда свернут, сам понимаешь, неизвестно.

- Ладно, Джим, весьма обязан.
- Не за что, Сэм.

Симмонс свернул папиросу и пришпорил лошадь. Отъехав ярдов на двадцать, он задержался и крикнул:

- Тебе не нужно... содействия, так сказать?
- Спасибо, обойдусь.
- Я так и думал. Ну, будь здоров.

Сэм вытащил карманный нож с костяной ручкой, открыл его и счистил с левого сапога присохшую грязь. Я было подумал, что он собирается поклясться на лезвии в вечной мести или продекламировать "Проклятие цыганки". Те немногие вендетты, которые мне довелось видеть или о которых я читал, начинались именно так. Эта как будто велась на новый манер. В театре публика наверняка освистала бы ее и потребовала бы взамен одну из душераздирающих мелодрам Беласко.

- Интересно, - вдумчиво сказал Сэм, - остались ли на кухне холодные бобы!

Он позвал Уоша, повара-негра, и, узнав, что бобы остались, приказал разогреть их и сварить крепкого кофе. Потом мы пошли в комнату Сэма, где он спал и держал оружие, собак и седла любимых лошадей. Он вынул из книжного шкафа три или четыре кольца и начал осматривать их, рассеянно насвистывая "Жалобу ковбоя". Затем он приказал оседлать и привязать у дома двух лучших лошадей ранчо.

Я замечал, что по всей нашей стране вендетты в одном отношении неуклонно подчиняются строгому этикету. В присутствии заинтересованного лица о вендетте не говорят и даже не упоминают самого слова. Это так же предосудительно, как упоминание о бородавке на носу богатой тетушки. Позднее я обнаружил, что существует еще одно неписаное правило, но, насколько я понимаю, оно принадлежит исключительно Западу.

До ужина оставалось еще два часа, однако уже через двадцать минут мы с Сэмом глубоко погрузились в разогретенные бобы, горячий кофе и холодную говядину.

- Перед большим перегоном надо закусить получше, - сказал Сэм. - Ешь плотнее.

У меня возникло неожиданное подозрение.

- Почему ты велел оседлать двух лошадей? - спросил я.
- Один да один - два, - сказал Сэм. - Ты считать умеешь?

От его математических выкладок у меня по спине пробежала холодная дрожь, но они послужили мне уроком. Ему и в голову не приходило, что мне

может прийти в голову бросить его одного на багряной дороге мести и правосудия. Это была высшая математика. Я был обречен и положил себе еще бобов.

Час спустя мы ровным галопом неслись на восток. Наши кентуккийские лошади недаром набирались сил на мескитной траве Запада. Лошади Бена Тэтема были, возможно, быстрее, и он намного опередил нас, но если бы он услышал ритмический стук копыт наших скакунов, рожденных в самом сердце страны вендетт, он почувствовал бы, что возмездие приближается по следам его резвых коней.

Я знал, что Бен Тэтем делает ставку на бегство и не остановится до тех пор, пока не окажется в сравнительной безопасности среди своих друзей и приверженцев.

Он, без сомнения, понимал, что его враг будет следовать за ним повсюду и до конца.

Пока мы ехали, Сэм говорил о погоде, о ценах на мясо и о пианолах. Казалось, у него никогда не было ни брата, ни возлюбленной, ни врага. Есть темы, для которых не найти слов даже в самом полном словаре. Я знал требования кодекса вендетт, но, не имея опыта, несколько перегнул палку и рассказал пару забавных анекдотов. Там, где следовало, Сэм смеялся - смеялся ртом. Увидев его рот, я пожалел, что у меня не хватило такта воздержаться от этих анекдотов.

Мы догнали их в Гатри. Измученные, голодные, пропыленные насквозь, мы ввалились в маленькую гостиницу и уселись за столик. В дальнем углу комнаты сидели беглецы. Они жадно ели и по временам боязливо оглядывались.

На девушке было коричневое шелковое платье с кружевным воротничком и манжетами и с плиссированной - так, кажется, они называются - юбкой. Ее лицо наполовину закрывала густая коричневая вуаль, на голове была соломенная шляпа с широкими полями, украшенная перьями. Мужчина был одет в простой темный костюм, волосы его были коротко подстрижены. В толпе его внешность не привлекла бы внимания.

За одним столом сидели они - убийца и женщина, которую он похитил, за другим - мы: законный (согласно обычаю) мститель и сверхштатный свидетель, пишущий эти строки.

И тут в сердце сверхштатного проснулась жажда крови. На мгновение он присоединился к сражающимся - словесно.

- Чего ты ждешь, Сэм? - прошептал я. - Стреляй!

Сэм тоскливо вздохнул.

- Ты не понимаешь, - сказал он. - А он понимает. Он знает. В здешних местах, Мистер из Города, у порядочных людей есть правило: в присутствии женщины в мужчину не стреляют. Я ни разу не слышал, чтобы его нарушили. Так не делают. Его надо поймать, когда он в мужской компании или один. Вот оно как. Он это тоже знает. Мы все знаем. Так вот, значит, каков этот красавчик, мистер Бен Тэтем! Я его заарканю прежде, чем они отсюда уедут, и закрою ему счет.

После ужина парочка быстро исчезла. Хотя Сэм до рассвета бродил по лестницам, буфету и коридорам, беглецам каким-то таинственным образом удалось ускользнуть, и на следующее утро не было ни дамы под вуалью, в коричневом платье с плиссированной юбкой, ни худощавого невысокого молодого человека с коротко подстриженными волосами, ни тележки с резвыми лошадьми.

История этой погони слишком монотонна, и я буду краток. Мы нагнали их в пути. Когда мы приблизились к тележке на пятьдесят ярдов, беглецы оглянулись

и даже не хлестнули лошадей. Торопиться им больше было незачем. Бен Тэтем знал. Знал, что теперь спасти его может только кодекс. Без сомнения, будь Бен один, дело быстро закончилось бы обычным путем. Но присутствие его спутницы заставляло обоих врагов удерживать пальцы на спусковых крючках. Судя по всему, Бен не был трусом.

Таким образом, как вы видите, женщина иногда мешает столкновению между мужчинами, а не вызывает его. Но не сознательно и не по доброй воле. Кодексов для нее не существует.

Через пять миль мы добрались до Чендлера, одного из грядущих городов Запада. Лошади и преследователей и преследуемых были голодны и измучены. Только одна гостиница грозила людям и манила скотину - мы все четверо встретились в столовой по зову громадного колокола, чей гудящий звон давно уже расколол небесный свод. Комната была меньше, чем в Гатри.

Когда мы примялись за яблочный пирог, - как переплетаются бурлеск и трагедия! - я заметил, что Сэм напряженно вглядывается в нашу добычу, сидящую в углу напротив. На девушке было то же коричневое платье с кружевным воротничком и манжетами; вуаль по-прежнему закрывал! ее лицо. Мужчина низко склонил над тарелкой коротко остриженную голову.

Я услышал, как Сэм пробормотал не то мне, не то самому себе:

- Есть правило, что нельзя убивать мужчину в присутствии женщины. Но, черт побери, нигде не сказано, что нельзя убить женщину в присутствии мужчины!

И, прежде чем я успел понять, к чему ведет это рассуждение, он выхватил кольт и всадил все шесть пуль в коричневое платье с кружевным воротничком и манжетами и с плиссированной юбкой.

Уронив на руки голову, лишенную былой красоты и гордости, за столом сидела девушка, чья жизнь теперь была навеки погублена. А сбежавшиеся люди поднимали с пола труп Бена Тэтема в женском платье, которое дало возможность Сэму формально обойти требования кодекса.

Коловращение жизни

Перевод Т. Озерской

Мировой судья Бинаджа Уиддеп сидел на крылечке суда и курил самодельную бузиновую трубку. Кэмберлендский горный кряж, голубовато-серый в вечернем мареве, тянулся к зениту, загромоздив полнеба. Рябая чванливая курица проковыляла по "главному проспекту" поселка, бессмысленно клохча.

На дороге послышался скрип колес" за клубилось облачко пыли и показалась запряженная быком двуколка, а в ней - Рэнси Билбро со своей половиной. Двуколка остановилась перед зданием суда, и супружеская чета вылезла из нее. Рэнси Билбро состоял преимущественно из дубленой коричневой кожи, увенчанной на высоте шести футов копной желтых волос. Невозмутимый покой родных молчаливых гор одевал его словно броней. В наружности его жены прежде всего бросалось в глаза большое количество ситца, много острых углов и следы нюхательного табака. Сквозь все это проглядывало беспокойство не вполне осознанных желаний и глухой протест обманутой молодости, не замечающей, что она уже прошла.

Мировой судья сунул ноги в башмаки, из уважения к своему званию, и поднялся, чтобы пропустить супругов.

- Мы, вот, - сказала женщина, и голос ее прозвучал, как гудение ветра в ветвях сосен, - хотим развестись. - Она взглянула на мужа, не усмотрел ли он какой-нибудь неясности, неточности, уклончивости, пристрастия или стремления к личной выгоде в том, как она изложила сущность дела.

- Развестись, - повторил Рэнси, подкрепляя свои слова торжественным кивком. - Мы, вот, не можем ужиться, хоть ты тресни! В горах-то у нас глушь - одиноко, стало быть, жить-то. Ну, когда муж или, к примеру, жена стараются друг для дружки - еще куда ни шло. А уж когда она шипит, как дикая кошка, или сидит нахохлившись, что твоя сова, человеку-то мочи нет жить с ней вместе.

- Да когда он бездельник и чумовой, - без особенного жара сказала женщина. - Валандается с разными поганцами, с самогонщиками, а после дрыхнет день-деньской, налакавшись виски, да еще целая напасть сего собаками - корми их!

- Да когда она швыряется крышками от кастрюль, - в тон ей забубнил Рэнси. - да еще окатила кипятком лучшего охотничьего пса на весь Кэмберленд, а чтоб мужу похлебку сварить, так нет ее, а уж ночь-то всю как есть глаз сомкнуть не дает, все пилит и пилит за всякую пустяковину.

- Да когда он на податных чиновников с кулаками лезет и на все горы ославился как самый что ни на есть никудышный пропойца, - тут нешто уснешь?

Мировой судья не спеша приступил к исполнению своих обязанностей. Он предложил спорящим сторонам табурет и свой единственный стул, раскрыл свод законов и углубился в перечень статей. Потом протер очки и пододвинул к себе чернильницу.

- В законе и его уложении, - начал судья, - ничего не говорится насчет развода в смысле, так сказать, его включаемости в юрисдикцию данного суда. Но, с точки зрения справедливости, конституции и священного писания, всякая сделка хороша только постольку, поскольку ее можно расторгнуть. Если мировой судья может сочетать какую-либо пару узами брака, ясно, что он может, если потребуется, и развести ее. Наш суд вынесет решение о разводе и позволит себе надеяться, что Верховный суд оставит это решение в силе.

Рэнси Билбро вытащил из кармана штанов небольшой кисет. Из кисета он вытряхнул на стол пятидолларовую бумажку.

- Продам медвежью шкуру и трех лисиц, - сказал он. - Вот все наши денежки, больше нету.

- Установленная судом плата за развод, - сказал судья, - равняется пяти долларам. - С подчеркнuto равнодушным видом он сунул бумажку в карман своего домотканого жилета. Затем с заметным физическим и умственным напряжением нацарапал на четвертушке листа постановление о разводе, переписал его на другую четвертушку и прочел вслух. Рэнси Билбро и его супруга выслушали приговор о своем полном и обоюдном раскабалении.

"Сим доводится до всеобщего сведения, что Рэнси Билбро и его жена Эриэла Билбро, будучи в здравом уме и твердой памяти, лично предстали сегодня передо мной и дали обещание отныне и впредь не любить и не почитать друг друга и ни в чем друг другу не повиноваться, ни в радости, ни в горе, после чего и были привлечены к суду для расторжения брака в интересах соблюдения общественного спокойствия и достоинства Штата. От слова не отступать, и да поможет вам бог Бинаджа Уиддеп, мировой судья округа Пьемонта. В округе Пьемонте, штат Теннесси".

Судья уже протягивал одну из бумажек Рэнси, но голос Эриэлы приостановил вручение документа. Оба мужчины уставились на нее. В лице этой женщины их неповоротливый мужской ум столкнулся с чем-то непредвиденным.

- Судья, ты погоди-ка давать ему эту бумагу. Так не все ладно будет. Ты наперед защити мои права. Пусть заплатит мне пансион. Это разве дело - сам получил развод, а жена что? Живи, как знаешь? А я вот надумала отправиться к братцу Эду на Свиной хребет, так мне нужно пару башмаков купить и табаку, да еще то да се Коли Рэнси мог заплатить разводные, так пусть и мне платит пансион.

Рэнси Билбро онемел от этого удара. Ни о каком пенсионе прежде у них разговору не было. Но ведь женщины всегда преподносят мужчинам ошеломляющие сюрпризы.

Мировой судья Бинаджа Уиддеп понял, что этот вопрос может быть разрешен только в юридическом порядке. Свод законов хранил и на сей счет гробовое молчание, однако ноги женщины были босы, а тропа на Свиной хребет - крута и кремниста.

- Эриэла Билбро. - спросил Бинаджа Уиддеп судейским голосом, - какой пансион полагаете вы достаточным и соразмерным по делу, которое в настоящую минуту слушается в суде?

- Я полагаю, - отвечала женщина, - на башмаки и на все про все, стало быть, пять долларов. Это не бог весть какой пансион, но до братца Эда, может, и доберусь.

- Названная сумма, - сказал судья, - не представляется суду непомерной. Рэнси Билбро, по решению суда вам надлежит уплатить истце пять долларов, дабы постановление о разводе могло войти в силу.

- А где их взять-то, - с тяжелым вздохом отвечал Рэнси. - Я вам выложил все, что у меня было.

- В противном случае, - изрек судья, свирепо воззвись на Рэнси поверх очков, - вы будете привлечены к ответственности за неуважение к суду.

- Кабы вы обождали денек, - с мольбой сказал Рэнси, - может, я бы и наскреб где. Кто ж его знал, что она потребует пансион.

- Слушание дела откладывается, - объявил судья. - Завтра вы оба должны явиться, дабы выполнить постановление суда. После чего вам будет выдано на руки свидетельство о разводе.

Бинаджа Уиддеп уселся на крыльце и начал расшнуровывать башмаки.

- Что ж, к дядюшке Зайе поедем, что ли? - сказал Рэнси. - Переночуем у него. - Он влез в двуколку, Эриэла забралась в нее с другой стороны. Маленький рыжий бычок, повинувшись удару веревочной вожжи, не торопясь описал полукруг и потащился куда следовало. Двуколка, вздымая облака пыли, затарахтела по дороге.

Судья Бинаджа Уиддеп выкурил свою бузиновую трубку. Потом достал еженедельную газету и принялся за чтение. Он читал до самых сумерек, а когда строчки стали расплываться у него перед глазами, зажег сальную свечу на столе и продолжал читать, пока не вошла луна, возвестив время ужина.

Судья жил в бревенчатой хижине на склоне холма, у сухого тополя. Направляясь домой, он перебрался через ручеек, проложивший себе путь в лавровых зарослях. Темная фигура выступила из-за деревьев и направила ему в грудь дуло ружья. Низко надвинутая шляпа и какой-то лоскут закрывали лицо грабителя.

- Давай деньги, - сказала фигура, - да помалкивай. Я зол как черт, и палец, вишь, так и пляшет на спуске...

- П-п-пять долларов - все, что у меня есть, - пробормотал судья, доставая бумажку из жилетного кармана.

- Сверни ее, - последовал приказ, - и засунь в ствол ружья.

Бумажка была новенькая и хрустящая. Даже дрожащим от страха неуклюжим пальцам нетрудно было свернуть ее трубочкой и (что потребовало больших усилий!) засунуть в ствол ружья.

- Ну ладно, ступай теперь, - сказал грабитель.

Судья не стал мешкать.

На другой день маленький рыжий бычок приволок двуколку к крыльцу суда. Судья Бинаджа Уиддеп с утра сидел обутий, так как поджидал посетителей. В его присутствии Рэнси Билбро вручил жене пятидолларовую бумажку. Судья впился в нее взглядом. Она закручивалась с концов, словно была не так давно свернута трубочкой и засунута в ствол ружья. Но Бинаджа Уиддеп воздержался от замечаний. Мало ли чего - никакой бумажке не заказано скручиваться. Судья вручил каждому из супругов свидетельство о расторжении брака. Они в неловком молчании стояли рядом, медленно складывая полученные ими гарантии свободы, Эриэла бросила робкий, неуверенный взгляд на мужа.

- Ты, стало быть, домой теперь, на двуколке... Хлеб в шкафу, в жестяной коробке. Сало я положила в котелок - от собак подальше. Не позабудь часы-то завести на ночь.

- А ты, значит, к братцу Эду? - с тонко разыгранным безразличием спросил Рэнси.

- Да вот до ночи надо бы добраться. Не больно-то они там обрадуются, когда меня увидят, да куда ж больше пойдешь. А путь-то туда знаешь какой. Пойду уж, стало быть... Надо бы, значит, попрощаться нам с тобой, Рэнси... да ведь ты, может, и не захочешь попрощаться-то...

- Может, я, конечно, собака, - голосом мученика проговорил Рэнси. - не захочу, видишь ты, попрощаться!.. Оно, конечно, когда кому невтерпеж уйти, так тому, может, и не до прощанья...

Эриэла молчала. Она тщательно сложила пятидолларовую бумажку и свидетельство о разводе и сунула их за пазуху. Бинаджа Уиддеп скорбным взглядом проводил исчезающую банкноту.

Мысли его текли своим путем, и последующие его слова показали, что он, может быть, принадлежал либо к довольно распространенной категории чутких душ, либо к значительно более редкой разновидности - к финансовым гениям.

- Одинок тебе будет нынче в старой-то хижине, а, Рэнси? - сказала Эриэла.

Рэнси Билбро глядел в сторону, на Кэмберлендский кряж - светло-синий сейчас, в лучах солнца. Он не смотрел на Эриэлу.

- А то нет, что ли, - сказал он. - Так ведь когда кто начнет с ума сходить да кричать насчет развода, так разве ж того силком удержишь.

- Так когда ж кто другой сам хотел развода, - сказала Эриэла, адресуясь к табуретке. - Видать, кто-то не больно уж хочет, чтоб кто-то остался.

- Да когда б кто сказал, что не хочет.

- Да когда б кто сказал, что хочет. Пойду-ка я к братцу Эду. Пора уж.

- Видать, теперь никто уж не заведет наших часов.

- Может, мне поехать с тобой, Рэнси, на двуколке, завести тебе часы?

На лице горца не отразилось никаких чувств. Но он протянул огромную ручищу, и худая, коричневая от загара рука жены исчезла в ней. На мгновение жесткие черты Эриэлы просветлели, словно озаренные изнутри.

- Уж я пригляжу, чтоб собаки не донимали тебя, - сказал Рэнси. -

Скотина я был, как есть скотина. Ты уж заведи часы, Эриэла.

- Сердце-то у меня там осталось, Рэнси, в нашей хижине, - шепнула Эриэла. - Где ты - там и оно. И я не стану больше беситься-то. Поедем домой, Рэнси, может еще поспеем засветло.

Забыв о присутствии судьи, они направились было к двери, но Бинаджа Уиддеп окликнул их.

- Именем штата Теннесси. - сказал он, - запрещаю вам нарушать его порядки и установления. Суду чрезвычайно отрадно и не скажу как радостно видеть, что развеялись тучи раздора и взаимонепонимания, омрачавшие союз двух любящих сердец. Тем не менее суд призван стоять на страже нравственности и моральной чистоты Штата и он напоминает вам, что вы разведены по всем правилам и, стало быть, больше не муж и не жена и, как не таковые, лишаетесь права пользоваться благами, кои составляют исключительную привилегию матрианомального состояния.

Эриэла схватила мужа за руку. Что он там говорит, этот судья? Он хочет отнять у нее Рэнси теперь, когда жизнь дала им обоим хороший урок?

- Однако, - продолжал судья, - суд готов снять с вас неправомочия, налагаемые фактом бракоразвода, и может хоть сейчас приступить к совершению торжественного обряда бракосочетания, дабы все стало на свое место и тяжущиеся стороны могли повергнуть себя вновь в благородное и возвышенное матрианомальное состояние. Плата за вышеозначенный обряд в вышеизложенном случае составит, короче говоря, пять долларов.

В последних словах судьи Эриэла уловила для себя слабый проблеск надежды. Рука ее проворно скользнула за пазуху, и оттуда, выпущенной на свободу голубкой, выпорхнула пятидолларовая бумажка и, сложив крылышки, опустилась на стол судьи. Бронзовые щеки Эриэлы зарделись, когда она, стоя рука об руку с Рэнси, слушала слова, вновь скрепляющие их союз.

Рэнси помог ей взобраться в двуколку и сел рядом. Маленький рыжий бычок снова описал полукруг, и они - все так же рука с рукой - покатили к себе в горы.

Мировой судья Бинаджа Уиддеп уселся на крыльце и стащил с ног башмаки. Пощупал еще раз засунутую в жилетный карман пятидолларовую бумажку. Закурил свою бузиновую трубку. Рябая чванливая курица проковыляла по "главному проспекту" поселка, бессмысленно клохча.

Дороги, которые мы выбираем

В двадцати милях к западу от Таксона "Вечерний экспресс" остановился у водокачки набрать воды. Кроме воды, паровоз этого знаменитого экспресса захватил и еще кое-что, не столь для него полезное.

В то время как кочегар отцеплял шланг, Боб Тидбол, "Акула" Додсон и индеец-метис из племени криков, по прозвищу Джон Большая Собака, влезли на паровоз и показали машинисту три круглых отверстия своих карманных артиллерийских орудий. Это произвело на машиниста такое сильное впечатление, что он мгновенно вскинул обе руки вверх, как это делают при

восклицанию: "Да что вы! Быть не может!" По короткой команде Акулы Додсона, который был начальником атакующего отряда, машинист сошел на рельсы и отцепил паровоз и тендер. После этого Джон Большая Собака, забравшись на кучу угля, шутки ради направил на машиниста и кочегара два револьвера и предложил им отвести паровоз на пятьдесят ярдов от состава и ожидать дальнейших распоряжений.

Акула Додсон и Боб Тидбол не стали пропускать сквозь грохот такую бедную золотом породу, как пассажиры, а направились напрямик к богатым россыпям почтового вагона. Проводника они застали врасплох - он был в полной уверенности, что "Вечерний экспресс" не набирает ничего вреднее и опаснее чистой воды. Пока Боб Тидбол выбивал это пагубное заблуждение из его головы ручкой шестизарядного кольта, Акула Додсон, не теряя времени, закладывал динамитный патрон под сейф почтового вагона.

Сейф взорвался, дав тридцать тысяч долларов чистой прибыли золотом и кредитками. Пассажиры то там, то здесь высывались из окон поглядеть, где это гремит гром. Старший кондуктор дернул за веревку от звонка, но она, безжизненно повиснув, не оказала никакого сопротивления. Акула Додсон и Боб Тидбол, побросав добычу в крепкий брезентовый мешок, прыгнули наземь и, спотыкаясь на высоких каблуках, побежали к паровозу.

Машинист, угрюмо, но благоразумно повинуясь их команде, погнал паровоз прочь от неподвижного состава. Но еще до этого проводник почтового вагона, очнувшись от гипноза, выскочил на насыпь с винчестером в руках и принял активное участие в игре. Джон Большая Собака, сидевший на тендере с углем, сделал неверный ход, подставив себя под выстрел, и проводник прихлопнул его козырным тузом. Рыцарь большой дороги скатился наземь с пульей между лопаток, и таким образом доля добычи каждого из его партнеров увеличилась на одну шестую.

В двух милях от водокачки машинисту было приказано остановиться. Бандиты вызывающе помахали ему на прощанье ручкой и, скатившись вниз по крутому откосу, исчезли в густых зарослях, окаймлявших путь. Через пять минут, с треском проломившись сквозь кусты чаппарала, они очутились на поляне, где к нижним ветвям деревьев были привязаны три лошади. Одна из них дожидалась Джона Большой Собака, которому уже не суждено было ездить на ней ни днем, ни ночью. Сняв с этой лошади седло и уздечку, бандиты отпустили ее на волю. На остальных двух они сели сами, взвалив мешок на луку седла, и поскакали быстро, но озираясь по сторонам, сначала через лес, затем по дикому, пустынному ущелью. Здесь лошадь Боба Тидбола поскользнулась на мшистом валуне и сломала переднюю ногу. Бандиты тут же пристрелили ее и уселись держать совет. Прodelав такой длинный и извилистый путь, они пока были в безопасности - время еще терпело. Много миль и часов отделяло их от самой быстрой погони. Лошадь Акулы Додсона, волоча уздечку по земле и поводя боками, благодарно щипала траву на берегу ручья. Боб Тидбол развязал мешок и, смеясь, как ребенок, выгреб из него аккуратно заклеенные пачки новеньких кредиток и единственный мешочек с золотом.

- Послушай-ка, старый разбойник, - весело обратился он к Додсону, - а ведь ты оказался прав, дело-то выгорело. Ну и голова у тебя, прямо министр финансов. Кому угодно в Аризоне можешь дать сто очков вперед.

- Как же нам быть с лошастью, Боб? Засиживаться здесь нельзя. Они еще до рассвета пустятся за нами в погоню.

- Ну, твой Боливар выдержит пока что и двоих, - ответил

жизнерадостный Боб. - Заберем первую же лошадь, какая нам подвернется. Черт возьми, хорош улов, а? Тут тридцать тысяч, если верить тому, что на бумажках напечатано, - по пятнадцати тысяч на брата.

- Я думал будет больше, - сказал Акула Додсон, слегка подталкивая пачки с деньгами носком сапога. И он окинул задумчивым взглядом мокрые бока своего заморенного коня.

- Старик Боливар почти выдохся, - сказал он с расстановкой. - Жалко, что твоя гнедая сломала ногу.

- Еще бы не жалко, - простодушно ответил Боб, - да ведь с этим ничего не поделаешь. Боливар у тебя двужильный - он нас довезет, куда надо, а там мы сменим лошадей. А ведь, прах побери, смешно, что ты с Востока, чужак здесь, а мы на Западе, у себя дома, и все-таки в подметки тебе не годимся. Из какого ты штата?

- Из штата Нью-Йорк, - ответил Акула Додсон, садясь на валун и пожевывая веточку. - Я родился на ферме в округе Олстер. Семнадцати лет я убежал из дому. И на Запад-то я попал случайно. Шел я по дороге с узелком в руках, хотел попасть в Нью-Йорк. Думал, попаду туда и начну деньги загребать. Мне всегда казалось, что я для этого и родился. Дошел я до перекрестка и не знаю, куда мне идти. С полчаса я раздумывал, как мне быть, потом повернул налево. К вечеру я нагнал циркачей-ковбоев и с ними двинулся на Запад. Я часто думаю, что было бы со мной, если бы я выбрал другую дорогу.

- По-моему, было бы то жк самое, - философски ответил Боб Тидбол. - Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу.

Акула Додсон встал и прислонился к дереву.

- Очень мне жалко, что твоя гнедая сломала ногу, Боб, - повторил он с чувством.

- И мне тоже, - согласился Боб, - хорошая была лошадка. Ну, да Боливар нас вывезет. Пожалуй, нам пора и двигаться, Акула. Сейчас я все это уложу обратно, и в путь; рыба ищет где глубже, а человек где лучше.

Боб Тидбол уложил добычу в мешок и крепко завязал его веревкой. Подняв глаза, он увидел дуло сорокапятикалиберного кольта, из которого целился в него бестрепетной рукой Акула Додсон.

- Брось ты эти шуточки, - ухмыляясь, сказал Боб. - Пора двигаться.

- Сиди, как сидишь! - сказал Акула. - Ты отсюда не двинешься Боб. Мне очень неприятно это говорить, но место есть только для одного. Боливар выдохся, и двоих ему не снести.

- Мы с тобой были товарищами целых три года, Акула Додсон, - спокойно ответил Боб. - Не один раз мы вместе с тобой рисковали жизнью. Я всегда был с тобою честен, думал, что ты человек. Слышал я о тебе кое-что неладное, будто бы ты убил двоих ни за что ни про что, да не поверил. Если ты пошутил, Акула, убери кольт и бежим скорее. А если хочешь стрелять - стреляй, черная душа, стреляй, тарантул!

Лицо Акулы Додсона выразило глубокую печаль.

- Ты не поверишь, Боб, - вздохнул он, - как мне жаль, что твоя гнедая сломала ногу.

И его лицо мгновенно изменилось - теперь оно выражало холодную жестокость и неумолимую алчность. Душа этого человека проглянула на минуту, как выглядывает иногда лицо злодея из окна почтенного буржуазного дома.

В самом деле, Бобу не суждено было двинуться с места. Раздался выстрел вероломного друга, и негодующим эхим ответили ему у каменные стены ущелья. А невольный сообщник злодея - Боливар - быстро унес прочь последнего из шайки, ограбившей "Вечерний экспресс", - коню не пришлось нести двойной груз.

Но когда Акула Додсон скакал по лесу, деревья перед ним словно застлало туманом, револьвер в правой руке стал изогнутой ручкой дубового кресла, обивка седла была какая-то странная, и, открыв глаза, он увидел, что ноги его упираются не в стремяна, а в письменный стол мореного дуба.

Так вот я и говорю, что Додсон, глава маклерской конторы Додсон и Деккер, Уолл-стрит, открыл глаза. Рядом с креслом стоял доверенный клерк Пибоди, не решаясь заговорить. Под окном глухо грохотали колеса, усыпительно жужжал электрический вентилятор.

- Кхм! Пибоди, - моргая, сказал Додсон. - Я, кажется, уснул. Видел любопытнейший сон. В чем дело, Пибоди?

- Мистер Уильямс от "Треси и Уильямс" ждет вас, сэр. Он пришел рассчитаться за Икс, Игрек, Зет. Он попался с ними, сэр, если припомните.

- Да, помню. А какая на них расценка сегодня?

- Один восемьдесят пять, сэр,

- Ну вот и рассчитайтесь с ним по этой цене.

- Простите, сэр, - сказал Пибоди, волнуясь, - я говорил с Уильямсом. Он ваш старый друг, мистер Додсон, а ведь вы скупили все Икс, Игрек, Зет. Мне кажется, вы могли бы, то есть... Может быть, вы не помните, что он продал их вам по девяносто восемь. Если он будет рассчитываться по теперешней цене, он должен будет лишиться всего капитала и продать свой дом.

Лицо Додсона мгновенно изменилось - теперь оно выражало холодную жестокость и неумолимую алчность. Душа этого человека проглянула на минуту, как выглядывает иногда лицо злодея из окна почтенного буржуазного дома.

- Пусть платит один восемьдесят пять, - сказал Додсон. - Боливару не снести двоих.

Мадам Бо-Пип на ранчо

Перевод И. Гуровой

У крошки Бо-Пип голосок охрип -
Разбежались ее овечки.
Не надо их звать: все вернутся опять,

Хвосты завернув в колечки.
("Сказка Матери-Гусыни".)

- Тетя Эллен, - весело сказала Октавия, метко швырнув черными лайковыми перчатками в важного персидского кота на подоконнике. - Я - нищая.

- Ты так любишь преувеличивать, дорогая Октавия, - мягко заметила тетя Эллен, опуская газету. - Если у тебя сейчас нет мелочи на конфеты, поищи мой кошелек в ящике письменного стола.

Октавия Бопри сняла шляпу и, обняв руками колени, уселась на низенькой скамеечке рядом с креслом своей тетки. Но и в этом неудобном положении ее тонкая, гибкая фигура, облаченная в модный траурный костюм, не потеряла своей грациозности. Октавия тщетно пыталась придать требуемую обстоятельствами серьезность своему юному, оживленному лицу и сверкающим, жизнерадостным глазам.

- Тетя, милая, дело не в конфетах. Это самая настоящая, ничем не прикрытая скучная нищета: меня ждут платья в рассрочку, чищенные бензином перчатки и, может быть, обеды в час дня. Я только что от моего поверенного, тетя, и: "Подайте, сударыня, бедной обездоленной! Цветы, мадам? Бутоньерку, сударь? Карандаши, сэр, три штуки пять центов - помогите бедной вдове!" Хорошо у меня получается, тетечка? Или я напрасно брала уроки декламации и мое ораторское искусство не поможет мне снискать хлеб насущный?

- Постарайся хоть минуту быть серьезной, дорогая, - сказала тетя Эллен, роняя газету на пол, - и объясни мне, что это значит. Состояние полковника Бопри...

- Состояние полковника Бопри, - прервала Октавия, сопровождая свои слова надлежащим драматическим жестом, - солидно, как воздушный замок. Недвижимость полковника Бопри - ветер, акции полковника Бопри - вода, прибыли полковника Бопри - выбыли. Данной речи не хватает юридических терминов, которые мне только что пришлось выслушивать в течение часа, но в переводе они означают именно это.

- Октавия! - Было заметно, что тетя Эллен обеспокоена. - Я не могу поверить. Он производил впечатление миллионера. И ведь его представили сами де Пейстеры!

Октавия рассмеялась, затем обрела надлежащую серьезность.

- De mortuis nil (1), тетя, даже и конца поговорки. Милейший полковник - какой подделкой он оказался! Свои обязательства я выполнила честно - вот я вся здесь. Статьи: глаза, пальцы, ногти, молодость, старинный род, завидные светские связи, - что и требовалось по контракту. Никаких дутых акций. - Октавия подняла с полу газету. - Но я не собираюсь "хныкать" - так, кажется, называются жалобы на судьбу, когда игра проиграна? - Она спокойно переворачивала страницы газеты. - "Курс акций" - не нужно. "Светские новости" - с этим кончено. Вот моя страница: "Спрос и предложение труда". Посмотрим "предложение". Разве Ван-Дрессеры могут "просить"? Горничные, кухарки, продавщицы, стенографистки...

- Дорогая, - голос тети Эллен дрогнул, - не говори так, прошу тебя. Даже если твои дела в столь плачевном состоянии, остаются мои три тысячи...

Октавия вскочила и запечатлела звонкий поцелуй на нежной восковой щеке чопорной старой девы.

- Тетя, душечка, ваших трех тысяч хватает только на ваш любимый китайский чай и на стерилизованные сливки для кота. Я знаю, что вы будете рады помочь мне, но я предпочту пасть с горних высот, подобно Вельзевулу, а

не бродить, как Пери, у черного хода, пытаюсь услышать музыку. Я буду работать. Другого выхода нет. Я... Ах, я совсем забыла. Кое-что уцелело в катастрофе. Корраль, нет, ранчо в... ах да, в Техасе. Актив, как выразился милейший Бэннистер. Как он был доволен, что может хоть про что-то сказать "свободно от обязательств". Где-то в этих глупых бумагах, которые он заставил меня взять с собой, есть описание ранчо. Я сейчас поищу.

Октавия нашла свою сумку и извлекла из нее длинный конверт с отпечатанными на машинке документами.

- Ранчо в Техасе, - вздохнула тетя Эллен, - по-моему, больше похоже на пассив, чем на актив. Ведь там водятся сколопендры, ковбои и фанданго. (2)

"Ранчо Де Лас Сомбрас, - читала Октавия ядовито-лиловые строчки, - расположено в ста десяти милях к юго-востоку от Сан-Антонио и в тридцати восьми милях от Нопалья, ближайшей железнодорожной станции. Ранчо включает семь тысяч шестьсот восемьдесят акров орошаемых земель, право собственности на которые утверждено патентом штата, и двадцать две квадратных мили, или четырнадцать тысяч восемьдесят акров, частично арендованных на условии ежегодного возобновления аренды, частично купленных на основании акта о двадцатилетней рассрочке. На ранчо восемь тысяч породистых овец-мериносов, необходимое количество лошадей, повозок и прочего оборудования; дом из кирпича, шесть комнат, удобно меблированных согласно с требованиями климата. Все обнесено крепкой изгородью из колючей проволоки.

Теперешний управляющий производит впечатление человека умелого и надежного. В его руках дело, которое сильно пострадало от небрежности и дурного управления, начинает приносить доход.

Эта собственность приобретена полковником Бопри у одного из западных оросительных синдикатов. Право на владение представляется несомненным. При правильном управлении и учитывая естественное возрастание стоимости участка, ранчо Де Лас Сомбрас может стать для своего владельца надежным источником приличного дохода".

Когда Октавия кончила, тетя Эллен издала нечто, настолько напоминавшее презрительное фырканье, насколько это допускается хорошим тоном.

- В этом описании, - заявила она с непреклонной подозрительностью столичной жительницы, - не упоминается ни о сколопендрах, ни об индейцах. И ведь ты никогда не любила баранины, Октавия. Не понимаю, какую пользу ты собираешься извлечь из этой... э... пустыни.

Но Октавия не слышала. Ее глаза смотрели в беспредельную даль, губы полураскрылись, лицо осветилось священным безумием исследователя, беспокойным стремлением искателя приключений. Вдруг она ликующе захлопала в ладоши.

- Проблема разрешается сама собой, тетечка, - вскричала она. - Я поеду на это ранчо. Я буду там жить. Я научусь любить баранину и попробую отыскать положительные стороны в характере сколопендр - на почтительном расстоянии, разумеется. Это как раз то, что мне нужно. Новая жизнь на смену старой, которая кончается сегодня. Это выход, тетя, а не тупик. Подумайте только - скачка по просторам прерий, ветер, треплющий волосы; возвращение к земле, снова сказки растущей травы и диких цветов без названия! Это будет дивно. Как, по-вашему, стать ли мне пастушкой Ватто в соломенной шляпе, с посохом, чтобы отгонять гадких волков от овец, или типичной стриженной девушкой с ранчо на Западе - помните иллюстрации в воскресных газетах? Пожалуй, я предпочту второе, и мое изображение тоже появится в газете - я верхом на лошади, а с седла свисают пумы, сраженные моей рукой. И будет подпись:

"С Пятой авеню в прерии Техаса", - а рядом напечатают фотографии старого особняка Ван-Дрессеров и церкви, где я венчалась. В редакциях нет моего портрета, но его закажут художнику. Я буду дикая, косматая и буду продавать свою шерсть.

- Октавия! - Все возражения, для которых тетя Эллен не находила слов, слились в этом возгласе.

- Ни слова, тетя. Я еду. Я увижу ночное небо, опрокинутое над землей, как крышка огромной масленки. Я опять подружусь со звездами - ведь я не болтала с ними с тех пор, как была совсем крошкой, Я хочу уехать. Мне все надоело. Я рада, что у меня нет денег. Я готова благословить полковника Бопри за это ранчо и простить все его мыльные пузыри. Пусть жизнь там будет трудной и одинокой. Я... Так мне и надо! Мое сердце было закрыто для всего, кроме жалкого тщеславия. Я... Ах, я хочу уехать отсюда и забыть - забыть!

Октавия неожиданно соскользнула на пол, спрятала разгоревшееся лицо в коленях тетки и зарыдала. Тетя Эллен склонилась над ней и погладила каштановые волосы.

- Я не знала, - сказала она мягко. - Этого я не знала. Кто это был, дорогая?

Когда миссис Октавия Бопри, урожденная Ван-Дрессер, сошла с поезда в Непале, она на мгновение утратила ту светскую уверенность, которая отличала каждое ее движение. Город возник совсем недавно и, казалось, был сооружен наспех из неотесанных бревен и хлопающего брезента. И хотя в поведении личностей, слонявшихся по станции, не было ничего вызывающего, чувствовалось, что каждый из граждан города всегда равно готов к нападению и к отпору.

Октавия стояла на платформе у входа на телеграф и пыталась угадать в этой прогуливающейся вразвалку толпе управляющего ранчо Де Лас Сомбрас, которому мистер Бэннистер поручил встретить ее на станции. Пожалуй, вот этот серьезный пожилой человек в синей фланелевой рубашке с белым галстуком. Но нет, он прошел мимо, и когда их взгляды встретились, поспешил отвести глаза, как делают южане при встрече с незнакомой дамой. Управляющий должен был бы сразу найти ее, подумала она, сердясь, что ей приходится ждать. Не так уж много в Непале молодых женщин, одетых в самые модные серые дорожные костюмы.

И вот, пока Октавия выискивала в толпе возможных управляющих, она, вздрогнув от удивления, осознала, что по платформе к поезду спешит Тэдди Уэстлейк, или по крайней мере его загорелый призрак, в шевииотовом костюме, высоких сапогах и в шляпе с кожаной лентой - Теодор Уэстлейк Младший, почти чемпион любительского поло, легкомысленный мотылек и небокоптител, но возмужавший, уверенный в себе Тэдди, более определенный и законченный, чем тот, которого она помнила со времени их последней встречи год тому назад.

Он заметил Октавию почти в тот же момент, круто повернул и с былой непосредственностью направился прямо к ней. Нечто вроде священного трепета охватило Октавию, когда она рассмотрела вблизи его странную метаморфозу. Густой красно-коричневый загар особенно подчеркивал желтые, как солома, усики и серые, как сталь, глаза. Он казался повзрослевшим и почему-то далеким. Но когда он заговорил, это был прежний мальчишка Тэдди. Они были друзьями детства.

- Тэви?! - Его недоумение отказывалось укладываться в связную речь. - Как-что- когда-откуда?

- Поездом, - ответила Октавия, - необходимость-десять минут назад-из дому. Ты испортил себе цвет лица, Тэдди. Ну: как-что-когда-откуда?

- Я работаю неподалеку, - сказал Тэдди, искоса оглядывая платформу, как человек, пытающийся соединить вежливость и долг. - Не заметила ли ты в поезде старую даму с седыми буклями и пуделем, занявшую два места своими свертками и скандалившую с проводником?

- Кажется, нет, - ответила Октавия размышляя. - А ты случайно не заметил высокого человека с седыми усами, одетого в синюю рубаху и кольты, у которого в волосах торчал клочок овечьей шерсти?

- Да сколько угодно, - сказал Тэдди, подавляя симптомы безумия. - А тебе знаком подобный индивид?

- Нет, описание продиктовано воображением. А почему тебя интересует седовласая дама? Твоя знакомая?

- Никогда ее не видел. Портрет создан фантазией. Это владелица ранчо, где я зарабатываю себе на хлеб с маслом - ранчо Де Лас Сомбрас. Я приехал встретить ее по телеграмме поверенного.

Октавия прислонилась к стенке телеграфа. Возможно ли это? И неужели он не знает?

- Ты управляющий этого ранчо? - спросила она растерянно.

- Да, - гордо ответил Тэдди.

- Я миссис Бопри, - сказала Октавия тихо, - только мои волосы никак не завиваются и я была вежлива с проводником.

На мгновение Тэдди стал опять взрослым, чужим и бесконечно далеким.

- Надеюсь, вы извините меня, - сказал он неловко. - Видите ли, я год прожил в прерии. Я не слыхал. Будьте добры, дайте мне ваши квитанции, и я погружу багаж в фургон. Его отвезет Хосе, а мы поедем вперед на двуколке.

Сидя рядом с Тэдди в легкой двуколке, запряженной белоснежной парой диких испанских лошадей, Октавия забыла о прошлом и будущем, замороженная настоящим. Городок остался позади, и они неслась по ровной дороге на юг. Потом дорога исчезла, двуколка помчалась по бескрайнему ковру кудрявой мескитной травы. Стука колес не было слышно. Неутомимые лошади шли ровным галопом. Ветер, напоенный ароматом тысяч акров синих и желтых степных цветов, упоительно свистел в ушах. Возникло пьянящее чувство полета и безграничной свободы. Октавия молчала, охваченная чисто физическим ощущением блаженства. Тэдди, казалось, решал какую-то проблему.

- Я буду называть вас мадама, - сообщил он результат своих размышлений.

- Так вас будут называть мексиканцы - на ранчо работают почти одни мексиканцы. Мне кажется, так будет правильно.

- Превосходно, мистер Уэстлейк, - чопорно сказала Октавия.

- Нет, послушайте, - сказал Тэдди в некотором замешательстве, - это уж слишком, вы не находите?

- Не приставайте ко мне с вашим противным этикетом. Я только-только начала жить. Не напоминайте мне ни о чем искусственном. Почему этот воздух нельзя разливать по бутылкам! Уже ради него одного стоило приехать. Ой, посмотрите, олень!

- Заяц, - сказал Тэдди, не повернув головы.

- Разрешите. Можно, я буду править? - спросила раскрасневшаяся Октавия, глядя на него умоляющими, как у ребенка, глазами.

- С одним условием. Разрешите... Можно, я буду курить?

- Когда угодно! - воскликнула Октавия, торжественно беря вожжи. - А куда мне править?

- Курс - юго-юго-восток, на всех парусах. Видите эту черную точку на горизонте, ниже тех облаков с Мексиканского залива? Это - дубовая роща и

ориентир. Курс - посредине между рощей и холмиком слева. Сейчас я продекламирую вам правила управления лошадьми в прериях Техаса: не распускать вожжи и почаще ругаться.

- Я слишком счастлива, чтобы ругаться, Тэд. Зачем только люди покупают яхты и ездят в салон-вагонах, когда двуколка, пара одров и вот такое весеннее утро могут удовлетворить все земные желания?

- Я попрошу вас, - запротестовал Тэдди, тщето чиркая спичкой о крыло двуколки, - не называть одрами этих обитателей воздуха. Они способны отмахать сто миль за день.

Наконец, ему удалось прикурить сигару от огонька, спрятанного в ладонях.

- Простор! - убежденно заявила Октавия. - Вот откуда это чувство. Теперь я знаю, чего мне не хватало, - простора, пространства, места!

- Для курения, - прозаически заметил Тэдди. - Я люблю курить в двуколке. Ветер вдует и выдует дым из легких, и экономится энергия на затажку.

Они так естественно перешли на старый товарищеский тон, что только постепенно начинали осознавать всю странность своего нового положения.

- Мадама, - спросил удивленно Тэдди, - почему вам пришло в голову покинуть общество и явиться сюда? Или среди высших классов теперь модно проводить сезон на овечьем ранчо вместо Ньюпорта?

- Я разорилась, Тэдди, - беззаботно объяснила Октавия, интересовавшаяся в этот момент только тем, как без ущерба проскочить между грозными штыками "испанского меча" и зарослями чапарраля. - У меня, кроме этого ранчо, не осталось ничего, даже другого дома.

- Послушайте, - сказал Тэдди обеспокоенно, но недоверчиво, - вы шутите?

- Когда мой муж, - сказала Октавия, смущенно комкая последнее слово, - скончался три месяца назад, я считала, что обладаю достаточным количеством земных благ. Его поверенный вдребезги разнес эту теорию в шестидесятиминутной лекции, проиллюстрированной соответствующими документами. А вы ничего не слышали об очередной прихоти золотой молодежи Манхэттена - бросать поло и окна клубов, чтобы стать управляющими на овечьих ранчо в Техасе?

- Что касается меня, это объяснить нетрудно, - не задумываясь, ответил Тэдди. - Мне пришлось взяться за работу в Нью-Йорке для меня работы не было. Поэтому я покружился возле старика Сэндфорда - он был членом синдиката, которому принадлежало ранчо до того, как полковник Бопри его купил, - и получил тут место. Сначала я не был управляющим. Я целые дни мотался в седле, изучая дело в подробностях, пока во всем не разобрался. Я понял причины убытков и сообразил, как можно их избежать И тогда Сэндфорд вручил мне бразды правления. Я получаю сто долларов в месяц и могу сказать - не даром.

- Бедный Тэдди! - улынулась Октавия.

- О нет, мне нравится. Я откладываю половину моего жалования и крепко, как втулка от бочки. Это лучше поло.

- А хватит тут на хлеб, чай и варенье другому изгою цивилизации?

- Весенняя стрижка, - сказал управляющий, - как раз покрывала прошлогодний дефицит Прежде бессмысленные расходы и небрежность были здесь правилом. Осенняя стрижка даст небольшой положительный баланс. В следующем году будет варенье.

Когда в четыре часа дня лошади обогнули пологий холм, поросший

кустарником, и обрушились двойным белоснежным вихрем на ранчо Де Лас Сомбрас. Октавия вскрикнула от восторга. Величественная дубовая роща бросала густую прохладную тень, которой ранчо было обязано своим именем Де Лас Сомбрас - ранчо Теней. Под деревьями стоял одноэтажный дом из красного кирпича. Высокий сводчатый проход, живописно украшенный цветущими кактусами и висячими терракотовыми вазами, делил его пополам. Дом окружала низкая широкая веранда, увитая зеленью, а вокруг тянулись садовый газон и живая изгородь. Позади дома поблескивал на солнце длинный узкий пруд. Дальше виднелись хижины мексиканских батраков, загон для овец, склады шерсти, станки для стрижки. Справа простирались невысокие холмы с темными пятнами зарослей чапаррала, слева - безграничная зеленая прерия сливалась с голубыми небесами.

- Какая прелесть, Тэдди, - прошептала Октавия. - Я... Я приехала домой.

- Не так уж плохо для овечьего ранчо, - согласился Тэдди с извинительной гордостью. - Я здесь кое-что подштопал в свободное время.

Откуда-то из травы выскочил мексиканский юноша и занялся лошадьми. Хозяйка и управляющий вошли в дом.

- Это миссис Макинтайр, - сказал Тэдди, когда навстречу им на веранду вышла добродушная, аккуратная старушка. - Миссис Мак, это наша хозяйка. С дороги ей, наверное, не повредит тарелка бобов и кусок бекона.

Подобные наветы на продовольственные ресурсы ранчо вызвали у миссис Макинтайр, экономки и такой же неотъемлемой принадлежности усадьбы, как пруд или дубы, вполне понятное негодование, которое она как раз собиралась излить, когда Октавия заговорила.

- О миссис Макинтайр, не извиняйтесь за Тэдди. Да, я зову его Тэдди. Так его зовут все, кто знает, что его нельзя принимать всерьез. Мы с ним играли в бирюльки и вырезали бумажные кораблики еще в незапамятные времена. Никто не обращает внимания на его слова.

- Да, - сказал Тэдди, - никто не обращает внимания на его слова при условии, что он их больше повторять не будет.

Октавия бросила на него быстрый лукавый взгляд из-под опущенных ресниц, взгляд, который Тэдди когда-то называл ударом в челюсть. Но загорелое обветренное лицо хранило простодушное выражение, и нельзя было предположить, что Тэдди на что-то намекает. Несомненно, думала Октавия, он забыл.

- Мистер Уэстлейк любит пошутить, - заметила миссис Макинтайр, сопровождая Октавию в комнаты. - Но, - прибавила она лояльно, - здешние обитатели всегда принимают к сведению его слова, когда он говорит серьезно. Не могу представить, во что превратилось бы это место без него.

Для хозяйки ранчо были приготовлены две комнаты в восточном крыле дома. Когда она вошла, ее охватило уныние - такими пустыми и голыми они показались ей, - но она быстро сообразила, что климат здесь субтропический, и оценила продуманность меблировки. Большие окна были распахнуты, и белые занавески бились в морском бризе, лившемся через широкие жалюзи. Прохладные циновки устилали пол, глубокие плетеные кресла манили отдохнуть, стены были оклеены веселыми светло-зелеными обоями. Целую стену гостиной закрывали книги на некрашеных сосновых полках. Октавия сразу кинулась к ним. Перед ней была хорошо подобранная библиотека. Ей бросились в глаза заголовки романов и путешествий, совсем недавно вышедших из печати.

Сообразив, что подобная роскошь как-то не вяжется с глушью, где царят баранина, сколопендры и лишения, она с интуитивной женской подозрительностью начала просматривать титульные листы книг. На каждом томе широким росчерком

было написано имя Теодора Уэстлейка Младшего.

Октавия, утомленная дорогой, в этот вечер легла спать рано. Она блаженно отдыхала в белой прохладной постели, но сон долго не приходил. Она прислушивалась к незнакомым звукам, мешавшим ей своей новизной: к отрывистому тьяканью койотов, к неумолчной симфонии ветра, к далекому кваканью лягушек у пруда, к жалобе концертино в мексиканском поселке. Ее сердце теснили противоречивые чувства - благодарность и протест, успокоенность и смятение, одиночество и ощущение дружеской заботы, счастье и старая щемящая боль.

И она, как всякая другая женщина на ее месте, искала и нашла облегчение в беспричинном потоке сладких слез, а последние слова, которые она пробормотала засыпая, были: "Он забыл".

Управляющий ранчо Де Лас Сомбрас не был дилетантом. Он был "работягой". Дом еще спал, а он уже отправлялся в утренний объезд стад и лагерей. Это было, собственно говоря, обязанностью главного объездчика, старика мексиканца с внешностью и манерами владетельного князя, но Тэдди, судя по всему, предпочитал полагаться на собственные глаза. Если не было спешной работы, он обычно возвращался к восьми часам и завтракал с Октавией и миссис Макинтайр за маленьким столом, накрытым на центральной веранде. Он приносил с собой веселье, живительную свежесть и запах прерий.

Через несколько дней после приезда он заставил Октавию достать амазонку и укоротить ее, насколько это требовалось из-за колючих зарослей.

С некоторой опаской Октавия надела амазонку и кожаные гетры, также предписанные Тэдди, и на горячей лошадке отправилась с ним обзирать свои владения. Он показал ей все: стада овец и баранов, пасущихся ягнят, чаны для замачивания шерсти, станки для стрижки, отборных мериносов на особом пастбище, водоемы, приготовленные к летней засухе, - и отчитывался в своем управлении с неугасающим мальчишеским энтузиазмом.

Куда девался прежний Тэдди, которого она так хорошо знала? Эту черту мальчишества она всегда любила в нем. Но теперь, кроме этой черты, как будто ничего и не осталось. Куда исчезли его сентиментальность, его прежнее изменчивое настроение то бурной влюбленности, то изысканной рыцарской преданности, то душераздирающего отчаяния, его нелепая нежность и надменное безразличие, вечно сменявшие друг друга? Он был тонкой, почти артистической натурой. Она знала, что этому великосветскому спортсмену-щеголю свойственны более высокие стремления. Он писал стихи, он немного занимался живописью, он разбирался в искусстве, и когда-то делился с ней всеми мыслями и надеждами. Но теперь - ей пришлось это признать - Тэдди забаррикадировал от нее свой внутренний мир, и она видела только управляющего ранчо Де Лас Сомбрас и веселого товарища, который простил и забыл. Почему-то ей вспомнилось описание ранчо, составленное мистером Бэннистером: "Все обнесено крепкой изгородью из колючей проволоки".

"Тэдди тоже огорожен", - сказала себе Октавия.

Ей было нетрудно догадаться, почему он воздвиг свои укрепления. Все началось на балу у Хэммерсмитов. Незадолго до этого она решила принять полковника Бопри и его миллионы - цену совсем не высокую при ее наружности и связях в самых недоступных сферах. Тэдди сделал ей предложение со всей свойственной ему стремительностью и пылкостью, а она поглядела ему прямо в глаза и сказала неумолимо и холодно: "Прошу никогда больше не говорить мне подобной чепухи". - "Хорошо", - сказал Тэдди с новым, чужим выражением - и теперь Тэдди был обнесен крепкой изгородью из колючей проволоки.

Во время первой поездки по ранчо на Тэдди снизошло вдохновение, и он окрестил Октавию "Мадам Бо-Пип" по имени девочки из "Сказок Матери-Гусыни". Прозвище, подсказанное сходством имен и занятий, показалось ему необычайно удачным, и он называл ее так постоянно. Мексиканцы на ранчо подхватили это имя, прибавив лишний слог, так как не могли произнести конечного "п", и вполне серьезно величали Октавию "ла мадама Бо-Пиппи". Постепенно это прозвище прижилось в округе, а название "ранчо Бо-Пип" употреблялось не реже, чем "ранчо Де Лас Сомбрас".

Наступил долгий период жары между маем и сентябрем, когда на ранчо работы мало. Октавия проводила дни, вкушая лотос. Книжки, гамак, переписка с немногими близкими подругами, новый интерес к старой коробке акварельных красок и мольберту помогали коротать душные дневные часы. А сумерки всегда приносили радость. Лучшее всего была захватывающая скачка с Тэдди в лунном свете по овечьим ветром просторам, когда их общество составляли только парящий лунь или испуганная сова. Часто из поселка приходили мексиканцы с гитарами и пели заунывные, надрывающие душу песни. Иногда - долгая уютная болтовня на прохладной веранде, бесконечное состязание в остроумии между Тэдди и миссис Макинтайр, чье шотландское лукавство нередко одерживало верх над веселой шутливостью Тэдди.

Вечера сменяли друг друга, складываясь в недели и месяцы, - тихие, томные, ароматные вечера, которые привели бы Стрефону к Хлое (3) через любые колючие изгороди, вечера, когда, возможно, сам Амур бродил, крутя лассо, по этим зачарованным пастбищам, но ограда Тэдди оставалась крепкой.

Как-то июньским вечером мадам Бо-Пип и ее управляющий сидели на восточной веранде. Тэдди долго строил научные прогнозы относительно продажи осеннего настрига по двадцать четыре цента и, истощив все возможные предположения, окутался анестезирующим дымом гаванской сигары. Только такой непросвещенный наблюдатель, как женщина, мог столько времени не замечать, что по крайней мере треть жалования Тэдди улетучивается с дымом этих импортных регалий.

- Тэдди, - неожиданно и довольно резко сказала Октавия, - что вам дает работа на ранчо?

- Сто в месяц, - без запинки ответил Тэдди, - и полное содержание.

- Я думаю, мне следует вас уволить.

- Не выйдет, - ухмыльнулся Тэдди.

- Почему это? - запальчиво осведомилась Октавия.

- Контракт. По условиям продажи вы не имеете права, расторгать ранее заключенные контракты. Мой истекает в двенадцать часов ночи тридцать первого декабря. В ночь на первое января вы можете встать и уволить меня. А если вы попытаетесь сделать это раньше, у меня будут все законные основания для предъявления иска.

Октавия, видимо, взвешивала последствия такого шага.

- Но, - весело продолжал Тэдди, - я сам подумываю об отставке.

Качалка его собеседницы замерла. Октавия ясно почувствовала, что кругом повсюду сколопендры, и индейцы, и громадная, безжизненная, унылая пустыня. А за ними - изгородь из колючей проволоки. Кроме ван-дрессеровской гордости, существовало и ван-дрессеровское сердце. Она должна узнать, забыл он или нет.

- Конечно, Тэдди, - заметила она, разыгрывая вежливый интерес, - здесь очень одиноко и вас влечет прежняя жизнь - поло, омары, театры, балы.

- Никогда не любил балов, - добродетельно возразил Тэдди.

- Вы стареете, Тэдди. Ваша память слабеет. Никто не видел, чтобы вы пропустили хоть один бал, разве что вы танцевали в это время на другом. И вы пренебрегали правилами хорошего тона, слишком часто приглашая одну и ту же даму. Как звали эту Форбс - ту, пучеглазую? Мэйбл?

- Нет, Адель. Мэйбл - это та, у которой острые локти. И Адель совсем не пучеглазая - это ее душа рвется наружу. Мы беседовали о сонетах и Верлене. Я тогда как раз пытался пристроить желобок к Кастальскому ключу.

- Вы танцевали с ней, - упорствовала Октавия, - пять раз у Хэммерсмитов.

- Где у Хэммерсмитов? - рассеянно спросил Тэдди.

- На балу, - ядовито сказала Октавия. - О чем мы говорили?

- Насколько я помню, о глазах, - ответил Тэдди после некоторого размышления. - И о локтях.

- У этих Хэммерсмитов, - продолжала Октавия милую светскую болтовню, подавив отчаянное желание выдрать клочок выгоревших золотистых волос из головы, уютно покоившейся на спинке шезлонга, - у этих Хэммерсмитов было слишком много денег Рудники, кажется? Во всяком случае что-то, приносившее сколько-то с тонны. В их доме было невозможно получить стакан простой воды - вам непременно предлагали шампанское. На этом балу всего было сверх меры.

- Да, - сказал Тэдди.

- А сколько народу! - продолжала Октавия, сознавая, что впадает в восторженную скороговорку школьницы, описывающей свое первое появление в свете. - На балконах было жарче, чем в комнатах. Я... что-то потеряла на этом балу.

Тон последней фразы был рассчитан на то, чтобы обезвредить целые мили колючей проволоки.

- Я тоже, - признался Тэдди, понизив голос.

- Перчатку, - сказала Октавия, отступая, как только враг приблизился к ее траншеям.

- Касту, - сказал Тэдди, отводя свой авангард без малейших потерь. - Я весь вечер общался с одним из хэммерсмитовских рудокопов. Парень не вынимал рук из карманов и, как архангел, вещал о циановых заводах, штреках, горизонтах и желобах.

- Серую перчатку, почти совсем новую, - горестно вздохнула Октавия.

- Стоящий парень этот Макардл, - продолжал Тэдди одобрительным тоном. - Человек, который ненавидит анчоусы и лифты, который грызет горы, как сухарики, и строит воздушные туннели, который никогда в жизни не болтал чепухи. Вы подписали заявление о возобновлении аренды, мадама? К тридцать первому оно должно быть в земельном управлении.

Тэдди лениво повернул голову. Кресло Октавии было пусто.

Некая сколопендра, проползая путем, начертанным судьбой, разрешила ситуацию. Случилось это рано утром, когда Октавия и миссис Макинтайр подрезали жимолость на западной веранде, Тэдди, получив известие, что ночная гроза разогнала стадо овец, исчез еще до рассвета.

Сколопендра, ведомая роком, появилась на полу веранды и затем, когда визг женщин подсказал ей дальнейшие действия, со всех своих желтых ног бросилась в открытую дверь крайней комнаты-комнаты Тэдди. За нею, вооружившись домашней утварью, отобранной по принципу длины, и теряя драгоценное время в попытках занять арьергардную позицию, последовали Октавия и миссис Макинтайр, боязливо подбирая юбки.

В комнате сколопендры не было видно, и ее грядущие убийцы принялись за

тщательные, хотя и осторожные поиски своей жертвы.

Но и в разгаре опасного и захватывающего приключения Октавия, очутившись в святилище Тэдди, испытывала трепетное любопытство. В этой комнате сидел он наедине со своими мыслями, которыми он теперь ни с кем не делился, и мечтами, которые он теперь никому не поверял.

Это была комната спартанца или солдата. Один угол занимала широкая брезентовая койка, другой - небольшой книжный шкаф, третий - грозная стойка с винчестерами и дробовиками. У стены стоял огромный письменный стол, заваленный корреспонденцией, справочниками и документами.

Сколопендра проявила гениальные способности, ухитрившись спрятаться в этой полупустой комнате Миссис Макинтайр тыкала ручкой метлы под книжный шкаф. Октавия подошла к постели. Тэдди второпях оставил комнату в полном беспорядке. Горничная-мексиканка не успела ее убрать. Большая подушка еще хранила отпечаток его головы. Октавию осенила мысль, что отвратительное создание могло забраться на постель и спрятаться там, чтобы укусить Тэдди, ибо сколопендры жестоко мстят управляющим, где только могут.

Октавия осторожно перевернула подушку и чуть было не позвала на помощь - там лежало что-то длинное, тонкое, темное. Но она вовремя удержалась и схватила перчатку - серую перчатку, безнадежно измятую - надо полагать, за те бесчисленные ночи, которые она пролежала под подушкой человека, забывшего бал у Хэммерсмитов. Тэдди, должно быть, так торопился утром, что на этот раз забыл скрыть ее в дневном тайнике. Даже управляющие, люди, как известно, хитрые и изворотливые, иногда попадаютсся.

Октавия спрятала серую перчатку за корсаж утреннего летнего платья. Это была ее перчатка. Люди, которые окружают себя крепкой изгородью и помнят бал у Хэммерсмитов только по разговору с рудокопом о штреках, не имеют права владеть подобными предметами.

Но все-таки какой рай эти прерии! Как они цветут и благоухают, когда находится то, что давно считалось потерянным! Как упоителен бьющий в окна свежий утренний ветерок, напоенный дыханием желтых цветов ратамы! И разве нельзя постоять минутку с сияющими, устремленными вдаль глазами, мечтая о том, что ошибку можно исправить?

Почему миссис Макинтайр так нелепо тычет повсюду метлой?

- Нашла, - сказала миссис Макинтайр, хлопая дверью. - Вот она.

- Вы что-нибудь потеряли? - спросила Октавия с вежливым равнодушием.

- Гадина! - яростно воскликнула миссис Макинтайр. - Разве вы о ней забыли?

Двоем они уничтожили сколопендру. Такова была ее награда за то, что с ее помощью вновь отыскалось все потерянное на балу у Хэммерсмитов.

Очевидно, Тэдди не забыл о перчатке и, вернувшись на закате, предпринял тщательные, хотя и тайные поиски. Но нашел он ее только поздно вечером, на залитой лунным светом восточной веранде. Перчатка была на руке, которую он считал навеки для себя потерянной, и поэтому он решил повторить некую чепуху, повторять которую ему когда-то строго запретили. Ограда Тэдди рухнула.

На этот раз тщеславие не стояло на пути, и любовный дуэт прозвучал так естественно и успешно, как и должно быть между пылким пастухом и нежной пастушкой.

Прерии превратились в сад, ранчо Де Лас Сомбрас стало ранчо Света.

Через несколько дней Октавия получили от мистера Бэннистера ответ на письмо, в котором она просила его выяснить некоторые вопросы, связанные с

ранчо. Вот часть этого письма:

"Я не совсем понял ваше упоминание об овечьем ранчо. Через два месяца после вашего отъезда было установлено, что означенное ранчо не являлось собственностью полковника Бопри, поскольку документально было доказано, что перед смертью оно было им продано. Об этом мы сообщили вашему управляющему мистеру Уэстлейку, который незамедлительно перекупил таковое. Не представляю себе, каким образом этот факт мог остаться неизвестным вам. Прошу вас незамедлительно обратиться к вышеупомянутому джентльмену, который по крайней мере подтвердит мое сообщение".

Когда Октавия разыскала Тэдди, она была настроена очень воинственно.

- Что вам дает работа на ранчо? - повторила она свой прежний вопрос.

- Сто... - начал было Тэдди, но увидел по ее лицу, что ей все известно.

В ее руке было письмо мистера Бэннистера, и он понял, что игра кончена.

- Это мое ранчо, - признался он, как уличенный школьник. - Чего стоит управляющий, который со временем не вытеснит своего хозяина?

- Почему ты здесь работаешь? - упорствовала Октавия, тщетно пытаясь подобрать ключ к загадке Тэдди.

- Говоря начистоту, Тэви, - сказал Тэдди с невозмутимой откровенностью, - не ради жалованья. Его только-только хватало на табак и на крем от загара. На юг меня послали доктора. Правое легкое что-то захандрило из-за переутомления от гимнастики и поло. Мне требовался климат, озон, отдых и тому подобное.

Мгновенно Октавия очутилась в непосредственной близости от пораженного органа. Письмо мистера Бэннистера соскользнуло на пол.

- Теперь... теперь оно здорово, Тэдди?

- Как мескитный пень. Я обманул тебя в одном. Я заплатил пятьдесят тысяч за твое ранчо, как только узнал, что твое право владения не действительно. Примерно такая сумма накопилась на моем счету в банке, пока я тут пас овец, и практически ранчо досталось мне даром. Тем временем там еще выросли проценты, Тэви. Я подумываю о свадебном путешествии на яхте с белыми лентами по мачтам в Средиземное море, потом к Гебридам, а оттуда в Норвегию и до Зюдерзее.

- А я думала, - шепнула Октавия, - о свадебном галопе с моим управляющим среди овечьих стад и о свадебном завтраке с миссис Макинтайр на веранде и, может быть, с веточкой флер-д'оранжа в красной вазе над столом.

Тэдди рассмеялся и запел:

У крошки Бо-Пип голосок охрип -

Разбежались ее овечки

Не надо их звать: все вернутся опять...

Октавия притянула его к себе и что-то шепнула. Но говорила она совсем о других колечках.

1) - "О мертвых ничего..." - начало латинской поговорки "О мертвых ничего, кроме хорошего".

2) - Испанский танец.

3) - Герои пастушеской поэмы Филиппа Сиднея "Аркадия"